

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р
И Н С Т И Т У Т   И С Т О Р И И   М А Т Е Р И А Л Ь Н О Й   К У Л Ь Т У Р Ы

К . В . Т Р Е В Е Р

О Ч Е Р К И

П О И С Т О Р И И И К У Л Ь Т У Р Е

К А В К А З К О Й

А Л Б А Н И И

IV в. до н.э. - VII в. н.э.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА - ЛЕНИНГРАД
1959

ВВЕДЕНИЕ

В настоящей работе сделана попытка показать в той мере, в какой это позволяют источники, картину политической истории и культурной жизни албанов, одного из трех основных древних народов Закавказья, наименее известного и очень мало изученного, хотя он является одним из предков народов закавказского Азербайджана и горного Дагестана.

Письменные источники, западные и восточные, во взаимосвязи с данными археологических исследований, которые в настоящее время ведутся в Азербайджане и Дагестане, свидетельствуют о древней и высокой культуре населявших Албанию народностей.

Свою культуру, выросшую на древних местных корнях и слагавшуюся во взаимосвязи с культурой других народов Закавказья и Северного Кавказа, албаны продолжали развивать на всем протяжении своей исторической жизни, хотя она и была насыщена непрестанной и тяжелой борьбой, которую им приходилось вести совместно с народами Армении и Грузии, защищая свою независимость.

В данных «Очерках» рассматривается история и культура албанов с IV в. до н. э. — со времени первого засвидетельствованного письменными источниками их выступления на исторической арене — и до VII в. н.э. когда завоевание Закавказья арабами положило конец государственности Албании, но не ее культурной жизни. О последнем можно судить по литературным свидетельствам армянских и арабских писателей.

Неравномерность освещения исторического процесса письменными источниками и недостаточная пока археологическая изученность Азербайджана и Дагестана не дают возможности с должной полнотой показать весь ход развития исторической жизни Албании. Очерк политической и культурной жизни албанов дается лишь в той мере, в какой это позволяют конкретные данные, извлекаемые из письменных и вещественных источников.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Греческие и латинские источники

В письменных источниках, греческих и латинских, о Кавказской Албании и албанах говорится во всех случаях, когда речь идет о народах Кавказа. Хотя албаны впервые появляются на исторической арене уже в IV в. до н. э., как об этом сообщает Арриан, историк II в. н. э.,¹ но начинают о них писать античные авторы только с I в. до н. э. Следует отметить, что ни один из этих историков и географов не пользовался данными восточных источников, знакомство с которыми могло бы обогатить и уточнить собранные ими сведения.²

Больше всего внимания уделил албанам Страбон (65 г. до н. э.— 21 г. и. э.), писавший свою «Географию»³ вскоре после того, как западный мир впервые столкнулся с албанамн во время походов Лукулла и Помпея на Кавказ (66—65 гг.), когда римские легионы, преследуя бежавшего в Боспор понтийского царя Митридата, побывали и на территории Кавказской Албании. Спутники Помпея составили описание этих походов, но до нас их труды не дошли; мы знаем о них по отдельным упоминаниям или извлечениям из их сочинений у других авторов.

При пользовании имеющимися у Страбона данными следует учитывать, что, пользуясь различными источниками, он перемещал иногда материалы, сокращая и опуская отдельные сведения. По

¹ Об этом см. ниже, стр. 52 и сл.

² «Несмотря на тесное сближение с Бостоном, греки не создали востоковедения», — пишет В. В. Бартольд (История изучения Бостона в Европе и Россия. Л., 1925, стр. 43—44). Слова «восточный» и «Восток», отмечает В. В. Бартольд, впервые встречаются у римских авторов: *res orientales* — у Трога Помпен (конец

I в. до н. э.—начало в. э.) и *Oriens* — у Тацита (55—120 гг.).

³ Греческий текст «Географии» Страбона был впервые издан в Риме в 1469г.

Русский перевод Ф. Г Мищенко был издан в 1879 г. Последнее европейское издание текста вышло в издании: *Loeb Classical Library, Cambridge—Mass.— London, 1944—1954.*

Введение

Вопросы о культурной близости древней Мидии и Албании, а также об их этнических связях в данной работе не рассматриваются ввиду ограничения ее задачи определенными хронологическими рамками, за пределами которых протекают упомянутые процессы.

Археологический материал привлекается лишь в той мере, в какой это позволяет наличие изданного уже материала, т. е. тех немногих (сравнительно с общим их количеством) памятников, краткое описание и изображения которых нашли себе место в изданных работах археологов Азербайджана и Дагестана.

Изучение исторического и культурного прошлого Кавказской Албании восполняет общую картину сложения исторических судеб народов Закавказья и, выявляя их взаимное культурное воздействие, позволяет в то же время судить о специфических особенностях исторического процесса и развития культуры Албании.

Происхождение названия «Албания» (в передаче греческих и латинских авторов) и «Алванк» (в армянской передаче) до сих пор остается невыясненным. Осложняется, казалось бы, вопрос тем, что это же название носит страна на Балканах, что этот термин имеется в топонимике Италии и Шотландии. Объяснение происхождения этого термина от латинского «*albus*» — «белый» и приписывание римлянам создания этого наименования не обосновано; римляне могли местному названию только придать латинское звучание.

На рубеже V и VI вв. армянский историк Моисей Хоренский пытался объяснить происхождение названия «Алванк», ссылаясь на имя, которое носил легендарный родоначальник рода Сисака, которому при распределении северных стран «выпала в наследство Албанская равнина с ее горной частью, начиная от реки Ерасх (Аракс) до крепости, называемой Хнаракерт,¹ и ... страна эта по кротости нрава Сисака названа Алванк, так как ему самому название было Алу».² Это же объяснение повторяет и албанский историк VII в. Моисей Каланкатуйский; он приводит и имя этого представителя из рода Сисакан — Аран, «который наследовал поля и горы Алванк».³

Следует упомянуть в этой связи не лишнее интереса предположение азербайджанского историка А. К. Бакиханова, который еще в начале прошлого века поставил вопрос: не может ли в этни-

¹ Хнаракерт — город на Куре, около границ, Иберии.

² М о и с е й Х о р е н с к и й . История Армении, кн. II, гл. 8. Перевод Н. О. Эмина, М., 1893. — Н. О. Эмин в примечании к этому тексту поясняет, что по этимологии Хоренского «Алу (Аху)» значит «приятный», «кроткий» (стр. 245, прим. 149).

³ М о и с е й К а л а н к а т у й с к и й . История Албании. Перевод К. Патканова СПб., 1861, кн. I, гл. 4. —См. ниже, стр. 135 и сл.

ческом термине «албаны» заключаться понятие «белые» (лат. albi) в смысле «свободные».¹ Он ссылается при этом на Константина Порфирородного (X в.), который употреблял термин «белые сербы», говоря о «свободных, непокоренных».²

Существует еще одна гипотеза — предположение Н. Я. Марра о том, что слово «Албания», как и название «Дагестан», обозначает «страна гор»; принимая во внимание, что Балканская Албания, как и Шотландия,³ является страной горной, это объяснение Н. Я. Марра представляется довольно убедительным.

¹ Абас-Кули-ага (Кудси) Б а к и х а н о в . Гюлистан-Ирам. Изд. Общества носителей, и изуч. Азербайджана, вып. 4, Баку, 1926, стр. 9.

² Константин Порфирородный (О пародах. М., 1899, стр. 126) пишет: «Сербы происходят от некрещенных сербов, называемых также Белыми. . . С ними граничит. . . и Великая Хорватия, некрещеная, которая называется также Белой)». «Некрещенные» народы, по Константину Порфирородному, это, видимо, «непокоренные», которых предстояло покорить и окрестить.

³ Древнее кельтское название Шотландии было «Албания» (The Encyclopaedia Britannica, vol. II. Cambridge, 1910, p. 487). Следует отметить, что самый большой из шотландских гористых островов носит название «Арран» (The Encyclopaedia Britannica, vol. II, p. 644), а наименование Албании со времен завоевания ее арабами, как известно, «Арран». Слово «Альпы» происходит от кельтского слова «alp», «alb» — «гора», «высокий»; само название балканских албанцев — «шкипетары», т. е. обитатели скал. Интересно замечание Аммиана Марцеллина (кн. 31, гл. 2, 13) об аланах, «получивших свое имя от гор».

мнению Э. Хонигманна,¹ Страбона мало интересовали «варварские» народы, имена которых он избегал произносить чем, видимо, и объясняется, что мы у него перечисления албанских племен не находим.

Описывая походы Помпея, Страбон неоднократно ссылается на Феофана Митиленского; он упоминает также Посидония, друга и историографа Помпея.³ Однако сведениями Посидония Страбон не пользовался, считая их недостаточно точными. Более достоверными ему казались труды Эратосфена, использованные им в ряде глав. Но этот писатель очень мало знал о Закавказье, так как имеющиеся у него сведения о Каспийском море были взяты им из отчета Патрокла, ценнейшего источника по древней Албании, полностью до нас не дошедшего. Пользуясь выписками из Патрокла, которые имелись у Эратосфена, Страбон приходил, как говорит Э. Хонигманн, к «несправедливым и легковёрным обобщениям».⁷ Но тем не менее нельзя не согласиться с М. И. Ростовцевым,⁸ называющим Страбона спасителем драгоценных остатков из трудов Феофана из Митилены и Кв. Деллия, «среди которых жемчужинами являются картины быта и строя Иверии и Албании (не без примеси влияния эллинистической социальной утопии)». Страбону мы должны быть благодарны за то, «что он так плохо прикраивал один к другому лоскутки, взятые им у писателей разных времен и разных направлений».⁹ Благодаря тому, что «лоскутки плохо прикроены», исследователю легче в них разобраться и правильно использовать.

Сведения о примитивном характере общественно-экономических отношений в среде албанов, которые имеются у Страбона и которые он черпал из сочинений Феофана Митиленского, спутника Помпея в 66—65 гг. во время его похода в страны Закавказья, обычно относят именно к I в. до н. э., не учитывая одного очень важного обстоя-

¹ E. Honigmann. Strabo. PWK, S. 103.

² Страбон. География, кн. XVI, гл. 4, 18 (С. 777).

³ Труды Посидония Родосского (135—51 гг.) до нас не дошли, они известны вам по ссылкам на них у других авторов (K. Reinhardt. 1) Poseidonios. Munchen, 1921; 2) Poseidonios. PWK; F. Jacoby. Fragmente der griechischen Historiker. 1923—1943).

⁴ E. Honigmann, I. c., S. 107.

⁵ Эратосфен из Кирены (276—194 гг.), см.: Berger. Die geographischen Fragment des Eratosthenes. Leipzig, 1880.

⁶ См. ниже, стр. 56 и сл.

⁷ E. Honigmann, I. c., S. 137.

⁸ М. И. Ростовцев. Скифия и Босфор. Л., 1925, стр. 9—10.

⁹ Б. А. Тураев высоко оценивал Страбона, особенно главы, посвящены Востоку, в которых усматривал «много ценного материала, не только географического, но и исторического, особенно для эпохи, современной автору (I в. до а. э.)», и считал его труд «не компиляцией, а критическим научным сочинением» (История древнего Востока, т. I. Л., 1936, стр. 18).

Источники и литература

тельства. Ведь те сведения, которые изложил в своем труде Феофан, могли быть результатом не только его собственных наблюдений во время похода, но и компиляцией всего того, что в его время было известно о прикаспийских племенах и народностях за предшествующий период, и, вероятно, тех сведений, которые были приведены участниками двух экспедиций, исследовавших прикаспийские области, а именно Гераклидом, по поручению Александра Македонского в 323 г. до н. э.; а затем Патроклом при Селевке I в 290—281 гг.

Феофан Митиленский безусловно мог иметь случай сам видеть албанских воинов, тяжелое вооружение которых (панцири, щиты, луки, копья, кинжалы) должно было бы свидетельствовать о высоком уровне развития ремесел в албанском обществе. Но в напряженной военной обстановке, когда население несомненно пряталось от римлян, стремительно преследовавших быстро уходившего от них Митридата, Феофан едва ли мог найти возможность для спокойного, детального ознакомления с бытом, нравами и обычаями местного населения. Более чем вероятно, что эти сведения были собраны не Феофаном, а за несколько веков до него и вероятнее всего Патроклом или его спутниками, а им, Феофаном, они были использованы для завершения характеристики той страны и того народа, который римляне рассчитывали со временем себе подчинить.

Дальнейшая работа по углубленному изучению письменных источников и результаты ведущихся и еще предстоящих раскопок на территории Албании внесут, наверное, ясность в вопрос о характере албанского общества в период от I в. до н. э. и до III в. н. э., но и сейчас уже, мне кажется, возможно говорить о том, что характеристика, даваемая Страбоном, в основной своей части должна относиться не к I в. до н. э., а к более раннему времени — к IV—III вв. до н. э. и, по-видимому, к определенной части населения.»

Историю похода Антония ла Кавказ в 36 г. до н. э., в том числе и против албанов, составил сопровождавший полководца его друг историк Деллий.¹ Труд его, до нас не дошедший, высоко ценился и Страбоном, и Плутархом. _ К тому времени, когда писал Страбон, т. е. на рубеже I в. до н. э. и I в. н. э. и в первые десятилетия нашей эры, относятся упоминания Албании у автора «Римской истории» — Тита Ливия (59 г. до н. э.—17 г. н. э.), а также в двуязычной (греческой и латинской) надписи, высеченной при императоре Августе в Анкире (Анкара).

Об Албании и албанах в I в. в. э. писал или их упоминал целый ряд авторов. Первое место среди них занимает Плиний Старший

¹ См. стр. 56 и сл.

² Страбон, кн. ХГ, гл. 13, 3 (С. 523).

³ Плутарх. Антоний, гл. 59.

Источники и литература

(23—7У г.), «Естественная история» которого, носящая энциклопедический характер (в ней использованы труды 327 греческих и 146 римских авторов, в большинстве до нас не дошедшие), дает ряд ценнейших сведений о природе, населении и быте албанов. Писавший в это же время Помпоний Мела тоже пользовался старыми источниками, в том числе и трудами Варрона (116—27 г.), к которым прибегал и Плиний, касаясь вопросов географии и мореплавания. Ряд сведений можно почерпнуть у Иосифа Флавия (автора «Иудейской войны» и «Древностей иудейских»), описывавшего современные ему события I в. п. э., а также у Юлия Фронтинана и др.

К началу II в. н. э. относятся как сочинения замечательного римского историка Тацита (55—120 г.), в своих «Анналах» и «Истории» сохранившего нам ряд ценных сведений об Албании, так и некоторые данные в «Жизнеописании цезарей» Светония.

Из числа авторов II в. н. э. в первую очередь должен быть назван Птолемей (70[^]—147 г.), астроном и географ, сведения которого особенно ценны, хотя он, как и Плиний, писал о Кавказе, основываясь на данных, имевшихся в сочинениях писателей, более/ или менее хорошо осведомленных в географии Албании. Так, им¹ были использованы собранные Марком Тирским (конец I в. и. э.) сведения, полученные благодаря сухопутной и морской торговле,¹ и его карта с описанием главным образом побережий. В труде Птолемея, снабженном картой, даются не только названия 28 албанских городов и селений, рек и горных проходов, но указываются и их географические координаты, что могло бы иметь исключительно большое значение, если бы Птолемей не «принял неудачную цифру длины земной окружности» и дал поэтому неверную величину градуса (в 400 стадий) по родосской параллели.²

В жизнеописаниях Лукулла, Помпея и Антония Плутарх (II в. н. э.) описывает их походы на Кавказ, в частности сообщает ряд сведений, связанных с их деяниями на территории Албании. Отдельные отрывочные данные об Албании и ее населении мы находим и у других писателей II в. н. э. (Арриан, Аппиан, Элий Гордиан, Юстин, Флор и др.).

На рубеже II и III вв. писал Кассий Дион (165—235 г.); в своей «Римской истории», доведенной до 229 г., он касается между прочим и событий, связанных с походами римлян на Кавказ, их пребывания на территории Албании.

Отдельные сведения об Албании имеются у авторов III в., Солина и Ипполита Порфиропа, а также у писавших в IV—V вв. Аммиака Марцеллина, участника походов императора Юлиана против

¹ Л. О. Томсон. История древней географии. М., 1953, стр. 327. -

² Там же, стр. 406.

Источники и литература

Сасанидского Ирана, сохранившего ряд ценных географических данных в своем сочинении, посвященном событиям римской истории второй половины IV в., затем у Евсевия, Евтропия, Элия Спартиана, Юлия Капитолина, Оросия и ряда других. Следует упомянуть также словарь географических названий Стефана Византийского, дошедший до нас в сокращенной редакции VI в. н. э.

Перечисленные авторы дают перечень племен, населявших территорию Албании и смежных областей, и указывают районы их расселения, дают также историко-географические сведения, сообщают данные о реках и орошении, о горных переходах (перевалах), о природных богатствах, о занятиях оседлого населения. Названия городов имеются только у Плиния и Птолемея, но о характере этих поселений письменные источники ничего не говорят.

Из событий внешней истории в этих источниках отражена преимущественно борьба албанов с римлянами в I в. до н. э.; попутно рассказывается об албанском войске, его вооружении, о некоторых защитных сооружениях, об облике, нравах и обычаях, религиозных верованиях, культах и легендарных преданиях.

Армянские источники

Для изучения истории Албании феодального периода исключительно большое значение имеют армянские письменные источники. На армянском языке написан первый и единственный труд, посвященный истории Албании, — «История Албании» Моисея Каланка-гуйского (Мосес Каланкатваци). Труд этот дошел до нас в нескольких списках и состоит из трех частей; он упоминается армянскими писателями XII—XIII вв. Автор, уроженец сел. Каланкатуйк в области Утик, был по происхождению либо утийцем (албаном), писавшим на армянском языке, либо армянином, что весьма возможно, так как и этот период Арцаха и большая часть Утика были уже арменизованы.¹

В 1841 г. в книге архиеп. И. Шахатунянца, посвященной описанию Эчмиадзина и памятников Армении, впервые сообщается, что в Эчмиадзинской библиотеке хранятся два списка «Истории Албании» Моисея Каланкатуйского.² Французский путешественник

¹ О том, что Моисей Каланкатуйский был уроженцем области Утик, известно из сообщения самого историка: «Когда неприятель, осведомившись происшедшем, стал преследовать убежавших и, догнав часть их у подножья той горы, что против авана (городка) Каланкатуйка, находящегося в той же области Утик, откуда происхожу и я. . .» (М о с е й К а л а н к а т у и с к и й. Истории Албании. Перевод К. Патканова. СПб., 1861, кн. II, гл. 11. Далее: М о и с е й К а л а н к а т у и с к и й).

² Н. Ш а х а т у н я н ц . Описание Эчмиадзина и пяти областей, лежащих у Арарата. Эчмиадзин, 1841, стр. 330.

Источники и литература

Э. Борэ видел рукопись в Эчмиадзине в 1838 г., получил с нее копию и издал первый перевод ее в 1848 г.¹ Изучением рукописи занимался и русский академик М. Броссе, в те же годы издавший выдержки из этого труда.

По мнению Н. Шахатуянца, самым ранним списком является рукопись, относящаяся, судя по приписке в конце текста, к 1279—1311 гг. (второй список не старше конца XVII в.). Копия, сделанная Шахатуянцем, была по просьбе Академии наук прислана в Петербург, и с нее в 1841 г. была снята та копия, по которой перевел текст «Истории Албании» К. П. Патканов³ и которая хранится в Секторе рукописей Института востоковедения Академии наук СССР.⁴

Все эти сведения почерпнуты из исследования К. Патканова, из введения, предпосланного им переводу «Истории» Моисея Калан-катуйского, первого и пока единственного перевода этого текста на русский язык. В этом введении почему-то не нашли себе места сведения о том, что «Историю Албании» предполагалось впервые издать еще в XVIII в.: албанский католикос Нерсес послал один экземпляр рукописи для издания Константинопольскому армянскому патриарху, но так как издание это не было осуществлено, то в 1760 г. рукопись была по требованию армянского католикоса Симеона возвращена в Эчмпаззии.⁵

Армянский текст «Истории Албании» был издан в Москве в 1860 г. Н. О. Эмным, исправившим и восстановившим текст и очистившим его от позднейших вставок и искажений переписчиков.⁶

Критическое издание текста по всем основным рукописям нет до сих пор. В том же 1860 г. в Париже вышло еще одно издание армянского текста, предпринятое К. Шахназаряном, снабдившим его введением и примечаниями.

¹ E. Bore. *Nouvelles annales de voyages*, t. II. *Histoire de M. Galkantouni, extraite et traduite du manuscrit armenien*. Paris, 1848.

² M. Brosset. *Additions et éclaircissements à l'histoire de Georgie*. St-Petersbourg, 1851 (Extraits de l'histoire des Aghovans).

³ М о и с е й К а л а н к а т у й с к и й. *История Албании*. Перевод К. Патканова. СПб., 1861.

⁴ Инв. № Б 56 (см.: Р. Р. Орбели *Собрание армянских рукописей Института востоковедения Академии наук СССР*. Ученые записки ИВ АН СССР, т. VI, 1954, стр. 110). В Институте востоковедения хранится также список рукописи Моисея Каланкатуйского 1678 г. (инв. № С 59, колл. П. А. Орбели; см. там же, стр. 111).

⁵ Т. Тер-Григорян. *К вопросу об «Истории Алванской страны» Моисея Каланкатуйского*. 1939 (рукопись). Научный архив Института истории АН Азерб. ССР. № 991, стр. 2 (ссылка на кн.: Г. Ага в Я В. *Архив Армянской истории*. Тифлис, 1894, кн. III, стр. 376).

⁶ Это же издание перепечатано в Тифлисе в 1913 г.

Источники и литература

Эти два издания текста, вышедшие в то время, когда перевод К. Патканова был уже в печати, побудили последнего дать в конце книги «Прибавления» (объяснения темных и непонятных мест в тексте, освещенных в изданиях Н. О. Эмина и К. Шахназаряна).¹

Я. А. Манандян к своей докторской диссертации, написанной на немецком языке и защищенной в Йенском университете,² привел отрывки из «Истории Албании», связанные с историей распространения христианства в Албании, с нашествием гуннов и с их религией.

Т. Тер-Григорян дал обзор литературы, посвященной вопросу о Моисее Каланкатуйском и его «Истории Албании». Им были просмотрены и сопоставлены все восемь списков «Истории Албании», хранящихся в Матенадаране в Ереване.³ Самый ранний список, как говорилось, относится к 1279 г., три списка — к XVII в. (1664 и 1676 гг.), один — к XVIII в. (1761 г.) и три списка изготовлены, в XIX в. (1839, 1848 и 1855 гг.).

Сличение рукописей «Истории Албании» Моисея Каланкатуйского привело Т. Тер-Григоряна к ряду интересных наблюдений. Так, например, выяснилось, что «Плач на смерть Джываншера» (правившего в VII в.), составленный его придворным поэтом, ритором Давтаком, в обоих армянских изданиях текста и в русском переводе приводится не целиком: отсутствуют последние 16 строф, имеющиеся в рукописи № 3043 (список 1839 г., сделанный архиеп. Бабамяном в Тавризе). Причины этого пропуска установить пока не удалось.

Выяснилось также, что в печатных изданиях текста и в рукописях недостает в III книге описания событий 835—840 гг. Оказалось, что из древней рукописи (Выпали два листа) что не было замечено переписчиком. Но эти два листа были обнаружены в Матенадаране и изданы архим. Хачиком Дадяном;⁴ они являются частью XX главы III книги (перевод К. Патканова) и главы XXI армянского издания.⁵

Т. Тер-Григорян дает обзор тех немногих сведений, вернее упоминаний о Моисее Каланкатуйском, которые имеются в письмен-

¹ К. П а т к а н о в. Введение к переводу «Истории Албании», стр. V и XIII и сл. (см. стр. 281 и сл.).

² J. M a n a n d i a n. Beitrage zur albanischen Gescliichte. Leipzig, 1897.

³ В настоящее время новое критическое издание текста Моисея Каланкатуйского готовит в Ереване Матенадаран (Институт рукописей при Совете Министров Арм. ССР).

⁴ Т. Т е р - Г р и г о р я н, ук. соч., стр. 12. — Статья Х. Дадяна издана в журнале «Арагат» (Вагаршаиат, 1897, апрель, стр. 161).

⁵ Текст выпавших двух листов переведен на русский язык Т. И. Тер-Григоряном (рукопись за № 822 хранится в научном архиве Института истории АН Азерб. ССР). См.: М. М. А л ь т м а н. Исторический очерк города Ганджи. Баку, 1949, стр. 15, прим. 1.

Источники и литература

ных источниках XIII в. (у Мхитара Анийского, Киракоса Гандзакского, Мхитара Айриванкского и албанского католикоса Есаи).¹ и полагает, что автор «Истории Албании» был монахом, судя по приписке, имеющейся в рукописи № 667 (список 1855 г.).²

Из всего вышесказанного следует, что, кроме места рождения, биографические данные о жизни Моисея являются сомнительными. Что же касается времени его жизни, то этот вопрос долго являлся предметом дискуссий. Исходя из того, что Моисей неоднократно говорит о событиях VII в. как очевидец, ряд исследователей относил время его жизни к VII в. (Шахназарян, Борэ, Сомаль, Эмин и др.). К. Патканов стоит на той точке зрения, что Моисей Каланкатуйский жил в конце X в. и написал самостоятельно III книгу «Истории Албании», в которой говорится о событиях X в., а в I и II книгах он пересказывает источники VII в.³ и, надо думать, не меняет при этом форму рассказа от первого лица о поездке епископа Виро к хазарам, о посещении резиденции Джываншера и др. Последнее обстоятельство должно было бы поколебать точку зрения К. Патканова, даже если бы не было ряда других аргументов в пользу VII в. как времени жизни Моисея и против оценки «Истории Албании» как сборника различных и разновременных сведений и преданий. Но именно так расценивается труд албанского историка в «Истории древнеармянской литературы» М. Х. Абебяном, который, относя этот труд к X в., характеризует его как «компилятивный сборник, в котором материал расположен в хронологическом порядке», причем сведения взяты у Моисея Хоренского, Елише, из житийной литературы, посланий и канонов.⁴

Основным доводом в пользу отнесения Моисея Каланкатуйского и его труда к X в. является упоминание в III книге факта взятия Партава русами в 943/944 г. — события, описанного арабским писателем Ибн Мискавейх (X—XI вв.), которому А. Ю. Якубовский посвятил специальное исследование.⁵ Т. Тер-Григорян выявил все случаи, когда в «Историю Албании» внесены цитаты или сведения из других исторических трудов, главным образом Моисея Хоренского и Елнше, выделил те главы, которые написаны самим автором (в I книге — 13 глав из 30, во

¹ Т. Тер-Григорян, ук. соч., стр. 18.

² «Эта история переписана с копии, называемой „Албанская история“, которая была написана в 74 г. армянского (летоисчисления) (625 г.) варданетом Моисеем Каланкатуацци. В 1855 г. спасителя и армянском 1304 г.» (Т. Тер-Григорян, ук. соч., стр. 18).

³ К. Патканов, ук. соч., стр. X.

⁴ М. Абебян. История древнеармянской литературы, т. 1. Ереван, 1948, стр. 390-391.

⁵ А. Ю. Якубовский. Ибн Мискавейх о походе русов в Берда в 332 г.—943/944 гг. Византийский временник, т. XXIV, 1926.

Источники и литература

II книге — 34 из 52, в III книге — 17 глав из 23), и произвел анализ языка автора, его слога и стиля. Этот анализ приводит его к заключению, что III книга была в целом написана не Моисеем из Каланкатуйка, а другим лицом введшим в III книгу некоторые главы из труда автора VII в. Одним из интересных доводов Т. Тер-Григоряна является факт нахождения в двух первых книгах ряда слов и терминов, «по-видимому, местного происхождения, между тем как в III книге таких слов мы не встречаем».¹ Другим доводом является указание Т. Тер-Григоряна на полное отсутствие в «Истории Албании» каких-либо сведений о борьбе албанов с арабами в середине IX в., о нашествии Буги, событий, нашедших отражение в тексте историка Фомы Арцруни и в армянском эпосе «Давид Сасун-ский»; нет также и намека на большое восстание, возглавленное Бабеком тоже в IX в.²

Еще одно обстоятельство отводит X век как возможную дату жизни Моисея Каланкатуйского: он ссылается на авторов IV—VI вв. (Фавста Бузанда, Агафангела, Елише, Моисея Хоренского, Авраама Мамиконяна и Петроса Сюнийского) и ни разу не приводит ни одного автора, писавшего в VII—X вв. (Иоанн Мамиконян, Шапук Багратуни, Иоанн католикос, Фома Арцруни),³ — довод очень веский, как и другой еще момент: историк говорит об албанском князе Джываншере как о своем покровителе, вернее как о своем современнике.

М. И. Артамонов, став на точку зрения К. Патканова, тоже считает труд Моисея сборником, но и он не мог не отметить, что некоторые части «могли быть написаны только современником» (рассказ о походе хазар в Закавказье).⁴ Допуская, что автор «Истории Албании» мог использовать различные источники, трудно все же согласиться, что, выписывая данные из того или иного труда предшествующего историка, он мог списать и такие фразы, как: «Это был 31-й год всемирных войн агарян, и 15-й год моего господина Джывапшера».

Сопоставляя дату возвращения католикоса Виро из ссылки с датой правления Джываншера (638—670 гг.), Т. Тер-Григорян приходит к заключению, что Моисей Каланкатуйский жил в конце VII в. и что в 670 г. ему могло быть 62—67 лет.⁶

Источниками Моисея Каланкатуйского, из которых он черпал сведения о событиях прошедших веков, являлись: 1) народные ска-

¹ Т. Тер-Григорян, ук. соч., стр. 28 (перечень этих терминов и слов — стр. 54—55).

² Там же, стр. 30—31.

³ Там же, стр. 32—33.

⁴ М. И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936, стр. 50.

⁵ Моисей Каланкатуйский, кн. II, гл. 19.

⁶ Т. Тер-Григорян, ук. соч., стр. 36.

Источники и литература

зания и предания (об албанском царе Вачагане III), 2) послания официального характера и переписка духовных и светских лиц, которые хранились в архивах, дворцовых и монастырских, 3) труды армянских историков IV—VI вв., о которых говорилось выше, и, наконец, 4) сведения о тех событиях, которых сам автор был очевидцем или современником.¹

Первые две книги содержат повествование о событиях, начиная с древнейших времен (легендарные предания) и до конца VII в. В III книге описываются исторические события, имевшие место от начала VIII в. до конца X в.

Все доводы Т. Тер-Григоряна очень убедительны, особенно в той части, где он говорит об источниках, использованных Каланкатуйским, который не привлекал авторов, писавших об Албании после VI в.; большое значение имеют и наблюдения Тер-Григоряна над лексикой и слогом двух первых книг, отличающихся в этом отношении от III книги; нельзя пройти и мимо его указания на те страницы, где Моисей пишет от своего лица о событиях, имевших место при его жизни, о людях и вещах, которые он сам видел.

Но Т. Тер-Григорян не привел, по-моему, еще одного веского довода, хотя материал для него он сам собрал. Приведа данные, имеющиеся у Ванакана и Мхитара Гоша о том, что историю Албании в X в. писал Моисей Дасхуранский, Т. Тер-Григорян не обратил внимания на то, что Моисей Дасхуранский не считал возможным назвать себя автором этого труда, что было бы естественно, если бы он был компилятором этого «сборника»; на деле же «История Албании» во всех списках носит имя Моисея Каланкатуйского.²

В трудах армянских историков IV—VII вв., посвященных истории Армении, имеются сведения об Албании, ее народностях и о ее исторических судьбах, когда речь идет о событиях, в которых вместе с армянами, а иногда и с иберами участвуют албаны.

Писатель Корюн является автором «Жития Маштоца», т. е. биографии Месропа Маштоца, изобретателя алфавитов армянского, грузинского и албанского. Будучи не только современником, но, по его собственным словам, и учеником Маштоца, Корюн в этом

¹ Там же, стр. 43—45. — Н. Г. Адонц, полагавший, что компилятивный характер «Истории Албании» несомненен, относил основную часть этого труда тоже к VII в.: «... ядро и наиболее древние элементы составляют те страницы, которые посвящены поездке католикоса Виро к хазарскому князю в 628 году и которые написаны очевидцем описываемых событий» (Н. Адонц. Армения в эпоху Юстиниана. СПб., 1908, стр. 291—292).

² 3. П. Ямпольским делается в настоящее время попытка пересмотреть вопрос об авторстве Моисея Каланкатуйского (3. П. Я м п о л ь с к и й. К изучению летописи Кавказской Албании. ИАН Азерб. ССР, 1957, № 9, стр. 149 и сл.), к сожалению, без текстологического анализа по дошедшим до нас спискам армянского оригинала.

сочинении, законченном им в 443 г. написал все то, чему сам был свидетелем и что узнавал у «сведущих известных лиц», как говорит М. Абегиан.¹

Ввиду сложности и неудобопонятности языка Корюна еще в средние века была составлена новая редакция его текста, в которой к сведениям, почерпнутым из текста самого Корюна, были добавлены сведения из «Истории Армении» Моисея Хоренского; этот переработанный текст носит название «Псевдо-Корюна».²

Что касается «Истории Армении» Агафангела³ (первоначальный текст ее составлен в первой половине V в.), посвященной главным образом внутренней истории Армении, насаждению в ней христианства в конце III—начале IV в., то сведений об Албании и албанах мы в ней находим довольно мало.

Одним из интереснейших историков древней Армении является Фавст Бузанд,⁴ писавший свою «Историю Армении» в IV в. Об исторических событиях пятидесяти лет IV в. (до 387 г.) в его труде дается яркий рассказ, по характеру изложения близкий к эпическому повествованию. У него, между прочим, сохранился рассказ о том, как в IV в. во время ожесточенной борьбы, которую армяне вели с сасанидским Ираном, албанские войска с царем Урнайром сначала помогали Шапуру II, но вскоре порвали союз с ним и начали оказывать помощь Армении.

¹ М. А б е г я н, ук. соч., стр. 136.

² Я. А. Манандян считал подлинной пространную редакцию Корюна (А. Я. М а н а н д я н. Месроп-Маштоц и борьба армянского народа за культурную самобытность. Ереван, 1941, стр. 9, прим. 2).

³ «История Армении» Агафангела еще в древности была переведена на греческий язык; греческая версия ее сохранилась (A gat h a n g e. Histoire d'uregne de Tiridate. См. изд.: V. L a n g l o i z. Fragments historicorum graecorum, t. V. Paris, 1870). Существует и арабская версия этого труда, восходящая к более древней редакции, чем дошедший до нас армянский текст (ср.: Н. Я. М а р р. Крепление армян, грузин, абхазов и аланов. Арабская версия. ЗВО, т. XVI, 1905; М. А б е г я н, ук. соч., стр. 145). Имеется также грузинская версия «Истории Армении» Агафангела, как мне сообщил С. Т. Еремян.

⁴ «История Армении» (на армянском языке) Фавста Бузанда издавалась неоднократно, начиная с 1730 г. (Константинополь) и кончая 1933 г. (Венеция). в Тифлисе издана в 1912 г. Русский перевод М. А. Геворгияца издан в Ереване в 1953 г. Исследователи расходятся во мнении относительно степени достоверности изложения Фавста. М. Абегиан (ук. соч., стр. 156) полагает, что «нельзя безоговорочно пользоваться этим трудом как достоверным историческим источником», «потому что творческий момент в нем занимает значительное место». На другой точке зрения стоит английский историк Рима Норман Бэйнс, который, считая Фавста Бузанда «величайшим историком Армении», в специальной статье подверг анализу его хронологические и исторические данные и установил как достоверность его сведений, так и большое значение их для истории Рима IV в. (Norman H. B a y n e s. Rome and Aimenia in the fourth century. The English Historical Review, vol. XXV. New York—Bombay—Calcutta, 1910. pp. 625 и сл.).

Моисей Хоренский, получивший в первой половине V в. широкое образование на родине, а затем ездивший для пополнения знаний в Александрию, побывавший и в Италии, и в Греции, писал свою «Историю Армении»¹ на основании целого ряда письменных источников, которые он перечисляет, а также пользовался эпическими сказаниями и мифами. В ходе своего изложения Моисей неоднократно сообщает также о событиях, имевших место в соседней Албании, в частности приводит рассказ Корюна об изобретении Маштоцем письмен. Несмотря на то, что сочинение его носит характер литературного памятника, что им порою привлекаются сведения легендарного характера, приводимые им исторические факты при проверке их с помощью данных из других письменных источников, а также при сопоставлении их с археологическими фактами оказываются весьма достоверными.²

О событиях V в., наполненного борьбой народов Закавказья за свою независимость, повествуется в трудах историков V—начала VI в. Елише и Лазаря Парбского.

Согласно преданию, Елише был в молодости воином и секретарем полководца Вардана, т. е. современником и очевидцем тяжелых событий, постигших Закавказье при Иездегерде II, пытавшемся подчинить себе его народы не только политически, но и идеи-логически путем насаждения зороастризма. Став монахом, Елише написал свою «Историю»³ (вторая половина V в.); повествование его облечено в художественную форму, что придает эпический характер изложению исторических событий, причину, развитие и последствия которых он пытался вскрыть.⁴

Младший современник Елише, Лазарь Парбский (Парбеци), писавший в начале VI в., будучи знаком с трудами Фавста Бузанда, Агафангела и Корюна, излагает события начиная со времени раздела Армении в 387 г., и, дополняя сведения, имеющиеся у Елише, продолжает рассказ о борьбе народов Закавказья за свою независимость. Его «История»⁵ является не только «богатым и достоверным» историческим источником, но и «выдающимся литератур-

¹ Моисей Хоренский. История Армении. Русский перевод Н. О. Эмина. М., 1893 (далее: Моисей Хоренский, кн., гл.). — Первый русский перевод этого сочинения, выполненный П. Иоаннесовым, был издан в С.-Петербурге в 1809 г.

² К. П. Тревер. Очерки по истории и культуре древней Армении. Л., 1953, стр. 10 и 173.

³ Елише. О Вардане и Армянской войне. Тифлис, 1904 (на арм. яз.). — Русский перевод П. С. Шаншиева издан в Тифлисе в 1853 г. Перевод на франц. язык: V. Langlois. Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie. t. II. Paris, 1869.

⁴ М. Абегяну, ук. соч., стр. 241 и сл.

⁵ Лазарь Парбский. История Армении. Тифлис, 1904 (на арм. яз.). Французский перевод: V. Langlois, 1. с.

ным произведением, которое в художественной форме отобразило действительность того времени».¹

Писатель VII в. епископ Себеос оставил нам ряд важных и любопытных сведений из истории Албании VI—VII вв. в своей «Истории»,² доведенной до 661 г., т. е. до того времени, когда арабы начали свою завоевательную деятельность в Закавказье. Не останавливаясь на вопросе о причинах тех или иных исторических событий, Себеос нанизывает факты, преимущественно связанные с походами и войнами, и по примеру своих предшественников приводит также народные сказания.

В VII в. была написана и «Армянская география», ценнейший источник, с помощью которого можно внести ясность в понимание той части текста Птолея, где он пишет о Кавказской Албании. Автором «Армянской географии» долгое время считался Моисей Хоренский, тогда как им, по всей видимости, является крупнейший армянский математик и астроном VII в. Анания Ширакаци.³ Рукопись эта сохранилась в двух редакциях: краткой⁴ и более пространной.⁵ По мнению М. Абега, обе они являются сокращенными изложениями первоначального, более полного подлинника.⁶

В трудах приведенных армянских писателей албаны упоминаются совместно с армянами и иберами при изложении всех основных событий, связанных с их неравной героической борьбой за свою независимость, по внутренней истории Албании эти авторы не касаются.

Описывая нашествие хазар в 684 г. и борьбу с ними в VII—VIII вв., армянские историки говорят и об албанах, так как они были тем закавказским народом, страна которого первой подверглась жестокому опустошению во время вторжения хазар. Об этих тяжелых событиях, связанных с Албанией, говорится бегло в хронике Анонима VII в. и довольно подробно у писателя VIII в. Левонда, автора «Истории халифов».⁷

¹ М. А б е г я н, ук. соч., стр. 262 и сл., стр. 279—280.

² Себеос. История. Ереван, 1939 (на арм. яз.) Русский перевод М. Малхасяна (Ереван, 1939).

³ М. А б о г я н, ук. соч., стр. 314 и сл. — Вопросы о сочинениях Анания Ширакаци, в том числе и «Географии», посвящена работа Ашота Абрамяна «Сочинения Анания Ширакаци» (Ереван, 1944, на арм. яз.).

⁴ Армянская география VII в. Перевод и примечания К. П. Патканова. СПб., 1877.

⁵ К. П. П а т к а н о в. Из нового списка Географии, приписываемой Моисею Хоренскому. ЖМНП, 1883; Geographic de Moïse de Spogèpe d'après

Ptolemee, trad, par A. Soukry. Venise, 1881 ; J. M a r q u a r t. Eransahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenaci. Berlin, 1901.

⁶ М. А б е г я н, ук. соч., стр. 323.

⁷ Л е в о н д. История халифов. Перевод Патканова. СПб., 1862.

Борьба албанов с хазарами нашла отражение и в позднейших исторических сочинениях—у Иоанна Драсханакертского (IX— X вв.) и Асолика (X—XI вв.).

Довольно много данных об Албании сохранилось у историка X в. Ухтанеса из Урхи (Эдесса).¹ Сведения о борьбе с Римом и о борьбе с Сасанидами почерпнуты им из труда Елише и из «Истории» Моисея Хоренского или из общего для обоих источника. Довольно подробно останавливается он и на истории церковных споров и распрей между албанским и армянским духовенством, на истории отделения грузинской церкви от армянской в 608 г.

Киракос Гандзакский,² историк XIII в., пользуясь теми же источниками, сообщает о событиях времени Трдата III, об обращении албанов в христианство, об ученике апостола Фаддея — Елише, о царе Вачагане, последнем царе местной албанской династии. В связи с этим им дан перечень албанских царей, начиная с Ва-чагапа I, а также список епископов албанских; попутно он останавливается и на вопросе о халкедонитстве, пустившем корни среди албанской знати.

Перечень царей и католикосов Албании дается и в труде другого писателя XIII в. — Мхитара Айриванкского;³ причем он останавливается на личности епископа Виро, ходившего с посольством к хазарам в VII в., а также на вопросе об обращении гуннов в христианство албанским епископом. Имеется у него также интересное сообщение о том, как арабы перечеканивали ходившую в Албании монету.

В «Истории Сюнии» Стефана Орбеляна,⁴ армянского писателя XIII в. (сюнийского митрополита), имеется довольно много упоминаний об Албании, поскольку Сюния с определенного этапа своей истории распространила свое политическое влияние на области Арцах и Утик. Стефан Орбелян рассказывает о прибытии к халкедонскому царю Арсвагену изобретателя армянского алфавита Месропа Маштоца, создавшего азбуку и для албанов, о церковных распрях VI в. между албанским и армянским духовенством. Красочно описывает Орбелян и борьбу закавказских пародов, а в их числе албанов, с жестоким арабским правителем Мерваном в VIII в.

¹ M. B r o s s e t. Deux historiens arméniens: Kiracos de Gantzac, XIII's. Histoire d'Armonie; Oukhtanes d'Ouiha, Xe s. Histoire en trois parties. Livrai-sons I —II. St.-Petersboun;, 1870-1871.

⁸ Там же.

³ M k h i t a r d' A i r i v a n k. Histoire chronologique. Перевод на франц. из.: M. B r o s s e t. Memoires de l'Academic imp. des sciences de St.-Petersbourg, VII ser., t. XIII, № 5, 1889.

⁴ Stephannos O r b o l i a n. Histoire de la Siounie. St.-Petersburg, 1864 — 1866 перевод на франц. яз. М. Броссе).

Грузинские и сирийские источники

Что касается грузинских письменных источников, из которых можно было бы почерпнуть сведения о соседней с Иберией (Грузией) Албании, то они очень малочисленны. Албания упоминается в них только попутно, в связи с изложением событий, имевших место в Иберии.

В Анониме «Картлис моцхвай» («Обращение Картли») — свод хроник, составленный в VII или IX в.,¹ — упоминается сирийская царица Перожавра. Попутные сведения об Арране, Мовакане (Мугань), городах Халхале и Бардаи (Берда) имеются в труде Леонтия Руисского (Леонти Мровели, XI в.).

В «Истории Вахтанга Горгасала» (XI в.) повествуется о событиях V в. и попутно речь идет и об Арране, Мовакапе, Атрпатакане, Дербентских воротах, Арранской дороге, Шаки, Ширване, Бардави и др.²

Период арабского нашествия отражен в «Летописи Картли» (Аноним XI в.).

Сирийские источники по истории народов Кавказа были изучены Н. В. Пигулевской.³ С Албанией связан относящийся к VI в. сирийский перевод фрагмента из Птолея, сделанный Захарием Ритором, который к перечню, имеющемуся у Птолея, после «сарматов, скифов и серпков» добавил еще Армению, Гурзан и Арран, т. е. Албанию, которая при Захарии Риторе, как у него говорится, зависела от персидского царя царей, которому подчинялся «царек» (malkona) этой страны. Интересно имеющееся у него указание, что народ Аррана имеет свой язык.

Н. В. Пигулевская правильно сделала, остановившись на указании сирийского автора, что люди «из пределов Даду» «живут в городах, у них есть крепости». Н. В. Пигулевская указывает, что имеется в виду область, занимаемая народом, которую Захария Ритор называет «Бет-даду», а именно «Дагестан» — «горная страна».⁴ Интересно, что Захария Ритор пишет со слов сирийца-кожевника из Амиды, находившегося в плену у гуннов в течение

¹ Л. М. М е л и к с е т - Б е к Обзор источников по истории Азербайджана, вып. II. Изд. Азсрб. ФАН «ССР, Баку, 1939, стр. 4—5.

² Там же, стр. 7.

³ Н. В. П и г у л е в с к а я ., 1) Сирийские источники VI в. о народах Кавказа. ВДП, 1939, № 1, стр. 107 — 145; 2) Сирийские источники по истории СССР. М.—Л., 1941, стр. 81—87; 3) Месопотамия на рубеже V—VI вв. Сирийская хроника. Исту Стилита как исторический источник. Труды ИВ АН СССР, т. XXXI. 1940.

⁴ Н. В. П и г у л е в с к а я. Сирийские источники по истории СССР, стр. 82. Ср.: W. M i p o g s k y. Studies in Caucasian History. Cambridge Oriental Series, № 6, London, 1953, p. 28

30 лет, что к ним явился епископ Аррана Кардост и в продолжение 14 лет обучал гуннов и ввел у них письменность. У Захарии Ритора, между прочим, впервые упоминаются хазары.

Возможно, что и в других сирийских источниках имеются сведения об Албании и ее народах, но изучение сирийских текстов во всем объеме с этой точки зрения, насколько мне известно, еще не производилось.

Арабские географы

Очень много сведений об Албании (Арране), ее природных богатствах, городах, путях сообщения, торговле и пр. имеется у арабских географов и историков.¹ При ознакомлении с арабскими источниками обращает на себя внимание повторение одних и тех же сведений у разных писателей, как известно, писавших о покоренных арабами странах и народах Закавказья, используя данные, имевшиеся у предшествовавших авторов.

Наиболее ценными поэтому являются авторы IX в. и среди них перс Ибн Хордадбех (820—913 гг.), принимая во внимание его служебное положение (он был начальником почты и службы скорой связи в соседней с Албанией Атропатене) и его работу в архивах,² дававших ему возможность быть хорошо осведомленным в вопросах, касавшихся Албании, о которой он, к сожалению, писал сравнительно мало. Его «Книга о путях и государствах» является, по словам В. В. Бартольда, «самым ценным произведением арабской географической литературы. Благодаря ему мы знаем топографию мусульманской Передней Азии IX—X вв. гораздо лучше, чем топографию античного мира». ³ Ценным является критически и сжато изложенный труд Балазури, использовавшего классические исторические сочинения.⁴

К числу авторов IX в. относятся также Табари, пользовавшийся недошедшим до нас трудом Мукаффы (VIII в.), и Якуби, проведенный молодость в Закавказье.

Сведения об Албании имеются также в трудах целого ряда арабских авторов X в. В первой половине этого века писал Истахри, положивший в основу своего сочинения не дошедший до нас труд Балхи.⁵ Ибн Хаукал (середина X в.) в «Пути и царства» перера-

¹ И. Ю. Крачковский. Арабская географическая литература. Избранные работы, т. IV. М.—Л., 1957.

² C. von A r e n d o n k, EI, «Ibn Khordadbeh».

³ В. В. Бартольд. Введение к «Худуд аль-алем» (рукопись Туманского), Л., 1930, стр. II.

⁴ С. Н. В с с к с г. EI, «At-Baladhori».

⁵ EI, «Al-Istakhri».

Источники и литература

ботал труд Истахри и составил карту Азербайджана (у него и у Истахри Азербайджан показан вместе с Арменией, Арраном и Месопотамией на одной карте).¹

Мукаддаси (вторая половина X в.) является автором очень ценного оригинального труда, к которому приложены карты.²

Сведения об Албании в труде Масуди (умер в 956 г.) почерпнуты автором, быть может, во время его путешествий, когда он мог побывать и на Каспии; им собраны также сведения, имевшиеся в трудах его предшественников, но изложены они некритично.³

Писавший в середине X в. Кудама использовал исторический очерк Балазури и сообщил известные ему данные о разных местностях, дорогах, населении.⁴ К числу писателей X в., упоминавших в своих сочинениях Албанию, относятся также Ибн аль-Факих и Ибн Русте (пользовавшиеся трудом Ибн Хурдадбега),⁵ а также анонимное сочинение «Худуд аль-алем», так называемая рукопись Туманского.⁶ Полное заглавие «Худуд аль-алем» значит «Пределы мира от востока к западу»; автор его, живший в конце X в., пользовался данными, имеющимися в трудах Истахри и Ибн Хаукаля. Подробно им описаны прикаспийские области, особенно западное побережье.⁷

Хотя сведения арабских географов касаются жизни народов Албании в более поздний период, в VIII—X вв., они тем не менее, когда речь идет о городах, крепостях, торговых путях, природных богатствах и торговле, могут в известной мере быть использованы в применении и к предшествующему периоду, к VI—VII вв.

Эти сведения касаются главным образом торговых путей, расстояний между отдельными городами, природных богатств, ремесел и торговли, хараджа, т. е. всего того, что интересует колонизаторов. События политической и культурной жизни, нашедшие яркое отражение у армянских историков и у Моисея Каланкатуйского, у арабских географов отсутствуют. Но тем не менее имеющиеся у них данные восполняют сведения армянских историков и дают интересную картину экономической жизни Аррана.

По вопросу о городе Дербенте интерес представляет «Дербент-намэ» (автор — Мухаммед Аваби Акташи), очерк, написанный в конце

¹ В. В. Бартольд, ук. соч., стр. 14.

² J. H. Kramers, EI, «Al-Mukaddasi».

³ C. Brockelmann, EI, «Al-Masudi».

⁴ C. Brockelmann, EI, «Kudama».

⁵ В. В. Бартольд, ук. соч., стр. 10.

⁶ Там же, стр. 15—21.

⁷ Цитаты из арабских источников мною приводятся в переводе Н. А. Караулова: Н. А. Караулов. Сведения арабских писателей о Кавказе. СМОМПК, Тифлис, вып. XXIX, 1901; XXXI, 1902; XXXII, 1903; XXXVIII, 1908

Источники и литература

XVII—начале XVIII в. на турецком языке. В основу очерка был положен не дошедший до нас персидский труд, посвященный истории Дербента до 1064 г.,¹ в котором, по мнению В. В. Бартольда, были использованы хорошие источники.²

Обзор литературы о Кавказской Албании

После 1829 г., когда война с Персией закончилась присоединением восточного Закавказья к России, естественно, стал проявляться интерес к истории закавказских народов, в частности к племенам Кавказской Албании, к их географии, этнографии, культуре и искусству.

Одной из первых статей, если не самой первой, в которой речь шла об Албании, была вышедшая в 1835 г. статья Фридриха Крузе (1790—1866), профессора Деритского университета, специалиста по истории и археологии Прибалтики, по норманскому вопросу и вопросу о происхождении русов. В этой статье, написанной, видимо, по заказу,³ автор говорит о том интересе, который представляет прошлое «югокавказских областей», и об основном историческом источнике — о «Географии Птолемея».

Хотя статья Крузе посвящена отдаленному прошлому, он отмечает во введении связь ее с событиями 1829 г., когда говорит, что «под сенью хранительных крыл мощного Орла Северного, открыты теперь для взоров ученого изыскателя и области, лежащие на юг от Кавказа, где была первая колыбель человеческого рода — богатые поляны Иберии, Албании, Колхиды и Армении». Автор, сын своего времени, следуя библейской традиции, говорит о «<<колыбели человеческого рода», но как историк добавляет: «И там некогда существовал мир («мир») великий!».⁴ Он с горечью пишет, что все то, что в Албании не удалось разрушить Помпею в 65 г. до н. э., то уничтожено было христианством и особенно гуннами в V в., а затем хазарам и арабами.⁵

Крузе, по-видимому, отражал интересы определенных кругов русского общества, которые после 1829 г. заняты были вопросом освоения присоединенных областей и, в частности, вопросом о возможности связать Каспийское море с Черным. Приводя сообщение о перевозке якобы в древности товаров из Средней Азии по Аму-

¹ M i r z a A. K a z e m - b e g. *Derbend-nameh or the history of Derbend*. Translated from a select turkish version. St.-Petersbourg, 1851.

² W. B a r t h o l d, EI, «Derbend».

³ Ф. К р у з е. О важности южнокавказских областей России в отношении антикварном и о Птолемея, главном писателе в рассуждении Географии сей страны. ЖМНП, 1835, ч. V, стр. 423—438.

⁴ Там же, стр. 424.

⁵ Там же, стр. 425.

Источники и литература

Дарье, через Каспий в Албанию и по Куре к Черному морю, Крузе пишет: «Любопытно было бы сделать исследование: есть ли возможность еще теперь или именно теперь, при усовершенствовании искусства проведения каналов, учредить такое водное сообщение между Киром и Фазисом? Место, где товары выгружались, должно быть в окрестностях Горн, на реке Куре».¹

Даваемое в статье Крузе описание древней Албании, славившейся своим плодородием, несомненно должно было привлечь внимание к этой части Закавказья, которую предстояло освоить и использовать. В статье указывалось на хозяйственно-экономическое значение территории древней Албании для царской России, на ее богатство вином и плодами всякого рода и, главное, на ее «огни», «которые выходили из земли ее», а также в какой-то мере ставился вопрос о возможности «через эту область, вниз по Куре, установить торговлю во внутренности Азии».²

Обращает на себя внимание осознание уже в первой половине XIX в. значения археологических исследований для познания прошлого, в данном случае Закавказья. Крузе пишет, что «исследований археологических, особливо во внутренности сих стран, не сделано почти никаких, между тем как именно они поясняют иное даже в произведенных доселе изысканиях, и, показывая, чем была некогда эта земля, научают нас, чем она может сделаться под мудрым управлением»³ (вероятно, имея в виду природные богатства).

В 1835 г., когда вышла статья Крузе, в Петербурге начал выходить «Энциклопедический лексикон».⁴ В его первом томе была помещена статья об «Албании азиатской, древней», которая, как пишет автор, заключала в себе часть нынешнего Дагестана и всю Ширванскую область, от Дербента до Аракса. В статье далее отмечалось, что название «Албания» похоже на латинское, «однако же оно принадлежит к коренным именам того края» и было известно еще до римлян грекам. Греки «слово Албан произносили Алван, и замечательно, что в Ширване, где доселе сохранились многие собственные имена, упоминаемые Страбоном и Птолемеем, находится и теперь деревня Алван, одна из значительнейших Кабестин-ского округа». Реку Албан автор отождествляет с Самуром; «главный город Албана лежал поблизости нынешнего Баку», а Кабала «лежит поныне на том же месте и под тем же именем». Интересно также указание, что «к Албании древние причисляли также народ каспиев, обитавший около нынешней Муганской степи и устья

¹ Там же, стр. 426, прим. 1.

² Там же, стр. 427.

³ Там же стр. 430.

⁴ Энциклопедический лексикон, т. 1, изд. Плюшара, СПб., 1835, стр. 415

Источники и литература

Курь». Автор обнаруживает большую для своего времени осведомленность и высказывает ряд таких интересных соображений, как указание на северные и южные пределы Албании, указание на территорию, занимаемую каспиями, и местонахождение Кабалы.

Автор этой статьи неизвестен; им могли бы быть Крузе или Яновский,¹ но сличение текстов к этому выводу не приводит.

В эти же годы азербайджанский историк Абас-Кули-ага (Кудси) Бакиханов (1794—184(5))² писал историю Азербайджана с древнейших времен до 1813 г. (на персидском языке; перевод на русский язык выполнен самим автором). Используя письменные источники, античные и восточные, и привлекая топонимические данные, Баки-ханов пытался выяснить ряд вопросов исторической географии древней Албании, которая, по его мнению, включала в себя Ширван и Дагестан/ В его труде рассматривается вопрос об албанских племенах, о борьбе албанов против иноземных завоевателей и др., интересовал его и вопрос о значении названия «Албания».³ Через 11 лет после статьи Крузе в том же «Журнале Министерства народного просвещения» в 1846 г. появилась статья А. Яновского, посвященная, как говорит заглавие, «древней Кавказской Албании»,¹ территорию которой автор объездил в 1829 г. Статья А. Яновского является первым в русской историографии трудом, в котором собраны и сопоставлены сведения о Кавказской Албании, имеющиеся в трудах Страбона, Птолемея, Плиния, а также Моисея Хоренского, Елише и др., причем главное внимание автора сосредоточено на вопросе об отождествлении имеющихся у античных авторов топонимических названий с существовавшими в начале XIX в. названиями городов, селений и рек.

В этой работе А. Яновский касается только раннего периода истории Албании. Он справедливо указывает, что для раннего периода политические границы Албании будут несколько иными, чем для средневекового периода. Но, опираясь на Плиния и Птолемея, он считает территорией собственной Албании в древности только области Шаке (Нухинская обл.) и Ширван (Бакинская обл.). Очень детально, хотя и не всегда убедительно, Яновский сопоставляет упоминаемые Птолемеем 29 городов и селений по созвучию с различными топонимическими наименованиями своего времени

Что касается отождествлений птолемеевских четырех рек, которые, по общему мнению, втекали в Каспий, то Яновский рассма-

¹ См. стр.26, прим. 4.

² Абас-Кули-ага (Кудси) Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Изд. Общества любителей и изуч. Азербайджана, вып. 4. Баку, 1926; Очерки истории исторической науки в СССР, т. 1. М., 1955, стр. 641.

³ См. стр. 5.

⁴ А. Яновский. О древней кавказской Албании. ЖМНП, 1846, ч. 52, стр. 97—203.

тривает их как притоки Куры, причем в ущелье одной из них, птолемеевского Касиос, являющегося, как он считает, рекой Турьяном, он помещает столицу Кабалу.

Что касается исторического мирозерцания А. Яновского, то оно в статье проявляется только однажды, в его высказываниях по вопросу о борьбе албанов с Помпеем. В этой связи интересно сопоставить точки зрения Т. Моммсена и А. Яновского. Русский историк в 1845 г., говоря о походе римлян через Албанию, отмечал, что римляне «по привычке всемирных победителей нанесли много вреда тамошним жителям»... «Однако же должна же быть сильная побудительная причина, заставившая албанцев напасть на римлян».¹ Этим словам, в которых сквозит симпатия автора к испытавшим нападение захватчиков албанам, можно противопоставить отношение Т. Моммсена к этим событиям. Описывая то же сражение между Помпеем и албанцами, Моммсен говорит, что албаны согласились сдать только тогда, когда их окружили в лесу и лес подожгли, «тогда только удосужились они пойти на мир» («bequemten sich Frieden zu machen»)² — слова, в которых звучит иногда проявляющееся у Т. Моммсена снисходительное отношение к народам Кавказа. / Академик Б. А. Дорн в 1860—1861 гг. побывал на Кавказе и особое внимание уделил Каспийскому побережью; в 1875 г. он издал статью, к которой дано дополнение, посвященное «древней Албании по Птолемею».³

В этой статье он главным образом отождествляет птолемеевские названия албанских рек, городов и поселений с современными ему терминами, при этом приводит точки зрения на этот вопрос всех своих предшественников и, между прочим, зарубежных географов.

Говоря о сопоставлениях А. Яновского, он совершенно справедливо замечает, что созвучия названий являются обычно случайностью, но тем не менее и сам Б. А. Дорн все же дает целый ряд отождествлений, основанных только на сходном звучании названий. По второму спорному вопросу, о границах Албании, Б. А. Дорн полемизирует с А. Яновским, который ограничивал пределы Албании областями Шаки и Ширвана. Б. А. Дорн настаивает на птолемеевском определении северных границ по Керавнским горам, которые он отождествляет с Каранайским хребтом в северном Дагестане и до которых простиралась, по его мнению, древняя Албания. Не согласен он с А. Яновским и по вопросу о местонахождении Кабалы, которую тот помещает на р. Турьяле. Б. А. Дорн полагает

¹ Там же, стр. 185.

² Tl. M o m m s e n. Romische Geschichte, Bd. III. Berlin, 1869, стр. 126. ³ Б. Д о р н. Каспий. О походах древних русских в Табаристан. Изд. в приложении к Зап. Академии наук, т. 26, 1875.

что Кабала находилась к юго-западу от сел. Нидж, и вполне достоверным считает только ее местоположение. Хотя Дорн и дает 39 отождествлений, тем не менее он поясняет, что определить города можно будет только тогда, когда определены будут реки, упоминаемые Птолемеем, так как реки остались на месте, тогда как города и поселения исчезли.

Вышедшая в 1906 и 1907 гг. на армянском языке «История Албании» епископа Макара Бархударяна,¹ собравшего все доступные ему материалы по политической и церковной истории албанов, в настоящее время устарела; некоторый интерес могут представлять данные по истории распространения христианства и описания отдельных событий в истории албанской церкви.

К 1934 г. относится статья А. Е. Крымского, в заглавии которой он называет Албанию «классической»,² исходя, очевидно, из того факта, что о раннем периоде ее истории имеются сведения у «классических» (т. е. античных) авторов.

Статья эта носит преимущественно историко-географический характер, и автор поясняет, что задачей его является дать историю Кабалы и Шеки.⁸ На деле же вопрос о Шеки он затрагивает только попутно и на нем специально не останавливается, а что касается «истории Кабалы», то он ее тоже не дает, так как местоположение этого древнего города в его время продолжало оставаться спорным. «История» Кабалы у А. Е. Крымского неизменно сводится к перечню всех упоминаний Кабалы или Кабалаки, имеющих у античных авторов, а также у арабских географов/

Статья эта представляет интерес, так как автор привлекает некоторые новые источники, до него для истории Албании не использованные, как например персидскую географию 983 г «Худуд-аль-алем» (рукопись Туманского).⁴ В этом тексте он нашел указание, подкрепляющее точку зрения Б. Дорна и А. Яновского на местоположение Кабалы. Как говорилось выше, Б. Дорн и А. Яновский относят Кабалу к месту слияния двух рукавов, образующих р. Турьян (приток Куры слева).³ В тексте «Худуд аль-алем» Кабала отнесена к месту «между Шеки, Барда и Ширваном»,⁶ т. е. к тому району, к которому ее приурочивают Б. Дорн и А. Яновский. А. Е. Крым-

¹ Макар Бархударян. 1) История Албании, т. I. Валаршапат, 1902; т. II. Тифлис, 1907; 2) Албания и ее соседи. Тифлис, 1893; 3) Арцах. Историко-географическая характеристика. Баку, 1895. — Все работы на арм. яз.

² А. Е. Крымский. Страницы из истории северного плия Кавказского Азербайджана (классической Албании). Сборник в честь С. Ф. Ольденбурга, Л., 1934, стр. 289 и сл. ³ Там же, стр. 292. ⁴ См. стр. 23. ⁵ В этом месте А. Яновский производил раскопки (см. стр. 256). ⁶ А. Е. Крымский, ук. соч., стр. 304.

ский, примыкая к этой точке зрения, полемизирует с Е. С. Такайшвили, который в 1897 г. вынес Кабалу в современную Кахетию, в верховья р. Алазани, а также с Н. Карауловым, который в 1908 г., якобы «по сведениям арабских географов IX и X вв.», указывал, что Кабала «находилась в долине р. Алазани, в одном из ущелий главного хребта Кавказа.

В 1938 г. А. Е. Крымский вернулся к вопросу об Албании в статье, посвященной Шеки.¹ В этой статье он дает краткий очерк исторических судеб этого района, граничившего с Иберией, сопоставляя сведения письменных источников от упоминания Страбоном храма Луны до завоевания Шекп Тимуром.

В труде В. В. Бартольда, посвященном истории прикаспийских областей, излагается история Албании, начиная от битвы при Гавгамеле в 331 г. до н. э., когда отряд албанов участвовал в составе войск индийского сатрапа, и вплоть до VIII в. и. э., т. е. до того времени, когда Албания одновременно подчинялась трем враждующим между собою государствам: хазарам, арабам и византийцам. Первый период истории Албании В. В. Бартольд излагает на основании тех сведений, которые имеются у греческих и латинских писателей. Но при изложении исторических событий второго периода он опирается преимущественно на сообщения персидских и арабских историков и географов, почти не привлекая те существенные данные, которые имеются у писателей армянских и грузинских, и этим несколько обедняет историю рассматриваемого периода. Вопрос о пределах древней Албании продолжал волновать исследователей не как одна из частных исторических тем, а как основной вопрос, до разрешения которого нельзя было приступить к написанию истории народов Кавказа и, главным образом, история Азербайджана и Дагестана. Своевременным поэтому было появление в 1937 г. статьи С. В. Юшкова, посвященной, казалось бы, детальному вопросу.² Изучив всю существующую по данной теме историческую литературу, он установил наличие в ней пяти различных точек зрения, а именно: 1) Кавказская Албания занимала территорию нынешних Азербайджана и Дагестана, спорна только северная граница — это мнение западноевропейских географов (Уккерта, Барбье, Эйхвальда, Маннерта и др.); 2) в состав Албании входили Азербайджан и узкая прибрежная полоска Дагестана (так пола-

¹ А. Е. К р ы м с к и й. Страницы из истории северного или Кавказского Азербайджана (классической Албании). Шеки. Сборник «Памяти Н. Я. Марра», Л., 1938.

² В. В. Б а р т о л ь д. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925, стр. 23—30.

³ С. В. Ю ш к о в. К вопросу о границах древней Албании. Исторические записки АН СССР, т. 1, 1937.

гают редакторы «Тарихи Дербенд-намэ»); 3) по В. В. Бартольд. в Албанию входили, кроме северного Азербайджана, и часть Дагестана до Дербента; 4) на точке зрения, что только Азербайджан, а именно области Шеки и Ширван (Бакинская и Нухинская области) входили в состав Албании, стоят А. Яновский и А. Е. Крымский; 5) по Г. И. Клапроту, Албания занимала и весь Северный Кавказ, так как он полагал, что албаны не кто иные как аланы.

С. В. Юшков твердо придерживается указаний Страбона, Плиния и Птолемея и приходит к заключению, что древняя Албания занимала территорию Азербайджана и Дагестана, причем опирается он главным образом на указание, что к северу от албанов находились скифо-сарматские племена, обитавшие на Северном Кавказе.

С. В. Юшков дает лишь немногие отождествления названий, а именно приводимых Птолемеем названий трех рек, протекавших по Албании, — «Кас-Сулак, Албан-Самур, Кир-Кура», причем особый интерес представляют обоснованные им названия Кас-Сулак. Указывая, что верховья Сулака, протекая через области даргинцев и лаков, носят сегодня название «Кас», С. В. Юшков предполагает, что Сулак протекал якобы через албанские земли и что этим подтверждается вхождение и северного Дагестана в состав древней Албании.

Те затруднения, которые встречаются при попытке отождествить указания древних писателей с современными географическими данными (главным образом в отношении рек), С. В. Юшков объясняет понижением уровня Каспийского моря за 2000 лет. Сообщение Плиния о том, что берега Албании гористы и неприступны, следует, по мнению С. В. Юшкова, объяснять именно тем, что уровень Каспийского моря во времена Плиния был выше, что волны в то время ударялись о скалы и что следы приобья видны и ныне на прибрежных горах.

В отличие от других исследователей С. В. Юшков считает центром древней Албании область по р. Самуру, в связи с чем и Кабалу он помещает между Сулаком и Самуром, в нескольких днях пути к западу от Дербента. Что же касается перечисляемых Птолемеем городов, то, по мнению С. В. Юшкова, они находились не у побережья, как полагал Птолемей, а внутри страны, главным образом между Сулаком и Самуром и Самуром и Курой. С. В. Юшков много места отводит критике положений А. Яновского, исключавшего возможность вхождения Дагестана в состав албанского царства; только в V в., по мнению С. В. Юшкова, границы Албании стали отодвигаться на юг под напором хазар и гуннов.

¹ Там же, стр. 136.

Источники и литература

В отличие от Н. Я. Марра, считавшего аварцев основным албанским племенем,¹ С. В. Юшков самым многочисленным и значительным племенем справедливо считает гаргаров, на наречие которых, как известно, были переведены для албанской церкви священные книги.²

Что касается основного положения С. В. Юшкова, согласно которому Дагестан якобы целиком входил в состав Албании, то как ни вески некоторые из приводимых им доводов, положение это продолжает оставаться спорным и только археологические изыскания со временем помогут выяснить этот вопрос. J

В 1937 г. вышла статья А. Г. Шанидзе, посвященная албанскому алфавиту, который считался столь же бесследно исчезнувшим, как и албанский язык. А. Г. Шанидзе удалось установить полный алфа-вит албанской письменности в одной армянской рукописи XV в.³

Среди современных исследователей древней и раннесредневековой истории народов Закавказья выделяется своим углубленным интересом к судьбам Кавказской Албании, в частности к ее исторической географии, С. Т. Еремян. В этой области им проделана большая и важная работа на основании всех видов источников.

В вышедшей в 1939 г. статье о торговых путях в IV—VII вв.,⁴ по географической карте Певтингера, С. Т. Еремян сопоставляет данные этой «карты Кастория» со сведениями, почерпаемыми из «Географии» Птолемея В из «Космографии» Равенского анонима. Автору удается уточнить ряд спорных вопросов, касающихся ряда албанских городов (Халхал-Лала, Хадаха-Кандак — ныне Мингечаур, Гардман-Хузашени, Кабала—Востан-и-Марзпан и др.), а также рек и племен, и наметить те основные торговые пути, которые соединяли Албанию с соседними народами.

В 1939 г. вышла статья С. Т. Еремяна,⁵ посвященная одному специальному вопросу — посольству албанского князя Вараз-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илитверу в 684 г., а именно разбору сведений о маршруте этой миссии, описанной у Моисея Каланкатуйского.

С. Т. Еремян доказывает, что послы шли не через Дербент, вопреки указаниям историка (это указание, по его мнению, интер-

¹ Н. Я. Марр. Албанская надпись. КСНПМК, вып. XV, 1947.

² С. В. Юшков, ук. соч., стр. 145.

³ А. Шанидзе. Новооткрытый алфавит кавказских албанцев. Изв. Института языка, истории и материальной культуры Груз. ФАН СССР, т. IV, вып. I, 1938. — См. ниже, стр. 309 и сл.

⁴ С. Т. Еремян. Торговые пути Закавказья в эпоху Сасанидов. По Tabula Peutingeriana. ВДП, 1939, № 1, стр. 79 и сл.

⁵ С. Т. Еремян. Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вараз-Трдата к хазарскому хакану Алп Илитверу. Записки ИВ АН СССР, т. VII, 1939, стр. 129—155.

Источники и литература

полировано), а через Кодорский перевал; попутно Еремян останавливается на спорном вопросе о Варачане и Семендере и на основании данных Плиния размещает на территории Албании племена албанов, силвов и дидуров; кроме того, обосновывает отождествление так называемых Сарматских ворот с Кодорским перевалом и останавливается на анализе события, имевших место в жизни албанов в VIII в., при арабских правителях Мерване и Масламе.

Наиболее важными в этой работе являются сопоставление различных данных, позволяющих ему отнести племя лбинов в долину Алазани, а также один из основных его выводов о превращении восточного Закавказья, в частности Албании, в узловую центр торговли северных стран (южнорусских степей) с югом (Ираном и Малой Азией) во второй половине VIII в., когда под напором арабов хазарам пришлось очистить территорию Дагестана.

В вышедшем в том же 1939 г. макете двух томов «Истории СССР»¹ Албании посвящены три главы, написанные С. Т. Еремянном, в которых дается история албанов, начиная с первой половины I тысячелетия до н. э. и до VII в. и. э. Эти главы являются в совокупности своего рода очерком, в котором излагается, на основании данных Страбона и других авторов, все то, что нам известно о расселении албанских племен, их образе жизни и верованиях в древний период их истории и, на основании главным образом армянских источников, главнейшие события и характеристика общественных отношений в IV—VII вв.

Эти очень содержательные главы подытоживают все то основное, что нам известно об албанах, и, главное, в них впервые делается попытка дать характеристику социально-экономических отношений в разные периоды исторической жизни албанов, причем их история излагается в увязке с историческим процессом в соседних Иберии и Армении. Некоторое возражение вызывает заглавие главы: «Албания, Иберия и Колхида во времена римского завоевания». Дело в том, что этот заголовок противоречит тем фактическим данным, которые изложены в главе. Судя по тому, что сообщают письменные источники. Албания не была завоевана римлянами. Во время стремительного похода Помпея через Албанию вслед за Митридатом, спешившим в Колхиду, албаны, правда, потерпели поражение в бою с римскими легионами, потерпели они поражение и во время сражения за р. Алазанью, но завоевание Албании не имело места: оккупационные римские войска ни в Албании, ни в Иберии не были оставлены.

История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства, чч. I—II. Изд. ИИМК АН СССР, М.—Л., 1939. — В 1956 г. вышло второе издание I тома «Очерков по истории СССР», где главы по Албании в исторической части изложены А. П. Болтуновой по материалам С. Т. Еремина.

В этой связи интересно, что В. В. Бартольд отмечает, говоря о взаимоотношениях римлян с албанами, что «римляне в делах Албании принимали участие, парфяне также имели притязание на эту область. Но ни тот, ни другой народ не сделал Албанию своей провинцией»¹ (вернее было бы сказать: «ни те, ни другие правители не могли сделать Албанию своей провинцией»)².

Возвращаясь к главам С. Т. Еремяна в макете «Истории СССР», следует отметить, что общественный строй Албании в I в. до н. э. он характеризует как патриархально-родовой, а в III—IV вв. уже усматривает процесс феодализации. О периоде между I в. до н. э. и III в. н. э. С. Т. Еремян ничего не говорит вследствие отсутствия данных, которые позволяли бы дать четкую характеристику общества в этот период.

Следующая статья С. Т. Еремяна, вышедшая в 1941 г., посвящена вопросу об охране кавказских проходов Сасанидамп и той роли, которую играла в этом деле Сюния.³ В этой работе С. Т. Еремян сопоставляет данные письменных источников с данными археологии и топонимики и выясняет происхождение и назначение ряда заградительных стен, построенных в Албании при Сасандах для защиты от гуннов и хазар.

В 1941 г. анализ одного из разделов грузинской «Хроники Сум-бата» привел С. Т. Еремяна к выяснению вопроса о местонахождении Гардман — родовой крепости албанских князей Вараз-Грп-гора, Джываншера и др., о путях передвижения войск византийского императора Ираклия и к расшифровке некоторых топонимических наименований.⁴

/" Следует отметить, что в 1952 г. вышел атлас карт С. Т. Еремяна,⁵ являющийся приложением к книге «История армянского народа».⁶ В этих картах отражена точка зрения С. Т. Еремяна, согласно которой упоминаемые Птолемеем четыре реки (Соана, Герр, Касий и Албан) были античным географом якобы ошибочно описаны как впадающие в Каспийское море, тогда как их следует рассматривать

¹ В. В. Бартольд. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира, стр. 19.

² Все вышесказанное относится и к § 3 IX главы «Очерков по истории СССР», поскольку, как уже указывалось, она написана по материалам С. Т. Еремяна (Очерки по истории СССР, т. I. М., 1956, стр. 12).

³ С. Т. Еремян. Сюния и оборона Сасанидами Кавказских проходов.

Изв. Арм. ФАН СССР, 1941, № 7 (12), стр. 33 и ел.

⁴ С. Т. Еремян. Заметки к тексту «Хроники Сумбата». Изв. Арм. ФАН СССР, 1941, № 9 (14), стр. 27—30.

⁵ С. Т. Еремян. Атлас к книге «История армянского народа», ч. 1. Ереван, 1952.

⁶ История армянского народа, ч. 1. Под редакцией Б. Н. Аракуляна и А. Р. Поаннисяна. Ереван, 1951. — В 1956 г. в Ереване вышло новое издание этой книги на армянском языке.

как левые притоки Куры; реку Албан С. Т. Еремян, между прочим, отождествляет с Алазанью, а современную Йору с древним Камбечем. Как говорилось выше, А. Яновский придерживался аналогичного взгляда на эти реки, он тоже считал их притоками Куры.¹

В вышедших в 1946 г. «Очерках по истории Азербайджана», составленных коллективом научных работников Института истории Академии наук Азерб. ССР, дан краткий обзор основных событий в истории древней и раннесредневековой Албании.²

Первый опыт сводного, на основании письменных и вещественных источников составленного очерка истории Албании в древний период принадлежит В. Н. Левиатову.³ Хотя в 1950 г., когда был издан очерк В. Н. Левиатова, памятники Мингечаура не были еще обнаружены в том количестве, каким наука располагает в 1958 г., и хотя известные к этому времени археологические находки не были еще в должной мере изучены, все же труд В. Н. Левиатова для своего времени являлся весьма ценным начинанием.

Заслугой Д. М. Шарифова является археологическое обследование в 1926 г. Нухинского района,⁴ а именно — местности Ялойлу-Тапа, где им были открыты погребения со своеобразной по форме и декорвке керамикой.⁵ Эти раскопки явились началом дальнейшего выявления погребений ялойлу-тапинского типа в разных районах Азербайджана, а также в восточной Грузии (о чем речь будет дальше).

В том же 1926 г. Д. Шарифовым совместно с И. М. Джафар-заде, К. А. Клементьевым и Р. Эфендиевым было произведено обследование крепости Кабалы в Куткашенском районе, в результате которого Д. Шарифовым было издано описание археологического состояния первой столицы Албанского государства.⁶

Работы представителя старшего поколения археологов Азербайджана И. М. Джафар-заде посвящены археологическим исследованиям, проводившимся им в различных районах Азербайджана: в Муганской степи, на Апшероне, в Нахичеванской АССР, в Старой Гандже⁷ и др.

¹ А. Я н о в с к и й, ук. соч., стр. 109.

² Очерки по истории Азербайджана. ИАН Азерб. ССР, 1946, № 1, стр. 32—42.

³ В. И. Л е в и а т о в. Азербайджан с V в. до н. э. по III в. н. э. ИАН Азерб. ССР, 1950, № 1.

⁴ Д. Ш а р и ф о в. Некоторые памятники искусства и древности Нухинского уезда. Изв. Общества обследов. и изуч. Азербайджана, вып. 2, 1926.

⁵ Д. Ш а р и ф о в. Раскопки в Ялойлу-тапа (Нухинский уезд, 1926 г.). Изд. Общества обследов. и изуч. Азербайджана, Баку, 1927.

⁶ Д. Ш а р и ф о в. Обследование развалин Кабалы. Изв. Общества обследов. и изуч. Азербайджана, вып. 4, 1927.

⁷ И. М. Д ж а ф а р - з а д е. 1) Элементы археологической культуры древней Мугани. ИАН Азерб. ССР, 1946, № 9; 2) Археологические разведки на Апшероне. ИАН Азерб. ССР, 1948, № 6; 3) Археологические работы в Нахичеванской АССР, ИАН Азерб. ССР, 1949, № 5; 4) Историко-археологический очерк Старой Ганджи. Баку, 1949.

Источники и литература

Интерес к историческим судьбам Албании стал принимать более широкие размеры, когда в связи с археологическими работами в районе Мингечаура ежегодно в руки исследователей начало поступать большое количество предметов, обнаруженных во время раскопок могильников и городищ на правом и левом берегах Куры. Срочный характер работ (предстояло затопление определенной площади в связи со строительством Мингечаурской ГЭС) и исключительно большое количество находок, требующих классификации, описания и изучения, не позволили пока азербайджанским исследователям опубликовать сводный монографический труд, посвященный могильникам и поселениям Мингечаура, но тем не менее археологические данные, опубликованные в большом ряде отдельных статей, уже дополняют наши почерпнутые из письменных источников сведения о культуре албанских племен в разные периоды их жизни. В отчетах¹ многолетнего руководителя Мингечаурской экспедиции С. М. Казиева, а также в его статьях, посвященных отдельным группам памятников,² нашли отражение основные результаты раскопок, выявившие материалы, относящиеся ко времени с начала I тыс. до н. э. и до VII — VIII вв. н. э.

Большую работу по раскопкам и изучению кувшинных погребений как в Мингечауре, так и в ряде других районов провела и проводит Т. И. Голубкина;³ ею рассмотрен вопрос о зооморфной керамике из Мингечаура,⁴ о марках (метках) на керамике,⁵ об отдельных находках.⁶

Отчетные статьи С. М. Казиева помещены в «Докладах АН Азерб. ССР» за 1946 г., № 10; за 1948 г., № 9; в «Известиях АН Азерб. ССР» за 1949 г., № 9; за 1950 г., № 7; в «Известиях АН Арм. ССР» (общественные науки) за 1951 г., № 1; в «Вестнике АН СССР» за 1947 г., № 12; в «Вестнике древней истории» за 1948 г., № 2; в «Сборнике докладов на общем собрании АН СССР, посвященном 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции» (М.—Л., 1948); в сборнике «Материальная культура Азербайджана» (т. I, 1949) и в «Кратких сообщениях ИИМК» (вып. 24, 1949).

² С. М. Казиев и Т. И. Голубкина. Об одном кувшинном погребении. ИАН Азерб. ССР, 1949, № 3; С. М. Казиев и Г. М. Аславова. О двух кувшинных погребениях. МКА, т. II, 1951; С. М. Казиев. 1) О двух кувшинных и двух катакомбных погребениях. МКА, т. III, 1953; 2) О некоторых типах оружия из Мингечаура. МКА, т. II, 1951. — Кроме перечисленных работ, С. М. Казиев производил раскопки в районе Кабалы (Изв. Азерб. ФАН СССР, 1945, № 1), в Варташенском и Куткашенском районах (Сборник экспедиций АН Азерб. ССР в 1945 г. Баку, 1947).

³ Т. И. Голубкина. Четыре кувшинных погребения из Мингечаура (раскопки 1950 г.). ИАН Азерб. ССР, 1955, № 11 и др.

⁴ Т. П. Голубкина. О зооморфной керамике из Мингечаура. МКА, т. II, 1951.

⁵ Т. И. Голубкина. Марки на Мингечаурской керамике. ДАН Азерб. ССР, 1949, № 6.

⁶ Т. И. Голубкина. Об одной случайной находке. ДАН Азерб. ССР, 1947, № 10.

Источники и литература

В раскопках Мингечаура и в изучении его памятников, одновременно принимали участие Е. А. Пахомов,¹ Н. В. Минкевич-Мустафаева,² Р. М. Ваидов³ и В. П. Фоменко, Г. М. Асланов⁴ и К. М. Ахмедов.⁵

Г. И. Йоне принадлежит ряд статей, посвященных интересным гончарным обжигательным печам, обнаруженным в Мингечауре,⁶ а также вопросам датировки кувшинных и грунтовых погребений и своеобразным сосудам в виде сапог, находимым в ранних погребениях Мингечаура.

Памятники материальной культуры Албании нашли многостороннего исследователя в лице Е. А. Пахомова, ценные труды которого по нумизматике Кавказа пользуются большой известностью; монетным кладам, обнаруженным на территории Азербайджана, посвящены шесть выпусков.⁹ Перу Е. А. Пахомова принадлежит написанная в 1938 г. статья о необходимости издания сборников найденных в Закавказье эпиграфических памятников,¹⁰ значительный вклад в это дело был внесен им самим работами, посвященными пехлевийским надписям Дербента.¹¹ Кувшинные погребения в Мингечауре и других районах,¹² оборонительные стены времен Саса-

¹ Е. А. Пахомов. Кувшинные погребения из Мингечаура. Изв. Азерб. ФАН СССР, 1944, Л» 9 и др.

² П. В. Минкевич-Мустафаева. О раскопках в Мингечауре в 1941 г. МКА, т. I, 1949.

³ Р. М. Ваидов. Археологические работы в Мингечауре в 1950 г. КСИИМК, вып. 46, 1952; Р. М. Ваидов и В. П. Фоменко. Средневековый храм в Мингечауре. МКА, т. II, 1951.

⁴ Г. М. Асланов. 1) К изучению раннесредневековых памятников Мингечаура. КСИИМК, вып. 60, 1955; 2) Мингечаурское погребение с костяком, закованным в кандалы. ДАН Азерб. ССР, 1953, Л; 4.

⁵ К. М. Ахмедов. Об археологических раскопках на одном участке в Мингечауре. ДАН Азерб. ССР, 1954, № 7.

⁶ Г. П. Йоне 1) Об обжигательных печах Мингечаура. ВДИ, 1948, № 3; 2) Гончарные печи древнего Мингечаура. КСИИМК, вып. 24, 1949; 3) О гончарных обжигательных печах из Мингечаура. МКА, т. II, 1951.

⁷ Г. П. Йоне. 1) Археологические раскопки в Мингечауре. ДАН Азерб. ССР, 1948, № 10; 2) Мингечаурские кувшинные погребения оружием. КСИИМК, вып. 60, 1955; 3) Археологические раскопки в Мингечауре. ДАН Азерб. ССР, 1946, № 9.

⁸ Г. П. Йоне. Глиняные сосуды-сапожки из Мингечаура. МКА, т. 111, 1953.

⁹ Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана и Закавказья, вып. I—VI. Баку, 1926—1954

¹⁰ Е. А. Пахомов. Об издании сборников надписей Закавказья. Изв. Азерб. ФАН СССР, 1938, № 1.

¹¹ Е. А. Пахомов. 1) Пехлевийские надписи Дербента. Изв. Общества обследов. и изуч. Азербайджана, выи. 8, 1929; 2) К истолкованию пехлевийских надписей Дербента. Изв. Азерб. научно-исслед. инст., т. I, вып. 2, Баку, 1930.

¹² Е. А. Пахомов. 1) Обследования и раскопки кувшинных погребений Азербайджана. Изв. Азерб. ФАН СССР, 1939, № 3; 2) Кувшинные погребения из Мингечаура.

нидов на территории Албании, римская надпись в Беюк-Даше,² албанские резные камни (печати)³ тоже нашли в лице Е. А. Пахомова исследователя и истолкователя.

В работах З. И. Ямпольского рассматриваются главным образом вопросы исторические,⁴ к разрешению которых автор подходит, основываясь на данных античных письменных и археологических источников: это вопрос о происхождении албанов,⁵ об «одноименности» наименования обитателей Атропатены и Албании,⁶ об отдельных вопросах социального строя в древний период,⁷ в частности о храмовых землях и иеродулах,⁸ и др.

Ряд других работ З. И. Ямпольского посвящен отдельным памятникам — как обнаруженной в 1948 г. в Азербайджане первой латинской надписи⁹ (чтением и истолкованием ее занимались и другие исследователи прошлого Азербайджана),¹⁰ так и найденной в Шемахинском районе каменной статуе,¹¹ — а также и другим вопросам.¹²

Вышедшая в 1956 г. книга О. Ш. Исмизаде посвящена вопросу о так называемой ялойлу-тапнинской культуре;¹³ в ней суммируются результаты всех произведенных до последнего времени раскопок, выявивших своеобразный характер керамики, находимой в погребениях главным образом Алазанской и Автаранской долин, устанав-

Е. А. Пахомов. Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье. Проблемы истории материальной культуры, № 9—10, 1933.

² Е. А. Пахомов. Римская надпись I в. н. э. и легион XII Фульмината. ИАН Азерб. ССР, 1949, № 1.

³ Е. А. Пахомов. Доисламские печати и резные камни Музея истории Азербайджана, МКА, т. I. 1949.

⁴ З. И. Ямпольский. Вопросы истории Атропатены и Кавказской Албании позднескифской эпохи. (Автореферат). М., 1949.

⁵ З. И. Ямпольский. К вопросу о происхождении кавказских албанцев. Изв. Азерб. ФАН СССР, 1945, № 1.

⁶ З. И. Ямпольский. Об одноименности древнейшего населения Атропатены и Албании. Труды Института истории и философии АН Азерб. ССР, т. IV, 1954.

⁷ З. И. Ямпольский. «Гегемоны» древнего Азербайджана (к характеристике социального строя). ДАН Азерб. ССР, 1953, № 3.

⁸ З. И. Ямпольский. Из истории древней Кавказской Албании. (Авторефераты докладов в ИВ АН СССР). М., 1949.

⁹ З. И. Ямпольский. 1) К римской надписи в Азербайджане. ИАН Азерб. ССР, 1949, № 1; 2) Вновь открытая латинская надпись у горы Беюк-даш ВДИ, 1850, № 1.

¹⁰ См. стр. 343.

¹¹ З. И. Ямпольский. О статуе найденной на территории Кавказской Албании. КСИИМК, вып. ВО, 1955.

¹² З. И. Ямпольский. К изучению древнего пути из Каспийского моря по реке Куре, через Грузию к Черному морю. Труды Института истории АН Груз. ССР, т. II, 1956.

¹³ О. Ш. Исмизаде. Ялойлутенинская культура. Изд. Института истории АН Азерб. ССР, Баку, 1956

ливается диапазон распространения ятой культуры и ее хронологические рамки, прослеживаются древние связи носителей этой культуры с Передней Азией и странами Закавказья и переплетение характерных черт этого типа погребений с другой, одновременно широко распространенной «культурой кувшинных погребений».

В 1957 Г. вышел второй том «Материалов по истории Азербайджана»,¹ в котором освещаются и некоторые вопросы истории и культуры Кавказской Албании: об алфавите (А. Г. Шанидзе и Л. М. Меликсет-Бек), о раскопках Орен-Кала (А. А. Иессен и Н. В. Минкевич-Мустафаева), о ремеслах и торговле раннесредневековых городов (С. Б. Ашурбейли) и о рельефе с павлинами из Судагылана (Г. Н. Чу-бинашвили).

Когда настоящая работа находилась уже в производстве, вышли в свет «Очерки истории Дагестана» и первый том «Истории Азербайджана», в которых соответственные главы посвящены истории Кавказской Албании. В «Очерках истории Дагестана»² В. Г. Котовичем написан раздел, посвященный Дагестану в составе Кавказской Албании, а А. Р. Шихсаидовым глава о становлении и развитии феодальных отношений. Хотя в предисловии и отмечается неполная освещенность некоторых вопросов ввиду недостаточной еще археологической и этнографической изученности древнего и средневекового Дагестана, упомянутые выше главы дают краткий, но основанный на первоисточниках и хорошо изложенный обзор истории народов Дагестана в период их политической и культурной связи с Кавказской Албанией. По вопросу о северных границах Албании дагестанские ученые, придерживаясь точки зрения С. В. Юшкова, Эйхвальда, Маннерта и др.³ и основываясь на данных Птолемея, как известно, считавшего, что граница между Сарматией и странами Закавказья шла от Черного моря до Каспийского, через реку Корак, Сарматские (Дарьяльские) ворота и до устья Соаны,⁴ полагают, что большая часть Дагестана входила в состав Албании. Соану авторы отождествляют с р. Суланом, а р. Корак с р. Кодором. Археологические исследования последнего времени, по словам В. Г. Котовича, подтверждают эту точку зрения.⁵

¹ Материалы по истории Азербайджана. Труды Музея истории Азербайджана АН Азерб. ССР, т. II, 1957

² Очерки истории Дагестана. Изд. Института истории, языка и литературы им. Гамзата Цадасы Дагестанского филиала АН СССР, т. I, 1957.

³ См. выше, стр. 29 и сл.

⁴ Птоломей, География, кн. V, гл. 8, 7. 8. 11.

⁵ Археологическое обследование горного Дагестана имеет исключительно большое значение для выяснения и решения ряда основных вопросов, поэтому нельзя не пожалеть, что отчеты В. Г. Котовича и М. И. Пиккуль о работах, проводившихся ими за последние пять лет, все еще не опубликованы

Источники и литература

15 коллективном труде «История Азербайджана»¹ Кавказской Албании посвящен сжатый, но прекрасно изложенный очерк, дающий обоснованное письменными и археологическими данными представление о ходе исторического процесса. О развитии материальной культуры дает представление хорошо подобранный иллюстративный материал, главным образом по находкам в Мингечауре.

Одновременно в Институте истории АИ Азерб. ССР и в Музее истории Азербайджана подготавливается монография, посвященная результатам изучения богатейшего материала, добытого раскопками в Мингечауре, а также ряд других работ, основанных на археологических данных.

Западноевропейские ученые Кавказской Албанией специально не занимались. Речь о ней идет только в трудах некоторых географов, пытавшихся сопоставить имеющиеся у Плиния и Птолемея наименования рек и городов с ныне существующими названиями. Большой интерес представляют посвященные Кавказской Албании статьи и «Энциклопедии классических древностей» Паули—Виссона—Кроль, и особенности статьи В. Томашека.² Определяя границы Албании по Плинию и Птоламею, В. Томашек считает североюжной ее границей Кавказский хребет с его восточными отрогами - Керавскими горами, идущими до Дербента; на востоке границей, по его мнению, являлось Каспийское море от устья Сулака (Soanes) или Самура (Caesius) до устья Куры; на юге - нижнее течение Куры; на западе — хребет между рр. Иорой и Алазанью.

Томашек включает Каспийское побережье в состав древней Албании, ссылаясь на то, что море между указанными устьями носило название «*mare Albanum*», и на то, что Птолемей упоминает два островка, а Страбон говорит о низких песчаных островках и движущихся дюнах и устье Куры. О перечисленных у Птолемея поселениях и городах Томашек говорит, что все они — не что иное, как «пустой звук», кроме Гапгара—Баку и Хабала (Кабалака) — Кабала в центре ШеКИ. Эти поселения, по его мнению, погибли, так как были построены из глины и камыша. Что же касается попыток идентификации их, сделанных западноевропейскими учеными (д'Анвиль, Маннерт, Эйхвальд), а также А. Яновским и Б. А. Дорном, то В. Томашек считает их тщетными.

В 1901 г. вышла большая книга П. Маркварта,³ посвященная Филологическому и историческому разбору новой, более полной

¹ История Азербайджана, г. I. Иад. Институт истории АН Азерб. ССР Баку, 1958.

² W. Tomaschek. *Albania* PWK. ³ J. Marquart, I. c

редакции «Армянской географии» VII в.;¹ хотя в этой работе специально Албании посвящено сравнительно немного страниц, том не менее это немногое вместе с многочисленными, разбросанными по книге отдельными замечаниями касательно истории и топонимики Албании представляют очень большой интерес.

Неизвестный автор статьи об Албании и «Британской энциклопедии»,² основываясь на сведениях Плиния (VI, 39), полагает, что албаны обитали и в горных равнинах, и в стране к северу, граничащей с Сарматией, т. е. в современном Дагестане. В отличие от Томашека и Андреаса он касается и вопроса об этническом происхождении албанов. Оспаривая мнение Дионисия Галнкарнасского, согласно которому албаны являлись якобы потомками эмигрантов из области Alba в Италии, он допускает их лезгинское происхождение.

В вышедшей в 1953 г. труде Р. Вейнхольда и Д. Тренде, посвященном истории народов Кавказа по античным источникам,³ несколько страниц уделено Кавказской Албании. Авторы, между прочим, отмечают невыясненность вопроса о каепиях, которых «ни один из античных авторов ни разу не видел»; они полагают, что древние албаны являются одним из важнейших компонентов в сложении современных народностей Дагестана (главным образом аваров). В своих выводах они приходят к правильному заключению, что постоянный военный и политический важны то северных кочевников, то римлян, то персов и византийцев привел к объединению албанских племен, к внутренней их консолидации.

В 1957 г. вышла статья Даусетта,⁴ посвященная содержанию тех двух страниц, которые выпали из основной эчмиадзинской рукописи «История Албании» (кн. III), а затем были найдены Х. Дадяном и им изданы в 1897 г.⁵ Так как соответственный текст (835—840 гг) сохранился в рукописи Британского музея, Даусетт издает и комментирует этот отрывок, останавливаясь и на предании о рыбе-драконе, вишане, появившемся в 835 г. в Куре.

¹ Geographie de Moise de Corene d'apres Ptolemee, trad, par le P. A. Soukry. ² Encyclopaedia Britannica, vol. I. Cambridge, 1910, 481.

³ R. W e i n h o l d und D. T r e i d e. Die Völkersehaften des Kaukasus im Altcrtum nach verschiedenen antiken Autoren vom 6. Jahrhundert v u. Zeitrechnung bis zum 2 Jahrh. n. u. Z. Ethnographisch-archaologische Forschungsugen, Bd I, Berlin. 1953.

⁴ C. J. F., Dow sett. A neglected passage in the history of the Caucasian Albanians. BSOAS, London, 1957. vol. XIX, part 3, pp. 456—468.

⁵ См, выше, стр. 13.

Природные условия Албании отличались большим разнообразием: горные хребты, покрытые вечным снегом вершины, обширные степи, плодородные долины, альпийские луга в предгорьях, большие реки — Кура с ее притоками, Аракс, Пирсагат, Сумгаит, Самур и др. — и множество горных речек.

О реках Албании, главным образом о Куре, древние авторы сохранили нам ценные сведения. Кура, по словам Страбона, «прежде называлась Корою, но потом царь Кир якобы «назвал ее своим именем, отменив старое название, потому что эта река такая же стремительная, каков был, но слухам, и он сам», — пишет в IV в. Аммиан Марцеллин, передавая старое предание.⁸

Страбон рассказывает,³ пользуясь, но-видимому, отчетами Патрокла и сочинениями спутников Помпея, что Кура течет по богатым пастбищам, имеет сильное течение, принимает еще много других рек и впадает в Каспийское море. Из притоков Куры, по-видимому левобережных (поскольку правобережье тогда не входило в состав Албании), Страбон называет Алазаний, Сандобанес, Ройтакес и Ханес. Кроме Алазаии, другие три левых притока с уверенностью отождествить не удастся, тем более, что, по Страбону, «все они судоходцы», а это в настоящее время не соответствует действительности. Возможно, что этими названиями в древности обозначались три левых притока Куры после Алазаии, а именно Алджеган, Турьян и Гёк-чай.

¹ Страбон, География, кн. XI, гл. 3, 2 (С. 500).²

Аммиан Марцеллин, кн. 23, гл. 6, 40³ Страбон, кн. XI, ГЛ. 3, 1.

Устье Куры, по Страбону,¹ «разделилось на 12 рукавов, один (из них) занесены илом, а другие мелки и не могут служить стоянкою для судов». Далее Страбон объясняет, что русло заполнено обильным илом и вследствие этого «островки [в устьях] соединяются с материком и образуют непостоянные мели», а это «непостоянство еще увеличивают разливы от приобья». Наносы ила вдоль берега тянутся на протяжении 500 стадий, продолжает Страбон, «образуя покрытый дюнами берег», поэтому «вся эта часть (побережья) неприступна» т. е. недоступна судам.

Это описание Куры, вернее ее устья, и безлюдного побережья Каспия относится, по-видимому, к III в. до н. э. и, может быть, взято из отчета Патрокла, поскольку Страбон тут же добавляет сведения об Араксе, относящиеся к более раннему периоду, от устья Куры «неподалеку впадает в Араке, стремительно вытекающий из Армении». На основании этого текста Страбона было высказано предположение, что Аракс некогда впадал в Каспий самостоятельно и что только впоследствии, изменив русло, он стал впадать и Куру. Но Плиний в I в. н. э. писал, что Аракс, «как полагают многие, в русле Кира вливается в Каспийское море»². Видимо, в первых веках нашей эры не было единой точки зрения на этот вопрос, так как и в начале II в. у Плутарха имеется указание, что Кура «принимает вытекающий из Армении Аракс и разделяясь на 12 рукавов, впадает в Каспийское море. Некоторые же говорят, что эти реки не соединяются, а вблизи друг от друга впадают в одно и то же море»³. Это говорится в главе 34, а в тексте главы 30 тот же Плутарх сообщает об Араксе, что он, «повернув на восток, вливается в Каспийское море». Подобное противоречие можно объяснить отсутствием интереса Плутарха к этому вопросу и тем, что он некритически выписывал из разновременных своих источников сведения о какой-то реке в далекой Албании, не останавливая своего внимания на разноречивости сообщаемых фактов. К. И. Нейман.

¹ Страбон, кн. 41, гл. 4, 2 (С. 501); Аппиан. Войны Митридата, 103. ² Плиний. Естественная история, кв. VI, гл. 10 (§ 26). — Указания на параграфы даются по изданию Майхоффа (С. Маухофф. Lipsiae, 1906).

³ Плутарх. Помпей, гл. 34 (637).

еще в прошлом веке обративший внимание на эту несогласованность сведений у древних авторов и, в частности, в труде одного и того же автора, объясняя эту пестроту сведений об устье Аракса тем, что Плутарх пользовался сочинением Феофана Митиленского, у которого, быть может, имелось описание бифуркации Аракса в его низовьях,¹ т. е. могло иметься сообщение о том, что одним протоком Аракс вливается в Куру, а другим — в Каспий. Медь в том же II в., когда писал Плутарх, Птолемей, пользуясь, вероятно, теми же источниками, отмечал именно это своеобразие устья Аракса, а именно, что он «одним рукавом изливается в Гирканское [Каспийское] море, а другим соединяется с рекою Курок) В местности, лежащей под 78°30'—44°30'».²

К. И. Нейман³ полагает, что сомнения в том, что Аракс вливался когда-то непосредственно в море, быть не может, поскольку сохранилось древнее русло его, соединяющее озеро Ияча с заливом Кизыл-Агач¹ и что сведения Страбона соответствуют действительности.

Известное сообщение Страбона о морском пути из Индии в Понт (по Аму-Дарье — Каспию—Куре и дальше), о котором он говорит со ссылкой на Аристобула, Эратосфена в Патрокла,⁵ вызвало много различных толкований. Слова Страбона о сильной заболоченности устья Куры, о несудоходности ее рукавов в побережья в корне противоречат утверждению Аристобула. Этому вопросу много внимания уделил В. Тарн,⁶ по мнению которого, у Патрокла в отчете говорилось, наверное, о том, что товары могут легко быть перевозимы вниз по Аму-Дарье к Каспийскому морю, а затем к Куре. Предположение Патрокла о такой возможности, говорит В. Тари было воспринято как факт: дело в том, что устье Атрека Патрокл принял за устье Аму-Дарьи и потому допускал возможность такого пути через Албанию и Иберию в Черное море. Действительно, у Страбона по второй книге, где он излагает данные из отчета Патрокла, говорится, что по судоходному Оксу м о ж н о «перевезти индийские товары и с легкостью спустить их (сначала) до Гирканского моря, а затем поочередно через реки и до Черного моря»

¹ K. J. Neumann. Strabons Landeskunde des Kaukasus. Jahrbuch der klassischen Philologie, suppl. XIII, Leipzig. 1883. S. 346.

² П т о л м е й. Географии, кн. V, гл. 12, 6

³ K. J. Neumann, I. e. S. 346.

⁴ K. Bar. Der alte Lauf des armenischen Araxes. Bulletin de la classe des sciences historiques de l'Acad. de St.-Petersbourg, I. XIV, 1857, pp. 305—349.

⁵ С т р а б о н, кн. XI, гл. 7, 3 (С. 509).

⁶ W. W. Tarn. The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1938, p. 488.

Эратосфен же, пользуясь данными Патрокла, слова о том, что можно «легкостью» перевезти товары, обратил в сообщении о том, что товары перевозят. Эратосфен либо не понял этих слов, либо писал по памяти и внес в текст некоторые изменения, говорит В. Тарн. У Плиния, по словам Варрона (I п. до н. э.), говорится, что «индийские товары, перевезенные через Каспийское море в Куру, м о г у т б ы т ь перевезены не более как в пять дней сухим путем до Фасиса, который впадает в Черное море» («per Caspium in Cyrum subvectas, quicque non amplius dierum terreno itinere, ad Phasin in Potilum iudicas posse devehī merces»)²

Из цитат Страбона и Плиния с очевидностью следует, что в трудах вышеприведенных древних авторов мы имеем дело с отголосками обсуждения в свое время возможности такой перевозки товаров из Индии в порты Черного моря, а не с фактом осуществления такой транспортировки индийских грузов на запад.³

Нами рассмотрены лишь два спорных вопроса, связанных с Курю и Араксом на территории Албании, о других же реках речь будет идти по мере надобности в соответственных частях работы.

По словам Страбона, албанская народность образовалась из 20 племен, из которых каждое некогда имело свой язык и своего царя. Гнида с переходом к оседлому земледелию необходимость, с одной стороны, совместной обороны против кочевников и враждебных племен, а с другой — совместного производства ирригационных работ привела эти племена к объединению, то их возглавило племя албанов, вероятно наиболее, мощное в экономическом и военном отношении.

Письменные источники не сохранили нам названия всех этих племен, только о некоторых, по-видимому наиболее выдающихся, имеются кое-какие отдельные данные или упоминания. Коренной территорией албанов являлась территория по среднему и нижнему течению Куры, преимущественно левобережная ее часть; правобережное низовье Куры, в древности носившее название Каспианы, тоже входило в состав Албании, как это отмечает Страбон: «... во владении албанов находится и Каспиана.

¹ Страбон, кв II, гл. 1. 15 (С. 73). ² Плиний, кв.

VI, гл. 17 (52).

³ По мнению Я. А. Манандяна, главным транзитным путем являлась караванная дорога, шедшая через Экбату и Гавдак (Атропатена), а не морской путь через Каспийское море (Я. А. Манандян. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Изд. 2-е, Ереван. 1954, стр.57).

⁴ Плиний, кн. VI, гл. 10 (20): «... всей равниной по Куры владеет народ албанов» («planitium omnem a Cyro usque Albanorum gens tenet»).

Говорит ли Страбон о своем времени или повторяет сказанное одним из его предшественников по описанию Закавказья, сказать трудно; не исключена возможность, что Страбон, говоря о Каспиане, имел и виду не только территорию к югу от низовьев Куры, но и левобережье ее (Апшеронский полуостров и прилегающие области), где население в первые века нашей эры может быть, и продолжало носить наименование каспиев. Страбон является первым из античных авторов, который называет албанов и который посвящает им отдельную главу и своей «Географии». Объясняется это событиями, имевшими место за полстолетия до Страбона, а именно — походами на Кавказ Лукулла, Помпея и Антонин, во время которых римляне впервые столкнулись с албанами. Описывая в одной из глав Каспийское море и прибрежные горы, Страбон с ссылкой на Патрокла сообщает, что «на горных склонах до вершин, начиная от моря, обитают на небольшом пространстве часть албанов и армян, но на большей части — гелы, кадусии, амарды, уитии и анариаки».²

В посвященной Албании главе Страбон возвращается к вопросу расселения албанов: «Живут они [албаны] между иберами в Каспийском морей, на востоке примыкают к морю, на западе граничат с иберами; из остальных сторон северная ограждается Кавказскими горами (они высятся над равнинами, ближайšie к морю называются Ксравиця), южную образует смежная Армения».³ Если Страбон и в данном случае пользовался материалами Патрокла, то сведения эти могут восходить и к периоду около III в. до н. э., но принимая во внимание, что Страбон писал свою историю полвека спустя после походов Помпея, более вероятным представляется, что речь идет о I в. до н. э. Те же сведения имеются в у Плиния. Перечисляя народы, обитающие в восточном Закавказье к югу от савроматов, он называет удинов и албанов: «На самом краю пролива⁴ живет скифский

¹ Страбон, кн. XI, гл. 4, 5 (С. 502).

² Там же, гл. 7, 1 (С. 508). — В данном контексте я не касаюсь вопроса о кадусиях, амардах и анариаках, обитавших на территории южнее Албании.

³ Стр а Со В, кн. XI, гл. 4, 1 (С. 501).

⁴ Плиний полагал, что на северо-западе Каспийское море проливом соединяется с океаном.

народ удины, за ними на побережье — албаны, происшедшие, по преданию, от Ясона, и по которым имеющееся перед ними море называется Албанским. Это племя, расселившееся по кавказским горам доходит, как сказано, до реки Куры, [являющейся] границей Армении и Иберии. Выше прибрежной его [области] и племени уди-нов простираются [земли] сарматов, утидорсов» («micronem ipsum faucium tenent Udini scytharum populus; dein per Oram Albani, ut lerunt, ab Iasone orti, ante quos quod man' est Albanum nomi-natur. Naocgens supertusamontibus Caucasus ad Cyrum amnem, Arme-niae conlinium atque Hiberiae, descendit, ut dictum est. Supra mari-tima eius Udinatorumque gentem Sarmatae, L'tidorsi... praetenduntur»)-¹

Таким образом, и по Плинию, албаны живут не только в горах, но и на побережье Каспия, причем южная граница проходит по р. Кукре.

Античные источники сохранили нам названия еще нескольких племен, входивших в албанский союз,— это утии, гелы, леги, гар-гары, сильны, дидуры.

В вышеприведенных текстах Страбона в Плиния говорится о соседях албанов— об утиях, которые тоже занимают прибрежное пространство, от моря до вершин горного хребта. Те же данные о них имеются и у Птолемея, который сообщает, что «у Каспийского моря живут уды, и олонды, и исонды, и герры».

То обстоятельство, что и Страбон, и Плиний, и Птолемей, говоря об утиях-удиных, указывают на Каспийское побережье как на место их обитания, объясняется тем, что все эти писатели пользовались, по-видимому, отчетом Патрокла, который, обследуя с моря побережье, мог знакомиться только с той частью утиев, которые жили в прибрежных гористых районах, тогда как основная часть этого племени занимала левобережье и правобережье Куры (ниже устья Алазани).

К последующие века этническое наименование «утии», «удины» сохраняется в трудах древних историков как название области «Отена» (греч. форма) или «Утик» (арм. форма) за правобережьем Куры (низовья р. Тертера) — за областью, входившей до IV в. в состав Армении, а затем ставшей территорией Албанского царства.

Моисей Хорейский ³ и Моисей Каланкатуйский ⁴ сохранили предание, согласно которому утии считаются потомками мифического албанского предка — правителя Арана, посаженного в Алба

¹ Плиний, кн. VI, гл. 13 (§§ 38—39).

² Птоломей, кн. V, гл. 8, IT—25 (перечень идет с юга ни север).

³ Моисей Хоренский, кн. II, гл. 8.

⁴ Моисей Каланкатуйский, кн. I, гл. 4.

нию якобы легендарным армянским царем Валаршаком. Это дает основание предполагать, что утии являлись одним из коренных племен в албанском союзе. Как известно, в настоящее время два селения на территории древней Албании, Нидж и Варташен,¹ в Нухинском районе заселены маленькой народностью — удинами, которые являются, *по-видимому, потомками утиев и наиболее близкими* потомками албанов.

О племени гелы выше говорилось, что, по Страбону, они, как и албаны в утии являлись обитателями Каспийского побережья и его горных районов. Ссылаясь на спутника Помпея, Феофана Митиленского побывавшего в Албании, Страбон в другой главе пишет, что «*между амазонками и албанами живут гелы и леги — скифы*».²

Плутарх повторяет сказанное Страбоном, а именно, говоря об «амазонках», отмечает, что «*между ними и албанами обитают гелы и леги*»³

Гелы, между прочим, жили не только севернее албанов, но в у юго-западного угла Каспия (область Гилян), о чем свидетельствует и историческая традиция.

Упоминаемые рядом с телами леги⁴ обитали, по-видимому в горных районах бассейна р. Самура, севернее удинов и албанов. То обстоятельство, что легов и голой Страбон называет скифами, дает основание полагать, что этнически эти горские племена отличались от удинов и албанов.

О племени сильвов Плиний сообщает, что «*за проделали Албании по всему челу гор [обитают] дикие племена сильвов*» «*gursus ab Albaniae continio tota gaontium Tronte genles Silvorum terae*».⁵ Является ли это название латинизированной передачей местного термина (у армянских авторов они называются «чилбы») или переводом какого-то местного термина, указывающего па обитание в лесах, судить трудно.

¹ М. Б е ж а н о в. Краткие сведения о сел. Варташен и его жителей. СМОМПК, вып. XIV, 1892, стр. 213—262.

² С т р а б о н, кн. V, гл. 5, 1 (С. 503).

³ П л у т а р х. гл. 35 (638).

⁴ Леги считаются предками современных лезгин, одной из народностей Дагестанской АССР, живущей компактно в юго-восточной части Дагестана и в смежных районах северной части Азербайджанской ССР (Л. И. Л а в р о в. Лезгины. Сб. «Породы Дагестана», М., 1955, стр. 102).

⁵ П л и н и й, кн. VI, гл. 10 (§ 29).

«Ниже (infra) сильвов» жило другое племя — лупенци, говорится там же у Плиния. Лупенци — «линны» или «лбины» армянских авторов, к греческой версии Агафангела, *lyponcs* на карте Певтингера — жили на южных склонах Кавказских гор, а именно в долине Алазани. С. Т. Еремян указывает, что на карте Птолемея у южного подножия кавказских гор, между Иберией а Албанией, показана «деревня Лубион».¹

С. Т. Еремян, сопоставляя этнические термины «албаны» и «лбины», видит во втором из них усеченную форму первого и обосновывает это свое положение ссылкой на интересные топонимические данные.² Но этой точке зрения противоречат как указания Плиния, который, как говорилось выше, различает территориально эти два племени, так и титулатура албанского католикоса, которая, начиная с VI в., гласит: «католикос Албании, Лпинии и Чора».³ Здесь несомненно упомянуты три основных различных албанских области, поэтому едва ли может быть речь о тождестве Албании и области лбинов.

«Затем обитают Дидуры и соди» (*diduri el sodi*), — продолжает Плиний. «Дидуры» — дидои армянских авторов, *dido-el-ni* грузинских авторов, — по-видимому, предки современных дидойцев, живущих в верховьях р. Андийское Койсу.⁴ О расселения племени соди сведений нет.

Все ли перечисленные племена объединились с албанами одновременно и когда именно (в IV—III вв. или позже), мы не знаем, как не знаем и того, когда объединились с албанами гаргары, являвшиеся в V в. обитателями части Карабахской степи. За пять веков до этого о них упоминает Страбон, говоря, что они обитают «рядом с амазонками на северных предгорьях Кавказских гор, называемых Керавния»⁵ причем гаргары якобы пришли сюда вместе с амазонками.⁶

В этом легендарном предании могло сохраниться воспоминание о том, что некогда это племя или часть его обитала в горах. Но в III в. н. э. гаргары, очевидно, уже переселились с гор в равнинную область (Карабахская степь), откуда часть их, быть может, вообще не уходила. Дело в том, что у Моисея Кореяского сохранился рассказ о Трдате III (287—330), который «спустился на равнину Гар-

¹ С. Т. Е р с м я н. Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Варяз-Трдата к хазарскому хакану Али-Илитверу. Зап. ИВ АН СССР. т. VII, 1939, стр. 148—149.

² Там же, стр. 149.

³ М о и с е й К а л а н к а т у й с к и й, кв. III, гл. 23.

⁴ С. Т. Е р е м я н, ук. соч., стр. 149.

⁵ С т р а б о н, кн. XI. гл. 5, 1 (С. 504).

⁶ Там же, гл. 5, 2 (С. 504).

гараци».¹ Так как гаргары упоминаются у него в числел потомков Арана,² мы в праве предполагать, что они являлись одним из древнейших (наряду с утиями) и наиболее выдающихся племен в составе Албанского союза.

Как известно, в V в. Месроп Маштоц, создавая албанский алфавит, в основу его положил гаргарское наречие албанского языка («создал письменна гаргарского языка, богатого горловыми звуками»).³ Это последнее обстоятельство позволяет высказать предположение, что именно гаргары являлись наиболее культурным и ведущим албанским племенем. Если именно к ним приложимо наименование «албаны» в узком понимании этого слова, тогда вопрос о времени объединения их с албанами, естественно, должен отпасть.

Среди племен, образовавших Албанский союз, были и какие-то потомки скифских или сакских племен, быть может, из числа тех, которые некогда, устремляясь через Албанию в Армению, осели в плодородных долинах по берегам Куры: на правом ее берегу — это область Шакашен (Сакасена), выше впадения в Куру слева Пору и Алазани (северо-западнее области Отены—Утик), а на левобережье — район Шаке, выше Кабалаки, в предгорьях Кавказа. У древних авторов, а также у армянских и византийских писа-телей имеется перечень еще целого ряда названий горских и иных племен, в которых можно усматривать наименования тех племен, из которых сложился некогда союз, возглавленный албанами, но установить их точные древние наименования и вылепить занимаемые ими территории не представляется возможным на данном этапе наших знаний, к тому же без учета материалов лингвистического и этнографического порядка и при отсутствии археологических, показателей.

Что касается амазонок, то о мифическом их характере говорил уже Страбон.⁴ По словам Феофана Митиленского, они якобы оби-тали в горах выше «скифских племен», гелов и легов, где-то в северных предгорьях Керавнских гор, рядом с гаргарамп (по словам Метродора Скепсийского и Илсикрата, «также знакомых с этими странами»)⁵. Оставляя в стороне существующие в науке взгляды на этот вопрос, укажу на интересное предположение А. Яновского, согласно которому амазонками Плутарха могли являться жены кочевых албанов, которые сопровождали мужей верхом, «как женщины и теперь (1845 г.) на Кавказе ездят верхом».⁶ Возможны и дру-

¹ Моисей Хоренский,

² Там же, гл. 8.

³ Там же. кн. III, гл. 54.

⁴ Страбон. кн. XI, гл. 5, 3 (С. 504).

⁵ Там же. гл. 5, 1 (С. 503—504).

⁶ А. Яновский. О древней Кавказской I. II, стр. 203.

гие объяснения: быть может, бытовавшие на Кавказе — «амазонки» древних авторов — не что иное, как искаженный этнический термин «алазоны»,¹ обитатели местности по р. Алазани, у которых пережитки матриархата могли сохраняться несколько дольше, чем у других кавказских народов. В этой связи следует упомянуть также, что термин может обозначать «кочевники» (от глагола «бродить»), «скитаться», «блуждать»), т. е. кочевые племена, быть может, из состава гаргаров.¹

Основные исторические факты

Албанские племена у Геродота еще не упоминаются. Из числа племен, соседивших и, быть может, родственных албанам, в его «Истории» названы только каспии,³ входившие в одиннадцатую сатрапию Дария.⁴ У Гекатея Милетского говорится о других соседях албанов — о мюках: «. . .от мкюков до Аракса реки».

Геродот определенно говорит о распространении владычества персов до Кавказского хребта: «. . . колхи обложились приношением (дарои], а также соседи их до Кавказской горы (ибо до этой горы владычествуют персы)»⁶ Следовательно, мы имеем полное основание полагать, что все Закавказье находилось в зависимости, по-видимому поминальной, от Персии. Из приведенной цитаты видно, что ей подчинялись колхи, т. е. обитатели восточного Причерноморья; ей подчинилось и население западного Прпкаспия, поскольку в составе одной из сатрапии значатся каспии, а этим термином, как мне кажется, в V в. до н. э. обозначалось не только племя каспиев, но и другие прикаспийские народности, в том числе и албаны. В таком понимании этого термина, по-моему, заключено решение запутанного вопроса с каспиями западного побережья Каспийского моря. Дело в том, что неясность этого обозначения еще в I в. н. э., привлекла к себе внимание Плинии, отмечавшего, что у авторов «нет большей непосредственности в отношении других народов», как по вопросу об

¹ См. в словаре Стефана Византийского: «Алазов — племя, соседнее со скифами».

² Говоря об одном стихе Илиады, Стрибон (кн. XII, гл. 3, 21, С. 550) писал: «. . . одни, переделывая, пишут „алазоны“, другие — „амазоны“, См: Элий Гордиан (III в.). кн. I, гл. 28, 6—20.

³ О каспиях см. стр. 50 и сл.

⁴ Геродот. История, кн. III, гл. 92

⁵ Гекатей, фрагм. 170.

⁶ Геродот, кн. III, гл. 97.

обитателях Каспийского побережья («*nes in alia parte maior auctororum inconstantia*»).¹ Страбон, как известно, то приводил каспиев и связь с мидянами, т. е. с населением южной Атропатены,² то писал, что «в стране албанов имеется Каспиана, названная, как и море,³ по имени народа каспиев, ныне исчезнувших»

В данной главе вопрос о каспиях рассматривается постольку, поскольку упоминание их у Геродота дает, мне кажется, основание полагать, что входившие в их состав албаны, будучи подчинены Дарием, входили в V в. до н. э. в состав одиннадцатого округа, выплачивали дань персам и несли военную службу. Геродот называет каспиев в составе войска Ксеркса и, между прочим, отмечает своеобразие их одежды, а именно — верхнюю одежду в виде бурки

Все это приводит к заключению, что среди каспиев должны были находиться и албаны, иначе трудно понять их внезапное появление при Гавгамеле в составе персидского войска и то довольно почетное место, которое они в нем занимали (о чем речь будет дальше). Удачнее всего подошел к решению этого вопроса В. Тарн, который подверг сомнению существование такого народа — каспиев («*if they ever existed*») - и высказал предположение, что названием этим обозначались народы, жившие в Прикаспийской области." Но В. Тарн, специально албанами не занимавшийся, естественно, не останавливается на вопросе о том, что в VI—V вв. под наименованием каспиев, по-видимому, следует разуметь и албанов.

Мне думается, что мое предположение о каспиях-албанах подтверждается вышеприведенным высказыванием Страбона: «В стране албанов имеется и (страна) Каспиана, названная, как и море, по имени народа каспиев, ныне исчезнувших». К. Нейман, переводя эти слова Страбона, полагает, что каспии к этому времени, были отодвинуты с побережья внутрь страны, поскольку, по «Армянской географии», каспии в VII в. н. э. обитали на территории, доходящей до устья Аракса. т. е. в области Пайтакаран по соседству с утиями.⁷

¹ Плиний, кн. VI, гл. 17 (§ 51),

² С т р а б о н, кв. XI, гл. 14, 5 (С. 528).

³ Там же, гл. 4, 5 (С. 502).

⁴ Г е р о д о т, кн. VII, гл. 67.

⁵ W. W. Tarn. Alexander the Great, t. II Studies and sources. Cambridge, 1950, p. 13.

⁶ С т р а б о н, кн. XI, гл. 4, 5 (С. 502).

⁷ К. J. Neumann. Die Fahrt des Patrokles auf dem Kaspischen Meere und der alte Lauf des Oxos. Hermes, Bd. XIX, H. 2, 1884, SS. 172—173.

Допустимо предположение, что албанские племена, входившие в состав каспиев, могли и не передвигаться в глубь страны, а продолжать обитать на своем старом месте, но под наименованием «албаны», тогда как племена в области Пайтакаран могли сохранять до VII в. н. э. свое старое, более общее название «каспы».

Албаны-каспии продолжали оставаться в зависимости от Ахе-менидов и в IV в. до н. э., поскольку они принимают участие в битве при Гавгамеле. (около Ниневи), в том сражен ни, исход которого решил участь Ахеменидской империи. Сведения об этом сохранились у Арриана (II в. н. э.), описавшего походы Александра на основании официальных дневников, которые велись сопровождавшими Македонца специальными лицами из его военного окружения? Арриан, пользуясь этими данными, упоминает в письменных источниках албанов, находившихся в составе войска Дария III, в которое, по его словам, входили не только персы, но и народы Средней Азии (бактрийцы, согдийцы, парфяне, саки, арахосии), а также мидяне, «а с мидянами соединены были кадусии, и албаны, и сакашены»¹ Ссылаясь на Аристубула, Арриан уточняет то место, которое албаны занимали в построенном для сражения войске последнего Ахеменида: «...затем албаны и сакашены, эти [примыкали] к середине всей фаланги»

В обоих случаях Арриан называет рядом албанов и сакашенов, т. е. представителей двух народностей из состава племен, некогда объединенных под наименованием каспиев. Выделение из их числа именно албанов и сакашенов (двух соседних народов, обитавших в бассейне левого берега Куры) дает основание предполагать, что они являлись наиболее крупными племенными объединениями, по всей вероятности лучше других оснащенными вооружением и отличавшимися, быть может, высокими военными качествами. Иначе трудно себе представить те соображения, которыми руководствовались Дарий и его военачальники, когда они воинам на отдаленных Албании и Шакашена отводили место около середины всей фаланги.

Столь же большой интерес представляет другое указание Арриана, когда он описывает ту картину, которая открылась перед македонцами и греками, когда они, поднявшись, очевидно, на высоту, увидели вдруг Дария в окружении своего боевого построения: «Когда же близко уже оказались войска, то видимы стали и Дарий, и те, кто окружали сто, яблоконосцы-персы, и индусы, и албаны. и карийцы, насильно приведенные, и нарды-стрелки, поставленные против самого Александра и царского отряда»

¹ Арриан. Анабазис, кн. III, гл. 8, 4.

² Там же; гл. II, 4.

Албания а IV—II до н. э.

Во-первых, здесь повторяется указание на какое-то привилегированное в военном отношении положение албанов, которые среди других могли быть рассмотрены в центре построения, в ближайшем окружении персидского царя и его гвардии — персов-яблоконосцев.² Текст дает основание полагать, что определение «насилно приведенные» относится не только к карийцам, но и к индусам и албанам, которые едва ли добровольно находились в составе персидского войска. Военные качества этих «насилно приведенных» народностей были грекам и македонцам, видимо, хорошо известны, поскольку они их (по вооружению и одежде)³ сразу смогли отметить, и этими качествами следует объяснять и расположение их в самом опасном месте — против Александра и царского отряда. Таким образом, это первое упоминание албанов в связи с событиями IV в. до н. э., о которых Арриан несомненно писал, основываясь на записях сопровождавших Александра военных историков, его биографов. Первое появление албанов на исторической арене сопровождается описанием их боевых качеств и лишней раз опровергает ту примитивно-идиллическую характеристику, которую склонны давать албанам исследователи, некритически воспринимающие сведения об этой народности, имеющиеся у Страбона.⁴

В. В. Бартольд, исходя из указания Арриана, что в битве при Гавгамеле «с мидянами соединены были кадусии, и албаны, и сакасенъ»,⁵ полагает, что албаны в качестве наемников входили и состав индийского войска, так как одна ли были подчинены персам.⁶ К сожалению, кроме этих слов Арриана, других обоснований своего предположения В. В. Бартольд за неимением таковых привести не мог. Дело в том, что может здесь обозначать не вхождение этих трех народностей в состав индийского войска, а соединение их вместе с соседями мидянами в одну большую

¹ Там же, гл. 13, 1.

² «Яблоконочцами» называлась часть гвардия, телохранители персидского царя, для вооружения которых были характерны копья с яблоком-шаром на конце древка.

³ Разнообразие в вооружении и одежде подчиненных персам народностей отражено на рельефах, украшающих дворпы и гробницы ахемендских царей (F. S a r r e und E. H erzfeld. *Iranische Felsreliefs* Berlin, 1910, рис. 14, 16 и др.; *Survey of Persian Art*. New York—Oxford, 1938. I. IV, pf. 91—94).

⁴ Ст р а б о н, кв. XI, гл. 4 (С. 501—503).

⁵ А р р и а н, кн. III, гл. 8, 4.

⁶ В. В. Б а р т о л ь д. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925, стр. 9—10.

войсковую единицу. Это подтверждается тем обстоятельством, что при построении войска перед боем мидяне стояли на правом фланге, а албаны и сакасы примыкали к середине фаланги.¹ Указывает же Арриан далее, что Дария окружали персы, инды, албаны, карийцы и марды, поставленные «против Александра и царского отряда».² Мидийцев нет в этом перечне ближайшего окружения Дария (они находились на правом крыле), и трудно допустить, чтобы «индийские наемники» — албаны были бы отделены от них и приближены к особе царя.

Упоминание албанов впервые только во второй половине IV в до н. э. может, конечно, просто объясняться скудостью дошедших до нас письменных данных, но оно может являться и свидетельством того, что в IV в. до н. э. завершилась племенная дифференциация внутри большого союза племен, носивших общее наименование, «каспий».

Археологические данные позволяют говорить о культурной близости между албанами и мидийцами уже в VI—V вв. Исследование курганов и грунтовых могил в Мингечауре показало однородный характер ряда памятников из обихода знати и предметов индийского и персидского происхождения. Наиболее яркими из числа изданных памятником являются бронзовые перстни-печати³ (см. не изданный еще перстень с замечательными по тонкости изображениями ахеменидского Гопатшаха и льва) и каменные сосуды (в частности, из туфита).

Историки Александра, писавшие о его походах в качестве очевидцев или на основании официальных дневников, хранившихся в архивах, не приводят никаких сведений о нахождении Александра или его ближайших преемников на территории Закавказья с целью завоевания этой области. Поэтому неясно, какими источниками мог пользоваться Плиний, когда он четыре века спустя писал, что «Македонии однажды овладела всем миром; войска ее прошли через Азию, Армению, Иберию, Албанию, Каппадокию, Сирию, Египет, перешли через Тавр и Кавказ» («Haec est Macedonia terrarum imperio potita quondam, haec Asiam, Armeniam, Hiberiam, Albaniam, Cappadociam, Syriam, Aegyptum, Taurum, Caucasum, transgressa»)⁴. Ту же самую версию повторяет в первой половине III в. и. э. Юлий Солий, который, основываясь на Плинии, сообщает, что Александр (покорна Азию, Армению, Иберию, Албанию... и переправился через Тавр и Кавказ» («subegit Asiam, Armeniam, Hiberiam, Albaniam...

¹ Арриан, кн. III, ул. 11, 4.

² Там же, гл. 13, 1.

³ В.Н. Левиатов. Азербайджан с V в. до н. э. по III в. н. э. ИАН Азерб. ССР, 1950, №1, стр. 69.

⁴ Плиний. кн. IV, гл. 10(&39)

Taurum Caucasumque transgressus est»¹). Единственным объяснением этого сообщения Плиния может служить предположение, что он имел в виду не походы самого Александра и диадохов, а, может быть, объезд Патроклом, селевкидским военачальником, Каспийского побережья и его отчет, которым пользовался и Помпей.²

После падения ахеменидского государства Мидия обрела некоторую самостоятельность. Что же касается Албании, то населявшие ее племена продолжали, по-видимому, сохранять такое же политическое устройство, как и при Ахеменидах. Возможно, что они обрели большую самостоятельность, будучи отделены более или менее суверенными Мидией и Арменией от государства Александра и его преемников.

Монеты Александра на территории Албании находимы в единичных случаях;³ большого хождения здесь они, видимо, не имели. Страна албапов продолжала оставаться малоизвестной и представляла в IV в. до н. э. интерес, пожалуй, только в одном отношении: те широкие международные торговые сношения, ради которых и предпринят был поход Александра, требовали выяснения вопроса, соединяется ли на севере Каспий с каким-нибудь другим морем. По указанию Александра началась подготовка соответственной экспедиции, но его смерть приостановила эти работы.⁴ Вопрос этот продолжал занимать умы властителей Передней Азии, о чем свидетельствует обследование берегов Каспия, проведенное 40 лет спустя Патроклом.

При распределении провинций между преемниками Александра северо-западную Мидию получил военачальник мидян Атропат,⁵ участвовавший на стороне Дария в битве при Гавгамеле, но после смерти Дарий примкнувший к Александру и в 323/27 г. получивший от него сатрапию Мидию. Атропат правил своей частью Мидии независимо, и в отличие от Мидии южной она стала именоваться Мидией-Атропатеной, по его имени.⁶ Страна к северу от нее, т. е. Албания, при этом распределении не упоминается; она, по-видимому, вследствие ее отдаленности и неизученности большого интереса не представляла и в селевкидский период пользовалась еще большей независимостью, чем при Ахеменидах. В письменных источниках мы никаких данных, имеющих отношение к Албании в этот период, не находим. Селевкидские монеты севернее Куры обнару-

¹ Юлий С о л и н. Сборник достопримечательностей, кн IX. гл. 19. ² См. стр. 9, 56 и сл.

³ Е. А. Па х о м о в. Клади Азербайджана и других республик и краев Кавказа, ш.ш. II. Вану, 1938, стр.8, №313. ⁴ А р р и а н. кн VII, гл. 16, I.

⁵ Ди о д о р, кн XVIII, гл. 3, 3; Ю с т и н. КН. XIII, гл. 4,

13. ⁶ С т р а б о н. кн. XI. гл. 13 (С. 523).

жены не были,¹ но в районе Партана найден был и 1920 г. клад македонских и силевкидских тетрадрахм II в. до н. э.² Эта единичная находка может носить совершенно случайный характер, но тем не менее она говорит о каких-то сношениях с эллинистическим миром во II в. Об этом же говорят, по словам С. М. Казиева, и находки в Мингечауре; посуда и оружие IV—III вв. до н. э.,³ обнаруженные в грунтовых могилах со слабо скорченными костяками.⁴

Единственным историческим событием III в. до н. э., связанным с именем албанов, является объезд Каспийского побережья селевкидским военачальником Патроклом в 283—282 гг. По поручению Селевка I и его соправителя сына Антиоха I экспедиция Патрокла должна была выяснить тот вопрос, который занимал еще Александра; ввиду смерти последнего обследование Каспия осуществлено не было, хотя Гераклид, сын Аргея, прибыл уже в Гирканию и преступил к подготовке экспедиционного снаряжения и порубке леса для постройки кораблей."

Где строились суда для поездки Патрокла и какие именно корабли, неизвестно. Страбон и Плиний сохранили нам отрывочные сведения об этой экспедиции, основываясь на данных Эратосфена, «который почерпнул их у Патрокла»⁶

Поскольку между несостоявшейся экспедицией Гераклида (323 г. до п. э.) и объездом Патрокла (283—282 гг.) прошло не более сорока лет, то внешний вид судов изменился, вероятно, сравнительно мало, и каспийский флот Патрокла, видимо, тоже состоял из деревянных «длинных кораблей, крытых и некрытых по эллинскому образцу»⁷

В результате экспедиции Патрокла было выяснено, что Каспийское море якобы соединяется на севере с океаном и что Мэо-тида с Каспийским морем не связана.⁸ Результаты его поездки

¹ Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана, (вып. I). Труды Общества обследов. и изуч. Азербайджана, вып. 3. 1956. стр. 15—16.

² Е. А. Пахомов. Клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа, вып. II, стр. 9, №№ 313, 314.

³ С. И. Казиев. Раскопки Мингечаура. КСИИМК, вып. 24, 1949, стр. 6.

⁴ С. М. Казиев. Археологические памятники Мингечаура как исторический источник для изучения истории Азербайджана. ИЛИ Азерб. ССР, 1950, № 7. стр. 173.

⁵ Арриан, кн. VII, гл. 10, 1. ⁶ Страбон, кн. XI, гл. 7, 3 (С. 509).

⁷ Арриан. кн. VII, гл. 16, 1—2.

⁸ Страбон. КВ. XI, гл. 7, 1 (С. 508): гл. 0, 1 (С. 507); Плиний. кн. VI (&&36—38).

зафиксированы были на карте Птолемея.¹ К Патроклу же восходит, вероятно, сведение о возможности судоходства между устьями Окса—Узбоя и Куры.² Возникновение предположения Патрокла, что Каспий соединяется с океаном, объясняется исследователями двояко. По мнению К. Неймана, Патрокл заехал за устье Куры, может быть, до Сулака и Терека, а эту часть Каспия считали заливом океана.³ Тарн полагает, что Патрокл мог устье Волги принять за пролив, соединяющий Каспий с океаном, так как знал, что вход во внутренние моря обычно узок (Дарданеллы, Сосфор, Керченский пролив и др.),⁴ а о существовании на севере лимана Волги он мог быть осведомлен, как и Страбон.⁵ На другой точке зрения стоит Гизингер, полагающий, что Патрокл доехал только до местности между Баку и устьем Куры и что сведения о дальнейшем к северу побережье он мог почерпнуть из рассказов местного населения.⁵

К сожалению, труд Патрокла не дошел до нас целиком или хотя бы в крупных отрывках. На достоверность его изысканий и сообщений и на охват в нем всего, что было известно о Каспии и обитателях его побережья, можно было бы положиться, исходя из следующих соображений. По словам самого Патрокла, он использовал все записи географического порядка, составленные в связи с походом Александра, как об этом сообщает Страбон.⁷ Патрокл имел возможность изучить и архивные материалы по этому вопросу, держать в руках соответственные документы, так как после смерти Александра он заведовал государственным архивом.⁶ Отчет Патрокла был использован Помпеем перед его кавказским походом; данные Патрокла легли в основу трудов Эратосфена⁹ и Аристовула.¹⁰ "Аг-риппа," Марин Тирский и Птолемей¹² руководствовались при составлении своих карт сведениями, почерпнутыми из путевого отчета Патрокла; Страбон¹³ и Плиний¹⁴ неоднократно ссылаются на Пат-

¹ A. Neumann. Kaspisches Meer PWK, S. 2285; Kiessling. Nyrkania. PWK. S. 465.

² Страбон, кв. XI, гл. 7, 2—3 (С. 509)

³ K. J. Neumann. Die Fahrt des Patrokles auf dem Kaspischen Meere. . .

⁴ W. W. Tarn. Alexander the Great, t. II, p. 17.

⁵ Страбон, кв. II, гл. 1, 16 (С. 74) и кв. XI, гл. 6 (С. 507).

⁶ F. Cisinger. PWK, S. 2266; W. W. Tarn. Alexander the Great, t. II, p. 17 (from native information).

⁷ Страбон, кв. II, гл. 1, 6 (С. 69).

⁸ Там же.

⁹ Там же, кв. XI, гл. 7, 3 (С. 509).

¹⁰ Там же.

¹¹ Плиний, кв. VI, гл. 13 (§ 36-38).

¹² Kiessling, l. c., p. 468.

¹³ Страбон, кв. XI, гл. 7, 1 (С. 508).

¹⁴ Плиний, кв. VI, гл. 17 (§ 58).

рокла. Отчет Патрокла хранился, вероятно, и в Александрийской библиотеке, где, как известно, источниками по географии пользовался упомянутый уже Эратосфен.¹ Свои сведения о Каспии он брал из отчета Патрокла² и вместе с ним ошибался, когда высказывал предположение, что Каспийское море является южным заливом северного океана. До Патрокла существовала по этому вопросу более правильная точка зрения Геродота, считавшего это море внутренним³ в разрез с точкой зрения Гекатея, тоже усматривавшего в Каспии залив океана.⁴ Марии Тирский не согласился с Патроклом, хотя и использовал его данные; он разделял точку зрения Геродота на характер Каспийского моря.⁵

Таким образом, письменные источники сохранили нам о III в. до н. э. только вышеприведенные сведения об изучении каспийского побережья и о населявших его народах, в частности об албанах, по имени которых Каспий от Кавказских гор и до устья Куры носил название «mare Albanum».⁶

Во II в. до н. э. армянский царь Арташес I (189—160 гг.) присоединил к Армении ряд соседних областей, в том числе и правобережье Куры, где обитали шаки, утны и гаргары-албаны; будучи раздроблены, эти племена не могли воспрепятствовать захвату их земель.⁸ С той поры пограничной ракой между Албанией и Армеевой античные авторы называют Куру. Страбон называет и Каспиану в числе отторгнутых Арташесом от Мидии областей, хотя в другой главе той же книги говорит о Каспиане как об области, входившей в состав Албании («в состав Албанской земли входит также Каспиана»)⁹. Объясняется эта разноречивость, по-видимому, тем, что Страбон описывал Албанию по данным Патрокла, т. е. по состоянию ее до завоевательных войн Арташеса.

Необходимость сплочения сил для сопротивления нападениям со стороны Армении, а также со стороны северных кочевых племен привела к началу консолидации этих разноязычных племен и к формированию у них государственности. В I в. до н. э. это новое госу-

¹ E. H o n i g m a n n . Strabo. PWK, S. 136; Eratosthenes. PWK, S. 368.

² Страбон. кн II, гл. I, 4—7 (С. 69). См.: K. J. N e u m a n n . Die Faunt des Patrokles auf dem Kaspisehen Meere. . .

³ Геродот, кн. I. гл. 203: "Каспийское море — отдельное (самостоятельное) не сливающееся с другим морем».

⁴ Страбон, кн. II, гл. 5, 18 (С. 121); кн. XI, гл. 11, 7 (С. 519).

⁵ Пто л е мей. кв. V, гл. 9, 7. — Правильной точки зрения придерживался и сам Птолемей (кн. VII, гл. 5, 4): «А Гирканское или Каспийское море отовсюду окружено сушей, подобно острову»,

⁶ П л и ний. кн. VI, гл. 15 (§ 39). ⁷ С т р а б о н .

кн. XI, гл. 14, 5 (С. 528).

⁸ Захваченные области до IV в. н. э. оставались в составе Армении (Шака-шен, Утик, Арцах и Пайтакаран), а затем были воссоединены с Албанией. ⁹ С т р а б о н . кн. XI, гл. 4, 5 (С. 502).

дарственное образование уже участвует в исторической жизни народов Закавказья как Албанское царство, получив свое наименование по возглавившему движение племени.

Второй век до нашей эры в истории Албании почти не освещен письменными источниками; надо надеяться, что археологические данные со временем помогут осветить историю этого периода. Что касается монетных находок, то они позволяют говорить о каких-то связях албанов во II в. до н. э. с Парфией аршакидские драхмы этого времени, находимые в разных местах Албании, вытесняют, по словам К. А. Пахомова, все другие монеты.

Социальный и экономический строй албанских племен в IV—III вв. может быть охарактеризован на основании тех данных, которые сохранились в труде Страбона, использовавшего сведения, имевшиеся в сочинениях Патрокла, а может быть, и других неизвестных по имени писателей, имевших, как Патрокл, возможность посетить в III в. до н. э. западное побережье Каспия. Страбон описывает общественный строй албанов, давая обобщенную характеристику всем 26 племенам, входившим в племенной союз албанов. В главе, где Страбон говорит о 26 племенах, или народностях, из которых каждая имеет свой язык, он не дает, к сожалению, термина, который обозначал бы «племя», или «народ», или «царство», а говорит: «... прежде над каждым особым языком имелся свой царь, языков же у них двадцать шесть»². Из этого текста видно, что вместо названия этнической единицы Страбон употребляет слово «язык», как бы говоря, что «у каждого языка бил свой царь».

Не отражено в тексте Страбона и то обстоятельство, что эти 26 племен жили различным хозяйственной и социальной жизнью, исходя из характера занятий и географических условий. Одни племена обитали в плодородных Долинах, не требовавших ухода за землей, дававшей дватри урожая от одного посева, хотя вспашка производилась деревянным плугом. Не требовали ухода и виноградники, говорит Страбон, отмечающий хорошее орошение равнины реками и «другими водами»³ т. е. каналами (остатки древних оросительных сооружений, как известно, обнаружены во время археологических разведок и раскопок в разных местах Албании).⁴ Другие племена жили на берегу Каспийского моря и занимались, вероятно, морским промыслом, в частности в рукавах устья Куры. Третьи являлись обитателями гор, четвертые

¹ Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана, (вып. 1), стр. 17. ² Страбон, кн. XI, гл. 4, 6 (С. 503). ³ Там же, гл. 4, 3 (С. 502). ⁴ См. стр. 71.

вели полукочевой образ жизни, передвигаясь со своими стадами. Последняя группа населения была, видимо, наиболее многочисленной, так как Страбон начинает свою главу об Албании словами: «Албаны более склонны к пастушескому образу жизни и приближаются к кочевому образу жизни»¹. Но так как затем он говорит об обработке прекрасно орошаемой земли, о посевах и виноградниках, то мы хозяйственный быт албанов вправе охарактеризовать как земледельческий для одних племен и пастушеский для других и говорить о полукочевом хозяйстве для третьих. Обработка земли и разведение скота позволяли им торговать излишками своего производства, причем торговля их носила меновой характер².

Рассказ Страбона о примитивном характере культуры албанов, о незнании ими счета далее ста, а также мер и весов, о незнакомстве их с монетами не следует воспринимать применительно ко всему населению в целом; пересказывая сообщение Патрокла, Феофана или другого писателя об определенной группе населения, Страбон обобщает данные, относящиеся, быть может, к обитателям отдаленных горных селений, перенося их на албанов в целом.

Случайные находки македонских и селевкидских монет³ говорят о знакомстве населения с монетами. Находки римских и аршакидских монет и кувшинных погребений I в. до н. э.—I в. н. э. также являются показателями бытования монет в обиходе рядовых обитателей равнинных селений.⁴

При Страбоне албаны, как говорилось выше, управлялись одним царем, а ранее, говорит он, каждое из 26 племен имело своего правителя. Следует ли это «ранее» относить к IV—III вв., когда эти племена находились сначала в зависимости от персов, а потом в номинальной зависимости от Селевкидов, или же ко временам еще более ранним, сказать трудно. Суди по тому, что в первой половине

I в. до н. э. албаны управляются уже одним царем (во время походов Помпея), объединение ряда албанских племен и появление у них зачатков государственности могло бы быть отнесено именно к IV—III вв., т. е. к тому времени, когда албаны впервые появляются на исторической арене и впервые упоминаются в письменных источниках."

¹ Страбон, кв. XI, гл. 4, 1 (С. 501).

² Там же, гл. 4, 4 (С. 502).

³ См. стр. 55 и сл.

⁴ См. стр. 162, 165.

⁵ Рассказ Юлии Солина, римского писателя III в. н. э., о посылке албанским царем в подарок Александру Македонскому двух замечательных албанских собак, мог бы свидетельствовать о наличии царской власти в Албании уже во второй половине IV в. до н. э., если не учитывать занимательного характера

Отсутствие достаточных письменных и археологических источников не позволяет уверенно и определенно высказаться о той стадии социально-экономического развития, на которой находилось албанское общество в IV—II вв. (Судить о достигнутом албанами уровне общественного развития на основании истории Армении, лучше нам известной в этом отношении, было бы неправильным, так как, несмотря на близкое соседство и культурную взаимосвязанность этих стран, Албания по своему географическому, экономическому и политическому положению отличалась от Армении. В IV—II вв. Албании находилась в стороне от основных международных торговых путей (путь вдоль Каспия на север не имел еще того значения, которое он получил позднее, тогда как Армению пересекала магистраль из Передней Азии на запад. Соседство с северокавказской кочевой степью, с горами кавказских ущелий — все это не давало возможности производительным силам развиваться в такой мере, как в Армении. Поэтому замедлены были и темпы роста производственных и общественных отношений, медленнее шел процесс разложения патриархально-родового общества, хотя разделение на классы, судя по археологическим данным, проявлялось уже довольно отчетливо.

Подходя к вопросу теоретически (ввиду отсутствия достаточного количества конкретных данных) и определяя развитие общества в переходное время по новому прогрессивному укладу, общественный строй албанов в IV—II вв. можно охарактеризовать как общинно-рабовладельческий. Как говорилось выше, эта характеристика относится не ко всей территории в целом, а к племенам, населявшим равнинные районы и занимавшимся земледелием и скотоводством.

В этот период, по словам Страбона,¹ в Албании существовали храмовые земли, являвшиеся теократической общиной, возглавленной жрецом, т. е. такие же храмовые объединения, какие имелись в Понте (Комава и Зела), Каппадокии (Комана), Армении (Анаи-такан на Евфрате и Аспис в Гогарене). Ввиду того, что эти храмовые организации существовали и в последующие два-три века, вопрос этот будет рассмотрен в следующем разделе.

Памятники материальной культуры

Материальная культура албанских племен в первый период их исторической жизни (IV—II вв.) еще недостаточно выявлена и изучена. Тем не менее довольно определенное представление о ней на-

этого компилятивного труда Солина («Сборник достопримечательностей», кн. XV, гл. 7) и легендарности многих его сообщений.

¹ Стр а б о н, кн. XI, кн. 4, 7 (С 503).

чинает складываться по мере изучения могильников этого времени: сосуществование нескольких обрядов погребений (ялойлу-тапинская культура, кувшинные погребения и мингечаурский тип захоронений говорит о наличии нескольких основных этнических групп в составе населения.

Наиболее ранней из них является так называемая ялойлу-тапин-ская культура (V—I вв.),¹ расцвет которой падает на изучаемый период; могильники ее обнаружены главным образом в Алазанской и Авторанской долинах, но они имеются и на правом берегу Куры (в Мильской и Муганской степях). Выросшая на древних местных корнях, культура эта названа по местности, где в 1926 г. впервые были обнаружены погребения этого типа, — и Куткашенском районе, в окрестностях сел. Нидж (населенного, как говорилось выше, удирами, маленькой народностью — потомками древних алба-нов), и 8 км от городища Кабалы, древней столицы Албании. Ялойлу-тапинские погребения (что грунтовые погребения с сильно скорченными костяками в окружении своеобразной, высокохудожественной керамики) свидетельствуют об имущественном расслоении общества. Нахождение аналогичных предметов в других странах Закавказья, а также в Малой Азии позволяет говорить о культурных связях носителей ялойлу-тапинской культуры с другими народами, как соседними, так и более отдаленными.²

Большой интерес представляет обнаруженная и Ялойлу-Тапе обжигательная печь, говорящая о местном производстве этой высококачественной керамики.³

Одновременно в этот период, в III — II вв. существует и другой обряд захоронения — так называемая культура кувшинных погребений,¹ — обряд, который сохранялся долго, вплоть до II в. н. э. Находки в погребениях этого типа говорят о родственной связи их с ялойлу-тапинскими памятниками, т. е. об этнической близости носителей этих двух культур при некоторой географической их разобщенности: в то время как ялойлу-тапинские могильники в основном находятся на левобережье Куры, кувшинные погребения обнаружены на обоих берегах Куры, но преимущественно на правом берегу и главным образом в западной части страны (их нет в при-шемахинском и прикаспийских районах от Апшерона до Дагестана). Следует отметить, что кувшинные погребения обнаружены не только

¹ О. Ш. Исмизаде. Ялойлутенинская культура. Баку, 1956. ² R. Ghirshman. Village perse-achemenide. Memoires de la Mission archeologique en Iran, t. XXXVI, Paris, 1954, pl. XIII, 2; XXIV, 6.

³ Так как памятника ялойлу-тапинской культуры относятся и к I в. до у. э., то более подробная характеристика их дается в следующем разделе (см. стр. 158 и сл.).

⁴ Подробнее о кувшинных погребениях см. в следующем разделе (стр. 162 и сл.),

на территории древней Албании, но и в соседних странах Закавказья: в Нахичеванской АССР, в Грузии (Мцхета и др.) и в Армении (Гарни, Двин и др.)

Третью группу составляют ранние погребения в могильниках Мингечаура (кувшинные погребения и сырцовые гробницы), для инвентаря которых характерно переплетение особенностей как ялойлу-тапинской культуры, так и кувшинных захоронений, что объясняется, по-видимому, местоположением могильников на Куре, в месте стыка этих двух своеобразных культур. Хотя богатейшее собрание мингечаурской керамики монографически еще не изучено, все же представляется возможным говорить о местном типе керамического инвентаря. Особенно интересны по форме, отделке поверхности и назначению глиняные сосуды ранней группы, которые обнаружены в грунтовых могилах со слабо скорченными костяками на правом берегу Куры. Это преимущественно небольшие шарообразные кувшины серого цвета, лощеные, с маленьким узким горлом и небольшой ручкой; поверхность их украшена вертикальными округлыми ребрами, горизонтальным рядом ложчатых углублений и резьбой, преимущественно у горла (рис. 1).¹ Насколько мне известно, сосуды этой своеобразной формы и отделки НИ в Армении, ни в Грузии найдены не были; они являются изделиями местного производства, работой местных гончаров, многочисленны гончарные печи которых обнаружены в Мингечауре, как на могильном поле, так и около жилищ.² Сосуды эти, относящиеся, вероятно, к V—IV вв., помогают понять, дальнейшее развитие керамического производства, которое и в последующие века отличается своеобразием форм и высоким качеством выполнения.

К ранней группе (IV в. до н. э.) относятся бронзовые перстни-печати из Мингечаура, происходящие из грунтовых погребений с вытянутыми костяками; о технике и стиле их судить трудно, так как они изданы пока только в штриховом рисунке,³ но сюжеты их, отображающие мотивы ахеменидского искусства, связаны, видимо, с мифическими и эпическими образами: крылатый грифон (рис. 2, 2), единоборство человека со львом (рис. 2, 1), человек перед алтарем и др.

Из кувшинных погребений Мингечаура III—II вв. происходят своеобразные глиняные сосуды в виде животных и птиц,⁴ а именно:

¹ С. М. К а з и е в. Археологические раскопки в Мингечауре. МКА, т. 1. 1949, стр. 32—35, рис. 25—27 и 28-в; Г. И. И о н е. Археологические раскопки в районе Мингечаургэсстрой. ДАН Азерб. ССР, 1946, № 6, стр. 265, табл. 3, рис. 4.

² Г. И. И о н е. О гончарных обжигательных печах из Мингечаура. МКА. т. II, 1951, стр. 31—77.

³ С. М. К а з и е в. Археологические раскопки в Мингечауре, стр. 28, рис. 10.

⁴ Об этих сосудах см. ниже. стр. 322 и сл.

водолей в виде «дикого горного голубя» (табл. 1, 2)¹ и водолей в виде безоарового козла (табл. 1, 1).² Для мингечаурской керамики этого времени вообще характерно применение в качестве деталей голов животных или целых фигурок. Так, например, кувшин красной глины с налёпой в виде рогов тура (рис. 3, 2) найден среди сосудов, окружавших кувшинное погребение II—I вв.³ Одного с ним

Рис. 1. Кувшин глиняный. Мингечаур.

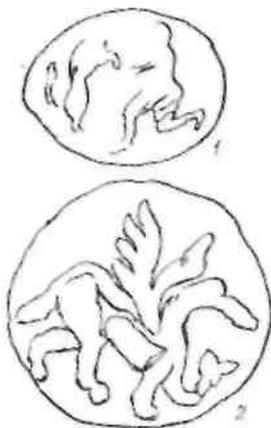

Рис. 2. Две бронзовые печати Мингечаур.

времени, вероятно, случайно найденный большой красный кувшин (рис. 3, 1), вылепленный от руки: над носиком-сливом—маленькая головка барана, тулово украшено росписью (птицы, деревья, звезды), нарезками («елочкой») и рельефными шишечками (выдавлены изнутри).⁴ Пузатый красноглиняный сосуд с небольшим отверстием и двумя ручками вверху (рис. 3,3)⁵ происходит из кувшинного погребения у сел. Агджабеды Исмаилинского района; верх сосуда покрыт росписью — два ряда свисающих треугольпиков и

¹ Т. И. Голубкина. О зооморфной керамике из Мингечаура. МКА, т. II, 1951, стр. 107, рис. 3.

² Там же, стр. 123, рис. 23.

³ С. М. К а з и е в. Археологические раскопки в Мингечауре. стр. 38. рис. 33 (справа).

⁴ Т. П. Г о л у б к и н а, ук. соч., стр. 129, рис. 30.

⁵ Е. А. П а х о м о в. Обследования и раскопки кувшинных погребений Азербайджана. Изв. Азерб. ФАН СССР. 1939, № 3. стр. 72—73. рис. 3.

своеобразный меандр между этими рядами. Этот сосуд (вероятно, тоже II—I вв.) повторяет в какой-то мере формы и роспись сосудов более древних, но в новом претворении.

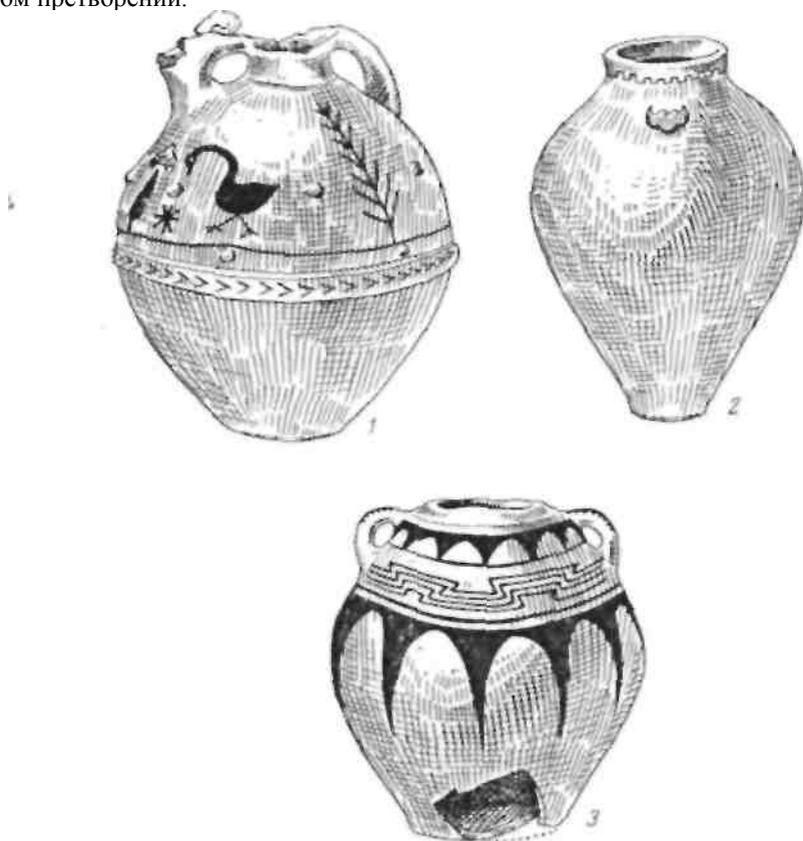

Рис. 3. Кувшины глиняные. Мингечаур.

Изучение вышеупомянутых глиняных сосудов приводит к заключению, что албанские гончары IV—II вв. должны были являться продолжателями древних технических и художественных традиций: чтобы достичь такого совершенства в создании сложных форм и обладать таким вкусом при нанесении орнамента, надо было

иметь перед глазами образцы, особенности которых могли вырабатываться только веками.

В настоящее время преждевременной, быть может, является попытка отнести перечисленные выше памятники материальной культуры к той или иной этнической группе из числа племен, входивших в албанский союз. По все вышеизложенное, позволяет, мне кажется, высказать в порядке предположений соображение о том, не являются ли удины-утии носителями ялойлу-тапинской культуры, поскольку в них мы имеем основание видеть одно из коренных древних племен, «потомков Арана»,¹ обитавших главным образом на левобережье Куры. В таком случае другие «потомки Драна» — гаргары-албаны² — могли бы считаться носителями широко распространенной на территории Албании культуры кувшинных погребений.

Что касается культуры Мингечаура, то, принимая во внимание местоположение этих поселений у места большой переправы через Куру, на трассе древнего торгового пути, мы вправе ожидать здесь смешения культур, характерных как для левобережья, так и правобережья Куры, что мы в действительности и наблюдаем.

¹ См. выше, стр. 46 и сл.

² См. выше, стр. 48 и сл.

АЛБАНИЯ В ПЕРИОД от I в. до н. э. до III в. н. э.

Природные богатства и занятия населения

Албания, как и Иберия, славилась в древности своими прекрасными природными условиями. По словам Страбона, населявшие ее племена обладают «благодатной страной и могут очень хорошо жить»¹ Страбон сообщает далее² о необычайном плодородии, которым отличалась албанская почва, вследствие чего албаны якобы «не пользуются должным образом землей» Тем не менее все на ней «прекрасно произрастает, хотя [она] не засеяна и не вспахана, говорит Страбон словами Гомера, стремясь этой цитатой из Одиссеи³ ярче, образнее обрисовать плодородие почвы, за которой «не имеется ни малейшего ухода» . Эти сведения Страбон сообщает со слов лиц, участвовавших в походах на Албанию ; вероятно, он имеет в виду спутников Помпея и Антония, побывавших в Албании незадолго до того, как он писал свою «Географию». В ряде случаев Страбон, говоря об Албании, ссылается на Феофана Митиленского, но в рассказе о сказочном плодородии ее почвы он имени этого спутника Помпея не упоминает, имея в виду каких-то Других осведомителей.

Вернувшись из кавказских походов воины сообщали о плодородии албанской земли и такие детали: «... часто земля, однажды засеянная, приносит и два и три урожая, причем в первый раз даже сам-пятьдесят». Эти обильные урожаи вызывала особенное удивление потому, что «земля не оставлялась

¹ Страбон . География, кн XI гл. 2, 19 (С. 499).

² Там же, гл. 4, 3.

³ Одиссея, песня IX, 109

под паром и вспахана бывала не железным, а самым простым деревянным плугом». Возможно, что Страбон некритически использовал сообщения лиц, очень короткое время бывших в Албании и потому плохо осведомленных, но как бы там ни было, албанская почва поражала представителей Средиземноморья своей тучностью и урожайностью.

В комментариях к «Землеописанию» Дионисия Перизгета (II-III вв.), между прочим, повторяются сведения об удивительном плодородии албанской земли: «...у них во многих местах однажды засеянная земля дает дважды и трижды не посеянный урожай»¹ Дионисий мог почерпнуть эти данные из «Географии» Страбона, но возможно, что оба они пользовались каким-то общим, до нас не дошедшим текстом, может быть «Географией» Эратосфена (III в. до н. э.). Сочинением, использованным, как известно, и Страбоном, и Дионисием, Страбон не перечисляет те злаки, те виды зерна, исходы которых поражали иноземцев, но зато он сохранил нам интереснейшую деталь — упоминание деревянного плуга.

Археологические работы на территории древней Албании, в частности в Мингечауре, выявили кое-какие остатки земледельческих орудий, а также некоторые образцы зерна.² Так, во время раскопок на левом берегу Куры, на городище Судагылан, где были открыты и грунтовые, и кувшинные погребения, была обнаружена в 1949 г., между прочим, и железная изогнутая мотыга с ушком для рукояти, но относящаяся, по-видимому, ко времени позже III в. н. э. (из отчета не видно, с какими вещами мотыга была найдена):" тем не менее эта находка позволяет предполагать, что земледельческие орудия этого типа применялись и до III в. н. э. Кроме этой мотыги, известен еще железный серп, обнаруженный около сел. Шафили в Куткашенском районе (к северу от дороги Шафили—Чархану), на обрыве Мусабсйин динк сри.⁴) В 1948 г. здесь была обнаружена грунтовая могила с керамической ялойлу-тапинского типа: по сторонам костяка лежали железные серп и нож - свидетели земледельческой культуры местного населения. Обнаруженная в этом погребении керамика, весьма сходная с сосудами, найденными в Ялойлу-Тапа

¹ Е в с т а ф и й . Комментарии в «Землеописанию» Дионисия, § 730.

² Т. А. Б у н я т о в. Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. Баку, 1967.

³ С. М. К а з и е в. Новые археологические находки в Мингечауре в 1949 г. ИАН Азерб. ССР, 1949, № 9, стр. 97, рис. 18. стр. 98.

⁴ Г. М. А х м е д о в. Еще одна находка по ялойлу-тапинской культуре ДАН Азерб. ССР. 1952. № 10, стр. 575.

Албания в период от I в. до III в. н. э.

(в 10 км от сел. Шафили), позволяет относить эту могилу к I в. до н. э. Количество земледельческих орудий, найденных во время раскопок в Мингечауре, по-видимому, довольно велико, но материал этот еще соответственным образом не издан.

Остатки проса были обнаружены в 1949 г. в месте с тканями, керамикой и бусами в одном из погребений в сел. Сянгар Мингечаурского района; и здесь керамика типа Ялойлу-Тапа датирует погребение I в. до н. э. Ячмень был обнаружен в том же Мингечаурском районе тоже в 1949 г., но на левом берегу Куры, в Судагьлане, вместе с группой вещей, в которую входила и вышеописанная мотыга. Зерна ячменя обнаружены здесь вместе с костями животных, птиц и с рыбьей чешуей, т. е. в составе остатков трапезы или подношения покойнику. В «Армянской географии» говорится, что Албания производит «самородный ячмень»: хотя это сведение относится к VII в. н. э., оно может быть относимо и к предыдущим векам. Что касается пшеницы, то во время раскопок в Мингечауре (Судагьлан), на территории городища в нижнем культурном слое обнаружены глинобитные площадки, являющиеся полом жилищ типа полуземлянок, сооруженных в грунтовых котлованах. Вокруг этих жилищ имеются грунтовые ямы, в которых хранилось зерно: на дне ям «встречаются истлевшие остатки зерновых культур (пшеницы, проса, ячменя)». На основании керамики, находимой тут же, эти жилища и зерновые ямы датируются I—III вв. (идентичные сосуды найдены в погребениях с аршакидскими и римскими монетами II—III вв.).⁴

Плодородие почвы в Албании, о которой писал Страбон со слов или по отчетам очевидцев, объясняется, конечно, не только качеством почвы и характером ее рек, но и созданными трудом населения ирригационными сооружениями, остатки которых были уста новлены во время археологических разведок и раскопок. Основная водная артерия, Кура и ее притоки, весьма многоводна, особенно весной, когда идет таяние снегов; в нижнем своем течении она весной разливалась (когда не существовало еще соответственных заградительных сооружений) и затопляла большие районы Мильской, Ширванской и Муганской степей. После ухода воды летом вдоль Куры оставались, водоемы, небольшие озера, площадью свыше 100 га, содержащие, как и вода Куры, большое количество ила,

¹ С. М. Казиев, ук. соч., стр. 95.

² Армянская география VII в. Перевод и примечания К. П. Патканова. Сиб., 1877, стр. 50.

³ Р. М. В а и д о в, Раннесредневековое городище Судагьлав (Мингечаур). КСИИМК, выв. 54, 1954, стр. 129.

⁴ Так же, стр. 129—130. См.: И. Д. М у с т а ф а е в. К истории возделывания зерновых культур в Азербайджане Труды Института земледелия Изд, АН Азерб. ССР, т. III. 1955

глины и песка,¹ отложения которых и определяли направление и русло рек. О качестве албанского ила сохранились данные в «Стра-бововоп хрестоматии», где говорится, что «реки у них орошают земли подобно Нилу и Евфрату; ил Албании вообще не оставляет желать лучшего для [повышения] качества плодородия».²

Оросительные сооружения первых веков до нашей эры, следы которых случайно установлены и в Мильской,³ и в Муганской степи,⁴ и в пойме Шамхора⁵ (правый приток Куры), по-настоящему, насколько мне известно, исследованию еще не подвергались.

Интереснейшее сообщение Страбона о плодородии Албании, которое приводится ниже, может относиться и к его времени, и к более ранним периодам, ко времени объезда Каспийского побережья Патроком в начале III в. до н. э., а может быть, и к середине V в. до н. э., как полагает Т. С. Пассек, обследовавшая Джа-фарханский могильник в Муганской степи и установившая здесь следы грандиозных древних ирригационных сооружений, относимых ею ко времени Ахеменидов,⁶ когда Муганская степь входила и хостав Касипаны, подчиненной Мидии.

Страбон сообщает, что албанская «равнина орошается лучше, чем вавилонская и египетская, реками и другими водами, вследствие чего всегда сохраняет богатый травянистый покров и поэтому имеет прекрасные пастбища; кроме того, и воздух здесь лучше, чем там».⁷ Имеем ли мы тут дело с преувеличением в сообщениях, которыми пользовался Страбон, в части указания на превосходство орошения в Албании во сравнении с таковым в Вавилонии и Египте, странах классического орошения и плодородия, или Албания действительно могла быть поставлена в один ряд с ними, этот вопрос значения не имеет, поскольку очевидно, что среди стран Закавказья

¹ Очерки по истории Азербайджана. ИАН Азерб. ССР, 1946, № 1, стр. 18. ²

Страбонова хрестоматии, кн. XI.

³ И. Щерблякин. Средневековые азербайджанские города Оренкала и Кабала. «Низами», сборник статей и материалов, вып. 4, Баку, 1947, стр. 222.

⁴ В. И. Левиатов. Азербайджан с V в. до н. э. по III в. н. э. ИАН Азерб. ССР, 1950, №1, стр. 76 (ср.: Т. С. Пассек. Джафарханский могильник (Археологические разведки в Муганской степи) ВДИ. 1946. № 2. стр. 185 и сл.).

⁵ Я. И. Гуммель. Отчет о раскопках около Кировабада в 1938 г. Изв. Азерб. ФАН СССР, 1939, № 3. стр. 66.

⁶ Т. С. Пассек, ук. соч., стр. 185—186. _____

⁷ Страбон, кн. XI, гл. 4, 3 (С. 502).

казья она выделялась именно этим своим качеством. Как говорилось выше, плодородием она обязана своим рекам в соединении с могучей оросительной системой. На это второе обстоятельство указывает, между прочим, и Страбон, говоря, что равнины ее орошаются «реками и другими водами»; эти «другие воды» — ирригационная система, о следах которой уже говорилось. Судя по тому, что известно о древнем орошении (сводного исследования по этому вопросу пока еще нет), существовала система и кяризов, и открытых каналов. По опубликованным отчетам, наличие кяризов было установлено Я. И. Гуммелем в 1938 г. и пойме р. Шамхора, когда он производил раскопки древнего могильника I в. до н. э. к югу от Кировабада.¹ О древних каналах (не датируя их) говорит, между прочим, и С. М. Казиев,² указывая, что открытые в Мильской степи каналы (Гяурарх — Канал неверных) используются и в настоящее время. И. И. Мещанинов на основании своих раскопок у поселения Кала-Тепе на берегу Каркар-Чая близ Ходжавента полагает, что сооружение ирригационного канала Гяурарх в Мильской степи относится к IV-VI вв.³ Вопрос о древней ирригационной системе Албании, повторяю, ждет своего исследователя, поскольку случайно обнаруженные следы грандиозных сооружений и сохранившиеся у Страбона сведения позволяют говорить об ее исключительно большом значении.

Албания, по словам Страбона, была замечательна и необычайным плодородием ее виноградных лоз; этот вид сельского хозяйства — виноградарство — Страбон отмечает только в Албании, хотя говорит о садоводстве и в других странах Закавказья.⁴ Он сообщает, что у албанов «виноградные лозы вообще не окапывают, а подрезают их через пятилетие; молодые двухлетние лозы [тем не менее] приносят уже плоды, а взрослые [лозы] дают столько [винограду], что большая часть его остается на ветвях»⁵

¹ Я. И. Г у м м е л ь, ук, соч., стр. 66.

² С. М. К а з и е в. Археологические памятники Мингечаура как исторический источник для изучения истории. Азербайджана. ИАН Азерб. ССР, 1950, № 7, стр. 177.

³ И. И. М е щ а н и н о в. Краткий осведомительный отчет о работе Мильской экспедиции 1033 г. Труды Азерб. ФАН СССР, т. XXV, 1936, стр. 51 (при прорытии в древности этих каналов были разрушены погребения первых веков нашей эры). — Ко времени не ранее начала нашей эры относят сооружение навала Гяурарх и Л. Л. Цессен (Новые данные по работам Оренкилинской экспедиций. МП Азерб., т. 11, Баку, 1957, стр. 27).

⁴ Ст р а б о н, кн. XI, гл. 14, 4 (С. 528); Т. Л. Б у н я т о в, ук соч., стр. 59.

⁵ С т р а б о н. гл. 4 3(С. 502).

Албания в период от I в. до н. э. до III в. н. э.

В так называемой «Страбоновой хрестоматии» повторено сообщение об этом необычном явлении в такой форме: «Виноградные лозы у них, не взрытые и через пятилетне подрезанные, приносят плоды.

Комментатор Дионисия Периегета (II—III вв.) приводит эти же данные, говоря о каспиях, по имени которых «и море называется Каспийским», что у них «виноградная лоза даст богатый, урожай»² Древние авторы сохранили сведения и о садоводстве в Шака-шеис: «Вся эта страна богата плодами, садовыми (плодовыми) деревьями и вечнозелеными (растениями), она производит и маслину»³ О маслине на берегах Куры писал Моисей Каланкатуйский.⁴ Земля каспиев, а следовательно, и албанская, производила также «смоковницу», о которой говорится, что она «до того изобилует плодами, что с некоторых деревьев [урожай] достигает и 60 медимнов»⁵

Раскопки в Мингечауре дополнили сведения письменных источников о растительных богатствах древней Албании. Так, в кувшинных погребениях I в. до н. э. — I в. н. э. обнаружены были грецкий орех, а также остатки граната⁷ и др. Культура граната существовала здесь со времен глубокой древности: об этом говорят остатки его плодов среди находок времени развитой бронзы,⁸ когда это дерево имело, вероятно, культовое значение (символ плодородия у всех народов древнего мира). И в настоящее время северный Азербайджан богат гранатовыми деревьями: заросли их имеются в Самухском лесу, у впадения Алазани в Куру, а также в низменностях по среднему и нижнему течению Куры.⁹ Судя по тому, что среди органических остатков, обнаруженных в одном из жилищ ханларского поселения эпохи бронзы, оказались не только косточки винограда, но и косточки персика, мы вправе считать, что виноградарство и культура плодовых деревьев восходят в Албании к глубокой древности.¹⁰

¹ Страбонова хрестоматия, кв. XI.

² Евстафий, § 730. ³ С три бон, кн. XI, гл. 14, 4 (С. 528).

⁴ Моисей Каланкатуйский, кн. I, гл. 5.

⁵ Медимна — греческая мера сыпучих тел, равная 52.5 л.

⁶ Евстафий, § 730.

⁷ С. М. Казиев. Археологические раскопки в Мингечауре **МКА**, т. 1, 1949, стр. 45.

⁸ Я. И. Гуммель. Археологические очерки. Баку, 1940. стр. 110, 120

⁹ Очерки по истории Азербайджана, стр. 19.

¹⁰ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949 стр. 71.

Албания в период от I в. до н. э. до III в. н. э.

Имеются основания полагать, что в Албании возделывался и лен. Дело в том, что среди находок в Мингечауре, относящихся к изучаемому периоду, имеются и фрагменты тканей, исследование которых показало, что мы имеем дело с тонким полотном из льна (лен растет в настоящее время в диким виде в районе Мингечаура). Благоприятный климат, плодородная почва, искусственное орошение и большое количество рек в предгорьях — все это обеспечивало албанам и родственным им народам прекрасные пастбища и тем самым являлось предпосылкой для развития полукочевое скотоводства. Выше указывалось уже, что Страбон отмечал чрезвычайно благоприятное орошение почвы в Албании этим объяснял вечнозеленый вид ее лугов и ее «прекрасные пастбища»³ причем он различал пастбища равнинные и своего рода «альпийские луга» в предгорьях: у албаиов. говорит он, «пастбища хорошие. с прекрасной травой, и обрабатываемые, и дикие»⁴ Подводя итог тем сведениям, которыми мы располагаем относительно сельского хозяйства, главным образом земледелия, в древней Албании, мы можем, несмотря на крайнюю скудость соответствующих данных, говорить о его зональном характере, исходя на особенностей почвенного покрова его аллювиальных низменностей, с одной стороны, и горных альпийских лугов — с другой.

Сохранившиеся у Страбона данные, а также остатки древней оросительной системы, выявленные раскопками и разведками в разных частях страны, дают возможность судить о довольно высоком уровне ирригационной агрикультуры.

Существовало ли в Албании террасное земледелие, как в Армении и Иберии, мы не знаем, но, принимая во внимание сходные географические условия, можно считать и этот вид земледелия в Албании более чем вероятным.

В Армении существовала уже в древности система парового хозяйства - двухполье,⁵ тогда как Страбон отрицает наличие этого приема в уходе за землей у населения Албании. В этой связи следует напомнить, что сведения Страбона об Албании, о ее сельском хозяйстве могут восходить, как говорилось выше, к IV — III вв. Какими путями оно развивалось в этом отношении в последующие века, мы не знаем.

¹ В. Н. Левиатов, ук. соч., стр. 80.

² С т р а б о н, кв. XI, гл. 4, 3 (С. 502). ³

Там же.

⁴ Там же.

⁵ С. Т. Еремян. Рабовладельческое общество древней Армении. (Авто-реферат). М., 1853, стр. 9.

Албания в период от I в. до н. э. до III в. н. э.

Археологические данные и письменные сведения позволяют говорить, что до времен Страбона албаны уже перешли от мотыжного земледелия к земледелию пашенному, причем применялся деревянный плуг — обстоятельство, особо отмеченное Страбоном.

Население Албании кроме садоводства и виноградарства, занималось несомненно также огородничеством. Виноделие должно было играть большую роль в сельском хозяйстве, исходя из тех письменных сведений, которые сохранились у древних авторов

о необычайной урожайности винограда, и из археологических данных, а именно из особенностей формы керамических сосудов, некоторые виды которых приспособлены для хранения и употребления вина. Г. Ниорадзе, исследовав глиняные сосуды, найденные им во время раскопок в Алазанской долине (около сел. Архилос-Кало, на правом берегу Алазана), отмечает, что часть этих предметов предназначалась для хранения и разлива вина,² что свидетельствует о развитии виноделия в Алазанской долине в I в. до н. э.

I в. н. э., а следовательно, и в предыдущий период. В этой связи особый интерес представляют своеобразные сосуды (иногда на ножке) с биконическим туловом, боковой ручкой и длинным, вытянутым, изогнутым носиком (слив, несомненно служившие для разлива вина. В Закавказье они встречаются главным образом на территории древней Албании, а именно: в Алазанской долине,³ в районе сел. Нидж в Нухинском районе (Ялойлу-Тапа),⁴ в Мильской степи⁵ и в кувшинных погребениях Мингечаура.⁶ Сосуды этого типа встречаются также в Малой Азии, но у них тулово не биконическое, а шаровидное, носик имеет более прямые очертания, а ручка возвышается над венчиком.⁷

Для разлива вина служила, видимо, и вторая группа глиняных сосудов, находимых вместе с вышеописанной первой группой. Это сосуды с шаровидным туловом (без ножки), с узким горлом, небольшой ручкой и вертикально поднятым носиком. Они относятся к тому же времени, т. е. к I в. до н. э.—I в. н. э., и найдены были в грунтовых

¹ Среди находок в Мингечауре имеются и остатки огородных культур

² Г. Ниорадзе. Раскопки в Алазанской долине. Тбилиси, 1940, стр. 107.

³ Там же. стр. 76, рис. 15 и 66-е.

⁴ А. А. Иессен. Культура Ялойлу-Тапа в Закавказье (предварительная характеристика). Сборник аспирантов ГАИМК, 1, 1829, рис. II и 13; Д. Шапф о в. Раскопки в Ялойлу-Тапа (Нухинский уезд 1926 г.) Баку, 1027. рис. 7, 13 и 14.

⁵ Г. Ниорадзе. ук. соч., стр. 76, рис. 66-д.

⁶ Г. И. Ионе. Археологические раскопки в Мингечауре. ДАН Азерб. ССР, 1948. № 10, стр. 455, рис. 8—9.

⁷ А. А. Иессен, ук. соч., рис. 29—31 (сосуды из Сарди и Гордиона).

могилах в Джафархане (Муганская степь),¹ в сырцовых могилах в Ханларс (около Чандара),- в кувшинных погребениях Минге-чвур³ (этот тип сосудов в передаче формы продолжает, видимо, пять древние местные традиции).⁴

О скотоводстве в этот иерииод жизни албанского народа сохранилось очень мало сведения, но те немногие данные, которыми мы располагаем, говорят о большой роли этой отрасли сельского хозяйства. Плодородная почва обеспечивала богатые травой пастбища/⁵ бесчисленные горные речки в предгорьях орошали альпийские луга. Скотоводством занимались и оседлые земледельческие племена, и те, которые вели кочевой и полукочевой образ жизни. К последним относится, видимо, та характеристика, которую дает Страбон албанам: они «болсее склонны к пастушескому образу жизни.

Как видно из этого краткого текста, в хозяйстве албанов скотоводство должно было играть очень большую роль, но оно не носило кочевого характера, поскольку слово «ближе» указывает, по-моему, именно на полукочевой образ жизни албанских скотоводов.

Злнан, писатель II—III вв., автор труда «О животных», сохранил нам тоже кое-какие данные, характеризующие скотоводство в хозяйстве албанов. Он говорит о «каспнях», т. о. жителей области Каспаны на правом берегу Куры в нижнем ее течении (Муган-ская степь) — области, которая с первой половины III в. н. э. известна уже под наименованием «Баласакав». ⁷ Хотя Асииниа.—Баласакав во времена Элиана входила в состав Армении, тем не менее , его рассказ может относиться в равной степени и к албанским племенам левобережья. Кура едва ли являлась той гранью, за которой

¹ Т. С. Пассек, ук. соч., стр. 174 (погр. . V 2, рис. 8). —

² А. С. Некоторые закавказские могильники (раскопки В. А. Скинтера в 1905 г.). ИАК, выи. 29, 1909, рис, 69.

³ С. М. Каанев и Т. И. голубкива. Об одном кувшинном погребении. ПАН Азерб. ССН. 1949, № 3. табл. V, рис. 4; Г.. XI. К а 3 И е 8. Археологические раскопки и Мннгочауре, стр. 77, рис. 2-В.

⁴ Вместе с сосудами перечисленных двух типов встречаются еще сосуды

с шарообразным туловом, от которого вверх отходит небольшой носик, и с узким горлом; может быть, и они употреблялись для вина, во, может быть не просто для воды и др. (Г. 11 и о р а д з с, ук. соч.. рис. 18 и пр.)-

⁵ См, стр. 70, 73. Ср.: Т. А. В в в я т о в. ук. соч.

⁶ С т р а б о н , кн. XI. гл. 4, i (С. 501).

⁷ В парфянской Персии надписи Шавура I в Накш-и-Рустемв в перечне

подчиненных Спсанидам стран после Албании значится bl'skn — «Баласв кап», см.: E. H o n i g m a n n e t A. - M a g i s q. Heclierches sur les He? Gestae divi Saporis. Memo ires do Г Academic Royale de Belgique, r.lasse doa leiIres et des sciences, 1953, L. XI.VII, f 4, p. 40. Ср. «БаЗГуН! у ЗахарНН Ритори(Н. В. П в г в » е и с к а я. Сирийские источники по истории СССР. М- 11941, стр. 82).

хозяйственная жизнь полукочевых скотоводов должна была носить иной, отличный от правобережья характер. Скотоводческие племена, обитавшие в Ширванской, Мильской и Муганской степи, по образу своей жизни должны были мало чем отличаться друг от друга, и к ним ко всем может относиться сообщение Элиана, тем более, что он ссылается на Аминта, автора IV в. до н. э. («Переходы»), т. е. говорит о далеко от него отстоящем времени. У него говорится, что в каспийской земле имеется много стад быков и табунов лошадей, «мощных по количеству».¹ Кроме крупного рогатого скота, говорит он, в хозяйстве каспиев имелись и козы, «очень белые, безрогие, небольшого роста и тупоносые»; большое значение в хозяйстве имели верблюды, которых у каспиев «имелось большое количество», но, по-видимому, это были малорослые верблюды, так как «самые крупные из них [достигали величины] самых больших лошадей». Шерсть этих верблюдов отличалась «большой нежностью, так что по мягкости она не уступала милетской шерсти», говорит Элиан. Ценилась эта шерсть очень высоко, так как «жрецы носят одежды, [сотканные] на нее, а также из числа каспиев — самые богатые и мощные».²

Среди костных остатков, обнаруженных в могильниках Мингечаура (в кувшинных погребениях и др.), относящихся к первым векам нашей эры, находимы были кости овцы, свиньи и коровы.³ В декорровке сосудов часто применяются изображения домашних животных: козла, барана, быка и лошади.⁴ Костяки лошадей в погребениях эпохи бронзы были обнаружены в курганах Нагорного Карабаха и Кировабадского района.⁵

У Элиана есть также сообщение о птицах, которые водятся у каспиев, но имеется ли в виду птица домашняя или лесная, из текста не явствует; она «величиною с самого большого петуха. пестрая. . . летает не высоко в воздухе, а около земли»;⁶ возможно, что это фазан, изображение которого встречается на тканях и на серебре народов Закавказья и Передней Азии и который, как изнесыто, и в настоящее время в изобилии водится в Азербайджане. Население Албании занималось в охотой как в полупустынных степях, где и настоящее время водятся джейраны, так, вероятно,

¹ Элиан. О животных кн XVII, гл. 17.

² Там же, гл. 34.

³ В. Н. Левиатов. ук. соч., стр. 80. См.: Н. А. Алекперов.

Домашние бараны и козы древнего Мингечаура. Труды Естественно-исторического музея им. г. Зардаби АН Азерб ССР, выл. IX'. Баку, 1954.

⁴ Н. А. Алекперов, ук. соч., стр. 70.

⁵ Б. Б. Пиотровский, ук. соч., стр. 77.

⁶ Элиан, кн. XVII, гл. 33.

и в приречных лесах, где до настоящего времени живут и медведи, и кабаны (в прикуринской низменности), и зайцы и белки. Большую роль должны были играть в скотоводческом хозяйстве и охоте собаки (кости собак были обнаружены в Шамхорском районе в погребениях эпохи бронзы).¹ Кости собаки были найдены в Хан-ларских погребениях, в курганах и каменных ящиках, а глиняные фигурки собаки — в грунтовых погребениях Мингсчаура,² что могло бы иллюстрировать слова Валерия Флакка (2 пол. I в. н. э.) об участии собак в битвах обитателей «ущелий Каспиды» и о том, что собакам «воздается равная почесть по смерти, и они принимаются в курганы среди предков и могил мужей».³

У Страбона отмечается, что «охоту чрезвычайно |любят| и сами албаны, и их собаки, не столько по сноровке, сколько по влечению к этому».⁴

Юлий Солин (начало III в. н. э.) сообщает интересные данные об охотничьих собаках албанов, «которых травят на зверей и которые справляются с быками, одолевают львов и (схватив) удерживают все, что им попадает; по этой причине они заслужили упоминание даже в летописях».⁵ Далее Солин рассказывает, что албанский царь подарил Александру Македонскому двух таких собак которые убили льва и повалили слона, утомив его своими высокими прыжками. Эта порода собак достигает огромных размеров и своим страшным лаем заглушает рев [быков?]] («hos genus canes crescunt ad formam amplissimam, terrificis latratibus ultra rugitus insonantes»)⁶ Здесь описывается, по-видимому, особая порода кавказской овчарки,

Реки и речки, которыми изобиловала территория Албании, а также Каспийское море обеспечивали население рыбой. Рыбу издревле умели здесь вылавливать с помощью сетей, а может быть, и других приспособлений. От сетей до нас дошла грузила, найденные в Мингсчауре,⁷ а также и в других местах. Найдены здесь и кости рыб и рыболовные крючки.⁷ В горных речках вылавливалась форель, как и в настоящее время; о ней авторы ничего не сообщают, так как вылавливание этой небольшой рыбы являлось индивидуальным занятием отдельных семей или небольших групп лиц. Кура несом-

¹ Б. Б. П и т р о в с к и й, ук. соч., стр. 77.

² Т. А. Б у н я т о в. ук. соч, стр. 87.

³ Валерий Ф л а к к. Аргонавтика, кн. VI, 107 и сл.

⁴ Ст р а б о н, кн. XI, гл. 4, 5 (С. 502).

⁵ С о л и н. Сборник достопримечательностей, кн. XV, гл. 6 («Apud hoc populos unti canes feris anteponuntur, frangunt tauros, leonos premunt. detinent quisquid obiectum est: ex quibus causis meruerunt etiara annalibus tradi»).

⁶ Там же.

⁷ Т. А. Б у у я т о д, уг. соч, стр. 122.

Албания в период от I в. до н. э. до III в. н. э.

ненно в древности была столь же богата ценными видами рыбы, как и в настоящее время: осетровые рыбы, лосось, шама и карповые рыбы заходят из Каспия в Куру для икрометания; в Куру обитает до 35 видов рыбы, характерных именно для этой реки.¹ Такое богатство рыбы в Куру дает основание предполагать, что в прикуринских районах существовали какие-то речные рыбные промыслы. О рыбном морском промысле интересные сведения сохранились у Элиана, который показывает следующее: «Я слышал, что в Каспийской земле есть огромное озеро, в котором водятся большие рыбы, называемые "остроносими" (осетр). Они достигают даже восьми локтей длины. Каспии ловят их, посыпают солью и приготавливают соленье или сушат, затем навьючивают на верблюдов и везут в Экбатаны. Вырезав жир из этих рыб, они делают из него мазь и соленье, продают, а рыбьим маслом, очень жирным и не вонючим, мажутся. Внутренности рыб они вынимают, варят и выделывают из них клей, очень годный к употреблению: он все склеивает очень крепко, держится на всем, к чему прилипнет, и очень прозрачен на вид. Он так скрепляет все, что им склеят, что если даже мочить его десять дней, он не распустится и не отстанет. Даже мастера изделий из слоновой кости употребляют его и выделывают прекраснейшие вещи».²

Из этого отрывка мы узнаем о высоком уровне морского рыбного промысла у прикаспийских народов Албании во II в. н. э., а может быть, и в предыдущие века, так как специальные навыки этого рода складываются в продолжении многих поколений. В этом тексте речь идет только об одной рыбе, носившей название «остроносой», т. е. об осетре. Эту ценную рыбу и солили, и сушили, и на верблюдах в Персию возили, и какую-то целебную мазь из ее жира добывали, и, главное, вываривая внутренности, изготавливали из них ценный клей — осетровый клей, которым, как одним из самых тонких и прочных, пользуются и в наше время.¹ В. Н. Левиатов правильно усматривал в этом сообщении Элиана указание на чрезвычайно высокий уровень культуры живших на берегах Каспия народов, умевших из всех отходов осетровых рыб добывать ценные вещества.⁵

Письменные источники не донесли до нас сведений о ремесленном производстве у албанов, но зато о нем свидетельствуют богатейшие находки в могильниках Мингечаура и в ряде других мест. То обстоятельство, что коллекция в 40 тысяч предметов из Мингечаура остается все еще не изученной и, следовательно, не опубликованной, не позволяет представить обзор всех достижений ремесла

¹ Очерки по истории Азербайджана, стр. 20—21.

² Элиан, кн. XVII, гл. 17.

³ В. Н. Левиатов, ук. соч., стр. 88—89.

Албания в период от I в. до н. э. до III в. н. э.

албанов, воссоздать картину технических навыков и художественных приемов, которыми отличается продукция албанских мастеров, как работавших в металле, так и гончаров, ткачей и др.

С древнейших времен албаны занимались рудными разработками, добывая медь, золото, железо. О первостепенном значении металлургии говорят памятники эпохи бронзы, когда вырабатывалась специальная техника добычи и обработки металла, сохранявшаяся и в последующие периоды. В Мингечауре обнаружены некоторые орудия, которыми пользовались древние горняки и работавшие в металле мастера. Из числа опубликованных находок можно назвать обнаруженный в 1953 г. на правом берегу Куры у Мингечаура в составе погребального инвентаря последних веков до нашей эры железный секач— (острый молоток для перерубания железа, если он правильно определен Г. М. Ахмедовым)² со следами деревянной ручки (длина секача 17 см); тут же было найдено в бронзовое шило. Известны и другие земледельческие орудия, обнаруженные в Мингечауре, как железная коса,³ железные серпы⁴ и др.

Они, вероятно, умели пользоваться и выходами нефти, но сведения об этом до нас не дошли, кроме упоминания об изобилии ее на берегах Куры.⁵

Найденные во время раскопок печати-резные камни свидетельствуют не только о камнерезном деле, но и об умении добывать камень. Находенные в горах Шахдага, и Мравдага агата, халцедона, аметиста, яшмы, хрустала и других камней даст возможность говорить о местной добыче этих камней⁶ и о местной их обработке.

Большого мастерства достигли албанские гончары судя по находимой в погребениях высокохудожественной керамике, отличающейся высокой техникой, богатством форм и разнообразием деко-ровки.⁷

В первой половине изучаемого периода (I в. до н. э.—I в. н. э.) в определенных районах (Алазанская долина, Нухинский район и др.) продолжается изготовление замечательных сосудов так называемого типа Ялойлу-Тапа, которые являются свидетелями широких межплеменных связей в древности⁸ между албанами и населением Закавказья, Передней и Малой Азии. Они характеризуются

¹ А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК вып. 120, 1935.

² Г. М. Ахмедов. Об археологических раскопках на одном участке в Мингечауре. ДАН Азерб. ССР, 1954, № 7, стр. 509 и 512, рис. 12

³ Памятники истории Азербайджана. Баку, 1956, стр. 26, рис. 27. ⁴ Т. А. Бунятов, ук. соч., стр. 31—43. ⁵ Моисей Каланкатуйский, кн. 1, гл. 5.

⁶ Очерки по истории Азербайджана, стр. 22.

⁷ См. выше, стр. 158 и сл.

⁸ См. выше, стр. 62.

отличной отмывкой глины, хорошим обжигом, изящными, иногда изощренными формами и искусной орнаментацией.¹

Во второй половине этого периода (II—III вв.) среди разнообразной керамики, находимой в кувшинных и грунтовых погребениях, обращают на себя внимание кувшины «классической» формы — шаровидное тулово, невысокое горло, маленькая ручка и венчик в виде трилистника (тип античной эпохи), говорящие о новых вкусах, общих у обитателей Мингечаура,² Иберии (Бори и др.)³ и Армении (Ашнак и др.).

Об обособленном и специальном гончарном производстве в первых веках нашей эры можно судить по многочисленным гончарным печам, обнаруженным как на могильном поле, так и у поселений в Мингечауре. Печи эти датируются, на основании ряда данных, первыми веками до нашей эры и первыми веками нашей эры. Это двухъярусные печи прямоугольной формы с довольно сложной системой жаропроводных каналов. Количество печей, выявленных на правом и на левом берегах Куры у Мингечаура, превышает пять десят печен, правда разновременных, но тем не менее свидетельствующих о большом удельном весе гончарного производства.

У албанов существовало в это время и производство стекла,⁵ как в соседних Армении и Грузии, но какие именно вещи из числа изданных могут считаться предметами местного производства и какие являются привозными, сказать трудно.⁶ Среди находок последних лет в Мингечауре особый интерес представляет массивная литая чаша I—III вв. (рис. 4), вся покрытая круглыми углублениями (происходит из Судагылана).⁷ Аналогичная чаша найдена в одном

¹ См. ниже стр. 158—162.

² Р. М. В а и д о в, ук. соч., стр. 129, рис. 58.

³ Е. М. П р и д и к. Новые кавказские клады. МАР, № 34, 1914, табл. V.

⁴ Г. И. Ионе. О гончарных обжигательных печах ИЗ Мингечаура. МКА, т. II, 1951, стр. 31 и сл.

⁵ С. М. К а л и е в. Археологические раскопки в Мингечауре, стр. 45, рис. 41 (Мингечаур, на левом берегу Куры); Р. М. В а и д о в. Археологические работы в Мингечауре в 1950 г. КСИИМК, вып. 46, 1952, стр. 99, рис. 32 (Мингечаур, к востоку от городища .V. 3); Г. И. Ионе. Археологические раскопки в Мингечауре, стр. 454, рис. 7 (стеклянная вставка с изображением лица в бронзовом перстне. Мингечаур); К. А. П а х о м о в. Обследования и раскопки кувшинных погребений Азербайджана. Изв. Азерб. ФАН СССР, 1939, № 3, стр. 71, рис. 2 (сел. Калага Исмаилинского района); Т Н. Г о л у б к и н а. Об одной случайной археологической находке ДАН Азерб. ССР, 1947, №10, стр. 473 (Кабала).

⁶ Во время раскопок обжигательных печей на территории Калагета был обнаружен брак Сосудов I—III вв., а также брак стекла, хотя в последнем нет полной уверенности (С. М. К а з и е в. Новые археологические находки в Мингечауре в 1949 г., стр. 97).

⁷ Р. М. В а и д о в. Археологические работы в Мингечауре в 1950 г., стр. 131, рис. 59, 5.

из могильников Северной Осетии (Государственный Эрмитаж), а кувшин, тоже массивный, литой и таким же образом украшенный вмятинами, и фрагменты таких же сосудов были обнаружены в 1951 г. в Гарпи (Армения) в погребении I—II вв., а также на территории крепости в 1952 г. и датируются первыми веками нашей эры.¹ Встает вопрос о происхождении этого особого типа литого стекла. Следует ли полагать, что эти сосуды изготовлялись на месте и характеризуют стеклянное производство Албании и Армении, или же во всех трех случаях мы имеем дело с импортными предметами, ввозимыми из

Сирии, Малой Азии или Рейнской области,² пока решить трудно. Что же касается бальзамарисв I—III вв., находимых в Албании,³ и в Армении,⁴ и в Грузин,⁵ то они, по-видимому, могут считаться предметами местного производства, предназначенными для хранения благоуханий, снадобий и т. п.

Большое количество стеклянных бус, найденных в кувшинных погребениях Мингечаура, представляют большой интерес, так как

они во многих случаях могут быть датированы с помощью монет, найденных в погребениях, а следовательно, может быть установлен *terminus post quem* для времени бытования бус, хронологическое определение которых представляет, как известно, наибольшие трудности.

Ткачество наравне с гончарным производством и обработкой металла являлось одним из основных ремесел населения Албании. Об этом мы имеем возможность судить по тому размаху, которого достигло изготовление различных тканей и торговля ими в последующее время, судя по арабским источникам. Ретроспективно можно

Рис. 4. Стеклянная чаша

¹ Б. И. Л р а к е л я н. 1) Значении расковок в Гарни для изучения культуры древней Армении ИДИ, 1053. № 3, стр. 155—158, рис.. 6. 2) Гарни II. Результаты раскопок 1051—1955 (Античный период). Кропан. 1057, стр. 65, рис. 37.

² М. А. Т и х а н о в а. Из материалов Дубоссарского отряда Молдавской экспедиции. КСИИМК, вып. 57. 1955, стр. 94—97, рис 35.

³ Т. Н. Г о л у б к и н а, ук. соч., стр. 472. рис. 3.

⁴ Б. Н. А р а к е л и н Гарни. I. Результаты раскопок 1949—1950 гг. Ереван, 1951, таил. 24.

⁵ И. Н. Ц и ц и ш в и л и. Гробница у станции Михета. КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 123, рис. 55, 2. 6 К. В. Тревер

поэтому говорить о производстве сырья и развития ткацкой техники и в предшествующие века, тем более, что все в том же Мингечауре обнаружены фрагменты тканей (шерстяных и льняных) в курганах, датируемых серединой I тысячелетия до н. э.,¹ а также в ряде кувшинных погребений («местного производства»² «грубые ткани»³). Из числа фрагментов тканей, найденных в кувшинных погребениях Мингечаура, один остаток был исследован и оказался обрывком «тонкого полотна» из льна.⁴ Упомянуты в перечне находок в Мингечауре и вышивки, но без указания примененных материалов.

Что же касается хлопка, то и эта культура несомненно была в древности распространена в Албании в орошаемых районах Ширванской, Мильской и Муганской степи. Письменные источники, правда относящиеся к VII в. н. э., о хлопке говорят совершенно определенно. Так, в «Армянской географии» VII в. мы читаем, что Албания «производит несметное количество хлопка [бамбак]»,⁵ и у Моисея Каланкатуйского в главе о плодородии албанской земли тоже говорится о хлопке.⁶

Из всего вышеприведенного можно заключить, что ткачи в Албании были обеспечены разнородным сырьем. Имеются основания говорить и о местных красителях — о марене И кошенили. В Мингечауре обнаружено также большое количество деревянных предметов, являющихся не чем иным, как остатками ткацких станков, а также большое количество глиняных присел.⁷ относящихся к первому веку нашей эры.

Многу перечислены только основные виды ремесел, которыми занималось население Албании. Археологические находки и письменные источники позволили бы назвать и ряд других, как например обработку кожи; дело в том, что фрагменты кожи обнаружены в ряде погребений, а в одном из кувшинных погребений найден железный предмет, которым обрабатывалась кожа.⁸ Были среди албанок, как говорилось выше, и искусные резчики по камню, судя по большому количеству печатей, обнаруженных в кувшинных погребениях Мингечаура.

¹ С. М. К а з и е в. Археологические памятники Мингечаура как исторический источник, . . , стр. 172.

² Н. В. М инкевич- М у с т а ф а е в а. Раскопки в Мингечауре в 1941 г. МКА, т. 1, 1949, стр. 102.

³ С. М. К а з и е в. Об археологических раскопках в Мингечауре ДАН Азерб. ССР, 1946, № 10, стр. 447.

⁴ В. Н. Л е в и а т о в, ук. соч, стр. 80.

⁵ Армянская география VII в. стр. 50.

⁶ М о и с е й К а л а н к а т у й с к и й, кв. I, гл. 5.

⁷ С. М. К а з и е в. О двух кувшинных и двух катакомбных погребениях. МКА, т. III, 1953, стр. 34.

⁸ Там же, стр. 33, рис. 1.

Рассмотренные выше виды ремесел никак не отражают всей совокупности ремесленного производства, представленной в материалах из Мингечаура и других могильников на территории Албании. Но и то немногое, что могло быть рассмотрено, свидетельствует об отделении ремесла от земледелия и о довольно значительной дифференциации в самом ремесленном производстве. На это обстоятельство указывал в свое время уже В. Н. Левиатов на основании ознакомления с археологическими материалами, относящимися ко времени от I в. до н. э. и до III в. н. э.

Ремесленная продукция говорит о сосуществовании в албанском обществе домашнего или сельского ремесла, пользующегося отсталой техникой и продолжающего древние традиции и приемы. и городского, более развитого ремесла, обслуживающего как городское население, так и знать. Весьма вероятно, что в Албании существовали (как в Персии и Армении) и царские мастерские где изготовлялось все, что требовалось для двора. В поместьях знати, в храмовых объединениях тоже могли существовать свои мастерские, обслуживавшие определенные группы верхушки общества.

О торговле в изучаемый период мы знаем очень мало. Письменных сведений, которые осветили бы эту сторону жизни албанов и это время, в трудах античных писателей не имеется. Единственное упоминание о торговле, которое сохранилось у Страбона относится, по-видимому, к более отдаленному периоду, к IV—III вв. (?), когда албаны, «[не имея] склонности к торговле, по большей части но употребляли монет, не зная счета дальше сотни, и воли меновую торговлю».² О каких именно албанских племенах у Страбона идет речь, нам неизвестно. Характеристика эта может относиться к племенам прибрежным, племенам, занимающимся полукочевым скотоводством и меновой торговлей мягкой верблюжьей шерстью, рыбой, осетровым клеем и другими предметами, которые они на верблюдах довозили до Экбатаны, как сообщает Элиан,³

Торговля в первых веках нашей эры не имела в Албании того удельного веса, который она получила впоследствии, в VII — VIII вв. Оживленные торговые сношения между Востоком и Западом, в которых большое участие в первых веках нашей эры принимала Армения, Албанию, по-видимому, не затрагивали ввиду общей исторической обстановки и ее обособленного географического положения (вдали от международных торговых магистралей). Сообщение Стра-

¹ В. Н. Левиатов, ук. соч., стр. 80.

² Страбон, кн. XI, гл. 4, 4 (С. 502).

³ Элиан, кн. XVII, гл. 32.

погребении Мингечаура (как об этом уже неоднократно говорилось), или же имеют отношение лишь к определенной части населения. Мне кажется, что слово «точность» в этом контексте могло бы укачивать на то, что какие-то меры и весовые единицы у албанских племен все же имелись, во не отличались точностью.

Общественный строй албанов в период их совместной с Арменией и Иберией борьбы против Рима (I в. до н. э.— III в. н. э.) в письменных источниках освещения не получил. Что касается источников археологических, вещественных, то и они, будучи еще недостаточно изучены, могут дать немного. Всё же эти источники позволяют говорить не только о наличии классов (это было установлено еще для IV—II вв.), но и о больших размерах и разнообразии труда непосредственных производителей, использованного на ирригационных работах, в добыче и обработке металла, в земледелии и ремеслах. Письменные источники говорят только о скотоводах (Страбон, Элиан) и о занимающихся рыбным промыслом (Элнан). Столь же случайны упоминания о представителях верхушки общества: жрецах (Элиан, Аппиан), «богатейших и власть имущих» — (Элнан), «предводителях», представителях родовой знати — (Аппиан). Рабы не упоминаются совсем; что касается нероду.тов (Страбон), то о НИХ речь будет особо.

Авторы «Истории СССР» в 1939 г. писали, что «о внутреннем строе Албании в первые века нашей эры почти ничего неизвестно. Надо полагать, что он немногим отличался от того, каким он был ко времени первого ознакомления римлян с Закавказьем».¹ Утверждение это вполне справедливо, и надо сказать, что до настоящего времени внести ясность в этот вопрос так и не удастся. Тем не менее в вышедших в 1956 г. «Очерках по истории СССР» авторы соответственных глав утверждают, что «в середине I в. до п. Э. на территории Азербайджана сложилось раннерабовладельческое государство», а «в I—II вв. продолжали развиваться и укрепляться рабовладельческие отношения»,² но этого своего положения никак не обосновывают.

Кроме отсутствия письменных сведений и неизученности археологического материала, имеется еще одно обстоятельство, лишаящее нас возможности проанализировать общественные отношения албанов, — отсутствие памятников албанской письменности, утерянность албанского языка, следовательно, незнание нами его лексики и поэтому отсутствие социальных терминов, в то время как они в изобилии сохранены армянским и грузинским языками. Иссле-

¹ История СССР, чч. I—II. М—Л., 1930, стр. 374. ² Очерки по истории СССР. М., 1956, стр. 441 и 484.

дователю Албании I—III вв. приходится поэтому воздерживаться от каких бы то ни было утверждений, а тем более обобщений; он может позволить себе высказывание тех или иных суждений лишь, в предположительной форме.

Пытаясь представить себе общественный строй албанов в первые века нашей эры на основании того немногого, что известно по письменным и вещественным данным, и сообразываясь с тем, что в это время происходило в соседних Армении и Иберии (с учетом некоторого отставания экономики, а следовательно, и форм общественной жизни в Албании), можно было бы высказать следующие предположения.

Развитие общинно-рабовладельческих отношений, которые сложились к I в. до н. э., проходило в Албании замедленными темпами; по-видимому, оно вообще не дошло до четких форм рабовладельческого общества в I—III вв., как это имело место в Армении. Первобытно-общинные отношения, будучи в Албании более стойкими, пережиточно дольше должны были сохраняться в виде сельской общины. Патриархальное рабство (из числа военнопленных) не могло в силу слаборазвитой экономики перейти к тем формам рабовладельческих отношений, которые существовали в соседних странах Закавказья.

На развитии албанского общества не могло не отразиться то обстоятельство, что оно сложилось из целого ряда племенных союзов, находившихся в продолжавших находиться на различном уровне своего общественно-экономического развития. Допустимо поэтому предположение, что сосуществовал ряд укладов: наряду с родописменными отношениями, с первобытно-общинным укладом мог существовать и рабовладельческий (на землях царя и знати, а может быть, и в городах, куда тоже поступали военнопленные). В некоторых частях страны мог существовать и феодальный уклад, сложившийся в результате разложения первобытно-общинного строя, когда стала распадаться сельская община, когда стало увеличиваться число крупных землевладельцев и когда общинники, сохранявшие свой мелкий земельный надел, вместе с посаженными па землю рабами (там, где они имелись) постепенно образовали феодально-зависимое крестьянство. Это процесс, наблюдаемый уже в IV—VI вв.

Политическая история

В истории народов Закавказья I век до н. э. ознаменован первыми столкновениями с римлянами, что явились началом многовековой борьбы армян, иберов и албанов за свою независимость. Ос-

¹ С. Е. Е р е м и н. Рабовладельческое общество древней Армении. (Автореферат).

новной причиной этих столкновений было стремление Рима захватить и удержать мировые торговые пути и рынки в восточном Средиземноморье и Малой Азии, на которые посягал Понт в лице Митридата Евпатора; с экспансионистской политикой последнего Риму пришлось вести длительную борьбу.

В процессе этой борьбы у Понта появился могущественный союзник в лице армянского царя Тиграна II, объединившего все армянские земли, пытавшегося присоединить к ним Сирию и ряд областей Малой Азии, отторгнув их от Рима, и являвшегося создателем мощного, хотя и не долговременного государства Великой Армении. В состав Армении Тиграна II входили, кроме собственно армянских земель, Атропатена, Мидия, Кордуена, Месопотамия, Сирия, Финикия. В 70 г. до н. э. царство Тиграна II простиралось «от Каспийского моря до реки Иордана и Средиземного моря».¹

Я. Л. Манандян в посвященной Тиграну II работе объясняет римскую агрессию по отношению к странам Закавказья невозможностью для Рима «позволить, чтобы в тылу его малоазиатских владений — в Коммагене, Восточной Киликии и на берегах Средиземного моря — окончательно организовалась и укрепилась могущественная и великая империя — Армения, которая была постоянной угрозой его владычеству на Востоке... рано или поздно Рим должен был свести с Тиграном счеты за покорение им Сирии и опустошение Каппадокии, союзных ему (Риму) стран».²

Весною 69 г. до н. э. римские легионы Лукулла без объявления войны, без получения соответственных полномочий от римского сената неожиданно вторглись в пределы Армении и подошли к Ти-гранакерту. Тигран, не ожидавший этого нападения, был вынужден отступить в глубь страны, чтобы спешно собрать военные силы.

К этому периоду, к летним месяцам 69 г. до п. э., и относятся те несколько строк Плутарха, из которых мы узнаем, что на помощь армянскому царю явились многие его союзники и среди них албаны и кочевники Приаракской равнины. У Тиграна, по словам Плутарха, «сошлись поголовным ополчением армяне и кордуены, явились цари, ведя медов и адиабенов поголовным ополчением, пришли от моря, что в Вавилоне, много арабов и много албанов (с берегов] Каспия и соседствующих с албанами иберов; прибыло также немало племен, не имеющих царей и пасущих стада (на берегах] Аракса, привлеченные (одни] желанием оказать помощь, (другие] — дарами»

¹ История армянского народа, ч. 1. Под редакцией В. П. Аракеяна и А. Р. Иоаннисяна. Ереван, 1951, стр. 37 (автором этой главы является С. Т. Еремин).

² Я. А. Манандян Тигран второй и Рим. Ереван, 1943, стр. 91—92.

Этот отрывок — первое упоминание об албанах в связи с теми историческими событиями I в. до и. э., во время которых албаны, придя на помощь армянам вместе с иберами, атропатенами и другими восточными народами, пытались отразить нападение на Закавказье римских захватчиков. Плутарх сохранил нам в этом отрывке первые в истории народов Закавказья упоминания о совместных военных действиях армян, албанов и иберов против общего врага, о сплоченности этих народов, политически друг от друга независимых. На всем протяжении исторической жизни этих народов в I тысячелетии п. э. письменные источники постоянно сообщают о совместных восстаниях против иноземных поработителей, о совместных, за немногими исключениями, военных выступлениях, об общности культурной жизни народов Армении, Иберии и Албании.

Так как в перечне народов, пришедших на помощь Тиграну, только приаракские племена названы «не имеющими царей», то мы вправе полагать, что остальные народы, в том числе и албаны, возглавлялись царями, тем более, что тут же упомянуты цари, приведшие атропатенов (медов) и адиабенов. Таким образом, мы узнаем, что в первой половине I в. до н. э. в Албании уже, по-видимому, существует государственность, что возглавляют страну мест-ные цари, поддерживающие сношения с другими народами Закавказья, в данном случае с армянами и иберами. Но у нас нет сведений

о том, когда именно складываются в Албании те общественные отношения, которые приводят к возникновению царской власти. Наличие ее в первой половине I в. до и. э. позволило бы предположить, что это могло иметь место уже во II в. до н. э., а может быть и раньше.²

В этом отрывке Плутарха обращает на себя внимание, что албаны называются «пришельцами с Каспия» или из Каспианы,— деталь, являющаяся, как мне кажется, подтверждением моей точки зрения на каспиев. По Страбону, этот народ якобы исчез, на деле же к концу I в. до н. э. термин «каспий» перестал быть объединяющим этническим наименованием для ряда племен и народностей, обитавших на территории северного Азербайджана, а употреблялся только для части из них.³

Плутарх высказывает свои соображения о причинах, которые могли побудить соседние народы примкнуть к войску армянского царя, в следующих словах: «...желанием [оказать помощь] и дарами привлеченные». Так как этими сло-

¹ П л у т а р х . Лукулл, кв. XXVI (509).

² См. выше, стр. 6.

³ См. стр. 50 и сл.

вами автор замыкает перечень дружественных Тиграну народов, то слова эти относятся, видимо, не только к обитателям берегов Аракса, но ко всей группе перечисленных им народов, из которых одни (народы Закавказья) шли на помощь бескорыстно, «полубовно», побуждаемые необходимостью отразить общего врага; другие же, пришедшие в качестве наемников, по всей вероятности, являлись обитателями берегов Вавилонского моря (Персидского залива), - арабами, а может быть, и кочевыми племенами с берегов Аракса, «царской власти не знавшими». Следует отметить, что едва ли прав Я. А. Манандян, полагая, что войско Тиграна состояло из «подчиненных ему вассальных царств и княжеств»: ведь слово применимо к иберам, албанам и атро-патенам — народам независимым, а слова (как говорилось выше) — к наемникам (арабам и, может быть, племенам с Аракса); «вассальными царствами», т. е. подчиненными Тиграну народами, являлись только кордуеи и адиабены.

Источники не сообщают, где именно происходил сбор союзников, пришедших к Тиграну «поголовным ополчением». По мнению Экхарт¹ и И. А. Манандяна, - таким местом могла быть Мушская долина, и именно отсюда через Сасунские горы и повел свои войска армянский царь, идя на помощь осажденному Тигранакерту. Встреча между Лукуллом и Тиграном произошла 6 октября 69 г. до н. э. у слияния рек Баиман-Су и Фаркин-Су (древняя Никефорня).

Тигран потерпел поражение, Тигранакерт пал. Плутарх и Аппиан сильно преувеличивают размеры этого поражения. Я. А. Манандян показал, что события 69 г. более объективно описаны у малоазийских писателей Мемнона (около 100 г. н. э.) и Флегона Тралльского (II в. н. э.), что сражение не было столь кровопролитным, как об этом говорят римские историки; как как уже в начале боя началось беспорядочное отступление войск Тиграна, когда на тяжелооруженную армянскую конницу не то с фланга, не то с тыла ударили когорты Лукулла и, заставив ее отступить, вызвали замешательство в пехоте и обозе.³

Где находились албаны в этом бою — в коннице или в пехоте, мы не знаем. Но если учесть удельный вес албанских отрядов в построении войск Дарий III при Гавгамеле, более вероятным представляется, что они и под Тигранакертом занимали ответственные участки. Коли они входили в состав тяжеловооруженной конницы, то следует представить их себе одетыми в панцири, покрывавшие,

¹ К. Eckhardt. Die armenischen Feldzuge ties Lukullus. Klio, Bd. X, H. I, S. 94.

² Н. А. Манандян. Тигран второй и Рим, стр. 112.

³ Там же, стр. 117 131.

по Плутарху, верхнюю часть тела и оставлявшие открытыми ноги,¹ вооруженными копьями и щитами, в шлемах, восседающими на одетых в панцири конях.

Перечень вооружения албанов, который имеется у Страбона, следует относить не только ко времени походов Помпея, но и к предшествующему периоду, т. е. II в. до н. э., так как едва ли специально ко времени римского вторжения албаны стали «копьеносцами и стрелками, имеющими панцири и [большие] щиты, шлемы же звероподобные, сходные с иберскими».² Как известно, во время раскопок в Мингечауре во многих кувшинных погребениях (II—I вв.) обнаружено оружие: железные мечи, наконечники копий, кинжалы и ножи, наконечники стрел из железа, кости и даже из глины.³ Не исключена возможность, что в Мингечауре найдены также фрагменты панцирей, щитов и шлемов, но эти материалы еще не подверглись изучению, описанию и изданию, а они могли бы явиться прекрасной иллюстрацией к данным Страбона.

Победа под Тигранакертом не решила исхода армянского похода Лукулла; партизанский способ борьбы, па который перешли армяне, нарушал снабжение и затруднял передвижение неприятеля, не получавшего к тому же помощи из Рима.

В 66 г. до н. э. сенат отозвал Лукулла и назначил на его место Помпея, предоставив ему исключительно большие полномочия. Преследуя Митридата Евнатора, бежавшего через Армению и Иберию в Колхиду, в именно в Диоскуриаду (Сухуми), Помпей вторгся и Армению и принудил Тиграна к соглашению, по которому тот отказывался от Месопотамии, Софены, Малой Армении и ряда других завоеванных им областей, а также обязывался выплачивать Риму контрибуцию. По дороге в Колхиду Помпею пришлось столкнуться с албанами и иберами. Самый ранний источник, касающийся этих событий,— это труд Тита Ливия, писавшего через 30—40 лет после кавказского похода Помпея: (Преследуя Митридата, Кн. Помпей проник к самым крайним и неизвестным народам: иберам и албанам, которые не пропускали его, но он победил в сражениях»

¹ Плутарх. Лукулл, гл. 28 (510).

² Страбон, кн. XI, гл. 4, 5 (С. 502). — В переводе П. И. Прозорова слово переведено «из звериной кожи», но не исключена возможность, что имеются в виду шлемы в виде звериных голов, какие три века спустя носили члены Сасанидского царского дома в Иране, а также цари Хорезма и др.

³ Ср. кинжалы и мечи I в. до н. э., изданные Г. И. Ионе. — Г. И. Ионе. Археологические раскопки в Мингечауре, стр. 453, рис. 4—5; С. М. Казиев. О некоторых типах оружия из Мингечаура. МКА, т. II, 1951, стр. 23—30 (резюме); Г. П. Ионе. Мингечаурские кувшинные погребения с оружием. КСИИМК, вып. 60, 1955.

(«Сн. Pompeius cum Mitliridalen persequeretur, in ultimos ignotasque gentes penetravit: Hibernos Albanosque, qui transitum non dabant, proelis vicit»)¹.

Следующее по времени упоминание этого похода принадлежит уже Страбону (около начала нашей эры), который мимоходом, критикуя нелепости в тексте Клитарха относительно ширины Кавказского перешейка, упоминает о Помпее, который «отправился в поход против иберов и албанов и доходил до обоих морей, до Каспийского и Колхидского».²

В первом из этих наиболее ранних источников, у Тита Ливия, имеется одно очень важное указание, на котором исследователи почему-то не останавливаются и на которое вообще не встречается ссылок. Имею в виду слова о том, что иберы и албаны «не пропустили» Помпея. И те и другие действительно имели все основания отнестись недружелюбно к Помпею: иберы были настроены дружелюбно к Митридату и дали ему возможность бежать от Помпея через их страну, а албанский царь Оройс временно давал у себя приют армянскому царевичу Тиграну,³ не говоря уже о том, что приближение римских легионов грозило независимости и целостности Иберии и Албании..

Подчинив себе Армению, дав войскам отдохнуть в Арташате и пополнив вторично свою казну за счет сокровищницы Тиграна, Помпей решил нагнать Митридата в Колхиде. Учитывая то обстоятельство, что по пути в Колхиду римские войска рисковали подвергнуться нападению со стороны иберов, только что пропустивших через свои земли понтийского царя, с которым они поддерживали дружественные отношения, Помпей решил идти другим маршрутом, а именно — напасть на Иберию с тыла, где его всего менее ожидали, со стороны Албании. Плутарх, сообщает; «Помпей шел против Митридата по необходимости через земли народов, живущих вдоль Кавказа. Наиболее мощными из них были албаны и иберы»⁴. В этом тексте сначала названы албаны и на втором месте иберы, что дает основание полагать, что сначала Помпей имел дело с албанцами, а потом с иберами. Других оснований для этого быть не могло, принимая во внимание географическое расположение, а по полити-

¹ Тит Ливий. История от основания города, кн. СІ.

² Страбон, кн. XI. гл. 1, 6 (С. 491—492).

³ Кассий Дийо. Римская история, кн. XXXVI, гл. 54. I.

⁴ Плутарх Помпей, гл. 34 (637).

ческому значению и уровню культуры албаны иберов не превосходили, а в некоторых отношениях, быть может, от них и отставали. Круговым путем в Колхиду, но кратчайшим до Албании являлся известный торговый путь из Арташата на север, минуя Севанское озеро, через современное Делижанское ущелье к берегам Куры (около нынешней Акстафы). Этим путем, видимо, и шел Помпей, так как, помимо всего остального, этот путь давал ему возможность врасплох напасть на наиболее уязвимые области Иберии.

«Захватить врага врасплох» было одним из приемов военной тактики Помпея, даже если ему для этого приходилось идти долгим круглым путем. Забегая вперед, отмечу, что и во время второго его похода против албанов он тоже применил эту уловку.¹

После замирения Армении Помпей, идя из Арташата, появляется «в области Анахиты у берегов Куры»² «Областью Анахиты» назывались «храмовые земли» управлявшиеся жрецами; таковые земли имелись и в армянской Акилисене на верхнем Евфрате, и в Комане Каппадонийской, и в западной Албании на границе с Иберией³ (восточная Кахетия). Но в данном случае речь идет не об албанской храмовой земле, так как Помпей за Куру не перешел, а остался на правом ее берегу, выйдя к ней в районе Казаха. Отпадает также отождествление (Я. А. Манандян) с храмовой землей в области (современная Хоспия) в районе Ахалциха и Ахал-калаки,⁴ поскольку Помпей несомненно шел из Арташата на север, а не на запад. Речь может идти о некоей храмовой земле или в районе древнего Халхала, или в восточной части сопредельной с Албанией и Иберией области Гогарене.⁵ Ведь в задачу римского полководца входило обеспечение своего тыла сначала от албанов, а затем уже от иберов,⁶ поэтому вопрос об «области Анахиты» на Евфрате, как полагал Т. Моммсен, и об Анаитакане у Хоспии (Я. А. Манандян)⁷ должен отпасть, потому что обе они никак и нигде с Албанией не соприкасаются.

¹ Кассий Д и он, кн. XXXVII, гл. 3.—См. стр. 97.

² Там же, кн. XXXVI, гл. 53. 5.

³ Стр а б о н, кн. XI, гл. 4, 7 (С. 503).

⁴ Я. А. М а н а н д я н. 1) Круговой путь Помпея в Закавказье. ИДИ 1939, № 4, стр. 73—74; 2) Тигран второй и Рим, стр. 109.

⁵ С. Т. Кремля полагает, что речь идет о плодородной Борчалпийской низменности с ее прекрасным климатом.

⁶ П л у т а р х . Помпей, кн. 34 (637); Кассий Д и он, кн. XXXVI, гл. 54.

⁷ Я. А. Манандян ошибается также, говоря, со ссылкой на Аппиана, о совместных в это время действиях Артока иберского и Оройса албанского в Гогарене: у Аппиана (Митридатовы войны, гл. 103) речь идет не о первом, а о втором походе Помпея против иберов и албанов (см. ниже, стр. 96 и сл.).

Тит Ливий, наиболее близкий по времени к описываемым событиям историк, определенно говорит, что албаны и иберы не хотели пропустить Помпея.¹ С этим не согласуются слова Плутарха, писавшего сто лет спустя после Тита Ливия, что албаны якобы «сначала согласились на просьбу Помпея пропустить его через свои пределы».² Плутарху видимо, нужно было объяснить нападение албанов на римлян не самозащитой, а предательством, чтобы сгладить впечатление от попытки римлян коварно с тыла напасть на иберов. Как бы то ни было, но Помпей, дойдя до Куры, разделяет свое войско на три части и располагает их на зимнюю стоянку в трех пунктах. Эта мера могла быть вызвана опасением нападения со стороны албанов, обещанию которых они, быть может, не доверяли, но более вероятно, что эта мера объясняется экономическими причинами затруднительностью добывать фураж для большого войска в одном пункте.) Вели допустить, что прав Плутарх, говоря о согласии албанов пропустить римлян, то нападение с их стороны едва ли следует объяснять коварством: они соглашались «пропустить» войско, а не кормить его и подвергаться ограблению и насилию в продолжение целой зимы.

Плутарх сообщает, что албаны, сначала разрешившие проход через их страну, напали во время празднования сатурналии на римлян, что Помпей их разбил наголову, а затем, заключив с ними союз, направился против иберов и нанес им тоже сильное поражение.³ Таким образом, мы узнаем, что Помпей, обезопасив себя со стороны албанов и иберов, мог отправиться в Колхиду, т. е. достиг той цели, ради которой выступил из Арташата.

Более подробное описание событий, имевших место на Куре, дохранил нам Кассий Дион. Из его рассказа мы узнаем, что Помпей разбил свое войско на три части (под начальством Мстелла Келера, Лукия Флакка и самого Помпея) и расставил их на известном расстоянии друг от друга. Оройс, царь албанов, «по ту сторону Кириа [Куры] обитающих», решил напасть одновременно на все три римских отряда, «чтобы они, в случае одновременного на них нападения, не могли поспешить друг другу на помощь»⁴ Кассий Дион приводит причины, которые побудили Оройса принять это решение: желание оказать помощь Тиграну младшему, своему другу, который находился (в качестве пленника) в отряде Метелла Келера, а опасение, как бы римляне не напали на территорию Албании. Он рассчитал,

¹ Тит Ливий, кв. СІ.

² Плутарх. Помпей, гл. 34 (637)

³ Там же.

⁴ Кассий Дион, кн. XXXVI, гл. 54. 2.

что такое превентивное нападение зимою на разбросанные в разных местах римские части сможет привести к положительным результатам — «во всяком случае что-нибудь сделать удастся».

Оройс возглавил сам отряд, напавший на Метелла Келера: захватить врасплох Помпея и Лукия Флакка он поручил другим частям албанского войска.¹ По словам Плутарха, войско албанов состояло из 40 тысяч человек,² сколько было воинов у Помпея, мы не знаем. Кассий Дион и Плутарх указывают время, когда произошло это нападение, а именно — 17 декабря, в дни Кроний (сатурналий), ежегодного у римлян праздника, отмечавшегося в продолжении семи дней. Но албаны потерпели неудачу. «Ни в одном месте ничего не получилось» — говорит историк.³ Сильным ударом Келер опрокинул Оройса. Лукия Флакк применил военную хитрость: не будучи в силах защитить длинный ров на всем его протяжении, он выкопал внутри лагеря второй ров меньших размеров, а затем притворным бегством заманил албанов внутрь внешнего рва и там разбил их. То обстоятельство, что при приближении врага Лукий Флакк успел выкопать внутренний ров, говорило о том, что битва эта продолжалась более одного дня.

Что касается схватки Помнен с албанцами, то об этом подробнее рассказано у Плутарха. Помпея албаны, по-видимому, врасплох не застали, он их поджидал и (по Плутарху) наблюдал за переходом албанов через Куру, не препятствуя их переходу, а затем уже нанес им поражение.⁴ По-видимому, атака на Помпея имела место несколько позже, чем на два других сто отряда, поскольку (по Диону Кассию; Помпей, узнав о нападении на Келера и Флакка, сразу пошел навстречу албанам,⁵ и, дойдя до Куры, "спокойно наблюдал за их переходом через реку"⁶ Разбив этот отряд, Помпей поспешил на помощь Келеру, на которого напал сам албанский царь, намеревавшийся, вероятно, отбить Тиграна Младшего.

Помпею не удалось захватить Оройса, так как, узнав о неудаче, постигшей два других албанских отряда, и будучи отброшен Келером, он спешно перешел через Куру, но Помпей «на переправе настиг арьергарды албанов и многих из них здесь перебил»

¹ Там же.

² П л у т а р х . Помнен, гл. 34 (637).

³ Кассий Д и о н . кн. XXXVI, гл. 54, 3.

⁴ П л у т а р х . Помпей, гл. 34 (637).

⁵ Кассий Д и о н , кн. XXXVI, гл. 54, 4.

⁶ П л у т а р х . Помпей, гл. 34 (637).

Албания в период от I в. до н. э. до III в. н. э.

Опасаясь, по-видимому, перехода римлян через Куру и вторжения их на территорию Албании, Оройс направил посольство к Помпею и просил о мире или перемирии; Помпей был вынужден «простить» албанов, хотя ему «сильно хотелось отомстить им вторжением в их страну» Ввиду зимнего времени он отложил военные действия и, заключив с албанцами договор, выступил против иберов.¹

Нанеся тяжелое поражение иберам в наказание за помощь, оказанную ими Митридату, Помпей вышел в Колхиду, стремясь настигнуть понтийского царя. Но так как Митридат за это время успел бежать на Боспор, Помпей счел нужным прекратить преследование,² тем более, что до него дошла весть, что албаны снова подняли восстание.

О втором походе Помпея против албанов кратко рассказано у Плутарха и довольно подробно у Кассия Диона. И на этот раз Помпей направился в Албанию не кратчайшим путем, не тем, которым он дошел до Колхиды, т. е. через временно покоренную Иберию, а пошел действительно круговым путем — через Армению. Я. А. Манандян, по-видимому, в данном случае прав, указывая путь Помпея от устья Риона, через Хоспию, Кировакан и Делижан в район Акстафы.³

С. Т. Еремин уточняет этот маршрут Помпея, а именно полагает, что из Колхиды он прошел через Зекарский перевал,⁴ около которого, по Страбону, находился хорошо укрепленный городок Идиесса — «фриксов город».⁵ Этот маршрут Помпей избрал, по Кассию Диону, якобы по следующим соображениям: «...сам же он, повернув назад, направился против албанов, но не кратчайшим путем, а пройдя [через] Армению, чтобы их [албанов], по ожидающих этого после перемирия, захватить этим [врасплох]».

¹ П л у т а р х. Помпей, гл. 34 (637).

² Там же; Кассий Дион, кн. XXXVII, гл. 3, 1-2.

³ Н. А. Манандян Тигран второй и Рим. карта на стр. 205.

⁴ С. Т. Еремян. Торговые пути Закавказья в эпоху Сасанндов (по Tabula Peutingeriana), стр. 92, прим. 5

⁵ С т р а б о н. кв. XI. гл. 2, 18 (С. 499).

Приходится полагать, что, направляясь этим путем через Армению, Помпел собрался замаскировать свои настоящие намерения и снова применить свою излюбленную тактику — застигнуть врага врасплох, как об этом выше уже говорилось. Возможно и другое объяснение, а именно, что Помпей из Колхиды собрался вернуться в Понт и что известие о восстании албанов он получил где-то в районе Ганлиджи, чем и объясняется резкий поворот его пути отсюда на восток, на Делижан и к Акстафе. Кассий Днон, пытаясь осмыслить этот круговой путь, и приводит свои вышеуказанные соображения. Возможно, конечно, еще одно объяснение; только что закончив примирением борьбу с иберами, которым он нанес несколько тяжелых поражений, и получив в качестве заложников сыновей царя Артока, Помпей не считал возможным с войском снова появляться на территории Иберии и поэтому предпочел дальний круговой путь через Армению.

У Плутарха сохранились сведения о «частоколе», которым «варвары», т. е. албаны, «на большом пространстве» защитили берега Куры.¹ Из слов историка можно заключить, что они были возведены на левом берегу Куры, по-видимому, в месте какой-то удобной переправы через реку. Помпею пришлось избрать другое место для перехода через Куру, ниже по течению, чем и объясняются, быть может, слова Плутарха: «Отсюда шел дальше длинный трудный путь по безводной степи».² Интересно описание перехода римского войска вброд через Куру, где река «сделалась проходимой вследствие летней жары»;³ одновременно реку переходили и конница, **«чтобы кони своими телами ослабили силу течения»**⁴ и пехота (выше по течению), а между теми и другими переправлялся обоз, с обеих сторон таким образом защищенный от силы течения — «если что из обоза опрокинулось бы, то натолкнулось бы на сопровождавших с обеих сторон и не было бы унесено»⁵ В этом месте албаны Помпея не ждали, так как на пути от Куры и до Иоры (Камбис) «он не испытал никакого вреда от неприятеля».⁶ Он шел, видимо, по ненаселенной, глухой местности, где отсутствовали речки и родники, «по безводной степи»⁷ и поэтому «сильно постра-

¹ Плутарх. Помпей, гл. 35 (638).

² Там же.

³ Кассий Днон, кв. XXXVII, гл. 3, 4.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, гл. 3

⁷ Плутарх. Помпей, гл. 35 (638).

7 К. В. Тревер

дал со всем войском от жары и от жажды, хотя и прошел большую часть пути ночью»¹ Римлян вели проводники из числа взятых, вероятно, в плен местных жителей; этим объясняется возможность перехода по степи по незнакомому пути; вели их, по словам историка, «не по самой удобной дороге»² Таким образом, римское войско дошло до р. Иоры, из которой воины жадно напились. «Чрезвычайно холодная вода, выпитая ими в большом количестве, многим из них повредила»³

Римляне и за Иорой «не встретили сопротивления»⁴ албаны, которым не удалось задержать Помпея частоколом на Куры, не решались, по-видимому, встретиться с врагом в безводной степи и сосредоточили свои силы за следующей рекой, через которую римлянам предстояло перейти за р. Алазань, которую Кассий Дион называет Абас.

Учитывая тяготы и потери во время перехода от Куры до Иоры, римляне во время этого второго перехода несли с собою воду, набранную ими из Поры, что, конечно, задержало их несколько в пути и дало албанам возможность собраться с отступившими за Алазань силами. Но слонам Плутарха, Помпей «взял с собою десять тысяч бурдюков с водою и направился против неприятеля»⁵

Местность между Иорой и Алазанью, через которую римлянам пришлось идти, была, видимо, населена, так как, по словам историка, припасы для войска они взимали с местного населения, «вследствие чего несколько не обижали его»⁶ По словам Диона Кассия, Помпей «уже после переправы получил известно о приближении Оройса»⁷ Плутарх же пишет, что Помпей «застал албанов у реки Абаса выстроенными в боевом порядке; их было 60 000 пехоты и 12 000 конницы»⁸ Как бы то ни было, встреча легионов

¹ Кассий Д и о н, кн. XXXVII, гл. 3, 5.

² Там же.

³ Там же, гл. 3, 6

⁴ Там же.

⁵ П л у т а р х . Помпей, гл. 35 (638); Кассий Дион. кн. XXXVII, гл. 3, 6

⁶ Кассий Д и о н. кн. XXXVII, гл. 3, 6.

⁷ Там же, гл. 4, 1.

⁸ П л у т а р х . Помпей, гл. 35 (638)

Албания в период от I в. до н. э. до III в. н. э.

Помпея с албанскими войсками имела место за р. Алазань. Основным тактическим приемом Помпея было введение неприятеля в заблуждение круговыми переходами и захват его врасплох, а основным приемом Оройса— заманивание врага вглубь незнакомой ему территории. Если Плутарх прав, то албанская армия представляла внушительную силу; но более вероятным представляется, что римский историк несколько преувеличил цифры для большего возвеличения доблести римского оружия; количество шедших с Помпеем легионеров нам, между прочим, неизвестно.

Кассий Дион говорит о приближении Оройса, а Плутарх сообщает, что «во главе их стоял брат царя по имени Косис¹ и что албаны были «плохо вооружены и одеты большей частью в звериные шкуры»² Кассий Дион ничего не говорит о брате царя и о качестве вооружения албанского войска. Возможно, что Оройс с основными силами, со своей прекрасно вооруженной конницей³ находился в аррьергарде, может быть в горах (как будет видно из дальнейшего), выставив впереди передовые отряды, собранные из местных жителей, преимущественно горцев, явившихся в своих кожаных одеждах и возглавленных Косисом, братом Оройса. Но все это, конечно, только мое предположение, вызванное текстом Плутарха и сведениями об албанском войске, сохранными Страбоном, писавшим через 40—50 лет после этих события и за 100 лет до Плутарха.

Встреча произошла, как будет дальше видно, около какого-то холма и ущелья, в лесистой местности, видимо по выбору албанов. Варвары «страшны, когда с ними приходится сражаться в лесах, так как они [в них] скрываются и незаметно подкрадываются», говорит об алоанах и этой встрече Аппиан⁴ Помпей, естественно, не мог знать, будет ли он иметь дело с самим Оройсом или с передовой частью войска под предводительством царевича Косиса. Во всяком случае в задачу Помпея входило, как говорит Кассий Дион "завлечь врага в битву до того, как он узнает о количестве римлян, чтобы не дать ему отступить, заметив их многочисленность»⁵ Из этих слов можно заключить, что у Помпея имелись сведения о сравнительной малочисленности встретившего его албанского войска и о его срав-

¹ Там же,

² Там же.

³ С т р а б о н , кн. XI, гл. /, Г. (С. 502). —См. стр. 90, 91.

⁴ А п п и а н . О Митридатовых войнах, гл. 103.

⁵ Кассий Дион, кн. XXXVII, гл. 4, 1.

Албания в период от I в. до н. э. до III в. н. э.

нительно плохом вооружении, что подтверждает высказанное выше предположение, что Оройс с основным своим войском отошел в горы за Алазань и что Помпея встретили «заградительные отряды» из военных соединений горцев, в задачу которых входило, быть может, задержать врага и дать время Оройсу оснастить свое войско.

Перевес был явно на стороне римлян, иначе Помпей не имел бы оснований опасаться отхода врага, заметившего многочисленность римского поиска.⁴ По всей вероятности и место встречи Помпею показалось выгодным для того, чтобы дать тут бой албанам

Готовясь к бою, Помпей прибег к военной хитрости, красочно описанной у Кассия Диона: он «выстроил впереди всадников, объяснив им, что нужно будет делать, а остальным приказал позади всадников встать на кояенп и прикрываться щитами и соблюдать полную тишину, так чтобы Оройс заметил их присутствие не прежде, чем вступит в рукопашную»¹ Хитрость Помпея удалась, так как албаны, и конница, и пехота, увидев перед собою только римских всадников, вступили с ними в бой, опрокинули их, и когда преследовали их во время их притворного бегства, то римские «пехотинцы, вдруг поднявшись и расступившись, дали своим (возможность, безопасно бежать сквозь их ряды, а врагов, неосторожно увлекшихся преследованием, встретили и, сжав их, окружили)»²

Начался настоящий бой, так как римская пехота стала «рубить окруженных», а всадники римские, «обскакав справа и слева, ударили с тыла в ту часть албанского войска, которая не была оцеплена [римской пехотой]... те и другие многих албанов перебили на месте»³

Юлий Фронтин (вторая половина I в. н. э.). описывая этот пример военной хитрости, примененной Помпеем, говорит о бесчисленной албанской коннице, превосходившей римскую («hosTes innumero equitatu praevalabant») — обстоятельство, побудившее римского полководца прибегнуть к вышеописанной военной уловке. У Фронтинна этот военный эпизод описан несколько подробнее Помпей, по его словам, «отдал своей пехоте приказ в ущелье подле

¹ Там же, гл. 4, 2.

² Там же, гл. 4, 3.

³ Там же, гл. 4, 4.

⁴ Фронтин. Стратегемы, кн. 11. гл. 3. 14.

Албания в период от I в. до н. э. до III в. н. э.

холма прикрыть свои шлемы, чтобы не привлекать к себе внимания их блеском, а затем всадникам [велел] выступить на ровное место и как бы прикрыть собою пехоту; он дал им [коннице] приказ при первой атаке неприятеля обратиться в бегство и, как только приблизятся к пехоте, раздаться в стороны. Когда это совершилось, то на очищенном месте внезапно поднялся строй пехоты и, неожиданно бросившись на опрометчиво наседавших неприятелей, изрубил их в сражении» («pedites suos in xta collem in angustiis pro-tegere galeas ne fulgore earum conspici fierent, iussit, equites deinde in aequum procedere ac velut praetendere pedilibus; praecipitque-eis, at ad primum impetum hostium refugerent et, simul ad pedites ventum esset, in latera discederent. Quod ubi explicitum est, pate-facto loco subita peditum consurrexit acies investosque lemere hostes inopinato interfusa proelio cecidit»).¹

В рассказе Фронтинна имеется ряд деталей, отсутствующих в рассказе Плутарха и Кассия Диона, а именно вышеупомянутое указание на перевес албанской конницы (у Плутарха говорится о 60 000 пехоты и 12000 конницы, «выстроенных в боевом порядке», - тогда как Кассий Дион отмечает многочисленность римского войска, которое могло бы заставить албанов отступить).³ У Фронтинна ничего не сказано о лесе неподалеку от места сражения, но упоминаются холм и ущелье, в котором пряталась пехота. У Кассия Диона римская конница во время притворного бегства должна была проскакать через расступившуюся пехоту⁴ тогда как, по Фронтину, всадники должны были «как только доскачат до пехоты, раздаться в стороны» («simul ad pedites ventum esset, in latera discederent»). Более правдоподобен рассказ Фронтинна, потому что только в этом случае всадники могли «обскакать справа и слева» окруженных албанских всадников. Как бы то ни было, военная хитрость удалась: конница албанов была римлянами разбита.

У Плутарха сохранилось описание одного из эпизодов этого боя, а именно единоборство между албанским царевичем и Помпеем: «Когда завязался рукопашный бой, он [Косис] бросился на Помпея и ударил его копьем по шву, на панцире. Но Помпей победил, собственноручно пронзив его»⁵ Но на этом сражение еще не окончилось

Т ¹ Там же.

² П л у т а р х. Помпей, гл. 35 (638).

³ К а с с и й Д и о н. кн. XXXVII, гл. 4, 1.

⁴ Там же, гл. 4. 3. ⁵ П л у т а р х. Помпей, гл. 35 (638).

Те албаны, которым удалось вырваться из окружения и избегнуть нападения на них, конницы, и албанская пехота, находившаяся позади конницы, бежали в близлежащий лес. По словам Аппиана, римляне «гнали варваров в густой лес... Лес этот он (Помпей) со всех сторон окружил своим войском, затем велел его поджечь и проследовал выбегавших оттуда»¹

Кассий Дион рассказывает об этом более кратко, по добавляет одну деталь, а именно, что «бежавших в леса сожгли, приговаривая „Ию, Крония, Крония“, (намекая) на их нападение, имевшее место в прошлом»²

Выкрик «Ию, Крония, Крония» должны были, очевидно, напомнить албанам, что их постигает месть за их нападение в 66 г., в дни зимних празднеств, сатурналий, когда римляне расположились тремя лагерями на Куре. В посвященные Кроносу дни сатурналии какие-то обряды или действия сопровождалась пением или кликами «Ию, Крония!». Когда албаны в 66 г. напали на берегах Куры на праздновавших сатурналии легионеров, то они, очевидно, подхватили клики «Но, Крония!», сопровождавшие праздничные обряды, и с этими возгласами напали на римлян. Иначе трудно понять эти выкрики римлян во время сражения за Алазанью в 65 г.. когда они поджигали лес, в который бежали албаны.

Таким образом, закончилось второе сражение Помпея с алба-нами. Если допустить, что у Евтропия имелись в руках дополнительные давние, согласно которым Помпей «вел борьбу с албанами и трижды победил их царя Орода (Оройса)» («Albania helium intulit et eorum regem Orodem ter vicit»),³ то мы вправе полагать, что после боя за Алазанью имело место еще одно неудачное для албанок сражение: но не исключена возможность, что речь идет о сражении 66 Г. в трех пунктах на Куре, тем более что после этого сообщения Евтропий сразу говорит о победе над царем иберов Артоком, что имело место в 65 г. до н. э.

У авторов, описывающих это сражение, имеется еще одна деталь, носящая легендарный характер, а именно участие амазонок в бою за Алазанью. Плутарх пишет: «Говорят, что в этом сражении со стороны варваров сражались также и амазонки»⁴ Не собн-

¹ Аппиан, гл. 103.

² Кассий Дион. кн XXXVII, гл. 4, 4.

³ Евтропий, Краткая история Рима, кн. VI, гл. 14. ⁴ Плутарх Помпей, гл. 35 (638).

раясь повторять здесь свои соображения об амазонках вообще,¹ об «амазонках» за Алазанию добавлю следующее.

Плутарх в этой главе сообщает, что амазонки обитают в той части Кавказского хребта, которая простирается до Гирканского, т. е. Каспийского, моря, что они не являются непосредственными соседями албанов, что их отделяют от албанов гелы в леги, с которыми они встречаются ежегодно в продолжении двух месяцев; после этого они возвращаются в свою страну, в которой обитают без общества мужчин. В боях за Алазанию, по словам Плутарха, якобы участвовали и амазонки: римляне, собирая убитых на поле сражения, находили щиты в виде полумесяца и высокие сапоги, какие носили амазонки, но что ни один женский труп среди убитых найден не был.² Эта легенда («говорят») об участии амазонок в бою может оказаться и былью, если учесть соображения, которые высказывает Аппиан по поводу участия албанских женщин в бою за Алазанию наравне с мужчинами: «В числе заложников и пленных было обнаружено много женщин, имевших не меньше ран, чем мужчины. Полагали, что это амазонки — потому ли, что по соседству оиггаеи племя амазонок, которых [албаны] призвали на помощь, или потому, что в тех местах варвары воинственных женщин вообще называют амазонками»³

Исходя из приведенных данных и из предположения, что основные силы албанов, возглавленные самим Оройсом, отошли в горы в глубь страны, что за Алазанию Помпей встретил конницу и пехоту, составленную главным образом из местного населения, *своего* рода народное ополчение, сравнительно плохо вооруженное и одетое в кожаные одежды, в задачу которого входило задержать наступление римлян, то не исключена возможность, что вместе с мужчинами в составе этого албанского войска находились и женщины, в особенности горянки, — умелые наездницы, которым предание могло присвоить наименование амазонок.

Что последовало после сражения за Алазанию, мы не знаем, источники об этом не сообщают. Но отдельные отрывочные сведения, *имеющиеся* у историков, позволяют воссоздать предположительно следующий ход событий.

Царевич Косис пал в бою; албанское войско, встретившее Помпея, было разбито., Но где-то находился Оройс с остальной частью

¹ См. выше, стр. 49 и сл.

² Плутарх. Помпей, гл. 35 (638).

³ Аппиан, гл. 103.

войска. Флор (II в, н. э.), пользовавшийся данными Тита Ливия, сообщает, что Помпей «поощаил албанов, и, расположившись лаге рями под самым Кавказом, повелел царю Оройсу [ошибочно названному «КОЛХИДСКИМ»] спуститься на равнину» («*perperci Albanis, regem colchorum Orhozen positis sub ipso Caucaso castris iussit in plana descendere*»).¹ Дна автора IV в. н.э. повторяют эти сообщения: Помпей в войне с албанами трижды победил их царя Орода (Оройса), но «в конце концов, вследствие писем и подарков, помиловал его и примирился с ним» («*postremo per epistulas ac munera rogatus veniam ei ac pacem dedit*»), пишет Евтропий,² а Оросий повторяет, что Помпей «трижды победил в бою войско вождей албанского царя Орода, затем охотно принял письма Орода и дары, присланные для восстановления мира с албанами» («*exercitum Horodis albanorum regis praefectosque eius ler proelio vicit; postea epistulas Horodis el munera pro pace cum albanis instauranda libenter acce-pit*»).³

Как видно из сопоставления этих двух текстов, и Евтропий, и Оросий пересказывают сведения, имеющиеся у Флора и почерпнутые им, видимо, из сочинения Тита Ливия, источника весьма надежного и хронологически наиболее близкого к описываемым событиям.

Из этих немногих данных можно было бы заключить, что после сражения на левом берегу Алазани Помпей «встал лагерем» где-то в предгорьях Кавказа, «у подножия самого Кавказа» («*positis sub ipse Caucaso castris*»),⁴ здесь он мог дать отдых своим легионам, мог подготовиться к дальнейшему походу, а главное - довести до конца «покорение» Албании, т. е. заручиться «дружбой албанов». С этой целью от Оройса потребовали, чтобы «он спустился в равнину» и прибыл в лагерь Помпея. Весьма вероятно, что лагерь Помпея находился неподалеку от того горного района, где находился со своим войском албанский царь, т. е., быть может, в районе столицы Оройса города Кабалаки. Но Оройс предпочел, видимо, письменные сношения с Помпеем; последнему доставили послание (*epistula*) албанского царя, в котором заключалась просьба о «помиловании» и о «примирении» и, возможно, обещание не мешать Помпею в дальнейшем его продвижении. Письмо Оройса сопровождалось подарками в числе которых, согласно Флору, имелось и золотое ложе («*lectum aureum et alia dona*»).⁵

¹ Флор. Сокращения бр Тита Ливия, кн. I, гл. 40, 28.

² Евтропий, кн. VI, гл. 14.

³ Павел Оросий. Историй против язычников 7 книг, кв. VI, гл. 4, 8.

⁴ Флор, кн. I, гл. 40, 28.

⁵ Флор, ошибочно назвав албанского царя Оройса царем КОЛХИДСКИМ, вторично говори о царе албанском, называет его Ородом (Horodes); царя колхов звали Олтак. См.: Аппиан, гл. 117.

Помпей «охотно принял» дары Оройса и удовольствовался его письмами с заверениями о подчинении: по-видимому, албанский царь прислал не только дары, но и заложников, о которых упоминают Аппиан¹ и Плутарх, сообщающий что в триумфе Помпея участвовали заложники от албанов и иберов². В результате этих переговоров Помпей «даже одарил Орода» («*Horoden etiam muncravit*»)³. Таким образом, Помпей «даровал мир албанам»⁴ «помиловал и примирился, с Оройсом («*veniam ei ac расеш dedit*»)⁵ и решил продолжить поход, а именно — пересечь Кавказский перешеек и в восточном направлении и выйти к Каспийскому морю. Рассказ Плутарха об этой попытке Помпеи не позволяет уточнить маршрут, которым собирались дойти до Каспийского моря римские легионы. Дошел ли Помпей до Каспия или нет, на этот счет сведения древних авторов расходятся. У Страбона имеется сообщение о походе Помпея «против иберов и албанов, [которые обитают] между морями с обеих сторон — Каспийским и Колхидским»⁶. Переводчики толкуют этот текст, исходя из того, что обозначает «до», и, следовательно, Помпей, по их мнению, доходил и до Черного, и до Каспийского морей.⁷ Но мне кажется, что словом Страбон обозначает географическое положение иберов и албанов - между Колхидским (Черным) морем и Каспием. Опираясь на эти слова Страбона, и Аммиан Марцеллин спустя три с лишним века, попутно говоря о Помпее, до пускал, что Помпей дошел до самого моря Каспийского: «Помпей. . . прошел через страну албанов и массагетов, которых мы теперь называем аланами, разбил и это племя и увидел Каспийское озеро («*Pompeius, qui per Albanos et Massagelas, quos Alanos nunc appellamus, hac quoque natione perrupta vidit Caspium lacum*»)⁸. Но трудно представить себе, чтобы Кассий Дион, Аппиан и главный биограф Помпея Плутарх ничего не знали об этом исключительной важности события. У Плутарха мы читаем: «После этого сражения [на левом берегу Алазани] Помпей двинулся было к Гирканскому или Каспийскому морю, но вследствие множества ядовитых пресмыкающихся

¹ Аппиан, гл. 103.

² Плутарх. Помпей, гл. 45 (643). ³ Флор, кн. I, гл. 40, 28 ⁴ Кассий Дион, кн. XXXVII, гл. 5, 1. ⁵

Евтропий, кв. VI, гл. 14.

⁶ Страбон, кн. XI, гл. 1. 6 (С. 492).

⁷ В. В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. I СПб., 1890, стр. 129.

⁸ Аммиан Марцеллин кн. 23, гл. 5, 16.

отказался от этого намерения, не дойдя трех переходов до моря, и возвратился в Малую Армению»¹

Эти слова Плутарха никакого другого толкования не допускают — Помпей до Каспия не доходил. Какими соображениями он руководствовался, предпринимая этот трудный переход через горы, реки и пустыни, Плутарх, к сожалению, не сообщает. Причиной могло быть желание выяснить прибрежный характер Каспийского моря и тем самым обследовать хотя бы частично торговый путь, ведущий из Индии через Переднюю Азию и Закавказье к народам, обитавшим за Кавказским хребтом. Отчет о поездке Патрокла был, как известно, в руках Помпея,² но со времен объезда Патроком Каспийского побережья прошло более двух веков и за это время многое могло измениться. Находящемуся на берегах Куры Помпею переход к Каспию мог казаться легко выполнимым, а для римских торговых сношении с северными народами весьма нужным, важным предприятием. Помпей, как известно, сопровождал Феофан Митиленский,³ которому, вероятно, и поручено было проверить и дополнить данные, собранные Патроком; но в дошедших до нас немногих отрывках из труда Феофана Митиленского (приведенных в тексте Страбона) никаких сообщения о его пребывании на берегу Каспия не

имеется. Ссылка на множество змей, с которыми пришлось встретиться римскому войску, является в какой-то мере указанием на время, выбранное для похода, а именно летние месяцы 64 г. до н. э., а также на маршрут Помпея, так как большое количество змей имеется и в настоящее время в Мильской и Муганской степях. Принимая во внимание эти данные, можно думать, что Помпой после переговоров с Оройсом весной 64 г. мог перейти через Куру у Минге-чаурской переправы и затем по населенной Мильской степи спускаться вниз по правому берегу Куры, через Отену (Ути) в страну каспиев у моря (предполагается, что в I в. до н. э. Аракс впадал самостоятельно в Каспийское море неподалеку от устья Куры).⁴ Но не исключена возможность и другого маршрута — по левобережью Куры к Апшерону.

¹ Плутарх. Помпей, гл. 36(638). Ср.: Страбон, кн. XI, сл. 4, 6 (С. 503); J. M. Arqart. Eransahr nach der Geographie des Ps. Moses Xore-naci. Berlin, 1801, S. 316.

² См. стр. 57.

³ См. стр. 8 и сл.

⁴ См. стр. 42 и сл. — С. Т. Еремян. Атлас к «Истории армянского народа», карта II — I вв. до н. э.

Нельзя не согласиться с мнением В. И. Левиатова, полагающего, что—ссылка на обилие змей, вынудивших Помпея повернуть назад, малоубедительна.¹ Если поход Помпея осуществлялся в летние месяцы, то наличие большого количества змей в Мильской степи более чем вероятно, но едва ли именно это обстоятельство являлось основной причиной. В. П. Левиатов несомненно прав, полагая, что сопротивление албанов, встречаемое на пути римскими войсками, недостаток продовольствия вследствие неприязненного отношения местного населения и, быть может, беспокойство за свою воинскую славу принудили Помпея повернуть назад, не дойдя трех переходов до Каспия.

Кассий Дион, довольно обстоятельно описывающий поход Помпея на Восток, об этом последнем этапе похода говорит максимально лаконично и ничего о достижении римлянами берегом Каспия не сообщает. У него сказано только, что «Помпей . . . даровал мир албанам и заключил договоры с некоторыми другими из обитателей Кавказа до Каспийского моря, обратившихся к нему через послов»² Указание на «некоторых других из обитателей Кавказа до Каспийского моря» подкрепляет предположение о маршруте Помпея через Куру у Мингечаура и через Ширванскую степь, где обитали скотоводческие племена и народности, албанскому царю, быть может, не подчиненные, с которыми Помпею пришлось, вероятно, заключать договоры о «дружбе» и тоже через постой, как с Оройсом.

Так закончился поход Помпея. Нельзя не вспомнить в этой связи слов Моммсена, сказанных им по поводу завоевательной политики Рима, направленной против народов Закавказья: «Кавказ еще раз обнаружил свое всемирно-историческое значение: подобно персидским и греческим завоеваниям и римское нашествие нашло здесь предел».³

В 61 г. до н. э. Помпей возвращался из пятилетнего похода в страны Востока. Римские легионы под его командованием побывали не только в Понте и странах Закавказья, но и в Сирии, Месопотамии, Парфии, Иудее и др. Особо большое значение в Риме придавалось его походу в Закавказье, поскольку Лукулл и Помпей были первыми римлянами, вступившими со своими легионами на территорию народов Армении, Иберии и Албании. Это обстоятельство подчеркивает, между прочим, Флор, говоря, что борьба Пом-

¹ В. П. Левиатов. ук. соч., стр. 82.

² Кассий Дион. кв. XXXVII, гл. 5, 1..

³ Th. Mommsen. Romische Geschichte, Bd. III. Berlin, 1869. S. 126.

пея с Митридатом Понтийским привела его к столкновению с народами Кавказа, так как «возбуждены были иберы, каспии, албаны и обе Армении, всем этим богиня счастья доставила своему [любимцу] Помпею и честь, и славу, и почетный титул» («Hiberi, caspii, albanī et utraeque sollicitantur Armeniae, per quae omnia decus et nomen et titulus gloriae Pompeio suo Fortune quaerebat»).¹ Этой своей славы Помпей, по словам того же историка, добился тем, что «разбил колхов, простил Иберию и пощадил албанов» («colchos cecidit, ignovit Hiberiae, repercit albanis»).²

Помпей возвращался с Востока победителем; встреча его была ознаменована блестящим триумфом, продолжавшимся два дня.³ В наиболее близком к этим событиям источнике, у Плиния, дается описание этого триумфа и, между прочим, перечисляются покоренные Помпеем или приведенные к повиновению страны, а именно: провинция Азия, Понт, Армения, Пафлагония, Каппадокия, Киликия, Сирия, скифы, иудеи, албаны, Иберия, остров Крит и бастарны — и особо отмечается его триумф над царями Митридатом и Тиграном.⁴ Имени Оропса мы у Плиния не читаем, поскольку значение победы над ним было ничтожно по сравнению с победой над Митридатом и Тиграном и поскольку — и это главное — ни Оройс, ни Арток своего царства лишены не были, а подчинение их носило номинальный характер.

Плутарх перечисляет большее количество азиатских стран, над которыми ознаменовывался триумф Помпея: из числа кавказских после Понта названы Армения, Мидия, Колхида, иберы, албаны и т. д.⁵ В числе царственных пленников в триумфальном шествии Помпея, по Плутарху, участвовали: сын армянского царя Тиграна с женою и дочерью, жена самого царя Тиграна Зосима, а также царь иудеев Аристовул, сестра царя Митридата, его пятеро детей и скифские жены; шли также заложники албанов и иберов и цари коммагенов.⁶

«Сын Тиграна Армянского» — это Тигран Младший, восставший против отца, искавший и встретивший помощь в Иберии у царя Артока и, как об этом говорилось выше, пользовавшийся также расположением албанского царя Оропса. Он находился в плену у Помпея уже во время зимней стоянки римских войск на берегу Куры в 66—65 гг.⁷

¹ Ф л о р. кн. I, гл. 40, 21.

² Там же, гл. 40, 28.

³ А п п и а н, гл. 116; П л у т а р х. Помпей, гл. 45, 1 (642).

⁴ П л и н и й. Естественная истории, кн. VII, гл. 27, 3.

⁵ П л у т а р х. Помпей, гл. 45 (643).

⁶ Там же, гл. 45 (643).

⁷ См. выше, стр. 94.

От Албании, Иберии и Коммагены (только от этих трех стран) и триумфальном шествии Помпея участвовали заложники. Албанские заложники, как говорилось выше, были взяты Помпеем еще в 65 г., после того как потерпевшие за р. Алазань поражение албаны «предложили ему заложников и подарки». Заложниками являлись, вероятно, дети Оройса, судя по тому, что Помпей «приказал Артоку, правящему над иберами, дать в заложники [его] детей» («iussit. . . ad Arthocen, qui Hiberis imperabat, obsides liberos dare»)¹. Исходя из этих данных, можно было бы полагать, что заложниками иберов и албанов, о которых говорит Плутарх, явились дети, во всяком случае ближайшие родственники Оройса и Артока. Но Аппиан, описывая триумф Помпея, называет этих заложников другим термином, а именно — «гегемонами», т. е. «предводителями, вождями, повелителями». «Впереди самого Помпея, — говорит Аппиан, — шли те, которые были либо предводителями (правителями), либо детьми или военачальниками побежденных царей, одни будучи пленниками, другие — отданные [в качестве] заложников, около 324 человек. Тут были и Тиграна сын Тигран и пятеро [детей, сыновей] Митридата. . . Вели в шествии и скипетроносца колхов, Олтака, и царственных женщин скифов, и предводителей [гегемонов]: [от] иберов — троих и [от] албанов — двух. . . Несли также доску с надписью. . . "побеждены цари Тигран армянский, Арток иберский, Оройс албанский, Дарий мидийский. . . Антиох коммагенский»³

Плутарх говорит об участии в шествии заложников от албанов и иберов и от коммагенского царя. Едва ли из этих слов следует, что во всех трех случаях речь идет о заложниках одной и той же категории. По-видимому, «заложник коммагенского царя» являлся членом царского дома, сыном или родственником Антиоха, и мог быть причислен к категории, тогда как заложники албанов и иберов были представителями албанского населения, а именно верхушки его общества, знати, т. е. относились к категории, как они и значатся в перечне участников шествия. Плутарх добавляет, что над-

¹ Ф л о р, кн. I, гл. 40, 28.

² А п п и а н. гл. 117 .

³ Там же.

пись оглашала среди пмен других побежденных царей и имена Артока иберского, и Оройса албанского, и Тиграна армянского, и Дария мидийского, т. е. правителей всех стран Закавказья, тогда как ни один из этих правителей в шествии не участвовал. Это дает основание полагать, что страны Закавказья находились на другом положении, чем приведенные к повиновению Понт, Колхида, Каппадокия и др., и что они стали не римскими провинциями, а вступили в какие-то союзнические (на время войны) отношения с Помпеем, как об этом и говорилось выше.

Возвращаясь к вопросу о заложниках от Албании и Иберии, следует отметить, что вопрос о социальном положении участвовавших в триумфальном шествии Помпея албанов и иберов полностью выяснить не удастся, поскольку один источник — Плутарх — говорит о заложниках, а другой — Аппиан — о гегемонах, т. е. представителях высшей знати или правителях. Возможно, что за прошедшие до триумфа четыре года заложники — дети Артока и Оройса — были уже возвращены родителям; возможно, что цари Албании и Иберии воспротивились участию своих детей в триумфе Помпея и предложили вместо них представителей албанской и иберской знати, может быть местных правителей тех областей Албании и Иберии, где были одержаны основные победы Помпея. Если бы под гегемонами имелись в виду сами цари, Оройс и Арток, то Плутарх и Аппиан несомненно их бы назвали, как названы Олтак колхидский и др. К тому же речь идет о трех гегемонах от Иберии и двух — от Албании.

Арток и Оройс не могли присутствовать сами в триумфе по той простой причине, что страны их римлянам не удалось включить в состав римской империи в качестве ее провинций; в заключенных с иберами и албанами договорах речь шла о союзе и дружбе, зависимость их от Рима поэтому могла носить, как уже говорилось, лишь номинальный характер. Таким образом, наиболее вероятным представляется, что упоминаемые Аппианом гегемоны являлись подчиненными Артоку и Оройсу правителями определенных областей Иберии и Албании. Поэтому с мнением Н. Адонца, что двумя албанскими гегемонами являлись «царь и жрец»,¹ согласиться никак нельзя, как на это указывает и З. И. Ямпольский.² Но с мнением последнего исследователя о социальной сущности этого слоя албанского общества согласиться можно только с оговоркой. По мнению З. И. Ямпольского, «гегемонами» являлись представители знати, «может быть, военной знати, ближе нам неизвестной»;³ вполне соглашаясь с тем, что речь идет о знати, нельзя не возразить против предположения,

¹ Н. Г. Адонц. Армения в эпоху Юстиниана. СПб., 1908, стр. 402.

² З. И. Ямпольский. «Гегемоны» древнего Азербайджана. (К характеристике социального строя). ДАН Арм. ССР. 1953. № 3,- стр. 179.

³ Там же, стр. 179.

что может иметься в виду знать военная. Ведь Аппиан выделяет в перечне участников шествия и стратегов, и военную знать, называя их после гегемонов и царских детей.

Гегемоны, т. е. родовитые правители областей, о которых говорит Аппиан, именовались в каждой из стран Закавказья своими определенными терминами; Аппиан же, обобщая эти термины, передает их с помощью греческих наименований.

Таким образом, хотя Албания и возглашалась во время триумфа в перечне покоренных стран, подчинение ее должно было носить более чем поверхностный характер, принимая во внимание и территориальную отдаленность Албании, и свободолюбивый нрав ее населения, и весь ход последующих событий.

В событиях последующих двух десятилетий албаны участия не принимают. Поход Красса против парфян и армян, закончившийся его поражением в 53 г. до н. э., Албании не коснулся. Армяно-парфянский союз, с одной стороны, и связанные со вторым триумвиратом события в Риме, с другой — отвлекали на некоторое время внимание от Закавказья.

Возможно, что к событиям именно этого времени относятся слова Страбона относительно армян, албанов и иберов, которые «восстают тогда, когда римляне заняты другими делами»¹ Так как Рим в это время действительно был занят «другими делами», то народы Закавказья и воспользовались этим, чтобы освободиться и от номинальной зависимости.

Неудачный поход одного из триумвиров, Антония, против Парфии в 36 г. до н. э. повлек за собою его выступление против Армении, которую он, быть может, считал виновницей его поражения, так как он не получил от армян во время военных действий ожидаемой от них помощи.² Арташат был занят римскими войсками, царь Артавазд с семьей коварно захвачен в плен, увезен в Александрию и там казнен. Один из полководцев Антония, Публий Канидий, был им оставлен в Армении, по-видимому, с поручением усмирить и иберов, и албанов, судя по следующим словам Плутарха: «Канидий, оставленный им и Армении, победив армян и царей иберов и албанов, дошел до Кавказа»³

К сожалению, нет данных, чтобы судить о причинах, вызвавших новое нашествие римских войск на страны Закавказья. Была ли сделана албанами попытка (когда против парфян выступил Антоний) помочь парфянам партизанскими ударами по тылам и флангу рим-

¹ Страбон, кн. VI, гл. 4, 2 (С. 288).

² Th. Mommsen. Römische Geschichte, Bd. V. Berlin 1885, S. 367.

³ Плутарх. Антоний, гл. 34 (931).

ских войск, опасались ли армяне, иберы и албаны нападения на их страны и поэтому готовили военные силы для отражения врага, или же ими в это время было поднято восстание против той, хотя и незначительной зависимости, в которой они после событий 66—64 гг. все же находились и которая в 36 г., в связи с парфянским походом, могла быть углублена усилением поборов и налогов, — всего этого мы не знаем. Как видно из приведенного текста Плутарха, Канидий после отбытия самого Антония с территории Закавказья провел военные действия не только против армян, но и против иберов и албанов «и дошел до Кавказа», т. е. оставил, вероятно, гарнизоны в южных предгорьях Кавказа. Ни Аппиан, ни Флор об этих событиях ничего не сообщают. Только у Кассия Диона сохранились следующие данные: «В конце зимы, в консульство Геллия и Нервы, Публий Канидий Красс, выступив против здешних иберов, победил в бою царя их Фарнабаза, привлек его к военному союзу и, вместе с ним вторгнувшись в соседнюю Албанию, покорил их [албанов] и царя их Зобера и привлек их на сторону римлян таким же образом»¹

Из этих строк Кассия Днона видно, что в данном случае римляне применили один из своих излюбленных приемов, а именно: подняв один народ на другой, разделили их силы и тем обеспечили себе победу. Узнаем мы из этих строк и имя албанского царя, правившего около 36 г. до н. э., — Зобира,² и то, что с албанами поступили «таким же образом», как и с иберами, т. е. и они были принуждены признать над собою верховенство Рима.

У Т. Моммсена при описании событий 36 г. до н. э. походы Канп-для отнесены ко времени до большого похода Антония в Парффию,³ что соответствовало бы указанной в тексте Кассия Днона дате — конец зимы, в консульство Геллия и Нервы, т. е. в 36 г., но, с другой стороны, Т. Моммсен рассматривает нашествие римлян на Армению,

¹ Кассий Дион, кн. XLIX, гл. 24.

² Т. Моммсен, ссылаясь на этот текст, ошибочно называет царя албанов Фарнабазом, а иберского царя — Зобиром (Th. Mommsen. Res gestae divi Augusti. Ex monumentis Ancygano et Apolloniensi. Berlin. 1883, p. 134). У В. В. Латышева эта цитата перепечатана без исправлений (В. В. Латышев, ук. соч., стр. 41). Комментаторы напечатанного в «Вестнике древней истории» (1949, № 1, стр. 215) перевода текста Т. Моммсена этой ошибки не исправили. В пятом томе «Истории Рима» Т. Моммсен правильно передает имена иберского и албанского царей (Th. Mommsen. Romische Geschichte, Bd. V, S: 363).

³ Th. Mommsen. Romische Geschichte, Bd. V, S. 363.

ники, аланы в это время обитают и в южных предгорьях Кавказа и на всем протяжении северокавказских степей.

Исходя из приведенных выше соображений, мне более убедительной представляется точка зрения В. Шура, с которым полемизирует Я. А. Манандян. В. Шур полагает, что Тацит был совершенно прав, говоря, что именно против албанов начал готовить свой поход Нерон, собираясь навязать им римское господство и установить соседство с Гирканией. Дело в том, что незадолго до этого Гиркания отложились от Парфии и в 58. г. направила посольство в Рим, предлагая заключить союз.¹ Этим союзом Нерон намеревался сдерживать Парфию с севера и главное — установить транзитный путь через Гирканию к Каспию и таким образом наладить торговый путь из Индии и Китая к римским рынкам.² Соглашаясь во многом с В. Щуром, нельзя все же согласиться с ним по основному вопросу: ведь Тацит говорит о *claustra Caspiarum*, а В. Шур, обходя этот вопрос, не устанавливает, какой именно перевал или проход имелся в виду при подготовке кавказского похода Нерона. Поэтому, не соглашаясь с Я. А. Манандяном и Т. Моммсенем и в известной мере с В. Щуром, наиболее вероятным я полагаю, как говорилось выше, что Нерон имел в виду Дербентский проход, что поход его должен был приостановить рост могущества албанского царства и взять под наблюдение Каспийские ворота, через которые албаны могли пропускать северные племена, совершавшие набеги на культурные земледельческие районы Атропатены и Армении, а также Малой Азии.³

Как видно из всего вышеизложенного, вопрос о направлении намечавшегося Нероном похода на Кавказ продолжает оставаться открытым, ведь два основных письменные свидетельства об этом походе, принадлежащие двум современникам события, Плинию и Тациту, сообщают нам разноречивые данные.⁴

Самый крупный набег аланов в I в. н. э. имел место четыре года спустя после несостоявшегося похода Нерона в 72—74 гг. Это событие, принесшее большое разорение населению Закавказья, большие опустошения Армении и Атропатены, нашло отражение в дошедшем до нас рассказе Иосифа Флавия, а отголоски его сохранились в эпиче-

¹ Тацит. *Анналы*, кн. XIII, гл. 41.

² W. Schur. *Zur neronischen Orientpolitik*, Klio, Bd. XV, 1923, Bd. XX. 1925.

³ Эндерсон не учитывает этого обстоятельства и поэтому недоуменно ставит вопрос о цели албанского похода Нерона: какое значение мог иметь перевал на крайнем севере Албании, когда Риму нужна была Албанская равнина к югу от Кавказа? (См.: J. G. C. Anderson, *Cambridge Ancient History*, vol. X, 1934, p. 884).

⁴ С. Т. Еремян, исходя из своей общеисторической концепции, полагается на Плиния и приурочивает поход Нерона к Дарьяльскому проходу (сообщено мне в личной беседе).

ских песнях, которыми пользовался четыре века спустя Моисей Хоренский. Иосиф Флавий пишет: «... аланы... замыслив вторгнуться с целью грабежа в Мидию и еще дальше, вступили в переговоры с царем гирканцев, ибо он владел проходом, который царь Александр запер железными воротами. И когда тот открыл им доступ, [они], напав огромной массой на ничего не подозревавших мидян, стали опустошать многолюдную и богатую скотом страну... [они] дошли до Армении, все опустошая».¹ «Железными воротами», упоминаемыми историком (и опять приведенными в связи с Александром) и открытыми для аланов якобы гирканцами, могли бы быть только известные горные проходы около Рея, но аланы обитали на Северном Кавказе, а гирканцы — на юго-восточном побережье Каспия. Следовательно, Иосиф Флавий плохо представлял себе географию Кавказа с его перевалами и продолжал ту путаницу, о которой говорил еще Плиний. Совершая этот набег, аланы могли появиться только с севера а не с юга и никак не могли быть пропущены гирканцами.

Ясность в этот вопрос внес С. Т. Еремян, указав, что у античных авторов названием Нугсания (арм. *Virkan*) обозначалась Иберия.² Поэтому надо полагать, что в первоисточнике, которым пользовался Иосиф Флавий, речь шла о сговоре аланов с иберами. Иосиф Флавий пишет, что «племена аланов», напавшие на Армению и Мидию, «это — скифы, обитающие вокруг Танаиса и Мэотидского озера»³ Действительно, каким же образом могли аланы, идя от Танаиса и Азовского моря, пройти через земли обитавших на юго-восточном берегу Каспия гирканцев? Не подлежит сомнению, что они прошли через проход, открытый для них царем Иберии (Вркана), т. е. Аланский (Дарьяльский) проход, и поэтому Иберия в числе пострадавших стран не упоминается. Опустошению они подвергли Мидию-Атропатену и Армению. В Армении в это время правил Тиридат I, за несколько лет до этого побывавший в Риме по вызову Нерона п, быть может, говоривший с последним об аланской опасности, угрожавшей не только народам Закавказья, но и римским провинциям в Малой Азии и Сирии.

Неправ поэтому В. Н. Левиатов, который бездоказательно приписывает албанам пропуск аланов через Каспийский проход и усматривает в этом «акт борьбы албанов против парфянского государства»

¹ Иосиф Флавий. О войне иудейской, кн. VII, гл. 7, 4.

² С. Т. Еремян. Феодалные образования Картли в период марзбанства (532—627 гг.). Тезисы диссертации. Л., 1935, стр. 3; История СССР, ч. I — II. Изд. ИИМК, М.—Л., 1939, стр. 371. См. также: Я. А. Манандян. О местонахождении *Caspia via* и *Caspiae portae*, стр. 70 (ссылка на: *J. Manandyan. 1) Beilage zur Geschichte und Sage von Iran. ZDMG, Bd. XLIX, 1895. S. 663; 2) Eransahr ..., S. 101.*

³ Иосиф Флавий. О войне иудейской, кн. VII, гл. 7, 4

и его попыток закабалить Албанию»;¹ на вопросе о «гирканах», пропускающих аланов, он не останавливается, но указывает, что аланы жили по северным склонам Большого Кавказского хребта у Дарьяльского ущелья и дальше на восток. Следует добавить, что и Е. А. Пахомов, говоря о событиях этого времени, правильно отмечает ошибочное упоминание гирканцев у Иосифа Флавия, но никакого объяснения этому не предлагает.²

После всего вышеприведенного (наиболее вероятным мне представляется, что Албания в 72—74 гг. оставалась в стороне от потрясшего Армению и Атропатену нашествия аланов и что в этот период Дербентский проход был аланам недоступен.

В последующее в истории Албании десятилетие, о котором ничего не сообщается в письменных источниках, шло, по-видимому, укрепление северных границ у Дербента и, быть может, возводились валы и на других участках.³)

После 64 г. между Римом и Парфией установились мирные отношения и такие же отношения существовали, видимо, и между Парфией и странами Закавказья, т. е. Арменией, Иберией и Атропатеной. Сложнее складывались отношения с Албанией, если правильно предположение, что она расширяла свои владения в южном направлении. Основанием для такого предположения служит латинская надпись, обнаруженная в 1948 г. у подножия горы Беюк-Даш в Кабрпстане (в 4 км к западу от Каспийского моря). Она высечена на скале у подошвы горы и гласит: «При императоре Домициане Цезаре Августе Германике. Л[юций] Юлий Максим, центурион XII легиона Фульмината [выполнил, сделал]» («Imp[eratore] Domitiano Caesare Augusto] Germanic[o]. L[ucius] Iulius Maximus [centurio] leg[onis] XII Ful[minatæ] [tēcit]»). Надпись эта, судя по титулатуре Домициана (81—96 гг.), высечена не ранее конца 83 г. и свидетельствует о постое отряда XII легиона в этом районе, может быть, о постройке какого-то укрепления на этой горе.⁴

Сам Домициан, судя по его биографии у Светония, никаких походов на Восток, в частности в Закавказье, не осуществлял, да и надпись составлена не от его имени, как большинство строительных надписей; она только сообщает, что что-то было построено здесь во время правления Домициана. Таким образом, эта надпись — след пребывания римского отряда на территории Албании в 84—96 гг. Можно было бы предположить, что части XII легиона выполняли

¹ В. Н. Левиатов, ук. соч., стр. 86.

² Е. А. Пахомов. Римская надпись I в. н. э. и легион XII Фульмината, стр. 86.

³ См. стр. 274 и сл.

⁴ См. стр. 342—345, посвященные истории исследования этой надписи и ее историческому истолкованию.

здесь какое-то местное задание, быть может, не военного, а разведочного порядка; берега Каспия издавна являлись предметом обследования со стороны западных завоевателей (несостоявшаяся экспедиция Гераклида в IV в. до н. э., объезд берега Патроклом при Селевкидах в III в. до н. э., неудавшаяся попытка Помпея дойти до берега Каспия).

Возможным представляется и иное объяснение нахождению здесь надписи времени Домициана. По-видимому, экспансия на юг албанских царей обходилась не без помощи аланов и других северных народов и горских племен, которые, пользуясь Дербентским проходом или другими, менее известными перевалами, ведшими с севера через Кавказский хребет на территорию Кавказской Албании, могли совершать набеги на племена, обитавшие в низовьях Куры, а может быть, проникали и дальше на юг, в Атропатену и Персию. Известно, что когда при императоре Веспасиане (69—79 гг.) «Валарш, царь парфян, настоятельно просил против аланов военной помощи под командованием одного из сыновей Веспасиана, то Домициан употребил все усилия к тому, чтобы ему быть посланным. А когда это дело не состоялось, он пытался других царей Востока дарами и обещаниями склонить к тому, чтобы этого же потребовали они» («Vologaesius Parthorum rex auxilia adversus Alanos ducemque alterum ex Vespasiani liberis depoposcisset. Domitianus omni ope contendit, ut ipse potissimum mitteretur. Et quia discussa res est, alios Orientis reges. ut idem postulerent, donis ac pollicitationibus sollicitare tentavit»).¹ Под «другими царями Востока» можно разуместь и парфянского, и армянского, и атропатенского царей, которые были заинтересованы в римской помощи. Но поход не состоялся — при Веспасиане, который, как и его преемник Тит (79—81 гг.), избегал военных столкновений на Востоке. Тем не менее не исключена возможность, что один из стоявших в Армении римских отрядов, пройдя по Араксу к Каспию, укрепился на горе Бююк-Даш, откуда он мог следить за передвижением вдоль Каспийского побережья и самым фактом своего нахождения в этом районе устрашать противника и задерживать набеги. Такие отряды, возможно, были расположены в ряде пунктов побережья, и таким образом могла быть оказана помощь парфянам, вернее Атропате-тене. Менее вероятным мне представляется предположение В. Н. Левиатова, что такой римский отряд сюда допустили албаны в процессе их борьбы с парфянами «в условиях союзнических отношений».²

Слова Светония о том, что парфяне обратились за помощью к Риму и что Домициан, не будучи еще императором, порывался уже оказать помощь именно парфянам, говорят в пользу того,

¹ Светоний. Домициан, гл. 2.

² В. Н. Левиатов, ук. соч., стр. 87,

что Домициан, став императором, свое намерение выполнил, но сам едва ли участвовал в этом предприятии, будучи отвлечен войнами против даков, маркоманов и придунайских сарматов.¹

О событиях, имевших место в Албании в период между 96 г. (концом правления Домициана) и 114—115 г., когда Траян появился в Закавказье, письменные источники ничего не сообщают.

В 114 г. снова вспыхнули из-за Армении военные действия между Римом и Парфией, закончившиеся победой императора Траяна, захватившего парфянскую столицу Ктесифон и дошедшего почти до Персидского залива. Находившаяся до этого времени под верховенством парфян Армения была от них отторгнута и объявлена в 115 г. римской провинцией. Эти тяжелые для Армении события не могли не отразиться и на судьбах других народов Закавказья, как об этом можно судить по словам двух историков IV в. н. э., пользовавшихся одним и тем же источником. И Евтропий, и Фест в почти идентичных выражениях сообщают, что Траян «отнял у парфян Армению, лишив ее венца, царство Великой Армении присвоил себе. Албанам царя дал, иберов, боспорцев и колхов в римское подданство принял» («Armeniam recepit a Parthis, sublato diademate Armeniae Maioris regnum ademittit. Albanis regem dedit, Iberos, Bosphorianos, Colchos in litem Romanae ditionis accepit»).² К этому перечню подчиненных народов у Феста Евтропием добавлены еще савроматы, арабы и осроены.³

У обоих авторов относящийся к Албании текст полностью совпадает: «Albanis regem dedit». Обращает на себя внимание выделение Албании из перечня остальных народов, «принятых в подданство». По-видимому, Албания по каким-то соображениям не была объявлена страной, подчиненной Риму: «албанам был дан царь», т. е. на царство был поставлен правитель по выбору Рима, признавший его верховенство. Следует ли это обстоятельство объяснить соседством с подчиненными Парфии областями, отдаленностью ли Албании от римских владений в Азии, нахождением ее в распоряжении албанов Дербентского прохода, сказать трудно, вернее, невозможно.

Интерес представляет тот факт, что на равных основаниях Риму подчинились и Иберия, и Колхида из стран Закавказья, и Боспор, и Савроматы из числа народов Причерноморья и Северного Кавказа. Если правильны эти сообщаемые Евтропием и Фестом сведения, то, за исключением Албании, весь Кавказ был приведен в подчинение Риму, но это подчинение продолжалось лишь до смерти Тра-

¹ Следует отметить, что если бы эта надпись была высечена по велению

самого Домициана, то внешне она была бы совсем иначе оформлена.

² Фест. Краткий очерк истории римского народа, гл. XX

³ Евтропий. кн. VIII, гл. 3

яна в 117 г., т. е. 2—3 года, и носило, по-видимому, только номинальный характер.

Преемник Траяна, Адриан (117—138 гг.), прекратил военные действия и вывел войска из Парфии. Восстановив границу по Евфрату, он отозвал легата и римские отряды из Армении, затем восстановил на армянском престоле династию Аршакидов.

Такой же политики он придерживался и по отношению к албанам, иберам, колхам и др. Биограф Адриана, Элий Спартиан (IV в. н. э.), сообщает, что Адриан «с албанами и иберами имел самые дружественные отношения, что царей их он щедро одаривал, в то время как они пренебрегали [приглашением] прибыть к нему» («Albanos et Hiberos amicissimos habuit, quod reges eorum largitionibus pvosecutus est, cum ad ilium venire contempsissent»).¹ В Албании, видимо, продолжала править местная династия, один из представителей которой был «поставлен» Траяном, когда он подчинял себе все Закавказье.

В 135 или 136 г. мир в Закавказье был снова нарушен вторжением аланов,² которых и на этот раз призвали и пропустили иберы, как об этом сообщает Кассий Дион: «. . . другая [воина] с аланами, которые [являются] массагетами, была вызвана Фарасманом и принесла много горя Мидии, коснулась также Армении и Каппадокии, но затем была приостановлена благодаря дарам, которыми Валарш воздействовал на аланов, и вследствие их страха перед Флавием Аррианом, правителем Каппадокии».³ Речь идет об иберском царе Фарасмане II, который, как и некоторые предшественники его, использовал аланов в процессе борьбы с соседями. Больше всего пострадала Мидия-Атропатена, а затем Армения и даже Каппадокия.

Т. Момсен и другие исследователи полагают, что упоминаемый у Кассия Диона Валарш являлся парфянским царем Валаршем II (105—147 гг.),⁴ но допустимо предположение, что речь идет об одноименном армянском царе Валарше I (113—140 гг.), на которого в первую очередь напали аланы и которому, поскольку

¹ Элий С п а р т и а н . Жизнь Адриана, кн. I, гл. 20, 24.

² Ксифилин (XI в.), составивший извлечения из несохранившихся книг Кассия Диона, называет албанов вместо аланов, но у Зонара (XI в. — начало XII в.) эта ошибка не повторена: названы аланы. См.: Th. M o m m s e n . Romische Geschichte. Bd. V. S. 405, Anm. 2; Neilson C D e b e v o i s e . Political tnsuryof Parlhia. Chicago, 1938, p. 242

³ Кассий Дион, кн. LXIX, гл. 15. — См. хронику Адиабены (VI в.): Н. В. П и г у л е в с к а я . Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л., 1956, стр. 83.

⁴ Th. M o m m s e n . Romische Geschichte, Bd. V, S. 405. — Момсeв ошибочно называет его Валаршем III, который правил в 148—192 гг. (см.: Neilson C. Debe voice, I.c., p. 270).

аланы находились на его территории, легче было подкупить их вождей и понудить их к отходу из Армении, чем сидевшему в Парфии Валаршу II.

Т. Моммсен полагает, что одновременно должна была пострадать и страна албанов,¹ но в соответственном тексте у Кассия Диона Албания не упоминается. Предположение Т. Моммсена весьма правдоподобно, принимая во внимание недружелюбное отношение иберских царей к албанам в предыдущие периоды. Правдоподобно это предположение и потому, что на территории Албании имелся еще ряд перевалов, кроме Дербентского, через которые аланы могли прорваться непосредственно в Албанию, даже если бы им не удалось форсировать Дербентский проход.

Историк сообщает далее, что к Адриану были направлены послы от Валарша с жалобой на Фарасмана. Иберский царь был вызван в Рим, но никакой кары не понес, ему даже оказаны были большие почести, как говорит Кассий Дпон.¹²

Историк Адриана также отмечает, что «многим царям [Адриан]. . . дал огромные дары, но никому [не дал] больше, чем [Фарасману, царю] иберов, которому после великолепных даров дал слона и отряд в пятьсот человек» («regibus multis [Hadrianus]. . . ingentia dedit munera, sod nulli maiora quam Hiberorum, cui et elephantum et quingenariam cohortem post magnifica dedit dona»)³.

Вторая половина II в. и III в. в истории Закавказья письменными источниками слабо освещены; археологические памятники тоже малочисленны, хотя раскопки в Мцхете и Мингечауре начинают проливать некоторый свет на историю культуры этого периода.

Исходя из истории соседних стран, Армении и Иберии, можно было бы предположительно высказать ряд суждений о судьбах Албании в этот период, как например это делает М. И. Ростовцев. Исходя из того, что найденные в Эчмиадзине греческие и латинские надписи⁴ говорят о стоящих в Армении римских гарнизонах, занимающихся возведением каких-то укреплений или построек, М. И. Ростовцев полагает, что оккупационные армии имелись не только в Армении, но и в Иберии и Албании во второй половине II в.⁵

Отозвались ли каким-либо образом на Албании походы Септимия Севера против Парфии в 198 г., закончившиеся временным захватом столицы Селевкии—Ктесифона, отразился ли на жизни

¹ Th. M o m m sen. Romische Geschichte, Bd. V, S. 405.

² Кассий Д и о н, кн. LXIX, гл. 15, 3.

³ С и а р т и а н. Жизнеописание Адриана, гл. 17.

⁴ К. В. Т р е в е р. Очерки по истории культуры древней Армении.

Л.,

1953, стр. 251—267.

⁵ М. И. Р о с т о в ц е в. Новая греческая надпись из Эчмаадзиуа. Христианский Восток, т. III, вып. 3, СПб., 1915.

албанов поход Каракаллы на Восток, в частности на Армению в 215 г., мы не знаем.

Происшедшая в Парфии в 225—226 гг. смена династии Аршакидов Сасанидами многое изменила в политических взаимоотношениях между странами Закавказья и Ирана, с одной стороны, и Рима, с другой. В Армении продолжали править представители рода Аршакидов — династии, в Иране низложенной Арташиром I. Это обстоятельство не могло не повлиять на отношения между двумя государствами, чем и следует объяснить случаи объединения сил Армении с Римом против возрастающей агрессивной мощи Ирана. Известны также случаи, когда Сасаниды, используя политическую обстановку, в свою очередь умело привлекали на свою сторону народы Закавказья.

Иберии и Албании эти события коснулись, вероятно, в меньшей степени, чем Армении, но отголоски их не могли не воздействовать на жизнь этих народов, правда, более отдаленных от Месопотамии, которая в этот период становится яблоком раздора между шаханшахамп Ирана и императорами Рима.

Армянский историк Ухтанес, писавший в X в. «Историю» на основании каких-то не дошедших до нас письменных источников, рассказывает об одном из случаев, когда в III в. против Артапшра Папакана объединили свои силы народы Кавказа и Рим. Армянский царь Хосров, сын Валарша II, смог разбить войско Сасанчда, собрав войска из Албании, Иберии, племена лбинов, джилбов, каспиев и др., при этом ему оказал помощь римский император Филипп Араб.¹ Но Ухтанес, видимо, ошибся, назвав Артапшра. поскольку с 241 г. в Иране правил уже Шапур I, при котором и воцарился Филипп Араб (244—249 гг.). Победа, которую одержал армянский царь Хосров, была, видимо, одним из эпизодов в борьбе между Персией и Римом. В 244 г. Рим отказался от Месопотамии и от верховенства над Арменией в пользу Персии,² что могло, конечно, отразиться и на союзниках армян: албанах, иберах и др.

В письменных источниках албаны снова упоминаются в связи с событиями 260 г., когда Шапур I (241—272гг.) взял в плен римского императора Валериана. Дело в том, что борьба за Месопотамию, от которой отказался Филипп Араб, возобновилась при Валериане (250—260 гг.). Во время битвы при Эдессе случилось неслыханное: римский император был взят в плен. По-видимому, Шапур послал сообщение о своей победе во многие страны, в том

¹ И. Brosset. Deux historiens arméniens: Kiracos de Gantzac. XIIIe s. Histoire d'Arménie; Ouklitanes d'Ourha. Xe s. Histoire en trois parties. Livraisons I—II. St.-Petersbourg, 1870—1871.

² J. Marquart. Eransahr. . ., S. 112. Cp.: Christensen. L'Iran sous les Sassanides. Copenhague. 1944, p. 219.

числе и в страны Закавказья. У Юлия Капитолина сохранилось ответное письмо армянского царя, дружественного Риму Артавазда V (?), в котором он пишет: «Я радуюсь твоей славе, но боюсь, что ты не столько одержал победу, сколько посеял войны. [Освобождения] Валериана требуют и сын, и внук, и римские вожди, и вся Галлия, и вся Африка, и вся Испания, и вся Италия, и все племена в Иллирике, на Востоке и в Понте, которые дружественны римлянам или находятся под их властью» («in partem gloriae venio sed vereor ne non tam viceris quam bella severis. Valerianum et tilius repetit et nepos et duces Romani et omnis Gallia et omnis Africa et omnis Hispania et omnia Italia, et omnes gentes quae sunt in Illyrico atque in oriente et in Ponto, quae cum Romanis consentiunt aut Romano-rum sunt»).¹ В этом тексте интересны два термина, относящиеся к странам Востока, Понту и др.: Cum Romanis consentiunt — «сочувствуют политике Рима», «дружественны римлянам» и Romano-rum sunt — дословно «принадлежат римлянам», вероятно, имеются в виду провинции. Страны Закавказья в этот период относятся, видимо, к первой группе, т. е. к дружественно расположенным, поскольку Артавазд, продолжая упрекать Шапура, пишет: «Итак, ты взял в плен одного старика и все племена земного шара сделал враждебными себе, а может быть, и нам, так как мы послали помощь. . .».² Будучи дружественно расположенным к Риму, может быть, даже ставленником Рима, армянский царь, оказывается, «послал помощь» («auxilia misimus») одной из воюющих сторон, по мнению В. В. Латышева, Шапуру.³ Но, принимая во внимание, что в Персии правили Сасаниды, враждебно настроенные к Аршакидам, маловероятно, чтобы армяне помогали персам; мне, представляется более правдоподобным, что помощь ими была оказана Валериану. Обращают на себя внимание заключительные слова Артавазда: «. . . живем в соседстве и всегда страдаем, когда вы бьетесь между собою» («vicini sumus, qui semper vobis inter vos pugnantibus laboramus»). Эти слова характеризуют тяжелое положение во время войн Рима с Персией не только Армении, но, вероятно, и Албании.

По словам Юлия Капитолина, такие же письма с декларацией о победе над Валерианом Шапур I послал также иберам, албанам, тавроскифам и бактрийцам (кушанам), но в отличие от Армении эти народы «не приняли писем Шапура, а обратились с посланиями к римским вождям, обещая помощь в деле освобождения Валериана из плена» («Saporis litteras non receperunt, sed ad Romanos duces

¹ Юлий Капитолин. Два Валериана, § 6.

² Там же.

³ В. В. Латышев, ук соч., т. II, стр. 298.

scripserunt auxilia pollicentes ad Valerianum de captivitate liberandum»¹. Оставляя в стороне интереснейший вопрос о том, на каком языке и каким письмом были написаны албанские послания, отправленные в Рим, этот текст Юлия Капитолина знакомит нас с одним из фактов из истории дипломатических сношений между народами Востока в III в.: рассылка посланий с победной реляцией не только соседним народам, но и весьма отдаленным (тавроски-фам, бактрийцам), ответные послания одних с поздравлением и упрёками и непринятие этих посланий другими.²

Особо интересным в этом тексте является для нас тот факт, что албаны, которых Иран удостоил письмом с сообщением о победе, были настолько независимы от мощного соседа, Сасанидской Персии, что могли себе позволить «не принять письма Шапура», а римлянам обещать помощь в деле освобождения Валериана. Перед лицом общего врага албаны и иберы в этот период действовали согласованно, тогда как армяне в силу своего нахождения между Римом и Персией вынуждены были соблюдать нейтралитет, но тем не менее они советуют освободить Валериана.

С этими данными несколько расходятся сведения персидских письменных источников, согласно которым Шапур I после 260 г. считал подчиненными себе в числе большого количества других стран все народы Закавказья. Об этом он повествует в большой надписи, открытой в 1936 и 1939 гг.³ Надпись эта высечена на четырех стенах фундамента (или нижнего ряда 'кладки) знаменитого здания в виде башни в ущелье Накш-и-Рустем, носящего название «Кааба-п-Зардушт», ахеменидской постройки, служившей, по мнению одних, гробницей,⁴ по мнению других, главным храмом огня в Персии.⁵ Независимо от назначения этого здания для нас в данном случае большой интерес представляет текст надписи, высеченной на трех языках (парфянском, греческом и персидском) от имени Шапура I.

В первой, большей части этой надписи перечисляются и описываются походы Шапура против Армении, Сирии, борьба с Римом, взятие в плен Валериана и др.; во второй части излагаются мероприятия Шапура культового и мемориального порядка. После пышной

¹ Юлий Капитолин, § 7.

² В «Истории дипломатии» (т. I, М., 1941) этот текст Капитолина не использован.

³ M. S p r g v v g l i n g. Shahpuhr I, the Great, on the Kaabah of Zoroaster. American Journal of Semitic Languages and Literatures, vol. LVII, 1940, pp. 341—429.

⁴ Fr. S a r r e und E. H e r z f e l d. Iranische Felsreliefs. Berlin, 1910, S. 3 folg (точка зрения Э. Херцфельда).

⁵ Там же, стр. 4. прим. 1; K. E r d m a n n. Das iranische Feuerheiligtum. Leipzig, 1941, SS. 17—21.

тителатуры Шапура, в основном известной и по другим сасанидским надписям, идет длинный перечень подвластных ему стран, и среди прочих—страны Закавказья: «Атропатена, Армения, Иберия, Махелония, Албания, [страна вплоть до] Кап-коха [Кавказских гор] и Аланских [ворот]»¹ В надписи перечислены все страны Закавказья, начиная с юга, затем идет лакуна, которую А. Марнк восстанавливает как «вплоть до» по аналогии с подобным оборотом в следующей строке. После Албании, таким образом, названы предгорья Кавказа (может быть, страна лбинов) до «Аланских ворот» (?).²

А. Марик полагает, что первоначальной, основной редакцией надписи был текст, высеченный письмом персидским — парсик (очень плохо сохранившимся и в данном месте сбитом), в котором «I» и «г» обозначаются одним и тем же знаком. В сохранившейся парфянской версии, где «г» тоже может быть передаваем через букву «I», мы читаем «I = g'nTR^с», т. е. Alan или Aran и «ворота» (идеограмма TR^с). Исходя из того, что в надписи Картира (в Накш-и-Рустеме) слово «Албания», начертанное письмом парсик, передано тоже, А. Марик и в надписи Шапура читает — «Албанские ворота».³ Эту свою точку зрения А. Марик подкрепляет ссылкой на «Историю» Себеоса, который применяет ту же формулу (Бахрам Чубин обещает Мушеху область «до Кавказских гор и Албанских ворот»)⁴ и называет этот проход «воротами Чора». Возможно, что А. Марнк прав, предлагая читать «Албанские ворота», и что Шапур называет среди подчиненных ему стран и Горный Дагестан до Дербента, т. е. всю ту территорию, которая входила в состав Албанского царства, вероятно, начиная с I в. н. э.

¹ E. H o n i g m a n n et A. M a r i c q. Recherches sur les Res Gestae divi Saporis, p. 11 (2—3-я строки).

² Что касается названия страны «Махелония», то, несмотря на то, что в парфянской версии надписи в этом месте читается SYKN, А. Марик предполагает, что речь идет о территории Мингрелии (E. H o n i g m a n n et, A. M a r i c q, l. c. p. 63 etc.). Иначе объясняет этот термин Хеннип (W. B. H e o a i n g, ' BSOS, XII, SS. 54, 172): по его мнению, SYKN — Махелония, область между Араксом и оз. Севан, армянская провинция Сисакан (Сюник) (E. H o n i g m a n n et A. M a r i c q, l. c, p. 64). По мнению М. Бонвенисте. речь идет об ингушах, которых осетины называют «Maqqal» (там же, стр. 178). Ср. «Сисган» у Захарии Ритора (H. B. П и г у л е в с к а я. Сирийские источники по истории СССР. М.—Л., 1941, стр. 82).

³ E. H o n i g m a n n et A. M a r i e q, l. c, pp. 88—90.

⁴ С е б е о с. История. (На арм. яз.). Ереван, 1939, гл. IX и XI. VII (см.: E. H o n i g m a n n et A. M a r i c q, l. c. p. 90). — Название «Кап-Кох» — (Кавказские горы) встречается не только у Себеоса, но и в «Армянской географии VII в.», а еще раньше у Агафангела.

⁸ С е б е о с, гл. XLIX.

Интересно отметить, что если мы в данном случае имеем основание читать в этих надписях «Аран», то тогда, может быть, проливается некоторый свет и на доселе неразрешенный вопрос о самоназвании албан в древности: возможно, что страна действительно носила название по имени легендарного предка Арана, а греки и римляне могли придать этому названию близкое к их языкам звучание.

Таким образом, из надписи Шапура в Накш-п-Рустеме мы узнаем, что после 260 г. Албания входила якобы в число стран, которые Сасаниды считали включенными в свою империю.

Какие события произошли на территории Закавказья между 260 и 272 гг., мы не знаем. Наиболее вероятным представляется, что в эти годы Шапур никаких походов в Закавказье не предпринимал, будучи занят борьбой с Пальмирой. Приходится полагать, что в это время не считался потерявшим силу договор 244 г., по которому Рим отказывался в пользу Персии от Месопотамии и Армении, а с Арменией, вероятно, считались связанными Иберия и Албания, которые тоже попадали под верховенство Персии. После смерти Шапура I международная политическая ситуация, по-видимому, изменилась. Преемники его, Ормизд I (271—273 гг.) и Варахран I (273—276 гг.), правили недолго, о политических событиях в годы их правления мы ничего почти не знаем.² Зависимость от Персии закавказских народов, в том числе и албанов, в эти годы, вероятно, ослабела, иначе трудно понять некоторые высказывания историков императора Аврелиана, правившего в эти годы (270—275 гг.). Из слов Флавия Вописка (IV в. н. э.), что в числе многих других народов «иберы, албаны, армяне... чтили его [Аврелиана] почти как бога-покровителя» («*hiberi, albani, armenii... veluti praesentem paene venerati sunt deum*»),³ можно заключить, что в этот период албаны, иберы и армяне придерживались римской ориентации. А слова Флавия Вописка о том, что они почитали Аврелиана почти как бога, следует понимать в том смысле, что они применяли к нему титул, который он сам себе присвоил: *dominus et deus* — «господин и бог». В его пятилетнее правление римляне вели войны и с готами, и с сарматами, и с Пальмирой, в с персами, но страны Закавказья в числе покоренных не называются: они, вероятно, как и при Валериане, считались народами «дружественными» («*cum Romanis con-sentiunt*»).

Этим ограничиваются сведения об албанах, почерпаемые нами из греческих и латинских источников. Начиная с IV в. н. э. истори-

¹ См. выше, стр. 4.

² A. Christensen. L'Iran sous les Sassanides, p. 226.

³ Флавий Вописк. Божественный Аврелиан, гл. 41

ческие судьбы албанского народа находят отражение главным образом в трудах восточных писателей, в первую очередь — армянских.

Вопрос о городах древней Албании

Вопрос о городах Албании является одним из наиболее сложных и пока неизученных. Для I в. до н. э.—II в. н. э. мы располагаем данными Плиния и Птолемея, которым посвящен ряд статей и русских, и советских, и зарубежных историков. Однако их работы не могут внести ясность в этот вопрос, так как археологической разведкой обследованы еще не все городища на территории Албании, не говоря уже о том, что за невыясненностью местонахождения (кроме Кабалаки) ни один из древних городов еще не подвергся систематическим раскопкам. В большинстве работ, посвященных городам, авторы пытаются по созвучию современных топонимических названий с приведенными у Птолемея наименованиями локализовать тот или иной птолемеевский город.¹

Но города, как известно, меняют свои названия, тем более на протяжении почти двух тысяч лет; по топонимическому созвучию можно локализовать тот или иной географический пункт только в том случае, если имеются еще и другие показатели, если можно доказать, что данное наименование восходит к глубокой древности, а не сложилось в более поздний период.

Античные авторы приводят названия двадцати девяти населенных пунктов, настолько значительных и известных, что перечень их смог дойти до Птолемея в письменных источниках, или на географических картах, которые он упоминает, или, быть может, путем устного предания. Вследствие особенностей греческого алфавита, буквами которого нельзя передать своеобразие кавказских языков — в данном случае албанского с его гортанными и шипящими звуками, мы едва ли сможем выявить в греческом написании этих названий их местное звучание. Поэтому попытка разобраться в наименованиях Птолемея с помощью современной топонимики едва ли может привести к убедительным выводам.

Некоторые города из числа существовавших в начале нашей эры могли бесследно исчезнуть, принимая во внимание процесс засолонения в долинах Куры и Аракса, который мог привести

¹ Этим вопросом в XVIII в. занимались французский географ д'Авивиль, после него немецкий историк Маннерт, а в первой половине XIX в. русский ученый К. Эйхвальд, объездивший Каспийское море, его побережье и Кавказ. Их попытки продолжили А. Яновский (ЖМНП, 1846, т. 52), Б. Дорн (Записки Академии наук, т. 26, 1875, Приложение), А. Е. Крымский (Сборник в честь С. Ф. Ольденбурга, Л., 1934; сборник «Памяти Н. Я. Марра», Л., 1938). Наи более обоснованными являются сопоставления в работах С. Т. Еремяна а (ВДИ. 1939. № 1; Записки ИБ АН СССР, т. VII, 1939; Изв. Арм. ФАН СССР, 1941, № 7).

к гибели городов в долинах этих рек.¹ Города, построенные из сырцового кирпича, также могли со временем бесследно исчезнуть.

Плиний упоминает только один город — Кабалаку, называя его «первенствующим в Албании» («*praevalet oppida: Albaniae— Cabalaca*»).² Из этих слов никак нельзя вывести заключения, как это делали некоторые исследователи, что Кабалака являлся единственным городом в Албании; у Плиния ясно сказано, что он был «первенствующим, превосходящим», значит — одним среди других, менее значительных, которых он не называет. На долю Кабалаки выпала судьба быть «первенствующим» городом и сейчас — в смысле первого албанского города, местоположение которого точно установлено (о нем речь ниже).

Птолемей дает перечень городов и поселений с указанием их местонахождения между определенными реками и с указанием градусов.³ Но, как говорилось выше, указание на градусы у Птолемея не может помочь в локализации перечисляемых им населенных пунктов, так как им была принята неправильная цифра длины земной окружности и поэтому неверна и величина градуса (в 400 стадий).⁴ Что касается указания на нахождение города в определенном междуречье, то в науке нет единой точки зрения в отождествлении упоминаемых им рек с современными географическими их наименованиями.⁰

Исходя из своей общеисторической концепции, согласно которой основная территория албанских племен в изучаемый период находилась не в приморской, а в западной части Албании — в бассейне Куры с ее левыми притоками, и учитывая данные топонимики, С. Т. Еремян полагает, что Птолемей ошибочно считал реки Соану, Герр, Кайсий и Албан втекающими в Каспийское море, тогда как они, по его мнению, являлись притоками Куры.

Не берусь судить на данном уровне наших знаний о том, насколько эта точка зрения правильна, однако в данной работе считаю для себя более верным исходить из данных Птолемея. Поскольку большинство городов локализации не поддается, такое мое отношение к этому вопросу вреда принести не может, тем более что археология со временем несомненно этот вопрос выяснит. Опорной точкой, по-моему, может являться Соана, поскольку у Птолемея с ее помощью устанавливается, какая часть Каспийского моря ограни-

¹ З. И. Ямпольский. Вопросы древней истории в изданиях Азерб. ССР (1948—1951). ВДИ, 1952, № 2, стр. 108 со ссылкой на В. Р. Волобуева (Основные вопросы генезиса и мелиорации засоленных почв Азербайджана. ИАИ Азерб. ССР, 1948, № 12).

² Иллиний, кн. VI, гл. 10 (&29).

³ Птолемей. География, кн. V, гл. 11, 2.

⁴ Д. О. Томсон, ук. соч., стр. 466.

⁵ См. выше, стр. 10

чивает Албанию с востока; а именно: «отсюда [устье Куры] до реки Соаны»¹ Соана, следовательно, обязательно должна втекать в Каспий, а не в Куру на территории Кахетии, хотя находившийся за ее устьем город Телайба очень заманчиво сопоставить с Телавом. Но факт впадения Соаны в море еще не дает оснований отождествлять ее с Тереком. Это отождествление было бы возможным, если бы уже было доказано, что и северный Дагестан входил в пределы Албании. А так как этого еще никто не доказал, то Соаной мог бы быть и Самур, бесспорно связанный с территорией Албании, а Герром, Кайсием и Албаном в таком случае могли бы быть три реки из большого числа рек между Самуром и Курюю, впадающих в Каспийское море (может быть, идя с юга,— рр. Пирсагат, Сумгаит в еще одна река севернее, до Самура).²

Текст Птолемея о городах гласит: «За устьем реки Соаны — город Телайба; устье реки Герра — город Гелда; устье реки Кайсия — город Албана; устье реки Албан — город Гайтара, за которым устье реки Куры»³

Судя по тому, что названия городов чередуются с устьями рек, городе эти были расположены на берегу Каспия или неподалеку от него. Вопрос же о реках пока остается открытым.

А. Яновский полагал, что названные четыре города были расположены не на морском побережье, а на Куре, на ее плодородных берегах, тогда как морской берег, по его мнению, не имел якобы пастбищ и пресной воды.⁴ Такой точке зрения противоречит упоминание Птолемеем устья Куры, но А. Яновский считает именно этот факт «единственной ошибкой Птолемея». Но с точки зрения А. Яновского трудно согласиться по ряду причин: как бы плохо ни разбирался Птолемей в деталях географической карты Албании, допустить ошибку в отношении Куры, самой большой реки в этой части Кавказа, он едва ли мог. А. Яновскому к тому же не были известны те большие древние ирригационные сооружения, остатки которых в наше время установлены и в Ширванской, и в Мильской, и в Муганской степях и которые могли снабжать пресной водой и прибреж-

¹ Пто л е м е й, кн. V, гл. it, 1.

² В этой связи следует отметить, что в трех списках рукописей Птолемея перечень устьев и городов дается, начиная с юга, т. е. Кура, Гайтара, устье Албана и т. д. См.: Claudii P t o l e m a e i Geographia. Изд. K. Muller, vol. I. Paris, 1883—1901, p. 928.

³ Пто л е м е й, кн. V, гл. 11, 2.

⁴ А. Я н о в с к и й. О древней Кавказской Албании. ЖМНП, 184В, т. 52, стр. 132—134.

ные к Каспию районы, где имелись, судя по словам Элиана, по-видимому, хорошие пастбища.¹ Что же касается указаний Птолемея на градусы, которые, по мнению А. Яновского, говорят о том, что Птолемей «разумел их [города] не у моря, а при Куре»,² то с градусами Птолемея, как говорилось уже, считаться нельзя. Не могут считаться достоверными и самые географические названия у Птолемея; в них, повторяю, мы можем усматривать лишь греческую передачу местных названий, поэтому топонимические созвучия не всегда могут приниматься в расчет.

Если же допустить, что прав С. В. Юшков и что Соана — это Терек, Герр — Аксай, Кайсий — Сулак, а Албан — Самур, то это все же не дало бы основания соглашаться с ним в том, что вся территория Дагестана входила в состав древней Албании. Дело в том, что Птолемей сам в Албании не был, а мог пользоваться и отчетом Патрокла, и трудами Феофана Митиленского и Деллия (сопровождавшего Антония), и картами, составленными во время похода Корбулона и, позднее, Марином Тирским (I—II вв.). Но на территории северного Дагестана ни Феофан, ни спутники Корбулона, ни Марин Тирский не бывали; только у Патрокла мог быть перечень городов или селений на побережье от Терека до Самура, если соглашаться с Нейманом, что он доехал до Терека. Сведения эти Патрокл мог получить и от местных жителей во время объезда побережья, если он сам выше Куры не поднимался.³

Так как во времена Птолемея Албания являлась уже единым государством, объединившим 26 различных племен, то в состав ее Птолемеем могли быть включены и некие дальние города, упоминавшиеся у Патрокла, но в пределы Албании не входившие.

Что касается города Гайтара (в другом месте Птолемей называет его Гангара,⁴ то существует предположение, что Баку вырос на том месте, где когда-то находился этот древний город. Но возможно, как полагает В. В. Бартольд, что Гайтара находилась и южнее Баку, «на месте Алят, там, где железная дорога из Тифлиса подходит к Каспийскому морю»,⁵ т. е. у устья Пирсагата.

В одном из списков рукописей Птолемея имеется третий вариант этого названия⁶ быть может, наименование этого города связано с этническим термином «гаргары», как полагает К. Мюллер.⁷

¹ Элиан, кв. XVII, гл. 17.

² А. Яновский, ук. соч., стр. 133.

³ См. стр. 57.

⁴ Птолемей, кн. VIII, гл. 19, 7.

⁵ В. В. Бартольд. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира, стр. 18.

⁶ В. В. Латышев, ук. соч., стр. 242,

⁷ Claudii Ptolemaei. Geographia, t. I, p. 929.

В следующем параграфе у Птолемея идет перечень «городов и селений в Албании между Иберией и рекою, [текущей] с Кавказа и впадающей в Куру, которая течет по всей Иберии и Албании, отделяя от них Армению»¹ В этом тексте, в отличие от предыдущего, речь идет не только о городах, но и о поселениях — деревнях, причем указывается территория между Иберией и какой-то рекой; из числа больших рек, берущих начало в горах Кавказа и впадающих в Куру, речь может идти или об Иоре или об Алазани. На указанной территории Птолемей называет пять населенных пунктов: Тагоду, Бакрию, Санву, Диглану и Нигу. А. Яновский и А. Крымский считали возможным сопоставить Нуху с Нигой Птолемея,² но еще Б. Дорн совершенно правильно указывал, что поскольку Нига находилась между Иберией и Иорой или Алазанью, то с Нухой ее отождествлять нельзя,³ то же самое следует сказать о сел. Нидж.

Затем у Птолемея идет перечисление двенадцати населенных пунктов, расположенных «между указанной рекой и рекой Албаном, который тоже течет с Кавказа»⁴ Из этого контекста явствует, что Албаном едва ли может быть Алазань, как думает С. Т. Еремян. Если бы он был прав, то пришлось бы заключить, что между Иорой и Алазанью находилось одиннадцать городов и селений, тогда как мы знаем, что именно на этой территории воины Помпея несли бурдюки с водой, почерпнутой из Иоры, потому что местность эта была безводна и пустынна.⁵ Кроме того, Птолемей, наверное, прибавил бы, что Албан впадает в Куру, как он это делает, говоря о безыменной реке; не делает он этого, быть может, потому, что он уже упомянул Албан, говоря об устьях рек, впадающих в Каспийское море; но он уточняет, что Албан берет начало в Кавказских горах. Между этими двумя реками у Птолемея названы следующие населенные пункты: Мосига, Самунида, Иобула, Иуна, Эмболайон, Адиабла, Аблана, Мамехия, Оссика, Сиода и Барука

¹ Птолемей, кн. V, гл. XI, 3.

² А. Крымский. Страницы из истории северного или Кавказского Азербайджана (классической Албании). Шеки. Сборник «Памяти Н. Я. Марра», Л., 1938, стр. 369.

³ Б. Дорн. Каспий. Приложение к Запискам Академии наук, т. 26, СПб, 1875, стр. 341.

⁴ Птолемей, кн. V, гл. И, 4. ⁵ См. стр. 97 и сл.

Несмотря на всевозможные догадки, высказанные в литературе, ни одно из перечисленных названий не может быть приурочено к определенному в прошлом или ныне населенному пункту; недостаточно обоснованным мне представляется и сопоставление Оссика—Шаки, предложенное (правда, в осторожной форме) А. Крымским.²

Затем идут шесть названий населенных пунктов «между Албаном и рекой Кайсием». Здесь названы города Хабала, Хобота, Мозиата, Мисия, Хадаха и Аламос. Город Хавала обычно сопоставляют с Кабалакой Плиния, Кава-лаком Моисея Каланкатуйского - главным городом Албании, начиная со времени не позднее I в. н. э. (Плиний) и до переноса столицы в Партав в VI в. Кабалака Плиния, как выяснено археологической разведкой и данными письменных источников, находилась на территории собственной Албании, в предгорьях Кавказского хребта, в нынешнем Куткашенском районе Азербайджана, около сел. Чухур-Кабала, где высятся остатки мощных крепостных стен.³

Следующая группа албанских населенных мест, по Птолею, находилась на территории «между рекой Кайсием и рекой Герром». Это Тиауна и Табилака. Относительно последнего города следует отметить, что в одной из рукописей Птолея вместо этого названия стоит слово (Cabalaca Плиния).⁴ Имеем ли мы тут дело с искажением слова переписчиком или с исправлением, внесенным им на основании Плиния, судить трудно. Последний город в перечне Птолея — это Тилбис, который находился «между рекой Герром и рекой Соаной». Не может ли Тилбис являться названием общинного поселения или вообще населенного пункта в горной стране «диких» сивльов-чилбов?⁵

Так как, кроме самого перечня, мы ничего об этих городах не знаем, то возможно, что среди них были и замки, и крепости, и горные поселения, и селения в плодородных долинах. Ни внешний вид их, ни внутренняя структура этих в первые века нашей эры в письменных источниках не отражены.⁶

¹ П т о л е м е й, кн. V, гл. 11, 4—5.

² А. К р ы м с к и й, ук. соч., стр. 370.

³ См. стр. 256 и сл.

⁴ В. В. Л а т ы ш е в, ук. соч., т. I, стр. 243.

⁵ Сопоставление это принадлежит И. А. Орбели.

⁶ Отсутствие соответственных данных в письменных источниках и неизученность в археологическом отношении городов древней Албании не позволяют охарактеризовать в настоящей работе албанский город и его жизнь, как это

До настоящего времени не обращено внимание на то, что в письменных источниках, а именно у Страбона, упоминаются еще два города — в стране утиев. У Страбона после перечня племен, живущих на Каспийском побережье (албаны, армяне, гелы, утии, ана-риаки и др.), читаем: «...говорят... что айнианы в Утии построили город со стенами, который называется Айннана, и что там можно увидеть и греческое вооружение, и бронзовые сосуды и гробницы; есть там еще город Анарпака, где, говорят, можно увидеть прори-цалище спящих»¹ В другой главе Страбон возвращается к этой теме и пишет: «Говорят, что одни айнианы обитают в Утии, а другие — выше армян»² Айнианы — это фессалийское племя и, следовательно, из текста Страбона можно было бы заключить, что на территории Утии обитали греческие переселенцы («греческое вооружение»). На деле же, как это блестяще показал Андреас,³ осведомители Страбона созвучное местное племенное наименование «утии», «Утия» . Что касается айинанов, то здесь, по Андреасу, перед нами переименованное название одного из местных районов, а именно «Хани», упоминаемое в «Армянской географии»⁴ в числе гаваров западного Пайта-карана. В древности эта местность входила, вероятно, в состав Утии, пределы которой тогда были шире, чем в VII в.⁵ В некоторых рукописях, говорит Андреас, это название пишется «Ханхани», поэтому фессалийский этнический термин — мог получиться или из армянской формы *Nanhani*, или же от иранской формы *Nainan*.

Что касается города Анариака (по контексту он тоже находился в стране утиев), то и здесь можно усмотреть попытку сблизить это название с племенным, как полагают, названием анариаков; но «анариаки», т. е. неиранцы, термин, по-видимому, не этнический, сделано в работах С. Т. Еремина в отношении древних городов Армении, (Развитие городов и городская жизнь в древней Армении. ВДИ, 1953, № 3), Г. Х. Саркисяна (История городской общины в Армении. ВДИ, 1955, № 3) и др.

¹ Страбон, кн. XI, гл. 7, 1 (С. 508).

² Там же, гл. 14, 14 (С. 531).

³ Andreas. Ainiiana. PWK.

⁴ Армянская география VII в., стр. 51.

⁵ Андреас (F. K. Andreas, 1. с.) указывает в этой связи на слова Плиния: «Атропатена от армянской области Отены отделена Араксом» («Atropatena ab Armeniae Otene regione discreta Araxe»).

а собирательный, обозначающий вообще племена, говорящие не на иранских языках.¹ Возможно и другое толкование этого термина, а именно, что это искаженное название одного из албанских племен, называвшихся, быть может, араниаками,² по имени легендарного родоначальника албанских племен Арана.³ В подтверждение этому предположению можно было бы, как мне кажется, привести название одной из семи областей Утии, а именно «Аранрот». В таком случае у Страбона речь могла бы идти о городе Аранпака в стране утиев-албанов.

Страбон сообщает нам также некоторые весьма интересные, хотя и очень краткие сведения об этих городах. Город Хани (Хан-хани, греч. Айния) был обнесен стенами, быть может, являлся крепостью, поскольку в связи с ним упоминается оружие; этот город, видимо, славился выделкой бронзовых сосудов, поскольку эта деталь остановила на себе внимание осведомителя Страбопа; около города находились, по всей вероятности, какие-то надгробные памятники, потому что простые грунтовые погребения не бросились бы в глаза чужестранцу. А город Аранпака (Анариака) известен был своим прорицалищем (несомненно при храме), связанным, быть может, с культом Арана, как известное прорицалище в Армавире (Армения) связано было с культом мифического предка Арманиака.⁴

Царь. Войско

Складывание албанской государственности в результате объединения 26 племен и народностей, имевших своего царя и свой язык, должно было завершиться ко второй половине II в. до н. э., когда по возглавившему этот союз племени все объединение стало именоваться Албанией.

Процесс образования государственности в Албании протекал почти одновременно с таковым в Армении, но с той только разницей, что в силу причин исторического и географического порядка отставание в социально-экономическом развитии не позволило Албании достичь «зрелого рабовладельческого общества с характерными для эллинистических стран чертами»,⁵ как это устанавливается для Армении С. Т. Еремяном.

Вхождение племен албанского объединения (которые в V в. до н. э. носили общее название — «каспии») в состав одиннадцатой

¹ И. М. Дьяконов. История Мидии. М.—Л., 1956, стр. 448.

² Предположение, высказанное в частной беседе С. Т. Еремяном.

³ Моисей Хоренский, кн. I, гл. 8.

⁴ Там же, гл. 20.

⁵ С. Т. Еремян. Рабовладельческое общество древней Армении (автореферат), стр. 32.

сатрапии Дария могло в какой-то степени, хотя и незначительной, создать предпосылки для выработки некоторых форм государственного управления. Во всяком случае в первой половине I в. до н. э. римляне застали здесь уже установившуюся царскую власть, опиравшуюся на родовую знать и поддерживаемую большим, прекрасно вооруженным войском. Из этого можно заключить, что царская власть в Албании должна была существовать уже во II в. до н. э., а может быть, и раньше. Моисей Каланкатуйский, излагающий сказанное Моисеем Хоренским о Валаршаке, связывает появление первого царя в Албании с именем этого легендарного армянского царя, который назначил племенам князя и правителей; «...главою всех их поставлен по повелению Валаршака некто из рода Сисакан из потомков Иафета — Аран, который наследовал поля и горы Албании от реки Ерасха [Аракс], до крепости Хунаракерт [у границ Иберии на Куре]». ¹ Валаршаку же легенда приписывает назначение воеводы (из потомков Арана) над страной и над десятитысячным войском. ² Эта легендарная генеалогия была создана в первые века нашей эры, вероятно в тот период, когда в середине, а может быть, и в конце I в. н. э. парфянским Аршакидам в политических целях удалось посадить на престолы ряда стран Закавказья представителей своего рода (в Армении, Атропатене, в стране маскутов и в Албании). Армянские Аршакиды, быть может, стремились к более тесному единению с тем государством, через территорию которого прорывались или пропускались аланы и другие кочевники, нанесшие в 75 г. н. э. глубокие раны экономике стран Закавказья и Парфии. В целях сближения интересов Армении и Албании Аршакидами и могла быть создана легенда о сложении албанской государственности под прямым воздействием Валаршака, легендарного устроителя армянской земли.

На деле же первые цари Албании несомненно являлись представителями местной албанской знати из числа наиболее выдвинувшихся племенных вождей. Об этом говорят и их неармянские и ненранские имена в греческой передаче; как они звучали по-албански, мы пока не знаем). В середине I в. н. э. или во второй его половине на албанском престоле появился Аршакид (в письменных источниках того времени эта смена династий не нашла отражения), как это явствует только из последующих сообщений историков. В Албании Аршакидская династия продержалась несколько дольше, чем в Армении, до второй половины V в. ³

¹ Моисей Каланкатуйский, кн. 1, гл. 4. См.: Моисей Коренский, кн. II, гл. 6.

² Моисей Каланкатуйский. кн. 1, гл. 4.

³ См. стр. 225.

Албания в период от I в. до н. э. до III в. н. э.

Неразрешенным, казалось бы, остается вопрос, следует ли упоминанию, что первый албанский царь был из рода Сисака, придавать историческое значение. При Моисее Хоренском «Сисакан» или «Сюник» называлась область между Арменией и Арцахом, к югу от Севанского озера, в первое объединение албанских племен не входившая. Но в V—VI вв. эта область играла большую роль в политических взаимоотношениях между Арменией и Албанией. Чем, по моему, и следует объяснять то обстоятельство, что в легенду об Аране, возникшую в I в. н. э., в V в. добавлено было указание на происхождение его из рода Сисака. Но рассказ о царе из рода Сисака, восходящий к преданию, приведенному Моисеем Хоренским, интересен тем, что в нем сохранились отзвуки процесса объединения «диких племен», обитавших «у подошвы великой Кавказской горы, в долинах, в глубоких продольных ущельях», которым Валаршак приказывает «отказаться от разбоя и угона людей, а повиноваться царскому приказу и платить подати, дабы он... мог дать им начальников и князей со введением у них благоустройства. И он отпускает их, дав им блюстителями от себя мудрых мужей».¹ Эти легендарные предания являются отзвуком постепенного процесса сложения государственности, появления воеводы и войска, т. е. государственного аппарата, обеспечивающего поступление «податей царских».

Об албанских царях Страбон замечает, что они «замечательны» («отличаются») — но не договаривает, чем они замечательны. Может быть, он хотел подчеркнуть, что цари отличаются от остального населения властью, бытом, что это уже не родоплеменные вожди. «Теперь один над всеми владевает, — продолжает Страбон, — а прежде над каждым [народом] со своим языком имелся свой царь. А языков у них двадцать шесть, так как они мало общались друг с другом»² Малое общение этих народов между собою обуславливалось природными условиями и отсутствием в то время у них общих экономических и политических интересов. Но в I в. до н. э. — I в. н. э. общность между ними уже установилась, поскольку она отражается в материальной культуре этих некогда разобщенных народностей. Так, например, однородную по форме, технике и орнаментации керамику так называемого типа Ялойлу-Тапа находят

¹ Моисей Хоренский, кн. II, гл. 6; Моисей Каланкатуйский, кн. I, гл. 4, озаглавленная «Валаршак устанавливает княжество Агван».

² Страбон, кн. XI, гл. 4, 6 (С 503).

³ Там же.

И в могильниках Алазанской долины, и в предгорных районах Нухи, и в Мильской, и в Муганской степях, и даже в Тарки и Ка-рабудахкенте в Дагестане. Однородный характер носят и находки в кувшинных погребениях. Одни из этих погребений очень богаты, другие очень бедны, что говорит об углублении классовой дифференциации.

Обобщающая характеристика у Страбона, который отмечает, что албаны «зарывают вместе (с покойником) их имущество и поэтому живут в бедности, не имея ничего отцовского»¹ была извлечена Страбоном, быть может, из отчетов, относящихся к III в. до и. э. Тут, вероятно, отражены древние обычаи, сохранявшиеся в быту более отсталых в экономическом и культурном отношении племен, возможно тех кочевников, которые, по словам Страбона, «помогают в войнах с внешним [врагом]... а иногда нападают на жителей и мешают им обрабатывать землю»²

Войско, на которое опиралось молодое албанское государство, Страбоном описано не по реляциям Патрокла, так как последний, объезжая побережье, едва ли имел возможность ознакомиться с военной организацией. Албанское войско Страбон характеризует по недавним для его времени рассказам и отчетам спутников Лукулла, Помпея и Антония, которым пришлось столкнуться на албанской земле с ее военной силой. В тексте четвертого параграфа четвертой главы Страбона можно заметить, как ни нанизывались относящиеся к разным периодам сведения. После слов о том, что албаны «беззаботны в деле войны», он сразу добавляет, что «впрочем они сражаются пешими и на конях, легковооруженные и в панцирях, подобно армянам»³ Указание на тяжелое вооружение, т. е. на панцири, и сравнение албанского войска с армянским нейтрализует указание на «беззаботность в деле войны». В следующем параграфе Страбон в своем весьма лаконичном описании сравнивает вооружение албанов с иберским, говоря, что они сражаются «копьями и стрелами, [защищены] панцирями, большими щитами и звероподобными шлемами подобно иберам»⁴

¹ Там же, гл. 4, 8 (С. 503).

² Там же, гл. 4, 5 (С. 502).

³ Там же, гл. 4, 4 (С. 502).

⁴ Там[же, гл. 4, 5 (С. 502). большой, четырехугольный, удлинённый щит (наподобие двери —) римск. - scutum; -легкий овалный/

Сравнение вооружения албанов с армянским и иберским говорит о высоком уровне их вооружения в I в. до н. э.¹ В Мингечауре найдено довольно большое количество оружия, между прочим железных кинжалов и мечей местного производства, хотя и напоминающих, но словам С. М. Казиева, типы сарматского оружия.² Различные виды оружия были обнаружены и в кувшинных погребениях Мингечаура (первые века до нашей эры и первые века нашей эры), основные типы которых сохранялись и в последующие века. В посвященной этому вопросу статье Г. И. Ионе перечисляет железные мечи разных размеров и форм, среди них и обоюдоострые, причем некоторые были заключены в деревянные ножны с бронзовыми бляшками, различные железные кинжалы и ножи, железные наконечники копий, дротиков и стрел. Найдены были и «части металлической защитной одежды воина, в том числе, по-видимому, железный панцирь, налокотники и нечто подобное небольшому железному щиту».³ К числу оружия для оборонительного и наступательного рукопашного боя Г. И. Ионе относит и железные вилы, двух- и трехзубые, разных размеров, иногда с деревянным древком (рис. 5), находимые тоже в кувшинных погребениях.⁴ В одном из погребений с оружием был найден, между прочим, и бронзовый канделябр (рис. 6),¹ к оружию, конечно, никакого отношения не имеющий. Этот канделябр, на котором возжигался, вероятно, огонь во время погребального обряда, интересен тем, что он представляет предмет местного производства, изготовленный по образцу завезенного; дело в том, что известен фрагмент бронзового канделябра этого типа, попавший в Армению из стран эллинистическо-римской культуры и датированный временем не позже начала II в. н. э., т. е. временем кувшинных захоронений в Мингечауре.⁶

или круглый щит, римск. *clipeus*. Шлемы названы «звероподобными», потому что подобно шлемам сасанидских, хорезмийских и других восточных парей они имели вид головы зверя или хищной птицы; у В. В. Латышева термин переведен как «кожаные».

¹ Сводка сведений о вооружении и войске албанов, по данным письменных источников и вещественным материалам, имеется в статье К. Г. Алиева (Албанское войско и его вооружение. ДАН Азерб. ССР, 1957, № 8).

² С. М. Казиев. О некоторых типах оружия из Мингечаура, стр. 5—30.

³ Г. И. Ионе. Мингечаурские кувшинные погребения с оружием, стр. 59—61.

⁴ Железные вилы (дл. 30 см) в виде трезубца со втулкой были найдены на территории древнего поселения Гарни; один зубец припаян медью в древности (Б. Н. Аракелян. Гарни II. Результаты раскопок 1951—1955 (Античный период). Ереван, 1957, стр. 46—48, рис. 14).

⁵ Г. И. Ионе. Мингечаурские кувшинные погребения с оружием, стр. 59, рис. 7 23, 5.

⁶ К. В. Тревер. Бронзовая ножка канделябра из Нахчавана. ИРАИМК. т. I, 1921, стр. 261—264, табл. XXVI. — Фрагмент этот найден в 1913 г. жите-

Албания в период от I в. до н. э. до III в. н. э.

Очень интересно указание Страбона на то, что албаны «ставят большое войско, чем нберы. Они вооружают 60 000 пеших [воинов] в 22 000 конных; в таком числе они решились выступить против Помпея»¹
Эти цифры могут свидетельствовать о сложнв

Рис. 5. Вилы железные.
Мингечаур.

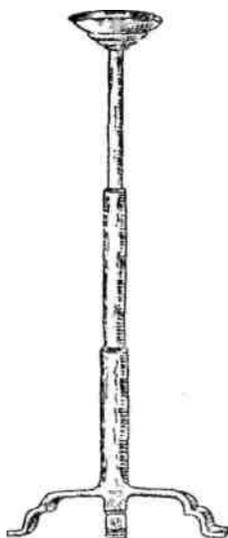

Рис. 6. Канделябр бронзовый.
Мингечаур.

шесмя государстве, которое в состоянии было мобилизовать войско, вооруженное на уровне техники своего времени.

Все вышеизложенное дает основание говорить об албанском государстве как о едином целом со II в. до п. э., иначе в первой половине I в. до н. э. римляне не воспринимали бы Албанию как самостоятельное государство, а албаны не могли бы столь организованно бороться с римскими легионами, как это имело место, когда то Помпей, то Антоний появлялись на их территории.

лем сел. Нахчаван Дигорского участка Кагызманского округа Карсской области; хранится в Государственном историческом музее г. Еревана.
Страбон, кн. XI, гл. 4, 5.

Албания в период от I в. до н. э. до III в. н. э.

В Армении, по словам С. Т. Еремяна, «разрозненные племенные языки прежних раздробленных племенных союзов теперь, когда завершился процесс становления армянского государства, находились на пути полной ассимиляции с армянским языком»,¹ в Албании же этот процесс протекал медленнее ввиду большей раздробленности племенных союзов, более слабого их общения между собою и отсутствия общих экономических интересов.

Наиболее оторванными были племена, обитавшие в ущельях и предгорьях Кавказа, и горские племена южного Дагестана, сохранившие свои местные языки и наречия. Политическое объединение албанов не было, по-видимому, столь прочным, как армянское, поэтому политическая и этническая пестрота изживались замедленными темпами. Еще в IV в. н. э. области легов и таваспаров, страна лбинов и Баласакан не слились с коренной Албанией в монолитное целое, а продолжали оставаться периферийными областями, пользовавшимися какими-то видами внутренней автономии. Об административном делении Албанского царства в I—III вв. мы ничего не знаем.

Пользуясь косвенными указаниями и сопоставляя то немногое, что нам известно об Албании, с внутренним государственным устройством Армении, можно предположить, что поскольку в Албании, по словам Страбона, «существовала — «священная жреческая земля», как и в ряде областей Армении, то и у албанов, по аналогии с Арменией, могла иметься «царская земля». (арм. «аркуни еркир»). О последней Страбон не говорит, но останавливается на вопросе о жреческой области в Албании.

Вопросы культа и храмового хозяйства

По словам Страбона, в Кавказской Албании имелась храмовая (священная) область. Так назывались храмовые объединения, расположенные обычно в замкнутой плодородной долине, где посвященный определенному божеству храм являлся не только культовым центром, но и административным, и юридическим, и военным. Во главе такой области стоял жрец, пользовавшийся полнотой власти. В Малой Азии существовал целый ряд таких храмовых или жреческих областей, причем наиболее известным являлся храм в Комане Каппадокийской.

Храмовые области существовали также в Армении, причем, как известно, особо выделялся среди них Апаитакан в Акилисене, на верхнем Евфрате — область богини Анахнты. Посвященная ей храмовая область имелась и в сопредельной с Иберией и Алба-

¹ С. Т. Еремян. Рабовладельческое общество древней Армении, стр. 37.

нией Гогарене (в тот период входившей в состав Великой Армении). судя по указанию Кассия Диона на «область Анахнты... около реки Куры»¹

Рассказу о храмовой области в Албании Страбон предпосылает указание, что албаны «почитают богов — Гелиоса, Зевса и Селену, в особенности же Селену»²

Греческий историк называет здесь албанские божества именами греческих богов, т. е. говорит о божестве Солнца, о верховном боге Неба и о богине Луны. И в армянском пантеоне эти же три божества — Михр, Арамазд и Анахита — являлись наиболее почитаемыми. Анахпта, как известно, почиталась у всех народов Передней и Средней Азии божеством земли, воды, растительности, животного мира и женского плодородия. В Малой Азии, в Каппадокии и Понте имелись описанные Страбоном храмовые области, посвященные божеству Луны (Селена, Мэн).³ Божеству Луны была посвящена и храмовая область в Албании. «Есть святилище ее [богини Селены] недалеко от [границ] Иберии», — продолжает свой рассказ Страбон.⁴ Он ограничивается указанием на то, что в Албании храмовая область находилась неподалеку от Иберии, очевидно, в одной из плодородных, хорошо орошаемых и замкнутых горами долин на территории Кахе-тии. Предположение А. Крымского,⁵ что это святилище Селены могло находиться на месте нынешнего Шеки (Шаки), явно ошибочно, так как район Шеки в I в. до н. э. находился весьма далеко от пределов Иберии.

Об албанской храмовой области у Страбона далее говорится: «...жречествует [в нем] муж, наиболее уважаемый после царя: [он] стоит во главе храмовой области, обширной и хорошо населенной, и [во главе] иеродулов, из которых многие одержимы богом и вещают»⁶.

Из описания Страбоном храмовых областей в Малой Азии мы узнаем, что в городе Комане Каппадокийской, где имелось святилище Луны, большинство населения состоит из «богоносителей» и иеродулов,⁷ т. е. различаются две группы населения.

¹ Кассий Д и о н, кв. XXXVI, гл. 53, 5. Ср.: Я. А. М а н а н д я н. Круговой путь Помпеи в Закавказье, стр. 81.

² С т р а б о н, кв. XI, гл. 4, 7 (С. 503).

³ С т р а б о н, кн. XII, гл. 2, 3 (С. 5351 и гл. 3, 32 (С. 557)).⁴

С т р а б о н, кн. XI, гл. 4, 7 (С. 503).⁵ А. К р ы м с к и

й, ук. соч., стр. 371. ⁶ Страбон, кн. XI, гл. 4. 7 (С. 503).

⁴ С т р а б о н, кн. XII, гл. 2, 3 (С. 535).

как и в Албании, где жрец возглавляет и храмовую область, обширную и густонаселенную, и иеродулов. О населении города Команы сказано, что оно «иным образом» подчинено царю: большинство повинуется жрецу, что господин святилища является таковым и для иеродулов (мужчин и женщин,¹ общим числом 6000), что храму принадлежит богатая земля, которая обрабатывается и что доход с нее идет жрецу, который занимает второе место после царя.² Говоря о Фарнакипе, Страбон упоминает храм Луны (Мэна), затем торговый городок Америю, «обладающую большим количеством иеродулов в храмовой земле», и добавляет, что тут имеется «святилище Селены, как у албапов и во Фригии»³

Таким образом, если предположить, что в Албании святилище Селены— Анахиты и принадлежащая ему жреческая область были организованы по примеру малоазийских, то мы вправе были бы воссоздать следующую картину. В плодородной части западной Албании, может быть в районе Халхала (Лала), имелась священная или жреческая область с храмом богини, особо в Албании почитаемой. Земли, принадлежащие храму, обрабатывали мужчины и женщины, причем все доходы с земли и, возможно, ремесел шли в пользу храма; доходами распоряжался жрец, которому были подчинены иеродулы и который занимал в стране второе место после царя. Кроме иеродулов, на жреческой земле проживали в «одержимые богом» («богоносители» —), про которых Страбон, описывая албанскую храмовую область, говорит, что они «одержимы богом» и что они «вещают». На последнее слово мне хочется обратить особое внимание (что до сих пор не делалось) и высказать предположение, что при храме Селены в Албании имелось прорицалище, в котором ответы вопрошающим давали эти «богоносители». Дело в том, что в Малой Азии при храмах в жреческих областях имелись оракулы, то же самое известно и относительно соответственных храмов в Армении.⁴ Вопросу о перодулах посвящена большая литература,⁵ причем один исследователь

¹ В Албании иеродулы тоже состояли, по-видимому, из мужчин и женщин, иначе Страбон оговорил бы это обстоятельство.

² Страбон, кн. XII, гл. 2, 3 (С. 635).

³ Там же, гл. 3, 31 (С. 557).

⁴ К. В. Тревер. Очерки по истории культуры древней Армении, стр. 105—112.

⁵ Этому вопросу уделяли внимание В. В. Латышев, Н. Г. Адонц, М. И. Ростовцев, Я. А. Манандян, З. И. Ямпольский и особенно А. Г. Периханян; в диссертации последней (Социально-экономическое значение храмовых объединений Малой Азии и Армении с IV в. до н. э. — III в. н. э. См. также ее автореферат (Л., 1955)) дается обзор зарубежных исследований, посвященных этому вопросу.

усматривают в них храмовых служителей, другие — «священных рабов», третьи — закрепощенных крестьян и т. д.

З. И. Ямпольский¹ на основании сопоставления данных письменных источников приходит к заключению, что иеродулы являлись непосредственными производителями, но остается неясным, являлись ли они рабами или общинниками, имели ли они право на собственность, продавались ли они. В институте «храмовой земли» З. И. Ямпольский усматривает пережиток общинного строя, одну из форм разложения общинных отношений.

Иначе этот вопрос рассмотрен Я. А. Манандяном, который считает, что храмовые поместья были разделены на отдельные участки, которые на определенных условиях предоставлялись в пользование иеродулам. Иеродулы, по Е. А. Манандяну, не храмовые рабы, а «храмовые люди», которых нельзя было продавать и которые при конфискации храмовых земель становились «царскими людьми»². Допуская, что у храмов могли быть и рабы, Я. А. Манандян тем не менее в храмовых землях не усматривает рабовладельческие храмовые хозяйства, но при этом он исходит из положения, с которым трудно согласиться, а именно, что храмовые люди являлись «зависимыми сервами», что крестьянин-общинник уже во II—I вв. был закрепощен в результате усиления землевладельческой знати.³

Следует добавить, что и А. И. Болтунова считает иеродулов «не рабами в прямом смысле слова, а людьми, жившими на храмовой территории и повинными вносить оброк жрецу».⁴

Исследователи этого вопроса при решении его опирались только (или главным образом) на данные Страбона, на его перечень и описание храмовых областей в Малой Азии, поэтому четкого ответа на этот вопрос получено быть не могло. Нужны были еще другие, дополнительные данные и в первую очередь эпиграфические, т. е. тексты надписей, которые были бы обнаружены на храмовых землях и имели связь с социальной и экономической жизнью на этих территориях, а также другие данные документального порядка. Так именно подошла к рассмотрению этого вопроса А. Г. Периха-нян, привлекая большое количество эпиграфических данных и вообще расширившая круг первоисточников, что позволило ей, рассматривая иеродулию в Малой Азии, прийти к заключению, что

¹ З. И. Я м п о л ь с к и й . О рабовладении в Албании и на эллинистическом Востоке, стр. 14—15.

² Я. Л. М а н а н д я н . Проблема общественного строя доаршакидской Армении. Исторические записки, № 15, 1945, стр. 7 и сл.

³ Там же, стр. 22.

⁴ А. П. Болтунова. Описание Иберии в «Географии» Страбона. ВДИ, 1947. № 4, стр. 157.

иеродулы, храмовые рабы, являлись общинной собственностью храмовых общин и как таковые не могли быть отчуждаемы, что непосредственными производителями в значительной мере являлись общинники зависимых деревень (храмовые крестьяне), и что население храмовых объединений отличалось социальной неоднородностью.¹ А. Г. Периханян несомненно права, поскольку речь идет о Малой Азии. Но при рассмотрении вопроса о храмовых землях и иеродулах Закавказья следует учитывать в каждом данном случае конкретную обстановку, время и место применения труда иеродулов, как как маловероятно, чтобы формы хозяйственной жизни на храмовых землях на протяжении веков не менялись. Храмовая община IV— III вв. должна была носить несколько иной характер, чем такая же община в той же Малой Азии в конце I в. до н. э., когда ее мог наблюдать Страбон в Комане. Организация жреческой области в Армении в своей экономике могла иметь специфические черты, а тем более в Албании, где развитие общественной жизни шло замедленными темпами.

Исходя из того представления об общественном строе Албании, какое у меня сложилось в процессе работы, полагаю, что если речь у Страбона идет о прошлом, может быть о III в. до н. э., то храмовая область являлась территориальной общиной, объединенной культом определенного божества и возглавленной жрецом. Мы по знаем местного, албанского термина, обозначавшего членов этой общины, этих храмовых рабов или общинников. Не знаем мы также, была ли эта албанская храмовая община у границ Иберии единственной в Албании, или она являлась одной из многих других храмовых земель, объединенных вокруг храмов других божеств. Не знаем мы также, следует ли вторую часть рассказа Страбона о культовом убиении в очистительных целях относить ко времени Страбона, г. е. К началу нашей эры, или же видеть в нем рассказ о древнем обычае, пережитки которого могли сохраниться в быту албанской храмовой общины. Страбон пишет, что «того, кто наиболее одержим божеством и один блуждает по лесам, того жрец схватывает, связывает священной цепью и в течение года в изобилии кормит»² Трудно ответить на вопрос, кто были эти «бого-одержимые» или «богоносители»; они имелись и среди населения Команы Каппадокийской, в котором Страбон различает

¹ А. Г. П е р и х а н я н. Д) Социально-экономическое значение храмовых объединений Малой Азии и Армении с IV в. до и. э.—III в. н. э. (диссертации и автореферат);

² С т р а б о и. кн. XI. гл. 4, 7 (С. 503).

— это, очевидно, та группа населения, которую в главе об Албании Страбон называет и о которой говорится, что все три слова обозначают пребывание в состоянии богодержимости, религиозного экстаза.

А. Крымский¹ предлагает видеть в этих «одержимых» юродивых и полоумных, которых местное население передавало в храм. Представляется весьма правдоподобным, что это были своего рода «божьи люди», кликуши, которые проживали на территории храма за счет общины.

Страбон продолжает свой рассказ: «Затем его приводят для принесения в жертву божеству и умашенного закалывают вместе с другими жертвами» Слово означает «жертвенные животные» (главным образом овцы), так что переводить следовало бы «с другими жертвенными животными». Страбон пишет далее: «Ритуал жертвоприношения таков: некто со священным копьем, которым по обычаю закалывают людей, выходит из толпы и ударяет его сбоку в сердце, будучи опытным в этом деле. По тому, как труп упадет, отмечают некоторые приметы и объявляют их во всеуслышание»³ О древнем, освященном временем обычае свидетельствует копьё, названное священным⁴ и по «обычаю» или по «закону»

¹ А. Крымский, ук. соч., стр. 370.

² В 1952 г. в Мингечауре на территории Судагылана, неподалеку от одного из открытых там храмов, в погребении был обнаружен костяк с железными кандалами на ногах. Эта деталь напомнила Г. М. Асланову слова Страбона о священной цене, но погребение датируется монетой IV—V вв. (Г. М. Асланов. Мингечаурское погребение с костяком, закованным в кандалы. ДАН Азерб. ССР, 1953, № 4, стр. 245 и сл.). В этой связи представляет также интерес описанное С. И. Казиевым групповое захоронение в деревянном срубе в Судагылане, судя по монетам, аршакидским и римским, I в. до н. э. — I в. в. э., где один из костяков найден в сидячем положении, с копьём в боку и с проломом черепа (С. М. Казиев. Археологические памятники Мингечаура как исторический источник для изучения истории Азербайджана, стр. 175). С этим описанием ритуального убийства интересно сопоставить изображение на шелковой ткани VII—VIII вв. из Мощеной балки (Кубань): в круглом медальоне — зеркальное изображение двух фигур, из которых одна как бы держит на цепи коленопреклоненную фигуру меньшего размера в замахивается на нес копьём (Н. З. Митина. Фрагмент шелковой ткани из Мощевой балки. Сообщения Государственного Эрмитажа, X, Л., 1956, стр. 41 и ел.; см. табл. 2 данной работы).

³ Страбон, кн. XI, гл. 4, 7 (С. 503).

⁴ Священное копьё из языческого быта пародов Закавказья (ср. копьё Халда — акротерий храма в Мусасире) перешло в христианский культовый

служащее для ритуального умерщвления. Указание же, что лицо, производящее убийство, «имеет опыт» в этом деле, могло бы говорить о том, что убийство выполнял специальный член жреческой общины. Последние слова Страбона объясняют смысл этого жертвоприношения: «Когда же тело перенесут в определенное место, то все, нуждающиеся в очищении, через него переступают». Таким образом, труп переносят в какое-то определенное, находящееся при храме помещение. В тут происходит процесс очищения: перешагивание через труп со стороны тех, кто «нуждается» в очищении.

Мне кажется, что перевод Страбона В. В. Латышевым нуждается в этом месте в двух исправлениях: указывает на (нуждающихся) в очищении, а не на всеобщее очищение, означает «перешагнуть», «переступить», что более вероятно, чем «наступить» на труп. В очищении нуждаться могли или нарушители закона, дедовского обычая, или осквернившие себя соприкосновением с чем-либо запретным; указав на то, что дело идет о — ритуальном очищении, Страбон этот вопрос уже не углубляет.

Выше указывалось, что, по словам Страбона, некоторые иеродулы занимались вещанием: глагол означает «толковать оракул», «в экстазе проповедовать». Следовательно, как об этом уже говорилось, мы имеем основание полагать, что при албанском храме имелось прорицалище, куда от населения поступали вопросы к божеству; ответы на них давались «богооудержимыми», которые являлись также толкователями разных примет, связанных с вещанием. Такие оракулы, как говорилось выше, имелись при многих-храмах в Малой Азии; такое прорицалище имелось при армянском храме в Армавире¹ и на территории албанов-утиев, в городе Аранпака (Апарнака), как об этом рассказывает Страбон,² добавляющий, что прорицание здесь производилось в состоянии сна.

Возвращаясь к вопросу о социальной сущности перодулов, следует отметить, что раб не мог являться толкователем оракула, вещателем при храме, и если были слабоумные, кликуши и юродивые из состава общины, которые содержались за счет доходов с храмовой земли, то и они едва ли являлись рабами. Таким образом, текст Страбона об албанской храмовой земле и об иеродулах мог бы подтверждать точку зрения тех, кто в этих храмовых.

обиход (Гехардский монастырь; священное копье в ризнице Эчмиадзина) слившись с образом копья, согласно евангельскому преданию пронзившего бок Христа.

¹ К. В. Тревер. Очерки по истории культуры древней Армении,

стр. 104 и сл.

² См. стр. 143.

или «божьих», рабах усматривает членов общины, а не рабов как социальную категорию.

Храмовая земля в Албании могла отличаться от аналогичных жреческих областей в Малой Азии какими-то специфическими особенностями, быть может, ритуальными убийствами в целях очищения членов общины, на чем и остановил свое внимание Страбон. К сожалению, нет данных, которые позволили бы сопоставить албанскую храмовую общину с таковыми в Армении и Иберии. Не знаем мы также, выполнял ли албанский верховный жрец и юридические, и военные функции, как это имело место в Иберии.¹

В связи с вопросом о храмах и культах следует остановиться и на одном, правда попутном, сообщении Страбона² о каких-то, по-видимому храмах или памятниках, посвященных Ясону,³ который, по преданию, прошел через страны Закавказья и, между прочим, через Албанию. Связано ли это сообщение со следами мифа об Аргонавтах, или же мы в слове «Ясония» имеем дело с еще одним фактом искажения греками или римлянами местного названия, обозначавшего какое-то культовое сооружение, по созвучию с известными им античными наименованиями, сказать трудно.

Памятники материальной культуры

Мы знаем, что существовал культ трех главных божеств в Албании первых веков нашей эры, но ничего не знаем о культе малых богов, об обрядах, поверьях, праздниках. Чем объяснялся обычай захоронения в больших кувшинах (Мингечаур и др.), широко распространенный в это время как в Албании, так и в Иберии?⁴ Восходит ли, например, к этим отдаленным векам сохранившийся у современных удинов и в сел. Кубачи (Дагестан) культ лягушки, связанный с плодородием и урожаем.⁵ Какое ритуальное назначение имели находимые в погребениях Мингечаура глиняные сосуды в виде сапог?⁶ На все эти вопросы пока нет исчерпывающего ответа. Мы не имеем также возможности установить связь между теми или иными типами захоронений и определенными религиозными

¹ Н. Г. Адонц. Армения в эпоху Юстиниана, стр. 409.

² Страбон, кн. XI, гл. 4, 8 и гл. 14, 12 (С. 530).

³ Ср. имя «Ясон» в греческой надписи из Бююк-Дегне (стр. 340).

⁴ М. И. Ивашенко. Кувшинные погребения Азербайджана и Грузии.

ИАН Азерб. ССР, 1947, № 1. — О существовании этого обычая знал Плиний

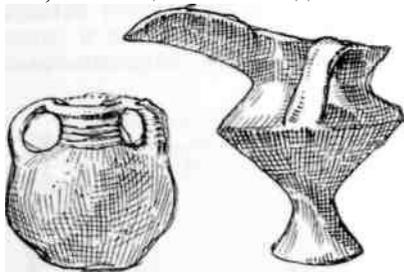
(кн. XXXV.. гл. 12).

⁵ Е. М. Шиллинг. Кубасинцы и их культура. Труды Института этнографии АН СССР, нов. сер., т. VIII, 1949, стр. 13.

⁶ А. А. Иесен. Культура Ялойлу-тапа в Закавказье, рис. 29—31; Г. И. Ионе. Глиняные сосуды сапожки из Мингечаура. МКА, III, 1953. стр. 36 и сл.

представлениями и культовыми обрядами, а раскопками выявлено, что на территории Албании в изучаемый период существовало несколько типов погребений.

Так называемая ялойлу-тапинская культура (V—I вв.), о которой говорилось при рассмотрении памятников материальной культуры в предыдущий период,¹ продолжала существовать и в начале изучаемого периода, т. е. в I в. до н. э. В данной главе вкратце рассматриваются поэтому находки в погребениях этого типа, относящихся к I в. до н. э.

и
Тапа.

среди

них

кувшин

с большим поднятым и
вытянутым носиком, с боковой ручкой и

стройной подставкой - (рис. 7), а также сосуды на трех ножках и сосуды на высокой тонкой ножке в виде плоской чашки с двумя или тремя боковыми ручками (рис. 8).³ Среди находок имелись также две серебряные римские монеты (причем одна на них — денарий второй половины I в. до н. э.).⁴

На территории древних удинов, в современном Нухинском и Куткашенском районе, культура, аналогичная ялойлу-тапинской, была обнаружена в ряде мест еще до этих находок 1926 г. Так, в 1915 г. Е. А. Лалаян производил раскопки около сел. Нидж в той же Автаранской долине и в грунтовых погребениях обнаружил керамику — «кувшинчики с одной ручкой и клювообразным отверстием» и ряд других сходных с керамикой из Ялойлу-Тапа сосудов (рис. 9).⁵

Сосуды этого же типа были обнаружены в целом ряде других пунктов в районе сел. Нидж и Кабалы, около сел. Шафили (в 10 км

¹ См. выше, стр. (52).

² Д. Шарифов. Раскопки в Ялойлу-тапа (Нухинский уезд 1926 Г.), №№ 7, 13, 14.

³ Там же, №№ 5—8, 12.

⁴ О. Ш. Исмизаде. Ялойлутепинская культура. Баку, 1956, рис. 62.

⁵ Е. А. Лалаян. Раскопки в сел. Нидж и Барташен. Изв. Кавк. отд. Моск. археол. общества, вып. V. 1919. стр. 37—47.

от Ялойлу-Тапа),¹ в Дегне-Дере на обрыве р. Ахмед-Ага (приток Турьяпа), в 15 км к северо-западу от сел. Нидж,² около сел. Абдалла (тоже около Нидж)³ и в ряде других районов левобережья Куры,⁴

Рис. 8. Четыре глиняных сосуда. Ялойлу-Тапа.

в Нухинском, в Сигнахском, в Закатальском районах, в окрестностях Мингечаура,⁵ в Исмаилинском районе и в окрестностях Шемахи.⁶

¹ Г. М. А х м е д о в. Еще одна находка по ялойлу-тапинской культуре, стр. 575.

² А. А л е к п е р о в. Материалы по археологии и этнографии Азербайджана. Изв. Общества обеледов, и изуч. Азербайджана, вып. 4, 1927, стр. 243—244.

³ Д. Ш а р и ф о в. Раскопки в Ялойлу-тапа, стр. 5—8.

⁴ А. А. И е с с е и. Культура Ялойлу-тапа в Закавказье, стр. 34; Д. Ш а р и ф о в. Раскопки в Ялойлу-тапа, стр. 2—3.

⁵ Г. М. К а з и е в. Новые археологические находки в Мингечауре в 1949 г., стр. 98.

⁶ О. Ш. И с м а и л з а д е, ук.соч., стр. 4 (карта).

В 1937 г. Г. Ниорадзе производил раскопки в Алазанской долине, около сел. Архилос-Кало, на правом берегу Алазани.¹ В 7 грунтовых могилах костяки лежали в скорченном положении, окруженные большим количеством керамики, представленной 14 типами сосудов (рис. 10). Среди них имеются «чайники», сосуды с носиком, тарелки на трех ножках и кувшины с большим «клювообразным» венчиком горшочки на трех ножках в др. Г. Ниорадзе, алоазийской и сирийской, с одной стороны, с другой, высказал предположение, что

перез Муюкую степь проникнуть на территорию западные погребения Г. Ниорадзе датирует, на монете I в. до н. э., найденной в

здесь правобережья Куры, то здесь ялойлу-тапинского типа гораздо меньше и в них сосуды при известной близости форм и носят все же несколько иной характер. Интересные раскопки произвела в 1937 г. Т. Муганской степи, у сел. Джафар-хап, в 2 км селения (на юг от Сабирабада, в 10 км

к Рис. 9. Сосуд глиняный. Нидж равном берегу Аракса).² Здесь в грунтовых погребениях были обнаружены сосуды типа «чайников» (рис. 11), кувшины с большим носиком и другие (рис. 12), близкие к формам керамики из Ялойлу-Тапа и сходные по техническим приемам, но отличающиеся от левобережных сосудов этого типа некоторым своеобразием и некоторой, казалось бы, архаичностью.

В другом районе правобережья еще в 1905 г. производил раскопки В. А. Скиндер, обследовавший курганное поле от Ханлара до сел. Чавдар. В сырцовых могилах под насыпью им была обнаружена керамика джафарханского и (рис. 13) ялойлу-тапинского типа («чайники»), кувшины с носиками-трубочками (рис. 13, 2), амфоры (рис. 13, 4) и среди них амфора так называемого парфян-

¹ Г. Ниорадзе, ук. соч. ² Т. С. Пасека, ук. Соч

ского типа с витыми ручками (рис. 13, 3).¹ Здесь мы имеем дело по-видимому, с локальной группой погребений ялойлу-тапинского типа.

Рис. 10. Шесть глиняных сосудов. Алазань.

Своеобразная группа погребений была обследована в Кирова-бадском районе в 1903 г. Г. О. Розендорфом. Здесь гробницы были обнесены плитами с крышами из вертикально и косо поставленных плит, причем установлено 13 типов перекрытий.² Следует отметить,

¹ Эти сведения были изданы А. А. Спицыным на основании отчета В. А. Скиндера. См.: А. А. С п и ц ы н. Некоторые закавказские могильники. ИАК, вып. 29, 1909, стр. 6, 15—17.

² Г. О. Р о з е н д о р ф. Раскопки Г. О. Розендорфа. ОАК, 1903 стр. 91-97.

что в одной из гробниц (№ 11) один костяк лежал с вытянутыми руками, второй — в скорченном положении, что говорит о сосуществовании двух типов трупоположения. В могиле находился большой кувшин типа амфоры, накрытый чашкой. Под нижней челюстью костяка найдена медная римская монета (не датирована).

Основным типом погребения для периода от II в. до п. э. и до III в. и. э. считаются захоронения в больших кувшинах, так

Рис. 11. Три глиняных сосуда. Джафархан.

называемые кувшинные погребения, большое число которых обнаружено на могильном поле Мингечаура на правом берегу Куры. Погребальный инвентарь в кувшинных захоронениях в большинстве случаев однороден, но известен целый ряд случаев, когда в этих кувшинах или рядом с ними обнаруживаются сосуды, находимые обычно в грунтовых и сырцовых погребениях этого времени, — сосуды ялойлу-тапннского—алазанского типа (рис. 14).¹ Датируются кувшинные погребения находимыми в них монетами, римскими и аршакидскими, а также скарабями и другими мелкими предметами из так называемой египетской пасты.

¹ С. М. К а з и е в и Т. И. Г о л у б к и н а. Об одном кувшинном погребении, стр. 75—76, табл. 1; С. М. К а з и е в. О двух кувшинных и двух ката-комбных погребениях, стр. 10, рис. 2—3.

Рис. 12. Два глиняных сосуда. Джафархан.

Рис 13. Четыре глиняных сосуда. Ганджа.

Особого внимания заслуживают сосуды из кувшинных погребений, обнаруженные в 1948 г., так как среди них встречаются типы, до этого не засвидетельствованные: кувшины с носиком-трубочкой, покрытые шишечками на тулове; фляга с венчиком, изображающим мордочку животного; высокие карасы с иероглифами на плечиках; изящные кувшины с узким горлом, украшенные росписью (птицы, растения), с маленькой ручкой и сливом в виде головы животного; ритон с головой оленя (рис. 15) И большой глиняный водолей в виде козла (табл. 1, 2). Встречаются «молочники» изощренной формы с очень большим сливом в виде клюва¹.

Кувшинные погребения были установлены и на левом берегу Куры в районе нахождения обжигательных гончарных печей. Так, в 1948 г. Г. П. Ионе раскопал около печи кувшинное захоронение с очень интересным инвентарем, позволяющим доподлинно отнести его к концу I в. до н. э. — I в. н. э., так как с вещами найдена монета Фраата IV (38—3 гг.).² В этой могиле, кроме керамики, найдены железный меч и железный кинжал, бусы с глазками и бронзовый перстень со стеклянной вставкой-печатью с изображением бородатой мужской головы (рис. 17). От характера этих предметов сильно отличаются те сосуды в кувшинных погребениях, которые С. М. Казиев датирует тем же временем.

Точно датируются также кувшинные погребения, которые были открыты в 1949 г.³ В этих могилах, кроме железного оружия, бус с росписью (типа бус, найденных в Осетии и называемых «аланскими»), стеклянных флаконов, печатей, найдено довольно много монет: по 5—6 штук монет I в. до н. э. в одной могиле; в одном случае

¹ Г. И. Ионе. Археологические раскопки в Мингечауре, стр. 455.

² Там же, стр. 455, рис. 8, 9.

³ С. М. К а з и е в. Новые археологические находки в Мингечауре и 1949 г., стр. 92.

обнаружена монета Августа.¹ Эти кувшинные погребения не окружены большими сосудами, и на костяках нет бронзовых браслетов, как в некоторых кувшинных погребениях на правом берегу Куры.² Несмотря на то, что С. М. Казиев сам отмечает это различие в обряде захоронения в кувшинных погребениях, вопроса о возможной разновременности этих могил он не ставит. Быть может, имеются веские данные, на основании которых он датирует эти разнохарактерные инвентари одним и тем же временем. Не нужно ли тогда ставить вопрос о различии в социальной или же этнической среде? Так, например, безусловно разновременны те два кувшинные погребения,

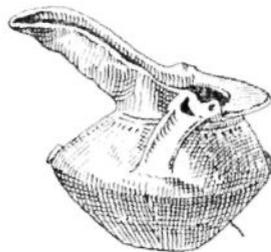
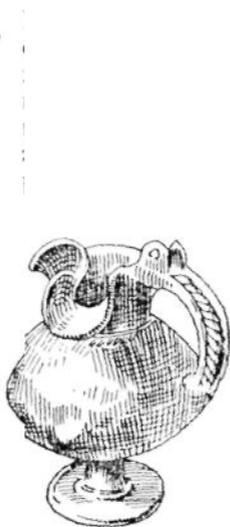
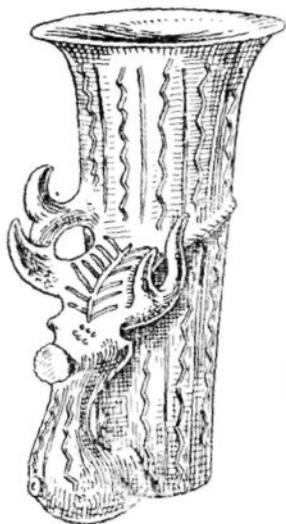

Рис. 15. Глиняный сосуд с головой оленя. Минге-чаур. Рис. 16. Сосуды с носиками. Мингечаур.

которые исследовал в 1938 г. В. А. Пахомов в сел. Агджабеды Исмаи-линского района. В одном погребении обнаружен сосуд, по форме и росписи относящийся к группе сосудов из грунтовых погребений V—III вв.,³ тогда как стеклянный кубок на ножке с рельефным узором и золотые серьги, найденные в сел. Калагя того же района (рис. 18), тоже в кувшинном погребении, датируются началом нашей эры, чего нельзя сказать о бронзовой фигурке оленя (рис. 19)⁴ из кувшинного погребения Мингечаура.

¹ Там же, стр. 92 и сл. и стр. 98.

² С. М. Казиев и Т. И. Голубкина. Об одном кувшинном погребении, стр. 81, табл. VII.

³ К. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана, вып. I. Изв. Азерб. ФАН СССР, 1939, № 3, стр. 71—73, рис. 1—3.

⁴ С. М. Казиев. О двух кувшинных и двух катакомбных погребениях,

Албания в период от I в. до н. э. до III в. н. э.

Кувшинные погребения являются характерными не только для Мингечаура и соседних районов, они обнаружены и в Кала-Тепе в Мильской степи,¹ находят их по всему протяжению Гяу-рарха и к югу от Аракса, в районе Карягина и Горадиза,² имеются

Рис. 17. Семь предметов (кувшины, перстень, бусы, кинжалы).
Мингечаур.

они в Кубинском районе.³ Нет их в Нухинском районе, а также на всем протяжении прикаспийского побережья.

Родственная и ялойлу-тапинским, и кувшинным погребениям локальная группа была обнаружена Я. И. Гуммелем в 1937 г. в Ки-ровабадском районе к югу от г. Кировабада, на полпути в Ханлар,

¹ А. Алекперов, ук. соч., стр. 242, табл. 1, 2.

² Там же.

³ Там же.

в районе речки Ганджа-Су.¹ Здесь имеются курганы эпохи бронзы и более поздние погребения в сырцовых могилах, иногда впущенных в курганные насыпи. Гуммелем было открыто 8 гробниц из сырцового кирпича, с перекрытием из кирпича и каменных плит, причем установлено семь различных типов перекрытий. Костяки лежали

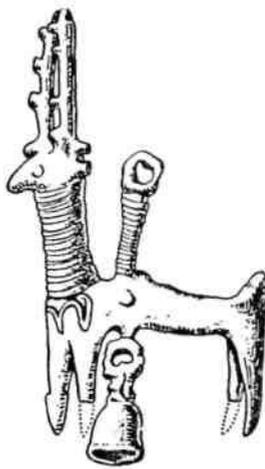
вытянутые на спине, в отдельных случаях в скорченном положении; у ног находился кувшин, накрытый чашкой. Инвентарь в этих

Рис. 18. Две серьги зо-

лотые. Бокал стеклянный. Калагя.

Рис. 19. Подвеска брон-

зовая — олень. Мингев-

погребениях оказался сравнительно бедным. Для датировки важно нахождение в двух гробницах по монете низкопробного серебра — драхмы Фраата III (70—57 гг.) и драхмы Орода I (57—38 гг.), с помощью которых могилы датируются временем не ранее I в. до н. э. Я. И. Гуммель считает, что эти могилы принадлежали местному населению, родственному носителям ялойлу-тапинской культуры и культуры кувшинных погребений. Но он отмечает, что обнаруженная им культура характерна только для районов южнее Кировабада² (рис. 20). Эта деталь представляет особый интерес, потому

¹ Я. И. Гуммель. Сырцовые гробницы Азербайджана и их датировка. С.А т. VI, 1940, стр. 294, рис. 1. ² Я. И. Гуммель. Археологические очерки, стр. 156—159, рис. 5—6.

Албания в период от I в. до н. э. до III в. н. э.

что она позволяет внести дифференциацию в культуру, которую принято называть ялойлу-тапинской, и проследить особенности, характеризующие культуру отдельных районов, в древности населенных теми или иными племенами.¹ Интересно, что в данном могильнике были обнаружены монеты, не римские I в. до н. э., как в Ялойлу-Тапа и других местах, а парфянские, но тоже I в. до и. э.

В 1938 г. Я. П. Гуммель открыл в этом же районе еще 11 гробниц, установив уже 18 типов конструкций сырцовых могил.² Костяки чаще лежали на спине, реже — в скорченном виде. Инвентарь не отличался от того, который был обнаружен в 1937 г. Между прочим, была найдена еще одна парфянская монета (какая именно, неизвестно). Подтверждая свою первоначальную датировку сырцовых гробниц временем I в. до н. э., Я. И. Гуммель в 1938 г. остановился на вопросе, имеем ли мы дело с могильником местного населения или перед нами остатки «греко-римской колонии», не объясняя, какие у него имелись основания для последнего предположения.

Третий тип погребений, основная масса которых относится уже к концу изучаемого периода, к II—IV вв., это погребения в срубках, обнаруженные в Миигечауре. На левом берегу Куры, в Судагы-лане, в 1949—1950 гг. было открыто 22 погребения этого типа.³ Одна группа погребений относится к более раннему времени, к I—II вв.;⁴ срубки сложены из бревен арчи с помощью шипов в кольшек. В них захоронены костяки в скорченном виде, окруженные довольно богатым инвентарем. В отчете перечисляются стеклянные флаконы, бокалы, слезницы, ювелирные вещи из золота и серебра, серебряные сосуды (табл. 32), золотые бусы, перстни с вставками-печатами и серебряные монеты, римские и аршакндские I — II вв. В одном из двух срубов, датировемых С. М. Казиевым II — III вв., названном «могилой амазонки», лежал женский костяк с железными ножом, кинжалом и мечом,⁵ а под ногами женского костяка находились три черепа. В другом срубке у ног женского костяка лежал в скорченном положении другой костяк с трещиной на височной кости; это обстоятельство говорит об известном обычае, по которому раб или

¹ Над этой темой работает аспирант Института истории АН Азерб. ССР К. Г. Алиев.

² Я. И. Гуммель. Сырцовые гробницы Азербайджана и их датировка, стр. 293—297.

³ С. И. Казиев. Археологические раскопки в Мингечауре, стр. 36 и сл.; Р. М. Вадов. Археологические работы в Мингечауре в 1950 г., стр. 96.

⁴ Р. М. Вадов. Археологические работы в Мингечауре в 1950 г., стр. 96.

⁵ С. М. Казиев. Новые археологические находки в Мингечауре в 1949-г., стр. 95—96.

Албания в период от I в. до н. э. до III в. н. э.

другое лицо насильственно умерщвлялось для «сопутствования» покойнику.

В двух срубных погребениях III—IV вв.(?) имелось по сооружению в виде алтаря: в одном случае сложенный из камней «алтарь» находился перед срубом, а в другом — он был сложен из кирпича и находился внутри сруба, а около него лежали угли и зола.¹ Объяснить назначение их пока не удается.

В срубках найден был интересный разнородный инвентарь.²

Рис. 20. Пять глиняных сосудов. Кировабад.

Рис. 21. Два стеклянных сосуда. Мингечаур.

серебряная чаша, по форме сходная с сосудом из Бори (Грузия), но с рубчатыми стенками; флакон из так называемого финикийского стекла (рис. 21, 2), большой и высокий стеклянный бокал на ножке (рис. 21, 1), серебряные кольца и пряжки от поясного убора, золотые серьги и др.

Четвертой группой являются катакомбные погребения, которые до этого в Закавказье были неизвестны; они обнаружены в Минге-

¹ Там же, стр. 97, рис. 26 на стр. 100.

² С. М. Казиев. Археологические раскопки в Мингечауре, стр. 36 и сл., рис. 40—42.

чауре в 1949 г., главным образом на левом берегу Куры, на территории Судагылана и Калаёт (у входных ворот ущелья Боздага).¹ В общей сложности было вскрыто и обследовано более 200 ката-комбных погребений, которые, по мнению исследовавшего их Г. М. Асланова, могут быть разделены на три одновременные группы, хотя по устройству камер они почти не отличаются друг от друга. Это «куполообразные сводчатые сооружения, эллипсоидные или круглые в плане» (диам. 1.5—3 м, выс. 0.9—1.7 м), на глубине 3.5—6.5 м, с ведущими к ним траншеями.²

Ранняя группа этих погребений датируется Г. М. Аслановым I—II вв. Скорченный костяк находился в камере в большом кувшине или в деревянном срубе; погребальный инвентарь состоял из глиняных и стеклянных сосудов (рис. 22), разных бус, железного оружия. Что касается драгоценных металлов, то в женских погребениях иногда встречались золотые серьги (колечки с гроздью из зерни); находили и серебряные орнаментированные чаши, а также аршакидские драхмы Готарза (40/41—51 гг.).³ Высокими художественными качествами в этом составе отличается большая чаша (диам. около 20 см) с нанесенным на нее пунсонами и резцом узором в виде листьев и гроздей винограда (табл. 33 сверху; рис. 23).⁴ Близкая по технике, орнаменту и размерам серебряная чаша (тоже I—II вв.) найдена была в составе погребального инвентаря одного из саркофагов в усыпальнице иберских питиахшей в Армазисхеви.

¹ Г. М. А с л а н о в . К изучению раннесредневековых памятников Мингечаура. КСИИМК, вып. 60, 1953, стр. 63 и сл.

² Там же, стр. 64.

³ Там же, стр. 64 и сл., рис. 25, 1—2; рис. 26, 1—6, 9; рис. 27.

⁴ Там же, стр. 66, рис. 26, 9.

⁵ Мцхета, т. 1. Археологические памятники Армазисхеви. Тбилиси, 1955, табл. LXXXIII, стр. 95, рис. 55. См.: Г. А. Л о м т а т и д з е. Археологические раскопки в Мцхета. Тбилиси, 1955.

Албания в период от I в. до н. э. до III в. н. э.

Таким образом, датировка первой группы катакомб Мингечаура I—II вв. н. э. представляется вполне обоснованной.

Стеклянные флакончики, находимые в этих ранних катакомбах, и некоторые бальзамарии в кувшинных погребениях по форме и выделке близки к стеклянным предметам, происходящим из погребений I—II вв. некрополя в Гарни: интересно сопоставить амфо-риски с ребристыми стенками,¹ кувшинчики с шишечкой сверху ручки² (рис. 24, 3), вытянутые бальзамарии³ и др.

Рис. 24. Три стеклянных сосудика. Мингечаур.

Г. А. Тирацян,⁴ посвятивший одну из глав своей диссертации стеклянным сосудам, найденным во время раскопок на территории крепости и некрополя Гарни, приводит убедительные доводы в пользу восточного происхождения большинства сосудов: флакончики с ребристыми стенками, аналогичные которым найдены и в катакомбах Мингечаура, были, по-видимому, изготовлены в центрах стеклоделия Сирии. Г. А. Тирацяном сделана также попытка выделить н местную закавказскую группу стеклянных сосудов (колбовидные бальзамарии и др.), хотя следов производства стекла на территории Закавказья пока еще не удалось обнаружить. К концу изучаемого периода, по мнению Г. М. Асламова, относится средняя или вторая группа мингечаурских катакомб III—IV вв.:⁵

¹ Б. Н. А р а к е л я н. Гарни. I. Результаты раскопок 1949—1950 гг., табл. 25, 3. См. рис. 24, 1 наст. изд.

² Там же, табл. 25, 2 и наш рис. 24, 3.

³ Там же, табл. 24; Б. Н. А р а к е л я н. Значение раскопок в Гарни для изучения культуры древней Армении, стр. 156, рис. 7 (левый); Г. И. И о н е. Мингечаурские кувшинные погребения с оружием, стр. 58. рис. 22, 17.

⁴ Г. А. Т и р а ц я н. Материальная культура Армении первых веков н. э. по данным некрополя и бани в Гарни. (Автореферат). Л., 1956, стр. 12—13.

⁵ Г. И. А с л а н о в. К изучению раннесредневековых памятников Мингечаура, стр. 66 и сл., рис. 25, 3 и рис. 26

косяк был положен в срубе, вокруг которого в камере иногда находили до 6—7 косячков в сидячем положении. Погребальный инвентарь состоял тоже из глиняных сосудов с шарообразным туловом и двумя вертикальными ручками (рис. 25), стеклянных флаконов (рис. 24, 2, 3), бронзовых зеркал, костяных и деревянных гребней и перстней с печатями из полудрагоценных камней и стекла и серебряных и медных монет римских императоров II—III вв. Следует отметить, что автор, к сожалению, не сообщает, с какой из трех групп катакомб связаны изданные им бронзовые фибулы с инкрустацией «римского типа» (рис. 26),¹ которые известны по находкам

Рис 25. Глиняный сосуд с налепой — олень.

в Северной Осетии (Камунта, Кум-булта) и датируются I—III вв., также как не сообщает он и о датировке двух очень интересных бронзовых бляшек в виде «грифонов» (рис. 27).²

Приходится высказать сожаление, что не опубликованы до сих пор золотые украшения (серьги, подвески, браслеты и др.), найденные в катакомбах и кувшинных погребениях Мингечаура, и что тем самым исключается пока возможность сопоставить их с богатым и интересным инвентарем мцхетских погребений. Вскрытые на территории Кавказской Албании погребения, давая четкую картину классового расслоения общества,

характеризуют различные группы широких слоев населения, его более зажиточные и более бедные слои. Но пока археологам еще не удалось обнаружить захоронения и погребальный инвентарь албанских правителей типа питиахшей Қартли (Иберии), роскошные гробницы которых, вскрытые в Армазисхеви,³ свидетельствуют о высоком культурном уровне придворной знати в I—III вв., в период широкого воздействия на нее культуры и искусства эллинистического и римского мира, а также в какой-то мере аршакидского Ирана.

Вкратце надлежит остановиться и на вопросе о могильниках Дагестана, относящихся к этому времени. Южная горная часть Дагестана археологически еще не настолько изучена, чтобы можно было говорить об определенном характере того или иного типа захоронения на этой территории. Что же касается районов выше Дербента, то, принимая во внимание, что северная граница древней

¹ Там же, стр. 67, рис. 27, 13 и 16.

² Там же, рис. 27, 2—3.

³ Мцхета, т. I. Археологические-памятники Армазисхеви

Кавказской Албании не может считаться окончательно и бесспорно установленной, вопрос о могильниках и поселениях севернее Дербента может вызывать различное толкование. В этом отношении значительный интерес представляют результаты археологических работ, производившихся в Тарки и в Карабудахкентском районе. Полученные материалы дают основание говорить о наличии некоторого родства между культурой населения, обитавшего в приморской части Дагестана (севернее Дербента), и культурой населения восточного Закавказья. Наличие такого родства вполне естественно, принимая во внимание полную возможность общения между пле-

Рис. 26. Две «римские» фибулы мозаичные. Мингечаур. Рис. 27. Две бляшки—грифоны, Мингечаур.

менами, обитавшими в северной Албании, и племенами Дагестана. С одной стороны, это ряд горных перевалов,¹ ведущих из бассейнов рр. Алазанн и Турьяна в бассейны верховьев Андийского и Аварского Койсу и Самура, среди них известный Кодорский перевал, соответствующий «Сарматским воротам» Птолемея.² Другой путь, которым могло осуществляться это общение,— это равнинная дорога по Каспийскому побережью.

Выясняется, что дагестанские могильники не дают картины принадлежности их насельников к единой определенной культуре. В связи с тем или иным хронологическим определением могильника встает вопрос о культуре местной, но смешанной, тесно связанной с Закавказьем и в то же время с культурой аоросов—аланов. Это явление, вполне естественное на территории; где встречались и переплетались различные племена и народности, не может не осложнять вопроса о характере культуры населения, оставившего могильники в Тарки и Карабудахкенте. Осложняется этот вопрос и процессом сарматизации охватившим в этот период (I в. до н. э.—III в. н. э.) племена Дагестана.

¹ О. Ш. И с м и з а д е, ук. соч., стр. 77.

² С. Т. Е р е м я н. Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вараз-Грдата к хазарскому хакану Алп-Илитверу. Зап. ИВ АН СССР, т. VII, 1939, стр. 139 и 149.

В Карабудахкентском районе (южнее Махачкалы) экспедиция ИИМК и Дагестанского музея вскрыла под руководством К. Ф. Смирнова в 1949 г. шестьдесят погребений первых веков нашей эры, свидетельствующих о сходстве культуры приморской части Дагестана первых веков нашей эры с каякентско-карачаевской культурой. Могилы обнесены каменной оградой, костяки то вытянуты, то скорчены, встречаются захоронения отдельных черепов — все говорит об отсутствии единого типа захоронения, возможно — об этнической пестроте или о взаимодействии различных культурных течений. Инвентарь погребений разнороден: предметы сарматской культуры, с одной стороны, и вещи, близкие по типу к находкам из Мингечаура, Мильской и Муганской степей и Алазанской долины (рис. 28). Все это привело К. Ф. Смирнова к заключению, что Карабудахкентский могильник оставлен одним из албанских племен, сравнительно мало подвергшимся сарматизации, что налицо пережитки местной традиции в погребальном обряде и общность с древней местной культурой эпохи бронзы и с албанской культурой Закавказья¹ (последнее не конкретизировано примерами). Основная масса карабудахкентских погребений относится ко времени от I в. до н. э. и до I—II вв.

К первым векам нашей эры относятся погребения, исследованные в 1947 г. той же экспедицией (под руководством Е. И. Крупнова) в сел. Тарки, около Махачкалы, в 4—5 км от берега Каспийского моря. Здесь были обнаружены два культурных слоя: первый относится к каякентско-карачаевской культуре первой половины I тыс. до н. э., второй — к сарматскому времени (II—III вв.). Анализ найденных предметов (рис. 29) приводит Е. И. Крупнова к заключению, что в Тарки мы имеем дело с культурой «местного населения Кавказской Албании периода ее расцвета», но что возможно проникновение в этот период в местную среду некоторых сарматских этнических элементов.² В обобщающей работе, посвященной могильнику в Тарки, К. Ф. Смирнов на еще большем количестве материала подтверждает положение о смешанной культуре местного населения в сарматскую эпоху, усматривая в ней и архаические кавказские формы, и сарматские черты, и сходство с культурой Ялойлу-Тапа, и Мингечаура, и Джафархана. Он высказывает также предположение, что Таркинский могильник принадлежал удидам, но удидам сарматизованным, возможно смешавшимся с аорсами, пришедшими из северного Прикаспия. К. Ф. Смирнов предполагает, что речь может идти об утидор-

¹ К. Ф. С м и р н о в. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 гг. КСИИМК, вып. XLV, 1952, стр. 89—91.

² Е. И. К р у п н о в. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА, вып. 23, 1951, стр. 208—225.

сах Плиния (кн. VI, гл. 38), относительно которых он ставит вопрос о возможном вхождении их или в состав Албанского союза племен, или в состав конфедерации аорсов.¹

Как видно из вышесказанного, оба исследователя дагестанских могильников

разделяют, по всей вероятности, точку зрения С.В.Юшкова

на северные границы Албании, доходившие якобы до Судака, а может быть, и до Терека. Это предположение, не имея достаточных оснований, не может считаться общепринятым. Но ценным представляется установление факта сношений албанских племен с пле-

Рис. 28. Пять глиняных сосудов и бронзовое зеркальце

Рис. 29. Четыре глиняных сосуда. Тарки.

менами северного Дагестана, сношений, по-видимому, очень древних, поскольку к началу нашей эры инвентарь дагестанских могильников являет уже картину смешанной культуры.

Возвращаюсь после этого отступления к вопросу о памятниках материальной культуры албанских племен. Как уже говорилось в главе, посвященной предыдущему периоду, ареал погребений

¹ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг. МИА, 23, 1951, стр. 257—272.

ялойлу-тапинского типа позволяет связывать эту культуру (IV в. до н. э. — I в. н. э.) с племенем удинов. Другое ведущее племя - гаргары, — по-видимому, пользовалось для захоронения кувшинами (II в. до н. э.—II в. н. э.).

Три других типа погребений, сырцовые могилы с перекрытиями из каменных плит в Кировабаде, срубные погребения и катакомбы в Мингечауре, выявленные пока только в указанных пунктах, нельзя сблизать с определенными племенами или группами населения.

Интересный факт сосуществования в Мингечауре двух типов захоронений, в кувшинах и в срубках, позволяет говорить о бытовании здесь нескольких этнических групп, о чем выше уже говорилось. Но ввиду неполноты, а иногда и неточности сведений о характере погребений и об их залеганиях в том или ином слое, а также ввиду недостаточной изученности инвентаря, только частично воспроизведенного в отчетах, обобщение данных по этому вопросу представляется преждевременным. Со временем, когда будет издан весь материал и увидят свет отчеты, Мингечаур несомненно ответит на ряд важнейших вопросов, касающихся различных социальных групп местного населения, их этнической принадлежности и разновременности захоронений и в кувшинных, и в срубных погребениях.

По сравнению с одновременными находками в Армении (Гарни и др.) и Иберии (Армази и др.) в составе памятников материальной культуры Албании имеется очень незначительное количество предметов, привезенных из стран эллинистическо-римской культуры, и столь же небольшое количество местных предметов, на форме, декорровке и сюжетах которых заметно отражение эллинистического или римского искусства. Объясняется это двумя причинами: с одной стороны, некоторой географической замкнутостью Албании, ее отдаленностью в этот период от больших международных торговых путей, от крупных центров античной культуры, а с другой стороны, тем, что Мцхет, Армази и Гарни являлись царскими резиденциями, что находимые там предметы происходят из обихода царей и высшей знати, тогда как находки в Мингечауре и других местах Албании происходят из погребений рядовых обитателей страны. Не исключена возможность, что если будут открыты со временем гробницы албанских царей и знати, то они выявят ту же картину, какую нам показывают погребения иберских правителей.

Из обихода представителей верхушки общества происходит случайная находка — знаменитое серебряное блюдо с Нереидой на гип-покамне, хранящееся в Государственном Эрмитаже (табл. 3). Оно было найдено в конце 1893 г. недалеко от сел. Енгикенд 2-й Лагич-ского участка бывш. Гсокчайского уезда бывш. Бакинской губернии. Находка была сделана случайно во время копки земли в 300 сажнях от проселочной дороги, в гористой местности, где «нот никаких сле-

дон или остатков древних укреплений, могильников и т. п.»¹ Вместе с блюдом была найдена золотая монета, сразу затерянная, и потому происхождение ее неизвестно. Это блюдо является одним из интереснейших памятников римской торевтики II — III вв., равных которому по уровню технического мастерства и художественной выразительности² из числа найденных в Закавказье почти не имеется.

Что касается места находки, то большой интерес представляет то, что районный центр Геокчай находится к югу от Куткашена и к востоку от р. Турьян, т. е. неподалеку от той местной транзитной дороги, которая носила название «торговой дороги» и «дороги гонцов» и вела с юга к городу Кабалака, столице албанских царей.

Среди большого собрания вещей из Мингечаура имеются несомненно и некоторые привозные предметы: какая-то, еще не изданная, часть резных камней, по материалу, форме и сюжету определяемых как завозные из Малой Азии или Рима, а также рубчатые бусы и пронизи с фигурками животных из так называемой египетской голубой пасты.³ К импортным вещам (из Сирии или Малой Азии) относятся и некоторые стеклянные сосуды из погребений Мингечаура.

К числу рассматриваемых в данной главе памятников материальной культуры следует условно отнести и обнаруженную в 1946 г. во время пахоты в Шемахинском районе, около сел. Хинисли, большую статую человека (выс. 2.26 м),⁴ найденную в земле в вертикальном положении (голова статуи отсутствует). Фигура обработана столь примитивно или суммарно, что трудно определить пол ее и наличие одеяния, тем не менее она представляет интерес как единственное каменное изваяние, которое до нас дошло, хотя оно и не поддается пока точной датировке. Около сел. Хинисли, где найдена эта статуя, имеется, по-видимому, могильник, и около него должно быть и городище поселения, так как здесь в 1939 г. экспедиция Института истории Азербайджанского филиала Академии наук СССР при обследовании разрушенного местным населением погребения обнаружила розной сердолик с изображением дерева,⁵ осколки стекла, массивный бронзовый перстень с резьбой на щитке и др.⁶

¹ ДАК, 1894, № 230; ОАК за 1806 г., стр. 114, рис. 410.

² L. M a t z u l e w i t s c h . Die byzantinische Antike. Berlin—Leipzig, 1929, Taf. 5.

³ По этому вопросу см.: С. Б. П и о т р о в с к и й . 1) Кармир-блур. Ереван, 1950, стр. 84—85; 2) Древнеегипетские предметы, найденные на территории СССР. СА, 1958, № 1, стр. 27.

⁴ З. И. Я м п о л ь с к и й . О статус, найденной на территории Кавказской Албании. КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 155 и сл., рис. 65.

⁵ См. стр. 319—321.

⁶ Е. А. П а х о м о в . Доисламские печати и резные камни Музеи истории Азербайджана. МКА, вып. 1, 1949, стр. 105—107, рис. на стр. 106, и 57.

Природные богатства и занятия населения

Ввиду того, что вопрос о природных богатствах Албании и занятиях населения уже рассматривался в соответствующих главах, посвященных предыдущим периодам, в данной главе приводятся только те немногие дополнительные данные, которые могут быть почерпнуты из более поздних источников и которые относятся ко времени IV—VII вв.

Арабские географы IX—X вв., описывая Албанию и ее природу и говоря о занятиях населения, о земледелии и зерновых культурах не упоминают, но упоминают каштаны, кизил и орехи. Только Моисей

Каланкатуйский, перечисляя богатства албанской земли, называет и зерно: «... берега вокруг нее [Куры] изобилуют хлебом, ин ном».¹ Страбон говорил, что Албания «производит также маслину».² О разведении оливковых деревьев и их большом, видимо, хозяйственном значении можно заключить по тому, что они упоминаются и семь веков спустя автором «Армянской географии», который пишет, что область Утик производит «масличное дерево, а также китровое [цитрусовое] дерево».³ О несметном числе оливковых деревьев пишет и Моисей Каланкатуйский.⁴

О произрастании в Албании фигового дерева (инжир) упоминал уже Евстафий (IV в. н. э.); инжир (смоква) фигурирует и в рассказе арабского географа Истахри, сообщающего, что «смоквы в Берду привозят из Ласуба (?), и считаются они лучшим сортом этих плодов»⁵

¹ Моисей Каланкатуйский, кн. I, гл. 5.

² Страбон. География, кн. XI, гл. 14, 4. I ³ Армянская география VII в. Перевод и примечания К. П. Патканова. СПб., 1877, стр. 51.

⁴ Моисей Каланкатуйский, кн. I, гл. 5. ⁵ Истахри. Книга путей царств. См.: Н. А. Караулов. Сведения арабских писателей о Кавказе. СМОМПК, вып. XXIX, Тифлис, 1901, стр. 7.

Арабские географы в отличие от античных и армянских не упоминают ни виноградарство, ни виноделие в Албании; объясняется это, очевидно, запретом вина для приверженцев ислама. Только Мукад-даси, говоря о стране ар-Рихаб, называет ее «великой и прекрасной, в ней много плодов и винограду».¹ Ар-Рихаб включал в себя не только Арран — Албанию, но и Армению и Азербайджан, а слово «ар-Рихаб» обозначало «лесистый», «виноградоносный», и название это дали стране сами арабы. Как замечает Мукаддаси, «нет [у страны] общего имени, объединяющего в одну область города ее; руководствуясь всем этим, мы назвали ее ар-Рихаб».² Возможно, что это единственное мне известное упоминание виноградарства в Албании у арабского географа объясняется тем, что в этом контексте писатель, объясняя, почему страну называли «ар-Рихаб» — «виноградоносный», вынужден был упомянуть о ее богатых виноградниках. Но зато арабы говорят о других садовых плодах, которые античными историками не упоминались, — о грецком орехе, каштане, кизиле. Так, Истахри пишет, что в Андерабе,³ в одном фарсах от Берды, «произрастают. . . превосходный волоцкий орех, лучше ореха самаркандского. Среди плодов — шахибаллут [каштан] лучше шахибаллута сирийского. Там же растет плод по имени зукал [кизил] величиною приблизительно в губейра [плод дерева габра]. В нем есть косточки и он сладок, когда созреет, и кислосладкий до созревания».⁴ Далее Истахри добавляет: «. . . что же касается шахибаллута, то он величиною в половину черного грецкого ореха, а вкус его близок ко вкусу полоцкого ореха и спелого финика». Эти же сведения, по-видимому вслед за Истахри, повторяет и Ибн Хаукал.⁵ Еще одно растение упоминается арабами, а именно шафран — пряность, употребляемая в кондитерском производстве. Истахри, Ибн Хаукал и Якут указывают на Баб аль-Аббаб (т. е. Дербент) как на место его произрастания (вероятно, имеются в виду окрестности Дербента, а не самый город).

Плодородие албанской почвы обеспечивало не только успехи земледелия и садоводства, оно обуславливало и хорошее произрастание дикорастущих трав, кустов и деревьев; плоды многих из этих растений могли служить пищей человеку и скоту, а также использоваться для красительного дела и врачевания. Армянский географ VII в. считает нужным, говоря об Албании, добавить следующую

¹ Мукаддаси. См.: Н. А. Караулов, ук. соч., СМОМПК,

вып. XXXVIII, Тифлис, 1908, стр. 5.

² Там же.

³ Андераб — «междуречье» к югу от Партава — Берды.

⁴ Истахри, ук. соч., стр. 7.

⁵ Ибн Хаукал. См.: Н. А. Караулов, ук. соч., СМОМПК, вып. XXXVIII, Тифлис, 1908, стр. 86.

характеристику. «Она заключает в себе плодоносные поля, города, крепости, села, множество рек, [в которых] сильные тростники».¹ Имеются в виду те тростниковые заросли в руслах рек, которые использовались в глинобитном строительном деле. Албания производила одни из главнейших красителей — марену, как об этом сообщает Ибн Хаукал: «Марена растет во всем Арране от пределов Баб аль-Абваба [Дербент] до Тифлиса».² Краситель этот, видимо, славился своим качеством, так как Ибн Хаукал далее рассказывает, что марену вывозили по Каспию в Гурган, а оттуда сухим путем в Индию. Из числа дикорастущих деревьев, к которым в известной мере могут быть отнесены оливковые и тутовые деревья и которые, по Ибн Хаукалу, «общедоступны, у них нет владельцев и их не продают и не покупают»,³ географы упоминают еще березу (собственно говоря, «дерево северное»). Из нее изготовляли какие-то особые поделки. Так, Ибн аль-Факих пишет, что в Албании растет «в изобилии береза, из которой выделывают удивительные вещи». Береза эта вырубается из густого леса «в стране Берда, богатой деревьями и кустарником».⁴ К сожалению, нет никаких данных, чтобы представить себе те поделки из березы, которые вызвали удивление арабов; может быть, это были берестовые коробочки, а может быть, предметы обстановки, столики, ящики и т. п.

Большую роль в хозяйственной жизни играло, по-видимому, рыболовство. Моисей Каланкатуйский и арабские писатели особо подчеркивают изобилие высококачественной рыбы, которой славилась Албания. Моисей Каланкатуйский писал о рыболовном промысле на Куре и Араксе и о том, что Кура «приносит с собой множество огромных и мелких рыб».⁵ Ибн Хаукал к этому добавляет, что в Куре водятся «шурмахи [шамая] и что она водится также в Араксе и других местах».⁶ О рыбе «шурмахи» говорится и у Ибн аль-Факиха: «... из всех рыб в этой реке главным образом славится шурмахи, благодаря вкусу своему и приятности, обилию жира и сочности мяса».⁷

Что касается ремесел, то арабские географы сообщают о ткацком мастерстве населения Аррана, т. е. Албании, и об оживленной торговле с соседними народами шелком, полотнами и другими тканями.

Изготовление тканей являлось в Албании при арабах продолжением древних традиций, продолжением и развитием мастерства мест-

¹ Армянская география VII в., стр. 40.

² И б н Х а у к а л , ук. соч., стр. 98.

³ Там же, стр. 87.

⁴ И б н а л ь - Ф а к и х С м.: Н. А. К а р а у л о в , ук. соч., СМОМПК, вып. XXXII, Тифлис, 1903. стр. 39—41.

⁵ М о и с е й К а л а н к а т у й с к и й , кн. II, гл. 16 и кн. I, гл. 5.

⁶ И б н Х а у к а л , ук. соч., стр. 87.

⁷ И б н а л ь - ф а к и х , ук. соч., стр. 39.

ного населения, одинаково искусного в обработке льна, хлопка (а затем и шелковицы) не только в IX—X вв., о которых пишут арабы, но и за тысячелетие до этого, как об этом можно судить по материалам, извлекаемым в процессе археологических исследований, главным образом раскопок могильников, в инвентаре которых довольно часто встречаются и ткани. В Мингечауре, как говорилось выше, были найдены деревянные остатки ткацких станков и большое количество глиняных прясел.²

В погребениях III—VII вв. в Мингечауре тоже обнаружены остатки тканей — шелка, парчи, полотна, шерсти.³ В связи с этим возникает вопрос, не связаны ли с материальной культурой Албании некоторые из тех сравнительно больших фрагментов узорных тканей — шелка, полотна, шерсти, обнаруженные на Северном Кавказе⁴ (у Кисловодска, в Хасауте, на Лабе и др.). Наряду с привозными имеются ткани местного производства,⁵ быть может, и албанского (?). Изобилие шелковицы на берегах Куры⁶ обеспечивало сырьем производство шелковых тканей, о котором говорят арабские источники.

Главным центром ткацкого производства, судя по сообщениям арабских географов, являлись Верда и Дербент; речь идет, очевидно, о VII—IX вв., но весьма вероятно, что и в предшествующие века эти города занимались выделкой высококачественных тканей и что, кроме них, к основным центрам следует для раннего периода относить город Кабалу и, быть может, Шаки. Шелк вывозили главным образом из Партава; в этом же городе из шелка изготовлялись различные одеяния, которые могли тоже являться предметами вывоза и торговли. В окрестностях Партава находились, по-видимому, рощи тутовых деревьев; о партавском шелке говорится у Истахри: «Из Берды вывозится много шелку. Червей шелковичных вскармливают на тутовых деревьях, не принадлежащих никому. Много [шелка] отправляется оттуда в Персию и Хузистан».⁶ Сведения Истахри повторяет Ибн Хаукал: «В Берде выделяются разнообразные вещи из шелка; дело в том, что тутовые деревья их общедоступны; у них нет владельцев и их не продают и не покупают».⁷

¹ Памятника истории Азербайджана. Изд. Музея истории Азербайджана, Баку, 1956, стр. 26, рис. 27.

² См. стр. 82.

³ С. М. Казнев. Археологические памятники Мингечауре как исторический источник для изучения истории Азербайджана. ИАН Азерб. ССР, 1950,

№ 7, стр. 177; Г. М. А с л а н о в. К изучению раннесредневековых памятников Мингечаура. КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 68.

⁴ Императорский Российский исторический музей. Указатель памятников. М., 1893, стр. 389—390, 393.

⁵ М о и с е й К а л а н к а т у й с к и й, кп. I, гл. 5.

⁶ И с т а х р и, у.к. соч., стр. 7—9.

⁷ И б н Х а у к а л у.к. соч., стр. 87.

Полотно ткали только в Дербенте, судя по словам Истахри: «Из Баб аль-Аббаба вывозятся полотняные одежды, и не выделывают полотняных одежд в Арране, Армении и Азербайджане нигде, кроме этих мест».¹ Ибн Хаукал поясняет, что «вывозят из Дербента полотняное полное верхнее платье, и нет в Арране, Армении и Азербайджане полотняных одежд нигде, кроме как тут».² Из этого текста следует, что в Дербенте не только ткали полотно, но и шили из него «полное верхнее платье», т. е. шаровары в рубашки или балахоны (халаты). Но в более ранний период, как говорилось выше, льняные ткани изготовлялись и в других местах Албании, судя по остаткам, найденным в кувшинных погребениях Мингечаура.

С территорией средневековой Албании связано сообщение, правда XII в., Абу Хамид аль-Андалуси (Гарнати) о народе Зирехгеран (сел. Кубачи) в районе Дербента, который хранил кости покойников в матерчатых мешках: богатые — из золотой парчи и из греческого (?) гаелка, а бедные — из небеленой ткани.³ В этом тексте особый интерес представляет упоминание о золотой парче, так как и С. М. Казиев говорит об остатках парчи среди тканей, сохранившихся в погребениях Мингечаура III—VII вв. Определенно же шелка словом «греческий» допускает предположение, что в это время в Албанию ввозился шелк из Византии, но возможно и другое объяснение, а именно, что албанский шелк по качеству и узорам настолько близок был к тканям византийским, что историк, лучше знавший византийские шелка, определил их как завозные.

Перечень металлообрабатывающих ремесел в VII в. имеется у албанского историка в рассказе о присылке хазарским хаканом надсмотрщиков, которые должны были иметь наблюдение за добычей золота и железа, плавкой серебра и выделкой меди.⁴ Перечисленные металлы добывались на территории Албании, где их плавил и где ремесленники изготовляли из них различную утварь.⁵

Перечень ремесел несомненно может быть продолжен, когда будут изучены предметы, находимые в погребениях IV—VII вв. В настоящее время рассмотрению подвергались одни лишь катакомбные захоронения этого времени, открытые раскопками к тому же только в одном районе — в Мингечауре (Калагет и Судагылан).⁶ Эти катакомбы эллипсоидной (иногда и прямоугольной) в плане формы (1,7 м

¹ Истахри, ук. соч., стр. 11.

² Ибн Хаукал, ук. соч., стр. 88.

³ Абу Хамид аль-Андалуси. Подарок сердцам и собрание достопримечательностей. Изд.: В. Догн. *Melanges asiatiques*, t. VI (1869 — 1873), St.-Petersbourg, 1873, p. 703.

⁴ Моисей Каланкатуйский, кн. II, гл. 16.

⁵ См. стр. 243.

⁶ Г. М. Асланов, ук. соч., стр. 63 и сл.

2.3 м) являются в большинстве случаев коллективными захоронениями, в которых находят до 15 костяков. «В центре камеры (в большинстве случаев) обособлены один, два, и иногда три костяка. Они лежат скорченно на боку или вытянуто на спине на деревянных подстилках, массивных плитах из обожженной глины, сырцевых и обожженных кирпичках, а иногда прямо на грунте. Вокруг них, вдоль стен размещены еще два, три и до 12 костяков в различных положениях — скорченно, вытянуто, сидя; иногда костяки сложены грудой».¹ Являются ли эти катакомбы своего рода семейным склепом, усыпальницей,

Рис. 30. Две каменные
Мингечаур.

печати.

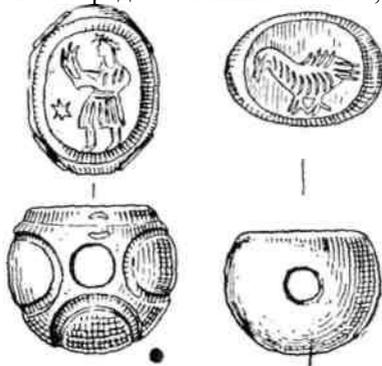

Рис. 31. Две каменные печати,
Мингечаур.

печати.

в которой производились захоронения членов рода или семьи, или же это своеобразное явление следует объяснять иначе, пока не выяснено. Эти катакомбные захоронения в Мингечауре, пришедшие во II— III вв. на смену кувшинным погребениям»,² отличаются от последних отсутствием в них глиняных сосудов, а также монет и оружия; погребальный инвентарь катакомб состоит из предметов кожаных (ножны, сумки, обувь и др.), деревянных (шкатулки и др.), стеклянных бус, частей прядильных и ткацких станков; находят в них и тонкие ткани, вышивки, печати и др. Эти погребения датируются на основании печатей «сасанидского» типа (рис. 30 и 31). Материалы, происходящие из катакомбных погребений, столь многочисленны и столь разнообразны, что требуют специального их изучения; особый интерес представляют ткани и вышивки, которые, судя по отчетам, найдены в Мингечауре в большом количестве и в грунтовых, и в кувшинных.

¹ Там же, стр. 68.

² См. выше, стр. 169 и сл.

и в катакомбных погребениях; но ни один фрагмент ткани до сих пор не изучен и не издан.

Сопоставление мингечаурских катакомб с северокавказскими, когда эта работа будет произведена, наверное, покажет общность албанской катакомбной культуры не только с катакомбами сел. Пседахи на Северном Кавказе,¹ но, по видимому, и с захоронениями в так называемой Мощевой балке на Лабе в Кубани (ткани, деревянные, кожаные и другие предметы хранятся в Государственном Эрмитаже).²

Письменные источники по вопросу об особенностях общественного строя в этот период дают очень мало сведений: мы располагаем лишь ' ' отдельными отрывочными данными, разбросанными в трудах армянских историков и Моисея Каланкатуйского. Феодалные отношения существовали в IV—VII вв. в Албании наряду с неизжитым еще первобытно-общинным строем в отдаленных горных районах. Яркую картину общественных отношений у горного племени цанаров сохранил нам армянский историк Фома Арцруни (IX в.), описывая насаждение христианства среди обитателей гор Григорисом в IV в. Ца-нары в Албанский союз племен не входили, но поскольку они обитали в горах Кавказского хребта по соседству с чилбами и лбинами,³ то общественный строй этих племен был несомненно сходен. В «Армянской географии VII в.» упоминаются живущие в Кавказских горах цанары, «в землекоторых находятся ворота Аланские (Дарьяльские)»⁴. Об образе жизни цанаров Фома Арцруни пишет, что они «обитают в неприступных горных местах, пребывая в мире, беззаботно от внешних врагов, причем подати и налоги царские остаются при них, только одного кого-либо ставят править над собою по воле их самих, в согласии и единодушии живут и пребывают между собою и сеются по родам, отдаленно друг от друга».⁵ К этому описанию социального строя у цанаров Фома Арцруни добавляет характеристику соседних племен, у которых родовой строй по сравнению с цанарами был еще менее изжит: близ цанаров «находится гора Кавказа, на которой живут народы, делящиеся на всякие языки по племенам, 72 племени, и пребывают без вождя, и законы свои имеют, какие каждое желает, и вступают в брак с матерями и сестрами».

¹ Г. М. Асланов, ук. соч., стр. 71; Е. П. Крупнов. Археологические памятники Ассинского ущелья. Труды ГИМ, вып. XII, 1941.

² Н. З. Митина. Фрагмент шелковой ткани из Мощевой балки. Сообщения Гос. Эрмитажа, X, 1956, стр. 41, и сл.

³ С. Т. Еремян. Атлас к книге «История армянского народа». Ереван, 1952, карта V—VII вв.

⁴ К. П. Патканов. Из нового списка Географии, приписываемой Моисею Хоренскому. ЖМНП, 1883, стр. 30.

⁵ Фома Арцруни. История дома Арцруни. (На арм. яз.). Сиб., 1887, стр. 175 (перевод И. А. Орбели).

От описанного Фомою Арцруни общественного строя горцев резко отличались сложившиеся к IV в. феодальные отношения на территории собственной Албании. Эти отношения носили, видимо, в основном такой же характер, как в Армении и Картлии (Восточной Грузии), отличаясь несколько замедленными темпами своего развития и специфическими особенностями, вызванными всем ходом исторического процесса в Албании, этнической и экономической раздробленностью страны и географической отдаленностью от основных торговых магистралей, соединявших Запад с Востоком. Правда, в конце VI—начале VII в. (в период войн между Ираном и Византией) большее значение начинает приобретать караванный путь вдоль западного побережья Каспийского моря, соединявший Закавказье и Переднюю Азию с Северным Кавказом. Путь этот шел через Партав—Дербент и хазарские города Семендер и Варачан. Оживлением торговых сношений по этому пути следует, между прочим, объяснять постепенное превращение ряда поселений в значительные города средневековой Албании (Шапоран, Шарван, Шемаха, Байлакани др.). Закрепощенные крестьяне принадлежали в это время родовой знати (переход Михра с 30 000 семейств из подчиненной Сасанидам области в страну Утик).¹ Они являлись И собственностью царя: царь Ваче, отрекшись от престола, ушел, взяв с собою «только собственную долю, полученную от отца — тысячу семейств»;² Исздегерд III дал Джываншеру «в услужение деревни с жителями и реки с рыбой».³

Моисей Каланкатуйский неоднократно упоминает, говоря о Джываншере, его «дружину», с которой он выступает в поход и с которой отправляется «на отдых в горы»,⁴ но как составлялась эта дружина и каковы были ее права и обязанности, неизвестно.

Что касается податного сословия, то «канонические постановления Вачагана, царя албанского, определенные собором, бывшим в Алуэне»,⁵ называют «имущих», «бедствующих» и тех, «кто не имеет ни пашни, ни виноградника». В этих постановлениях речь идет о тех податях натурой, которые крестьяне-крепостные обязаны были выплачивать церкви: имущие вносят ежегодно четыре меры пшеницы, шесть мер ячменя и 16 горшков виноградного сока; бедствующие — «половину хлеба И сколько может вина», а с того, «у кого нет пашни или виноградника, с того [ничего] не брать». Кроме того, в постановлениях говорится и о взносах скотом: «. . . У кого есть овцы — одну овцу, **три** пучка шерсти и один сыр».

¹ Моисей Каланкатуйский, кн. II, гл. 17. — См. стр. 234 и сл.

² Там же, кн. I, гл. 10. — См. стр. 215. ³ Там же, кн. II, гл. 18.

⁴ Там же, гл. 19, 22, 34.

⁵ Там же. кн. I, гл. 26. — См. стр. 295 и сл.

О размерах подати, выплачиваемой светским феодалам, сведений в источниках нет. Государственный налог, взимавшийся марзпанами в пользу Ирана, состоял из поземельного налога (харк), подушной подати (гзат) и различных пошлин (баж).¹

Что касается феодальной знати, то историк Албании упоминает попутно «старейшин родов»,² «вельмож из племени царей страпы, правителей областей, старшин деревенских»,³ но представления о феодальной иерархии эти случайные упоминания не дают.

Моисей Каланкатуйский, будучи представителем церковной знати связанной с феодалами, ничего почти не сообщает о классовой борьбе которая должна была иметь место на протяжении тех веков, о которых у него идет речь. И действительно, в объяснении причин, вызвавших созыв Алуэнского собора, говорится, что «произошли несогласия между мирянами и духовенством, между азатами и простолюдинами [рамиками]; тогда царь пожелал собрать собор — многочисленное судилище». Совершенно очевидно, что речь идет о разногласиях классовых, хотя в постановлениях особенно детально говорится о случаях использования азатами помещений и доходов, принадлежащих церквям и монастырям.

В словах историка, когда он говорит о борьбе с халкедонитством как с религиозным движением, все же проскальзывает, что под религиозной оболочкой скрывались классовые разногласия. В этом отношении особый интерес представляет свидетельство Моисея Каланкатуйского о том, что после смерти Джываншера «не мало смут происходило в стране нашей: вооруженная чернь собиралась толпами»,⁴ но историк умалчивает, почему она собиралась толпами и почему была вооружена. С классовой рознью мы, по-видимому, имеем дело также и в случаях, когда речь идет о столкновениях христианства (принятого знатью и царем) с древними языческими культурами, которых придерживались широкие слои населения, сознававшие, вероятно, что внедрение христианства ведет к еще большему закабалению.

Политическая история

Политическая история Албании IV—VII вв. прослеживается по письменным источникам, к сожалению, с такими же лакунами, как и история предыдущих веков.

Правление Трдата III (287-330 гг.) в Армении, частично совпадающее по времени с царствованием Диоклетиана и Галерия в Риме,

¹ T a b a г i. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden. Hrsgb Th. Noldeke, Leyden, 1879, стр. 243—246 Ср.: Н В. П и г у л е в с к а я. К во просу о податной реформе Хосрова Ануширвана. ВДИ, 1937, № 1, стр. 147

² М о и с е й К а л а н к а т у й с к и й, кв. II, гл. 19.

³ Там же, гл. 14.

⁴ Там же, гл. 34.

было ознаменовано победой, одержанной Римом совместно с закавказскими народами над Сасанидской Персией, в которой правил Нарсе (293—303 гг.). В 298 г. был заключен мирный договор в Нисибине.¹ Победа закавказских народов и наступивший после Нисибинского договора 40-летний мирный период несомненно отразились благотворно на развитии экономики и культуры стран Закавказья. В этот же период в Албании вслед за аналогичным процессом в Армении и Иберии христианство, будучи воспринято в первую очередь дворянством и знатью становится государственной религией и одной из идеологических основ слагающейся феодальной культуры.

Феодальные отношения, к IV в. принявшие уже довольно определенные формы, признание христианства государственной религией, усиление в связи с этими факторами классовых противоречий — все это определяло характер политических взаимоотношений между странами Закавказья и их мощными соседями — Римом, Византией и Персией. В процессе борьбы между этими двумя империями, в которую неизбежно втягивались и страны Закавказья, Албании и Иберии приходилось принимать то одну, то другую сторону² в зависимости от политической обстановки. Армения же, цари которой являлись родственниками представителей низложенной в Персии династии, находилась во враждебных отношениях с Сасанидами и поэтому выступала часто совместно с Византией против них.

В Армении в этот период, при Трдате III и его сыне Хосрове II, стремление к централизации наталкивается на сепаратистские тенденции нахараров,³ что осложняет борьбу армян за свою независимость во время захватнических нашествий персов с юга и кочевых племен (аланов и др.) с севера. Дело в том, что Шапур II (309—379 гг.), царствование которого занимает три четверти IV в., пытался вернуть под верховенство Персии Армению, потерянную в 298 г., после Нисибинского мира, и мешавшую персам в их борьбе с Римом и Византией за мировые торговые пути.

История Албании, переплетающаяся в этот период с историей Армении и Персии, ввиду скудности источников, не может быть должным образом освещена. Только отдельные упоминания об участии албанов в международных отношениях и событиях этого времени имеются у Фавста Бузанда, Моисея Хоренского и Моисея Каланка-туйского. К числу этих немногих сведений относится и упоминание князя Ути в числе шестнадцати главнейших сатрапов и «топархов» (правителей областей), созданных Трдатом III, по-видимому, в первые годы IV в. для сопровождения св. Григория Просветителя в Ке-

¹ Ср. рассказ Петра Патрикия (VI в.) о договоре 298 г. (Н. Г. А д о н ц. Фауст Византийский как историк. ХВ, т. VI, вып. 3, 1922, стр. 243 и сл.).

² Истории Грузии. Тбилиси, 1950, стр. 106.

³ Нахарары (арм.) — владетельные князья, крупные феодалы.

сарию.¹ Из этого краткого сообщения Агафангела можно заключить, что на рубеже III и IV вв. пограничная с Арменией албанская область Ути входила в состав централизованного государства Большой Армении.

В 30-х годах IV в., после смерти Трдата III, в Албании имеют место какие-то крупные события: военные действия северных народов, направленные против Армении, должны были затронуть в какой-то степени и территорию Албании. Три историка сообщают о нашествиях на Армению северных племен под водительством родственника армянских царей Аршакида, по имени Санесан или Санатрук. Рассказ наиболее близкого по времени к данным событиям Фавста Бузанда (IV—V вв.) при сопоставлении его текста с сообщениями Моисея Коренского (V—VI вв.) и Моисея Каланкатуйского (VII в.) отличается от них целым рядом существенных данных. Рассказ Моисея Каланкатуйского довольно близок к тому, что сообщает Моисей Коренский, но изложение его более сжатое и носит иной характер.

Сличение все трех текстов приводит к следующему заключению. В истории борьбы Армении с вышеназванным Санатруком можно усмотреть два последовательных этапа описанных у Моисея Хоренского² и Моисея Каланкатуйского.³ У Фавста же, как мне кажется, излагаются только события второго этапа.⁴ Моисей Хоренский трудом Фавста не пользовался, а черпал сведения из других текстов, быть может из «Церковной истории» Евсевия Кесарийского (264—340 гг.), современника тех событий, о которых идет речь, или из недошедшего до нас труда Юлия Африкана (III—IV вв.). На эти сочинения Корейский ссылается, излагая историю армянских царей.⁵ А Моисей Каланкатуйский пользовался трудом Моисея Хоренского, но, будучи историком албанским, излагал факты несколько иначе.

После предварительных замечаний изложу ход событий, как он мне представляется в результате сопоставления текстов этих трех историков.

В области и городе Пайтакаран, входивших в начале IV в. в состав Армении, правителем являлся родственник Трдата III, Аршакид по происхождению, по имени Санатрук. По словам Моисея Коренского, он был отправлен в Пайтакаран вместе с «юным Григорисом», насадителем христианства «в отдаленных частях государства»,

¹ А г а ф а н г е л. История царствования Тиридата, § 136 (FHG, vol V, pars 11, p. 170).

² М о и с е й Х о р е н с к и й. кн. III, гл. 3, 4, 5 и 9.

³ М о и с е й К а л а н к а т у й с к и й, кн. I, гл. 12.

⁴ Фавст Бузанд. Истории Армении. Ереван, 1953, кн. III, гл. 7.

⁵ М о и с е й Х о р е н с к и й, кн. II, гл. 10. — По его словам, хронограф Африкан пользовался документами, хранившимися в архивах Эдессы и Синопа Понтийского, и делал из них извлечения.

в результате обращения к Трдату III «правителей северо-восточных частей, управлявших отдаленным городом, называемым Пайтакараном». ¹ Этот Санатрук, причастный к гибели Григориса, ² после смерти Трдата III, «возложив на себя корону, завладел городом Пайтакараном: при помощи чужих народов он думал завладеть всею Арменией»."

У Моисея Каланкатуйского это событие описано следующими словами: «По кончине Трдата над албанами в городе Пайтакаране воцарился некто Санатрук и сделался противником армян». ⁴ Историк Албании, писавший в VII в., когда Пайтакаран входил в состав Албанского государства, полагает, что этот город принадлежал албанам и в начале IV в. поэтому-то он, пользуясь в основе трудом Хоренского, несколько искажает исторические факты. Обращает, между прочим, на себя внимание и то обстоятельство, что он Санатрука не называет Аршакидом, родственником армянских царей.

По Моисею Хоренскому, дальнейшие события развиваются следующим образом. Армяне обращаются за помощью к римскому императору Констанцию и получают от него ответное письмо, текст которого приводится у Моисея Хоренского: «Я послал вам в помощь войско, повелев возвести на престол Хосрова, сына вашего царя Трдата, и водворить [у вас] добрый порядок, дабы вы служили нам верно». ⁵ Римский полководец Антиох после возведения на армянский престол сына Трдата III, Хосрова II Котака, совместно с правителем Иберии Михраном и аспетом Армении Багаратом Багратуни «с их войсками и со всем греческим [воинством] пошел на Санатрука». ⁶ Санатрук же, оставив в Пантакаране пришедшие ему на помощь персидские войска, «сам с албанскими нахарарами пошел искать убежище у Шапуха». Тогда Антиох приказал «грабежом ослабить силу непокорных» ввиду отказа персидских войск покориться и, собрав затем с местного населения дань, вернулся со своим войском в Рим, ⁷ считая свою миссию законченной.

Рассказ об этих событиях, занимающий у Моисея Хоренского четыре главы, у Моисея Каланкатуйского изложен в следующих трех предложениях: «Хосров, сын Трдата, приведя с собою Антиоха с греческим войском, Багарата с полчищами запада, Михрана, правителя Иберии, вместе со всеми ними идет войной на Албанию. Санатрук с войском албанским поспешно идет к Шапуху, царю персидскому, оставив в городе Пайтакаране сильное войско. Антиох, взяв большую

¹ Моисей Хоренский, кн. III, гл. 3.

² Об этом см. стр. 198 и сл.

³ Моисей Хоренский, кн. III, гл. 3.

⁴ Моисей Каланкатуйский, кн. I, гл. 12.

⁵ Моисей Хоренский, кн. III, гл. 5.

⁶ Там же, гл. 6.

⁷ Там же.

добычу, подати царские, возвращается к императору».¹ В разрез со словами Моисея Хоренского, что Антиох оставил в Армении царя Хосрова, который «будучи мал ростом и тщедушен, не имел ничего воинственного в осанке»,² албанский историк называет инициатором похода именно армянского царя Хосрова, приведшего якобы римского полководца Антиоха, Михрана и Багарата с их войсками против Албании, т. е. продолжает называть Пайтакаран албанской страной. Санатрук у него «идет поспешно к Шапуху» с албанским войском (у Моисея Хоренского речь идет лишь об албанских нахарарах); он ничего не говорит о том, что в Пайтакаране оставлены были иноземные персидские войска. Последняя из приведенных фраз Моисея Каланкатуйского об Антиохе является пересказом соответственного текста Хоренского.

Обо всем вышеизложенном — о событиях, связанных с Сана-труком и Пайтакараном,—у Фавста Бузанда ничего не говорится.

После объединенного похода армянских, греческих (ромейских) и иберских войск против Пайтакарана, закончившегося разграблением города и уходом Антиоха обратно, начинается второй этап борьбы — нашествие на Армению Санатрука со сборными войсками. Моисей Хоренский рассказывает: «Во дни Хосрова жители с (верной части Кавказа, зная бездейственность и слабодушие Хосрова, подстрекаемые в особенности просьбами Санатрука, по тайному приказанию Шапуха, царя персидского, соединяются и делают нападения на середину нашего отечества массою около двадцати тысяч человек».³ Речь идет об очередном нападении северокавказских племен на страны Закавказья (в данном случае на Армению), причем основной движущей силой является Шапур II, пытающийся подчинить себе Армению, а исполнителем — Санатрук, Аршакид, сводящий личные счеты с армянским царским домом. Какие именно племена и народы Северного Кавказа удалось привлечь к походу против Армении, автор не сообщает, указывает только их количество — 20 тысяч человек. После перечисления полководцев Моисей Хоренский говорит: «Неприятели нанесли поражение северным нашим полкам, обратили их в бегство, очутились под стенами Валаршапата и осадили его». Но тут восточные и западные армянские войска внезапно напали на них, «выгеснили их оттуда к скале Ошаканской, не дав им времени развернуться и пустить в дело стрелы, по их обыкновению». Во главе неприятельских копьеносцев выступал «чудовищный исполин во всеоружии, весь покрытый густым войлоком. . . от ударов копий только вращалась его войлочная [броня]».⁴ Вахану Амутуни все же удалось

¹ Моисей Каланкатуйский, кн. I, гл. 12.

² Моисей Каланкатуйский, кн. III, гл. 6.

³ Там же гл. 9

⁴ Там же

опрокинуть этого великана, что послужило сигналом к бегству врага и к победе армян. На этом заканчивается рассказ о нашествии северокавказских народов.

Моисей Каланкатуйский вкратце рассказывает об этом же походе таким образом: «Улучив удобное время, Санатрук по повелению царя Шапуха собирает албанское войско в числе 30 тысяч и совершает нашествие на срединную Армению».¹ Как говорилось выше, албанский историк говорит о Санатруке как о некоем лице, воцарившемся в Пайтакаране над албанами, и поэтому он говорит не о северокавказских народах, а об албанском войске, доведя в своем тексте его численность до 30 тысяч вместо 20 тысяч в тексте Хоренского. Совпадают у обоих историков указания на роль подстрекателя — Шапура Сасанида — и такая деталь, как сообщение, что албаны «совершили нашествие на срединную Армению». Моисей Каланкатуйский, как уже указывалось, явно пересказывает Хоренского или другой общий источник, но при этом сокращает повествование (Валаршапат, например, не упоминается) и видоизменяет его детали. И у албанского историка рассказ заканчивается эпизодом «при скалистом Ошакане» с одетым в войлок полководцем-копьемосцем, которого одолел Вахан Амадуни. Полководец здесь носит имя Апариска. Появление его имени дает основание думать, что поход этот мог сохраниться в народной памяти, в песне или сказании, которое было использовано Моисеем Каланкатуйским.

Особый интерес представляет рассказ о втором этапе борьбы Санатрука и Шапура с Арменией в «Истории» Фавста Бузанда, который писал через 50—60 лет после этих тяжелых для армянского народа событий и у которого поэтому можно было бы ожидать раскрытия причин, приведших к нашествию албанов (если прав албанский историк) на Армению. Соответственная глава у Фавста озаглавлена: «О разбойничьем набеге царя маскутов на землю, подвластную армянскому царю, о происшедшей большой войне и о том, как он погиб вместе со своим войском».² В предшествующей, шестой главе рассказывается о гибели Григориса в стране хонов, царя которых Санесан (Санатрук) сначала принял христианство, но потом предал Григориса страшной казни. Санесан здесь назван «аршапкеким царем маску тов. . . ибо и их цари и армянские цари были одного и того же проис-хождения и рода». Седьмая глава начинается с того, что «маскутский царь Санесан, сильно разгневавшись, проник враждой к сородичу своему, армянскому царю Хосрову, и собрал он все войска — хонов, нохов, таваспаров, хечматаков, ижмахов, гатов и глуаров, гугаров, шичбов, и чилбов, и баласичев, и егерсванов, и несметное множество других разношерстных кочевых племен — все множество войск,

¹ Моисей Каланкатуйский, кн. I, гл. 12.

² Фавст Бузанд, ук. соч., кн. III, гл. 7.

которым он повелевал».¹ Маскуты обитали на северо-западном побережье Каспийского моря, южнее устья Самура, на территории, носившей в V в. название Чор, Чол.² Из числа племен, привлеченных Санесаном к походу, поддерживаемому несомненно Шапуром II, таваспары обитали в южном Дагестане на левом берегу нижнего течения Самура, чилбы (сильвы античных авторов) — в верховьях Андийского Койсу, а баласичи — на правом берегу низовьев Аракса и Куры. Хоны занимали территорию севернее таваспаров, от Самура до Су-лака и выше на север; хечматаки — племена, обитавшие выше по Самуру. Большая часть этих племен являлась обитателями различных горных районов южного Дагестана, точно локализовать которые для IV в. не представляется возможным за отсутствием достаточных данных. В «Армянской географии VII в.» некоторые из этих народов упоминаются, а именно: шичбы и чилбы в Сарматии, а у «Кавказского хребта. . . , идущего на северо-восток», живут таваспары, хечматаки, ижмахи; «к северу от этого хребта живет народ маскутов. . . у Каспийского моря; . . . к северу [же] близ моря находится царство хонов. . .».³ Хонов, обитавших, как говорилось выше, у Каспийского моря, на территории Дагестана, принято (ошибочно, как мне кажется) отождествлять с гуннами.⁴ Армянские историки, начиная с Фавста Бузанда, говоря о хонах, никак не выделяют их, а называют в одной связи и наравне, не отмечая особенностей их внешнего облика и быта, с племенами несомненно кавказского происхождения, как тавасары, хечматаки, гугары, чилбы, баласичи и др.⁵ На кавказское происхождение хонов указывают следующие данные, имеющиеся в «Землеописании» Дионисия Перизгета (I — II вв. н. э.), сообщающего, что «вдоль Каспийского побережья обитают, начиная с севера, скифы, потом униы, за ними — каспии, за этими — албаны».⁶ А в схождениях к «Землеописанию» Дионисия читаем: «Уины или Оунны с буквою "О"—каспийский народ, скифский. Нужно следовать тем, которые пишут „унны" без „О"».⁷

¹ Там же.

² Ср.: С. Т. Е р е м я н, ук. соч., карты «Армения в I — IV вв.» и «Армения в V—VII вв.».

³ К. П а т к а н о в, ук. соч., стр. 30.

⁴ И. А. Орбела еще в 1911 г. отмечал, что хонов (hon-q) «не следует, как это делается иногда, смешивать с гуннами» (Город Близначев и племя Возниц ЖМНП, 1911, стр. 214).

⁵ См. стр. 184 и 212.

⁶ Дионисий П е р и з г е т. Землеописание, 728—730. См.: В. В. Латыше в. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, т. 1, вып. 1, СПб., 1803,, стр. 18G.

⁷ Е в с т а ф и й Ф е с с а л о н и к с к и й. Схолии к «Землеописанию» Дионисия Перизгета, § 730 (В. В. Л а т ы ш е в, ук. соч., стр. 207

Издатель этого текста, К. Мюллер, указывает на разночтение этого названия — (с одним «н»),¹ что, как мне кажется, соответствует написанию «*нон*» у армянских историков. Следует учесть при этом, что армяне хорошо знали хонов, так как с ними им приходилось иногда воевать, а иногда и заключать союз против персов.² Что же касается гуннов, то с ними албаны и армяне вплотную столкнулись лишь в VI в.,³ и название их в византийских текстах транскрибируется иначе⁴.

Кавказские хоны состояли, по-видимому, из нескольких племен, судя по тому, что название одного из них упоминается дважды в греческой версии Агафангела. Говоря о пределах распространения в Армении христианства при Трдате III, Агафаигол указывает: «. . . и до границ Масаха-хуннов»⁵. Трдата, направляющегося к императору Константину, сопровождают «все четыре» бдехша, и среди них «бдехш областей Масаха-хуннов».⁶ В армянском тексте в обоих случаях вместо «Масаха-хунны» стоит слово «мазкут».⁷ Возможно, что имеется в виду⁸ определенный пограничный с Арменией район, населенный хонами. Отожествление маскутов с хонами продолжается и в VI в., судя по упоминанию у Прокопия Кесарийского среди военачальников Юстиниана некоего Эгана «из народа массаге-тов, ныне называемых уннами».⁸

Этот сохранившийся у Агафангела термин «Масаха», соответствующий у него названию «мазкут», быть может, не следует, как это обычно делается, возводить к этническому наименованию одного из народов Средней Азии — массагетов.⁹ Мне кажется более обоснованным считать его входящим к племенному названию «Масака» или «Мазака», упоминаемому Плинием в перечне народов, «обитающих

¹ С. М у л л е р. *Geographi graeci minores*, vol. II. Paris, 1882, p. 345. — упоминаются и у Птолемея (География, кн. III, гл. 5, 10) в перечне сарматских племен.

² См. стр. 209 и сл.

³ См. стр. 228 и сл. Л. М. Меликсет-Бек в своей недавно вышедшей статье «К истории гуннов в восточном Закавказье» (ДАН Азерб. ССР, 1957, № 6, стр. 712) отождествляет упоминаемых в армянских источниках хонов с гуннами.

⁴ Феофилакт С и м о к а т т а. История, кн. III, гл. 6; кн. IV, гл. 6. (См.: Н. W. H a u s s i g. *Ththophylakts Exkurs uber die skythischen Volker. Byzantion*, t. XXIII. Bruxelles. 1954, S. 283 folg.).

⁵ А г а ф а н г е л, § 153 (FHG, vol. V, pars I, p. 180).

⁶ Там же, § 165 (стр. 187).

⁷ В издании текста Агафангела Лагардом (P. do L a g a r d e. *Agathan-gelos*. . . . Gottingen, 1887, SS. 83. 93) тогда как в издании Ланглуа (FHG, vol. V, pars I, p. 180) имеется в обоих случаях.

⁸ Прокопий Кесарийский, кн. I, гл. 11.

⁹ Большого внимания заслуживает указание Аммиана Марцеллина (кн. 31, гл. 2, 12), что массагетами прежде называли аланов.

от Мэотиды до Керавнских гор» («sunt qui circa Maeotin ad Ceraunios montes has tradant gentes. . . Mazacas»),¹ что подтверждает в известной мере мое предположение о местном, кавказском происхождении мазкутов армянских источников — одного из племен хонов, народности сарматского происхождения.

Возвращаясь к рассказу Фавста Бузанда о «разношерстных кочевых племенах», которые собрал маскутский царь Санесан против армянского царя Хосрова, «сородича своего», следует отметить, что аланы в этом перечне у Фавста Бузанда не названы, но представляется маловероятным, чтобы они не участвовали в этом походе. И действительно, в конце главы, описывая уже поражение Санесана, Фавст пишет: «. . . били, громили войска аланов, я маскутов, и хонов, и других племен»² (здесь аланы — на первом месте). Принимая во внимание, что «аланы» — термин собирательный, то возможно, что некоторые из вышеперечисленных, нелокалпуемых племен входили в большой племенной союз аланов. В этом перечне, между прочим, нет упоминания албанов, которых Моисей Каланкатуйский называет в первую очередь. Возможно, что и к ним применимо в какой-то мере предположение, высказанное относительно аланов; во всяком случае, Фавст никак не называет это большое сборище племен «албанским войском», как это делает историк Албании. Фавст, видимо, различал Албанию и «несметное множество других разношерстных кочевых племен»,³ являвшихся соседями албанов. Так, в предыдущей главе Фавст говорит о Григорисе, что он был «католикосом стран Иберии и Албании и что, «приведя в порядок и восстановив все церкви, находящиеся в той стороне [в Иберии и Албании], прибыл он в стан аршакидского царя маскутов, имя которого было Санесан. . . И он пошел и представился маскутскому царю, повелителю многочисленных войск хонов»⁴ Так как маскуты в перечне у Фавста не участвуют, то возможно, что термин «маскуты» являлся в этот период (в 30-е годы IV в.) таким же объединительным, как и «аланы», что маскуты, став ведущим племенем, возглавили остальные племена хонов: они названы на первом, месте, и царь маскутов назван «повелителем многочисленных войск хонов». Далее Фавст пишет: «Он [Санесан] перешел свою границу, большую реку Куру и наводнил армянскую страну. Не было числа множеству его конных полков и счета пешему войску, вооруженному палицами, так что и сами они не могли сосчитать свое войско».⁵

¹ П л и н и й. Естественная история, кн. VI, гл. 6, 21 (разночтение — mazacas; см.: А. Н е г г т а нн. Mazacae. PWK). — Керавнскими горами античные авторы называют северо-восточную ветвь Кавказа, приближающуюся к Каспийскому морю (С т р а б о н, кн. XI, гл. 4, 1).

² Фавст Б у з а н д, ук. соч., кн. III, гл. 7.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Указание на Куру как на границу владений Санесана подсказывает, что местом перехода войск Санесана было низовье Куры, должно быть неподалеку от впадения в нее Аракса.

Обращает на себя внимание в данном тексте указание на вооружение пехоты палицами. Северные народы, напавшие на Армению, «по обыкновению пускают в дело стрелы»,¹ но среди них имеются и копьеносцы, как рассказывает Моисей Хоренский.² У Моисея Каланкатуйского речь идет только о копьеносцах (правда, его текст рассказывает о событиях сокращенно). Не следует в этом вопросе упускать из виду, что Фавст говорит об определенных северных племенах, для которых, по-видимому, характерным было пользование палицей в пешем строю.

Далее Фавст сообщает, что войска Санесана «устраивали смотр по полкам, знаменам и отрядам на видных местах», из чего можно заключить, что у них имелась какая-то военная организация, что они не шли неорганизованной ордой. Затем историк рассказывает, что количество людей у них определялось подсчетом с помощью камней: «... каждый человек нес по камню и бросал в одно место в кучу, чтобы по тому, сколько окажется камней, можно было определить количество людей и чтобы остался на будущие времена этот грозный знак прошедших событий. И всюду, где они проходили, они оставляли такие знаки на перекрестках дорог и на путях».³

Очень ярко описывает Фавст картину этого грозного нашествия кочевых и полукочевых северных племен на Армению: «Они нахлынули, наводнили и затопили всю армянскую страну; разрушили, заволокли, вконец разорили ее и простерлись по всей стране». Фавст указывает и границы их распространения, а именно «до маленького города Сатал, до Гандзака, находящегося в пределах Атропатакана». Здесь Фавст, называя Саталу и Гандзак, показывает диапазон нашествия неприятеля: Сатала находится на крайней северо-западной границе Великой Армении, на территории Малой Армении, а Гандзак — столица Атропатены, к юго-востоку от Урмийского озера, недалеко от юго-восточной границы Великой Армении. Но Фавст преувеличивает, говоря о Сатале и Гандзаке, и противоречит самому себе, так как из его текста видно, что кочевники дошли только до Ошакана.

Фавст рассказывает дальше, что армянский царь Хосров «уклонился от встречи со своим братом», т. е. сородичем, «маскутским царем Санесаном, и укрылся в сильной крепости». Приходится думать, что это нашествие войск Санесана являлось не только грабительским набегом, но и вторичной попыткой Аршакида, маскутского царя, овладеть Арменией и низложить Хосрова после того, как ему не уда-

¹ Моисей Хоренский, кн. III, гл. 9.

² Там же.

³ Фавст Бузанд, ук. соч., кн. III, гл. 7.

лось воцариться, будучи в Пайтакаране (о чем у Фавста не рассказывается). «Почти год, насильственно захватив всю страну, держал ее Санесан», — говорится у Фавста.¹ Он захватил и столицу Армении Валаршапат, где и находился «с коренным полком, с несметным множеством войск». Здесь его настиг армянский «полководец Великой Армении Ваче, сын Артавазда, из рода Мамиконян». Собрав «храбрых из нахараров» и многолюдное войско, он напал сначала на лагерь врага, разбил неприятеля, отбил пленных, захватил добычу, а затем напал на Валаршапат и захватил город. Дальше у Фавста сообщается, как и у Хоренского и у Каланкатуйского, что неприятели «выбежали» из города и «бросились на каменистое плато в сторону крепости Ошакан, где и произошло ожесточенное сражение»; армяне «набросились, били, громили войска аланов и маскутов, и хонов, и других племен», а остатки их гнали по стране баласенчев (Баласакан — Муганская степь). Здесь впервые Фавст упоминает и аланов, и, судя по тому, что при описании решающего боя названы три народа — аланы, хоны и иаскуты, наиболее вероятно, что албаны в этом походе не участвовали и едва ли пропустили эти войска через Куру на своей территории. Так как армяне преследовали врага, а он бежал не на территорию албанов, а в страну баласичев, т. е. в правобережные низовья Куры, то мы вправе предполагать, что именно здесь имел место их переход через Куру в начале похода и что часть войска отсюда спустилась на юг в Атропатену.

Таким образом, Ошакан в рассказе Фавста тоже фигурирует как место боя с бежавшим из Валаршапата врагом, но об одетом в войлок великане с копьем у Фавста не рассказывается. У Хоренского и Каланкатуйского рассказ заканчивается подвигом Вахана Ааматуни, опрокинувшего этого страшного копыеносца. О дальнейшей судьбе Санатрука у них речи нет, тогда как у Фавста повествуется: «И голову великого царя Санесана принесли армянскому царю. А он, когда увидел, расплакался и сказал: "Братом он был моим, родом Аршакуни". Эта деталь утверждает в предположении, что Санатрук был родственником Хосрова и претендовал, побуждаемый к этому Саса-нидами, после смерти Трдата III на армянский престол.

Невыясненными остаются степень и характер участия албанов в этом походе на Армению. За несколько лет до этих событий Албания приняла прибывшего ИЗ Армении епископа Григорпса, внука Григория — Просветителя Армении, и предоставила ему возможность вести миссионерскую деятельность, поскольку, по словам Фавста, он «построил и восстановил все церкви тех стран [Иберии и Албании] вплоть до гаваров, граничащих с Атрпатаканом». А когда он погиб в стране хонов, тотелоего «перевезли в свой гавар Абанд, находящийся

¹ Там же.

в стране албанской, на границе Армении, в деревне под названием Амарас».¹ Наиболее вероятным представляется, что ни Иберия, ни Албания нашествием Санатрука затронуты не были.

Невыясненным остается также, почему у Фавста отсутствует рассказ о первом этапе борьбы с Санатруком, когда тот объявил себя царем в Пайтакаране, о чем имеются сведения у Моисея Хоренского и у историка Албании. В XIII в. об этом первом этапе упоминается в труде Киракоса: по его словам, Аршакид Санатрук был поставлен в правители Албании Трдатом III. После смерти последнего он, отправившись к Шапуру II, получил от него царскую власть и отнял у Хосрова Албанию.² Но Киракос, как и Моисей Каланкатуйский, ошибается в том отношении, что считает Пайтакаран принадлежащим в 30-х годах IV в. Албании, тогда как присоединение его имело место позднее, после мирного договора 387 г.

Остается неясным и то, почему армянский Аршакид, носящий обычное имя Санатрук, у Фавста назван Санесаном. Графически по-армянски из «Санесана» нельзя получить «Санатрук», невозможно и обратное. Приходится думать, что Фавст пользовался каким-то письменным или фольклорным источником, в котором имя Санатрук передано было в иной (быть может, аланской или маскутской) передале.

Вскоре после вышеописанных событий, вероятно в ближайшее десятилетие по воцарении в Армении Тирана (338—345 гг.), Албания снова стала ареной военных столкновений между северными народами, с одной стороны, и Арменией и Персией — с другой. «Северные народы, соединившись, прошли через ущелье Чор и поселились в пределах албанских в продолжение четырех лет» и отсюда напали на Армению.³ По словам Моисея Хоренского, Тирану тогда оказал помощь Шапур, царь персидский, и «избавил его от нападения северных народов». У Моисея Каланкатуйского эти данные повторены почти дословно, но историк Албании перемещает роли и Тирану приписывает оказание помощи Сасаниду, на земли которого напали северные народы: «Воцарившись, Тиран заключил мир с персами и, помогая Шапуху, оградил его от нападения северных народов».⁴ Быть может, здесь имеется в виду то, что и Тиран, и Шапур II одинаково были заинтересованы в отражении нашествия северных кочевников.

¹ Там же, гл. 6.

² M. Brosset. Deux historiens arméniens: Kiracos de Gantzac, XIII s. Histoire d'Arménie; Oukhtanes d'Ourha, X s. Histoire en trois parties. Livraison I—II. St.-Petersbourg, 1870-1871, p. 9, § II. — Киракос в XIII в. ошибочно называет Албанию вместо Баласакава-Павтакараиа.

³ Моисей Хоренский, кн. III, гл. 12.

⁴ Моисей Каланкатуйский, кн. I, гл. 13.

Дружественные отношения между Шапуром II и албанами продолжались и в последующее десятилетие. Аммиан Марцеллин, описывая выезд Шапура II перед битвой с римлянами под Амидой в 359 г., сообщает, что сасанидского царя сопровождали: слева царь хионитов Грумбат, справа «царь албанов, равный с первым по месту и почету, позади — различные военачальники, выделявшиеся авторитетом и властью».¹ Начиная с середины IV в. традиционная дружба между Албанией и Арменией была длительно нарушена. В политику Шапура II, пытавшегося подчинить себе все Закавказье, входило постепенное привлечение на свою сторону сначала Албании, в прошлом союзницы Армении, а затем и Иберии, в которую он вторгся в 368 г. Иберские цари в зависимости от политической обстановки вступали в союз то с Византией, то с персами, но после 387 г. они становятся вассалами Сасанидской Персии. В Армении же только несколько нахарарских родов были настроены в пользу Шапура, основная же их часть и, главное, народные массы с переменным успехом вели ожесточенную борьбу с персами, стремясь восстановить свою независимость. В этом им оказывали помощь римские императоры, защищая главным образом Нпсибин и Месопотамию и усматривая в государстве Великой Армении барьер, удерживающий натиск Сасанидов, в планы которых входил захват Армении, Закавказья и Малой Азии до Средиземного моря. В этих ли целях или же в целях превентивных император Юлиан в 361 г. выступил из Месопотамии и подошел к Ктесифону, но был разбит, а преемник его Иовиан заключил в 363 г. с Шапуром II мир, по которому отказался в пользу Персии от Месопотамии и Ниси-бина и обязался не оказывать помощи Армении, где в это время правил Аршак II (345—367).

Правление Аршака II ознаменовано усиленной борьбой с персами, со стороны которых армянам, в том числе и Аршаку II, пришлось претерпеть ряд коварных и предательских действий, а главное — разгром городов и разорение населения. Но царю Папу (369—374 гг.) удалось совместно со спарпетом Мушегом Мамиконяном собрать войско и получить помощь от римского императора Валента, когда в 371 г. Шапур снова появился на территории Закавказья, угрожая Армении и Иберии.

Албания продолжала оказывать помощь персам, к тому же албанский царь Урнаир был женат на сестре Шапура II; династические интересы были противопоставлены интересам народов Закавказья. Когда Шапур II, выступив в поход, стал распределять свои войска против римского и армянского войска, то находившийся при нем албанский царь Урнаир просил у персидского царя как награды права «самому со своим отрядом выступить против армянского войска

¹ Аммиан Марцеллин, кн. XVIII, гл. 6.

царя Папа», но с тем, чтобы персы выступили против римского войска.¹ Шапур не возражал, но против армян выступили и персидские войска и с ними «албанский царь Урнаир со своим отрядом», который собирался, видимо, сражаться и с ромейскими (греческими) войсками, так как предупредил сопровождавших его лиц, что «когда мы заберем в плен греческие войска, то многих из них надо оставить в живых, мы их свяжем и отведем в Албанию и заставим их работать как гончаров, каменотесов и кладчиков для наших городов, дворцов и других нужд».² Сражение, имевшее место на Дзиравском поле, около горы Нпат, в районе Багавана, носило ожесточенный характер и закончилось победой армян и римлян. «Армянский спарапет Мушег бил жестоким боем персидские войска и, дождавшись встречи с албанским отрядом, разгромил и эти войска. Он настиг также албанского царя Урнаира, когда тот пустился в бегство. Подъехав близко, он концом своего копья долго бил его по голове, приговаривая: „Будь благодарен, что ты царь и носишь венец на голове, я царя не убью, если даже меня ждет наказание за это“. И он позволил ему бежать вместе со своими всадниками в албанскую страну».³ Это обстоятельство впоследствии неоднократно ставилось в особую вину Мушегу.

В следующей главе Фавст сообщает, что когда через некоторое время Шапур снова стал готовиться к походу против армян, то «албанский царь Урнаир тайно послал весть Мушегу. . . и осведомил его, говоря: „Очень благодарен тебе за то, что ты не убил меня; бог предал меня тебе в руки, а ты пощадил меня; этой твоей любви я не забуду, покуда я жив. Но я уведомляю тебя, что персидский царь Шапух готовится со всеми войсками неожиданно напасть на тебя».⁴ Мушег и римский полководец Терентий заблаговременно подготовились к встрече с врагом и нанесли Шапуру вторичное поражение. Участвовал ли Урнаир со своими конниками и на этот раз на стороне Шапура II, неизвестно; более вероятно, что, послав предостережение Мушегу, он на этот раз, после понесенного поражения, воздержался от участия в бою.

Моисей Хоренский описывает Дзиравское сражение в пространной главе.⁵ Говоря о помощи, оказанной армянам со стороны Рима, он вместо Валента ошибочно называет императора Феодосия, правившего с 379 г., т. е. восемь лет спустя после этого сражения. Из его текста выясняется, что на стороне персов сражались не только албаны, но

¹ Фавст Бузанд, ук. соч., кн. V, гл. 4.

² Там же. — Об этом см. стр. 272.

³ Фавст Бузанд, ук. соч., кн. V, гл. 4.

⁴ Там же, гл. 5.

⁵ Моисей Хоренский, кн. III, гл. 37.

и леки, ¹ отряд которых под предводительством их царя, «храброго Шаргира», был опрокинут и обращен в бегство. «С ними вместе и Урнаира, царя албанов, израненного Мушегом. . . принудили покинуть поле сражения» (о великодушии Мушега, отпустившего Урнаира, у Моисея Хоренского ничего не говорится).

Албанский историк Дзираваскому сражению и вообще походу Шапура с албанами против армян уделяет только несколько строк, которые были бы вовсе непонятны, если бы не имелись соответственные главы у Фавста Бузанда и Моисея Хоренского. Моисей Калан-катуйский пишет: «Умер Аршак [II], воцарился Пап, возмутился Меружан Арцруни, умышляя себе гибель Ахптовеля.² Тогда храбрый Шаргир, царь леков, умер от рук Спандарата Камсаракана. Там же Урнаир, царь Албанский, получает большую рану от Мушега Мами-коняна».³ Как видно из этих слов, у албанского историка ничего не говорится о персах и Шапуре, точно борьба шла только между армянами и Урнаиром с его союзником, царем леков. Историк Албании, которая тесно связала в V—VII вв. свою судьбу с Арменией и Иберией в борьбе против общих врагов в лице то персов, то хазаров, то византийцев, то арабов, неудобно было, по-видимому, в VII в. писать о союзе албанов с персами против закавказского народа.

О событиях, последовавших за Дзправским сражением в 371 г. и коснувшихся также Албании, сообщает Фавст Бузанд, как известно, писавший свой труд в конце IV—начале V в., т. е. вскоре после нижеследующих событий: «Когда прекратилась война с персами. . . армянский спартапет Мушег стал громить тех, кто восстал против царства Аршакуни»,⁴ т. е. тех, кто во время персидского нашествия 371 г. примкнул к Шапуру II. В перечне стран, среди которых упоминаются и Иберия,⁵ и Арцах,⁶ и Атрпатакан,⁷ и каспы,⁸ и др., говорится и об Албании: «Пошел [Мушег] войною также на страну албанов и жестоко разгромил их. Отнял у них много гаваров, которые ИМИ были захвачены, — Ути, Шакашен и Гардманадзор, Колбисопре-дельные им гавары. Реку Куру сделал границей между своей страной и Албанией, как было раньше. Многих из главарей убил, остальных

¹ Леки—леги, один из горских народов, обитавших по р. Самуру, по соседству с албанами. Г. Халатьян (Армянские Аршакиды. М., 1903, т. I, стр. 264) полагал, что потомками легов являются не лезгины, а казикумухи, «называющие себя и теперь лаками».

² Ахитовель — библейский образ.

³ Моисей Каланкатуйский, кн. I, гл. 13.

⁴ Фавст Бузанд, ук. соч., кн. V, гл. 8.

⁵ Там же, гл. 15. ⁶ Там же,

гл. 12.

⁷ Там же, гл. 8.

⁸ Там же, гл. 14.

обложил данью и взял у них заложников».¹ Из этого текста мы узнаем, что в ходе борьбы Персии с Арменией Урнайр отнял у Армении ряд областей, теперь ей возвращенных, что до этого граница между Арменией и Албанией проходила по Куре, которая теперь была восстановлена, но, правда, не надолго, так как после раздела Армении в 387 г. граница снова переместилась.

В 387 г. имел место раздел Армении между римлянами и персами,² а в 428 г. прекратилась династия Аршакидов в восточной части Армении. Источники ничего не сообщают об Албании в этот период, хотя все вышеизложенные события не могли не отразиться на ее судьбах. Из сопоставления данных в армянских источниках можно заключить, что после 387 г. албанским царям удалось присоединить к своим владениям области Арцах (Карабах) и Утик.³ Таким образом, в V в. пределы Албанского царства расширились: в него входило и правобережье Куры, от Хунаракерта до впадения Аракса в Куру, включая древние области Шакашен, Утик, Арцах и область города Пай-такарана.

О периоде до 450 г. источники ничего не сообщают. В это время в Албании, как в Армении и в Иберии, развитие феодальных отношений несомненно сопровождалось, с одной стороны, борьбой между царской властью, стремившейся к централизации, и светскими феодальными князьями, пытавшимися обособиться, и, с другой стороны, между царской властью и высшим духовенством, расширявшим свои земельные владения за счет царских земель. Персы, которым принадлежало верховенство в восточной Армении и которые простерли свою власть и над Иберией и Албанией, держали в этих странах сильные гарнизоны якобы для защиты их от северных кочевников и умело пользовались внутренними разногласиями, чтобы подчинить себе народы Закавказья, дотоле сохранявшие внутреннюю автономию. Елише, современник этих событий, и Лазарь Парбский, а затем и Моисей Каланкатуйский сохранили нам хотя и не вполне связное, но яркое описание событий второй половины V в., когда Армения, Албания и Иберия совместно отстаивали свою независимость. Вассальная зависимость нахараров армянских и феодалов Иберии и Албании выражалась в подчинении персидскому марзпану, соединявшему в своих руках и военную и гражданскую власть и сидевшему сначала в Арташате, потом в Двине.

¹ Там же, гл. 13.

² Линия раздела между Римом и Персией, между ромейской и персидской частями, шла от Феодосиополя—Эрзерума (на ромейской стороне) на севере и до Нисибина (на персидской территории) на юге (С. Т. Е р е м я н, ук. соч., карта I—IV вв.).

³ J. M a r q u a r t. Eransahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenaci. Berlin, 1901, S. 118.

В 438 г. в Персии воцарился Иездегерд II, прославившийся своей настойчивой и жестокой борьбой с народами Закавказья.

В 441 г. марзпаном Армении был назначен местный нахарар Васак Сюшшский, коварный и лицемерный предатель, как это выявилось в процессе борьбы народов Армении за свою свободу.

Так как Персии в это время угрожали хиониты (кушаны), то подготовка похода против них требовала больших средств и легла на плечи народов Закавказья. Пездегерд вдвое увеличил размеры выплачиваемых ими налогов, а кроме того, решил, вызвав себе на помощь конницу армян, иберов и албанов, ослабить тем самым сопротивление стран Закавказья, обескровить их.¹ Елише приводит послание Сасанида к народам Закавказья, в котором после вступительной части говорится: «Мы задумали непреложный замысел: двинуться, пойти в страну восточную, с помощью богов подчинить нам государство кушанов. Вы, как только увидите сие послание, непреложно, непременно отправьте конницу, опережая меня, встретьте меня в стране Апар».² Елише продолжает: «Такого образца послание было получено в стране армян, стране иберов, и стране албанов, и стране лыпнов, и стране цавдеев.³ Рать составлялась в Великой Армении из азатов и сыновей азатов, и востаников⁴ — людей из царского удела, и по этому же примеру в Иберии и Албании и в стране Лыпнов, а также из различных краев юга. И доверчиво, не поняв двуличный замысел царя, двинулись, пошли каждый из своей страны бодро, беззаботно, радостно».⁵

Из этих слов историка явствует, что в середине V в. лбины не входили в состав Албании⁶ и что конница албанская, по примеру армянской, составлялась «из азатов и сыновей азатов и востаников — людей из царского удела», т. е. что общественная структура феодальной Албании была сходна с общественной структурой Армении и Иберии. Когда конница дошла до страны Апар, где собирал свое войско персидский царь, то он «отправлял из их числа отдельные отряды в отдаленную страну, в крепости пустыни для военных боев с врагами царя»,⁷ т. е. с хионитами. Но персидское войско было разбито хионптамп. Пездегерд снова стал набирать контингенты войска

¹ Е л и ш е. О Вардане и Армянской войне. Критическое изд. текста, выполненное Е. Тер-Минасяном. Ереван, 1957, стр. 10 (перевод И. А. Орбели).

² Апар — район Нишапура.

³ Цавдеп-содии (Плиний, кн VI, гл. 10) жили на среднем течении Иоры (по мнению С. Т. Еремина).

⁴ О востаниках см.: А. Г. П е р х а н я н. Древнеармянские востаники. ВДИ, 1956, № 2, стр. 44—58. — Азаты — родовитые мелкие землевладельцы.

⁵ Е л и ш е, ук. соч., стр. 10.

⁶ Лбины обитали на верховьях Алазани, к северу от Кахетии (С. Т. Е р е-м я н, ук. соч., карта V—VII вв.).

⁷ Е л и ш е, ук. соч., стр. 21.

и увеличивать налоги, взимаемые с народов Закавказья, что, естественно, вызывало волнения в стране армян, иберов и албанов. Для того чтобы обезопасить себя от враждебных действий с их стороны, персы решили крепче привязать к себе эти страны, навязав их народам общую с персами зороастрийскую религию. Соответствующее повеление царя было послано во все страны и в первую очередь в Армению. «Когда армяне будут крепко нашими, то тогда иберы и албаны уже наши», — говорили царю приближенные.¹ В обращении к армянам тоже повторялось: «И когда ивы, как мы, будете последователями наших истинных законов [т. е. веры], то и иберы и албаны не решатся выйти из-под нашей и вашей воли»,² — из чего лишний раз можно заключить, что три закавказских народа были в этот период и политически и культурно тесно между собою связаны. Но Иездегерд этим не ограничился. Он направил «указы в страны Армению, Иберию и Албанию» с вызовом к себе всех «танутеров и старших сепухов всех трех стран».³ Этот указ достиг «всех трех стран, Армении, Иберии и Албании».⁴ Историк Албании пишет: «Строгое приказание достигло Албании оставить веру и подчиниться языческому учению магов».⁵

Лазарь Парбский ярко описывает последующие события: «После этого все три страны провели между собою переговоры и договоры и с многими клятвами на евангелии утвердили. Размышляли, что не поехать — вызвать мысль о восстании, а отправиться — возмущались и опасались; считали все же поездку предпочтительной и призывали бога на помощь в исходе этих дел... И так объединившись обетом и клятвой, все три страны, Армения, Иберия и Албания, отправились ко двору».⁶ Лазарь Парбский дает перечень танутеров армянских, «отправившихся ко двору», называет и некоторых иберских, но имен албанских князей он, к сожалению, не приводит.

Князья явились к Иездегерду в Ктесифон, и царь приказал «привести пред лицо его прибывших из Армении, Иберии и Албании»⁷ и грозил в случае их упорства следующим: «... вас, Армения, Иберия и Албания, я ни за что не считаю, несмотря на столь великие от вас пользу и заслуги, а вас с женами и детьми и родом искореню».⁸

¹ Л а з а р ь П а р б с к и й . История Армении. (На ар. м. яз.). Тифлис, 1904, стр. 43 (перевод И. А. Орбели).

² Там же, стр. 44.

³ Там же, стр. 47. — Остается неясным, являлся ли вызов вторым посланием или князья вызывались по тому же указу, по которому предлагалось принять зороастризм.

⁴ Л а з а р ь П а р б с к и й , ук. соч., стр. 47. — Танутер (ар. м.) — нахарар, старший в роду. Сепухи (ар. м.) — младшие нахарары в данном роде.

⁵ М о и с е й К а л а н к а т у й с к п и , кн. II, гл. 2. ⁶

Л а з а р ь П а р б с к и й , ук. соч., стр. 47.

⁷ Там же, стр. 48.

⁸ Там же.

Царю бесстрашно отвечал спарапет Армении Вардан Мамиконян, и эти слова услышали «другие азаты, которые были из всех трех стран, Армении, Иберии и Албании».¹ «Тогда, собравшись в одно место, все нахарары, которые были из трех стран, Армении, Иберии и Албании, испытывая сомнение в себе, посовещались между собою, каким способом и измышлением смогут они найти выход из этого дела».² Вардан Мамиконян сначала и слышать не хотел «от нахараров Армении, Иберии и Албании»³ о предложении притворно дать царю согласие на принятие учения магов, но потом, услышав «все эти речи из уст знати трех стран. . . залившись слезами, принял на себя на время притворно понести ранение [т. е. изменить христианству] ради всех трех стран и множества мужей и женщин в них».⁴

Танутеры, сепухн и азаты всех трех стран пошли в «дом жертвенника» (зольника) и поклонились огню. После этого, «облачив танутеров и сепухов всех трех стран, Армении, Иберии и Албании, в царские одежды. . . одарив их почестями [патив], деревьями и агараками», отпустил их Иездегерд на родину. Елише, излагающий факты без оценки их, пишет, что царь «отправил с ними много конницы и из могов немалое число — более семисот наставников с ними послал, а над ними поставил некоего князя — могопта».⁵ Иначе пишет об этом же Лазарь Парбский: «Дали с ними множество лже-наставннков, которых и могами называют, побуждали учиться учению смехотворных дуновений и словам для бормотания под нос, как заклинатели змей и чревовещатели. Поручение давали во всех трех странах учредить школы обмана и учить всех поголовно, мужей и женщин, учению могов».⁶

Обращает на себя внимание у Лазаря Парбского постоянное повторение слов «все три страны» и постоянный перечень «Армения, Иберия и Албания», чем автор, видимо, подчеркивает полное единодушие и единение представителей этих трех народов в годы тяжелых испытаний. Лазарь Парбский продолжает: «И простившись затем со всеми, [князя] всех трех стран, Армении, Иберии и Албании, взяв с собою сонмы могов, вернулись каждый в свои страны».⁷ Елише интересно описывает обратное путешествие, во время которого маги «бросали палку и металы жребий о том, какое племя [язык?] какому разряду [могов] достанется в учение, ибо было полу-

¹ Там же, стр. 49.

² Там же, стр. 50.

³ Там же, стр. 51.

⁴ Там же, стр. 53.

⁵ К л и ш е , ук. соч., стр. 51.

⁶ Л а з а р ь П а р б с к и й , ук. соч., стр. 54.

⁷ Там же, стр. 55.

чено от дворца общее повеление как об Армянской стране, так и об Иберской и об Албанской и о стране лпинов».¹

Приехав на места, «отряды могов спешно заставляли нести огонь в храм святыни господней и в других замечательных и красивых местах строить атрушаны».² Таким образом, до постройки зороастрийских храмов христианские церкви после выноса из них храмовых святынь превращались в храмы огня; в то же время силами местного населения началось возведение храмов огня, отличавшихся особой архитектурой.³ Все это, естественно, возбуждало негодование населения, несмотря на то, что, кроме стоявших уже в крепостях гарнизонов, были введены еще персидские конные отряды.⁴

Сначала население пассивно противилось попыткам внедрить в его среду новое вероучение. Лазарь Парбский сообщает, что «жены нахараров, которых моги предполагали обучать, даже видеть их [могов] брезгали и настоятельно приказывали воспитателям своих сыновей и дочерей даже не проводить [их] близко от них [могов], а мужья [мужи], которые притворно выставляли себя отступниками, даже не позволяли жженаставникам и есть [вкусать хлеб] в своем присутствии».⁵

В это время марзпан Васак проводил двойную игру: с одной стороны, он подстрекал армян, албанов и иберов к восстанию, а с другой — вел переговоры с могпетом о дальнейшей тактике и пытался склонить часть нахараров на сторону персов и в этом частично преуспел. Знать Васак пытался склонить к отступничеству богатыми дарами и «увещевательными речами», а широкие массы населения, рамиков, — «угрожая им грозными словами».⁶

Большой интерес представляет рассказ Елише о том, как «привезли от дворца множество сосудов и каждому тайно вручали взятку под видом почетной награды и многими коварствами соблазнили простодушных людей и перетягивали их на свою сторону».⁷ «Множество сосудов», раздававшихся в виде почетной награды, — это, вероятно, сасанидские серебряные блюда с портретами царей и другие сосуды (табл. 4),⁸ некоторое количество которых обнаружено на Кавказе и в подражание которым на месте изготовлялись аналогичные сосуды. Следует отметить, что это, насколько мне известно,

¹ Елише, ук. соч., стр. 51.

² Лазарь Парбский, ук. соч., стр. 56 (атрушан — жертвенник для священного огня).

³ К. Е r d m a n n. Das iranische Feuerheiligtum. Leipzig, 1941.

⁴ Елише. ук. соч., стр. 51.

⁵ Лазарь. Парбский, ук. соч., стр. 60.

⁶ Елише. ук. соч., стр. 63.

⁷ Там же.

⁸ И. А. Орбели п К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.—Л., 1935.

единственное письменное свидетельство о привозе сасанпдского серебра на Кавказ.

Деятельность магов вызвала народное восстание, которое вскоре приняло такие размеры, что не пострадавшие еще служители зороастрийского культа готовы были вернуться на родину, чтобы унести свои головы, но их удерживал марзпан Васак, советуя могпету написать «ко двору относительно [персидской] конницы, которой в Албании десять тысяч, чтобы пришла она на зимовку в Армению. а мы будем иметь ее под рукою, [тогда] никого не будет, кто бы смог отвергать царский приказ».¹ Персидская конница, о которой говорил Васак, находилась в районе Чора в Албании, куда она в это время вернулась после похода против хонов.

О ситуации в Албании сообщает Елише (а с его слов и Моисей Каланкатуйский). «В Армению из Албании прибыли хазарапет с епископом Албании и в великом смятении торопили войска [армянские], говоря: „Полк персидский, который был в краях хонов, вернулся, прибыл, вступил в пашу страну, а также многочисленная другая конница, что прибыла от двора. И кроме всего этого, еще и триста могов-наставников привели с собою, всполошили страну и кое-кого перетянули на свою сторону и хотели наложить руку на церковь и, по велению царя, всех торопили и говорили: «Если по доброй воле примете законы, получите от него подарки и почести [патив] и будет вам от казны сложение податей [харк]»"». ² Из этих слов узнаем, что из семисот магов, посланных из Персии, триста предназначены были для обращения албанов и что с магами прибыла персидская конница для устрашения и воздействия. По-видимому, и в Албании маги встретили противодействие, так как Елише говорит, что они «хотели наложить руку на церковь», но, видимо, не наложили еще, пытаясь соблазнить христиан почестями и подарками и, главное, сложением податей.

В случае послушания маги грозили построить храмы огня (атрушаны) в деревнях и городах, «поставить могов и могпетов законодателями» всей страны, грозили смертной карой, обращением жен и детей в рабство.

По словам Моисея Каланкатуйского, «армяне посовещались, ободрили албанов и отпустили их, чтобы они на время притворно отвлекли [внимание] персов, чтобы маги не наложили руки на церкви, пока будет найден исход этому делу».³ Было решено действовать сообща армянам, иберам и албанам; начаты были переговоры с хонамп. которые обещали помочь союзникам против общего врага. Обра-

¹ Елише, ук. соч., стр. 63.

² Там же, стр. 70.

³ Моисей Каланкатуйский, кн. II, гл. 2.

тились за помощью и к византийскому императору Феодосию II, но когда тот внезапно умер, то преемник его, Маркиан, отказал им в помощи. А народное ополчение, к которому примкнули и многие нахарары со своими отрядами, в это время громило крепости и замки, в которых находились персидские гарнизоны, и изгоняло персов. Елише перечисляет эти крепости: Арташат с его аваном, «неприступные крепости Гарни, Анн, Артагерс и их аваны» и многие другие.¹ В это время персидский хазарапет Михрнарсе «прибыл в город Пайтакаран, снаряжает полки с албанами, отправляет в Армению»,² т. е., пользуясь притворным подчинением албанов, включает их в свои полки и направляет их против армян, с которыми албаны заключили тайный союз. Положение албанов было более чем тяжелым, поэтому «заты Албании, которые были в договоре с Арменией, настойчиво торопили [армян] поспеть к ним и там в Албании ударить [персам] в лоб боем».³

Вардан Мамиконян, которого союзные войска избрали своим спарпетом, разделил войска на три части: одна армия должна была охранять границы Армении со стороны Атропатены, где формировались персидские полки; вторая армия под начальством Вардана должна была пройти через Иберию, соединиться здесь с иберскими войсками и начать действия на территории Албании против Себухта,⁴ персидского марзпана в Чоре, разбить неприятельские войска, оказать тем самым албанам обещанную помощь и обезопасить себе тыл.⁵

Третья армия должна была остаться внутри Армении, ее возглавлял марзпан Васак Сюни. Пока Вардан добирался до Албании, изменник Васак сообщил персидскому военачальнику, что армянские силы разбиты на части и таким образом ослаблены, и о том, что Вардан с небольшим войском идет в Албанию. Это он сообщил и марзпану Чора Себухту, «который не стал выжидать в краях Чора, а сосредоточил все множество своих войск и спешно перешел большую реку, именуемую Кур, и встретился [с Варданом] близ границ Иберии, против города Халхал,⁶ который был зимней ставкой царей Албании».⁷ Здесь войска построились для боя, во время которого армяне опрокинули персов и «гнали их до недоступных

¹ Елише, ук. соч., стр. 68.

² Лазарь Парбский, ук. соч., стр. 63.

³ Там же.

⁴ Моисей Каланкатуйский называет его Мирсебухт (кн. II, гл. 2).

⁵ С. Т. Еремян. Освободительная война армян против персов. ВДП, 1952, № 4, стр. 54 и сл.

⁶ Халхал — около нын. Казаха.

⁷ Елише, ук. соч., стр. 75; Лазарь Парбский, ук. соч., стр. 65, Моисей Каланкатуйский, кн. II, гл. 2.

Мест в лесах, у обрывистых берегов реки Лопнас». ¹ Здесь «противостали им [армянам] некоторые из царевичей царя Баласакана». ² Персам помогали не только баласаканы, но и лпины под водительством «храброго Вурка, брата царя лпинов, который был убит в этом бою вместе с многими его хамхарзами». ³ По словам Елише, большинство персов было сброшено в реку. Албанский историк рассказывает об этом подробнее: «Так как всякий валил на землю своего соперника, то по жестокой стремительности нападения беглецы более утопали в реке, чем падали от меча на суше. От множества павших чистая вода реки обратилась в кровь, никто не спасся из них. Только один из войска неприятельского, скрывшийся в непроходимой гуще лесов, сел вооруженный на чужого коня, переплыл великую реку и едва спасшись, принес печальную весть в главный лагерь, который отступил в Шахастан». ⁴ Так как гонец переплыл Куру, которую персы перешли перед боем, то следует полагать, что основная ставка персов во время боя оставалась на территории Албании, на левом берегу Куры, и что покинули они ее только после понесенного поражения.

Трудно судить о том, являются ли слова Моисея Каланкатуйского о несметной добыче золота и серебра, оружия и украшения, которую войска Вардана собрали после боя, только риторической фразой или же действительно в руки победителей попало не только богатое оружие убитых персов, но и все то, что находилось в Шаха-стане, в ставке Себухта на левом берегу Куры, откуда персы после сражения, вероятно, бежали. Союзные войска, как говорит Елише и подробно рассказывает Моисей Каланкатуйский, после поражения, нанесенного ими персам, «напали на замки и города, что имели персы в стране Албанской, крепко сражаясь и сжигая крепости [и] замки», а представителей зороастрийского культа предавали мечу. ⁵ В это время понемногу в Албанию стали возвращаться бежавшие от персов в горы Кавказа албанские нахарары и шинаканы и присоединялись к войску Вардана. Далее все три историка сообщают о захвате союзными войсками «пахака стен», т. е. оборонительного укрепления.

Так как по вопросу о локализации этого «пахака стон» существуют разногласия, приведу слова всех трех историков. Елише кратко пишет: «...пошли против пахака хонов, которым завладели силою персы, и взяли и разрушили пахак... а ту дверь дали под власть

¹ Р. Лопнас — ныне Агстев. ² Елише,

ук. соч., стр. 76.

³ Хамхарзы — ближайшие помощники военачальника.

⁴ Моисей Каланкатуйский, кн. II, гл. 2.

⁵ Елише, ук. соч., стр. 77; Моисей

Каланкатуйский,

кн. II, гл. 2. — Шинакан (арм.) — сельчанин.

Вахану, который был из рода царей Албании».¹ Подробнее излагает эти события Лазарь Парбский: «...переправились через большую реку, именуемую Кур-река, и достигли пахака стены, которая находится между владениями [ншханутюн] албанов и хонов, и, найдя там охранителей пахака и многих других персидских воинов, применив меч, истребили и поручили пахак одному царевичу-ал-бану, имя которого было Вахан».² Здесь обращает на себя внимание точное географическое указание — «между владениями албанов и хонов», т. е. прямо указывается на район Бармакской крепости, а не на Аланские (Дарьяльские) ворота,³ которые никак не могут быть локализованы «между албанамп и хонами». Ведь о том, что в 450 г. Дарьяльские ворота якобы принадлежали албанам, ничего не известно; нет сведений и о том, чтобы этими воротами перед этим годом завладели сплюю персы. Если бы прав был С. Т. Еремян, то непонятно было бы, почему охрану этих ворот и прохода поручили не иберскому военачальнику, а албанскому царевичу.

Албанский историк так описывает этот поход: «...они пошли войной на крепость, построенную Иездегсрдом при вратах хонов, которыми насильственно владели персы. Они взяли и разрушили крепость, истребив войска, в ней поселившиеся, и ворота эти поручили некоему Вардану⁴ из рода албанских царей».⁵ «Крепость, построенная Иездегсрдом» — это, по-видимому, крепость Бармак с идущими к морю заградительными стенами,⁶ которые были построены при Иездегерде II на албанской территории к северу от Апшерона для защиты от хонов и других кочевых племен, которые этим путем вторгались в северный Иран.

Албанский царевич Вахан был затем отправлен «послом [в страну] хонов и в другие крепости [амракан] тех мест, чтобы он их склонил присоединиться к ним с войском [гунд]. Они добровольно и охотно, приняв на себя оказание помощи, подтвердили это клятвой».⁷ Албанский историк к словам Лазаря Парбского добавляет: «Услышав об успехах армян, хоны вскоре прибыли на место сражения, сами своими глазами убедились в удаче их и клятвенно по небесному закону заключили союз, приняли клятву христианскую — хранить

¹ Елише, ук. соч., стр. 78.

² Лазарь Парбский, ук. соч., стр. 66.

³ Истории армянского народа, ч. 1. Под редакцией Б. Н. Аракеляна и А. Р. Иоаннисяна. Ереван, 1951, стр. 86; С. Т. Еремян. Освободительная война армян против персов, стр. 55.

⁴ Автор ошибочно приводит вместо Вахана имя Вардана.

⁵ Моисей Каланкатуйский, кн. II, гл. 2.

⁶ См. стр. 268 и ел.

⁷ Лазарь Парбский, ук. соч., стр. 66. Ср.: Елише, ук. соч., стр. 78.

с ними твердое согласие и мир».¹ Из последних слов можно было бы заключить, что переговоры с хонами после обращения к ним Вахана происходили на территории Албании, неподалеку от поля сражения, быть может в городе Халхал, «зимней резиденции албанских царей», и что вел с ними переговоры Вардан Мамиконян со своими союзниками.

Вскоре сюда дошла весть о предательстве Васака, изгонявшего и истреблявшего армянские гарнизоны в крупнейших крепостях и городах, в которые он вводил персидские отряды. Елише перечисляет эти «царские зимние ставки», где были «стоянки войск», — это Гарни, «великий дастакерт», «крепкий Ошакан», «замок Армавир», Аруч, Ашнак и другие, «и все подножье Арагаца и область Арташата, и самый Арташат, и все деревни и аваны».²

Тогда отправился из Албании Вардан и «достиг Армении в 30 дней».³ Васак бежал в Сюник, узнав о его приближении и о том, что заключен договор с хонами.⁴ Вардану ввиду зимних месяцев пришлось расквартировать свое войско в разных областях страны, чтобы обеспечить ему пропитание, а может быть, это вызвано было и другой задачей: иметь наблюдение за пахарарами в разных частях Армении, так как часть их, опасаясь персидского царя, перешла на сторону Васака.

Здесь следует отметить, что о дальнейших событиях 450—451 гг. албанский историк ничего не сообщает, хотя судьбы его народа в эти годы были тесно переплетены с событиями в жизни армян и иберов.

Сидя в Сюнике, Васак разжигал гражданскую войну в Армении и пытался разъединить совместные дотоле действия армян и их союзников. Елише, не вдаваясь в подробности, сообщает, что Васак «нарушил согласие между страной Иберией и Арменией, не дал выступить вперед Албании»,⁵ но в чем состояло это нарушение, неизвестно. Затем Васак посылал во все края страны, «где было много крепостей», в Тморик, Кордик, Арцах, Албанию, Иберию и страну халтиев, гонцов с письмами, в которых «настаивал, чтобы никого [из противной стороны] не удостаивали пристанища».⁶ Верные договору хоны хотели помочь Армении, но Васак «закрыв и запер ворота их прохода и вовсе не давал покоя царю персидскому», призывая отряды в пограничную крепость Чор.⁷ Васаку было

¹ Моисей Каланкатуйский, кн. II, гл. 2. ² Елише, ук.

соч., стр. 79.

³ Моисей Каланкатуйский, кн. II, гл. 2.

⁴ Елише, ук. соч., стр. 80.

⁵ Там же, стр. 93.

⁶ Там же, стр. 94.

⁷ Там же. — Остается неясным, какую крепость Елише называет Чо-ром — укрепление неподалеку от устья Самура или же севернее, в районе

известно, что армяне не могли рассчитывать на помощь Византии и что теперь, когда он нарушил согласие между ними и иберами и албанами, опасность грозила только со стороны хонов, поэтому он требовал персидского подкрепления именно в этом районе. Вардан в это время мог рассчитывать только на оставшихся ему верными нахараров с их отрядами п на народное ополчение, которое он подготавливал к встрече с врагом. -

В это время Нездегерд II потерпел поражение на востоке, вести из Армении говорили о большом восстании, о гибели магов, о подготовке войска Варданом. Васак советовал персидскому царю-ослабить насаждение зороастризма, чтобы приостановить разгоравшееся против персов восстание и выиграть время для подготовки сил, и Иездегерд последовал его совету, притворно разрешив армянам исповедовать христианство, но бдительность их он не обманул. Васак тем временем начал набор войска, которое вместе с персидскими отрядами должно было подавить восстание и привести Армению к полному подчинению. Елише перечисляет народы и племена, нахарары и вожди которых были завербованы Васакком: он «проводил полный набор в стране иберов, войск липнов и члблов, Ват, Гав, Гылвар, и Хырсан, и Хечматак, и Пасык, и Посых, и Пюкован, и все войска Таваспарана, горного и равнинного, и всю крепостную [неприступную] страну гор».¹ II здесь, на территории северной Албании, Васак действовал тем же способом, как за год до этого в Армении, а именно «привлекал одних утварью [серебряной], великими дарами и щедрой раздачей царской казны, а других велением царя, страхом запугивал».²

А великий хазарапет Персии Михрнарсе в это время «укрылся л притаился в городе Пайтакаране». Он требовал от Васака сведений относительно «рати Вардана», осведомлялся о количестве лучников, пехотных щитоносцев, об общем количестве полков, требовал имен военачальников п деталей ратного построения в бою.³

Для устрашения войск армянских Михрнарсе, готовясь к бою, приказал привести «стадо слонов» и на каждого слона дал по три

Дербента. Во всяком случае это не Бармакская крепость, не тот пахак, который пострадал от союзных войск в 450 г., а затем был окончательно разрушен хо-нами в 452 г. (см. стр. 208, 271).

¹ Е л и ше, ук. соч., стр. 94. — Лбины обитали, по-видимому, в верховьях Алазани, чилбы — в верховьях Андийского Койсу, хечматаки, — вероятно,

в районе современного Хачмаса, таваспары — в южном Дагестане, между Дербентским районом и р. Самуром; «неприступная страна гор» — горный район Дагестана; что касается племен Ват, Гав, Гылвар, Хырсан, Пасык, Посых и Пюкован. то это названия, быть может, родственных албанам горских племен, точная локализация которых пока невозможна.

² Е л и ше, ук. соч., стр. 94 и сл.

³ Там же, стр. 96.

тысячи тяжеловооруженных воинов, кроме других видов войск.¹ Елише подробно и интересно описывает боевое построение персов, а также подготовку к бою армянского войска.

После смотра войска в Арташате и выступления Вардана Мамиконяна перед воинами с большой речью армянская армия встретила с неприятельской в области Артаз, на Аварайрском поле на р. Тхмут, южнее Маку. Здесь и произошло знаменитое Аварайрское сражение 26 мая 451 г., закончившееся вничью, хотя силы персов и сунийского войска в три раза превосходили силы армян, а потери неприятельские в три раза превосходили потерн армян, которые храбро сражались, борясь за свою родину и независимость. В этом страшном сражении погиб и Вардан Мамиконян.

Албанское войско в целом в сражении не участвовало, но отдельные родственные им племена, завербованные Васаком, были влиты в войско персов. Хоны, договорно и клятвенно обещавшие помощь армянам, к Аварайрскому сражению не подоспели, но год спустя, опустошив земли племен, помогавших иерсам в 451 г., в разрушив Бармакске стены, они ворвались в северную Персию и разорили ее. Об этом рассказывает Елише: армянские отряды, попавшие после Аварайрского боя в Арцах и здесь, по-видимому, партизанившие, «отнюдь не стали мирно пребывать втихомолку, а часто посылали [гонцов, грамоты] в страну хонов, шевелили и понуждали войско их и напоминали им о договоре, который был ими заключен с Арменией и скреплен нерушимой клятвой... [Хоны] собрали многочисленное войско и сразу, напад, достигли границ Персидского государства и, поразив много областей и еще большое число [людей] взяв в плен, отвели в свою страну и открыто показали царю свое единодушие с войсками Армении. Когда царь услышал обо всем разорении страны и проверил обстоятельства великого сражения, он сломился, сдал в великий своей кичливости и, примолкнув, прекратил каждодневные обманные замыслы. . . Мушкана Нисалаурта со всеми оставшимися войсками снарядил в страну албанов, лппнов и чилбов, и [в страну] хечматаков, и [в страну] таваспаров, и [в страну] хибиованов и во все крепости, которые были разорены войсками хонов по уговору с армянами».² Из этих слов Елише становится ясным, что речь идет о разрушении хонами персидских крепостей в Албании и на территории ряда племен, привлеченных Васаком на сторону персов, которых за это покарала хоны. Далее Елише пишет, что Иездегерд особенно огорчен был разрушением «той пограничной крепости, которую, начав издавна, только-только что смогли построить и которая в это время, будучи взята с легкостью,

¹ Там же, стр. 128.

² Там же, стр. 128 и сл.

была разрушена, причем не было даже надежды на ее построение [вновь]».¹ Таким образом, после Аварайрского сражения армяне борьбы не прекращали, но эта борьба носила теперь партизанский характер и становилась для персов весьма тяжелой, особенно в связи с теми походами, которые последние предпринимали против эфталитов в Средней Азии. Этим объясняется политика уступок, которой стала придерживаться Персия в отношении Армении, хотя руководители восстания, светские и духовные армянские князья, подверглись наказанию — казням и ссылкам. Был, наконец, изобличен в двуличии и предательстве Васак Сյонийский и после суда в Персии предан казни.²

Перед тем как вернуться к событиям в жизни самой Албании, следует отметить, что Моисей Каланкатуйский о событиях 451 г. ничего не сообщает. Глава, посвященная событиям 450 г., происходившим на территории Албании, у него кончается словами: «Сведав о победоносном прибытии храброго Вардана в союзе с хонами и албанами, Васак убежал от лица его. Он подвергся злой участи по злему нраву своему и не нашел даже и от бога милости. Это произошло во время Иездегерда, царя персидского, между албанамп и армянами с помощью всевышнего».³ Автор, видимо, сознательно не касается сражения 451 г., поскольку Васаку удалось к этому времени рассорить албанов с армянами и они в этом бою, как говорилось уже, не участвовали. Но коварный умысел Васака был албанамп впоследствии осознан, поскольку историк говорит о его «злом нраве».

Следует отметить также, что Васак, внеся раздор между армянами и иберами и «не дав выступить вперед Албании», в известной мере подготовил исход Аварайрского сражения. Как говорилось выше, в 450 г. иберы действовали в союзе с албанамп и армянами, а в 451 г.—в союзе с Васакем Сյонийским на стороне персов. Аварайрское сражение, хотя и не принесло победы, но оно не могло не отразиться и на судьбах соседних народов Закавказья. Через шесть-восемь лет посло вышеописанных событий в Албании вспыхнуло новое восстание против персов. В 457 г. умер Иездегерд II, и между его двумя сыновьями, Ормиздом и Перозом, нача-

¹ Там же, стр. 129. — Как говорилось выше, речь идет о Бармакской крепости.

² И. Г. Адонцем была сделана попытка реабилитировать Васака, объяснить кажущееся двуличие в его поступках дипломатическими приемами на благо Армении, а также пристрастным к нему отношением некоторых армянских историков (И. Г. А д о в в, Марзбан Васак перед судом историков. ЗВО, т. XV, 1904, стр. 0122 и ел ; С. Т. Еремян. Освободительная война армян против персов, стр. 60).

³ Моисей Каланкатуйский, кн. II, гл. 2.

лась борьба за престол, а в такое время персам трудно было сдерживать нарастающее возмущение албанского народа против своих угнетателей. Правителем Албании был Ваче II, сын сасанидской царевны, дочери Иездегерда II и албанского царя (Арсвагена?).¹ Одним из проявлений восстания было отречение Ваче от зороастризма. Сначала он был христианином, но потом Иездегерд II принудил его принять религию персов.² Елише пытается объяснить отказ Ваче от религии магов только религиозными причинами — нежеланием быть отступником, но едва ли следует сомневаться в том, что основными могли быть причины политические, связанные с недовольством народных масс хозяйничанием магов в стране, усилением налогового гнета, вызванного неудачными войнами персов против эфталитов.

Отказавшись под влиянием нараставшего народного возмущения от зороастризма, Ваче обратился в христианство и свою мать и жену.

Клише рассказывает, как наступивший временно в Персидском государстве мир был нарушен вторичным отказом албанского царя от подчинения, что случилось после воцарения Сасанида Пероза, т. е. после 459 г. Ваче открыл проходы Чора И пропустил войска маскутов, затем объединился с одиннадцатью царями (вождями) горных племен³ и, выступив, нанес поражение персам.

Неоднократные попытки персов начать переговоры с Ваче оказывались тщетными. Тогда персы, призвав на помощь хайлындуров,⁴ форсировали Албанские ворота, мобилизовали большое количество хонов и с их помощью начали длительную борьбу с албанамп, принуждая их к повиновению. Война эта привела к опустошению большей части Албании, принесла населению много горя и тяжелых страданий, но не поколебала его мужества в борьбе за свою независимость.

Тогда Пероз обратился к Ваче с просьбой отпустить к нему в Персию его сестру и племянницу, которые в Албании вынуждены были принять христианство, и обещал албанскому царю оставить за это его страну. Дело в том, что в эти годы Пероз вел неудачную

¹ Елише, ук. соч., гл. VIII по изд.: V. L a n g l o i s. Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie, I. II. Paris, 1869. — Как говорилось выше, Урнаир тоже был женат на сасанидской царевне, сестре Шаиура II (стр. 198). Этими дипломатическими браками Сасаниды стремились подчинить себе Албанию.

² Киракос Гандзакский, см.: M. Brosset, 1. c, p. 95, § XI.

³ См. перечень одиннадцати горских племен у Елише (ук. соч., стр. 136), а до него у Фавста Бузанда (кн. III, ГЛ. 7).

⁴ Хайлындур — название одной из орд кавказских хонов у армянских авторов (Елише и др.); по мнению Маркварта (J. M a r q u a r t, 1. c, S. 96, Anm. 3), это наименование носила царская орда хонов

борьбу с эфталитами, и длительную борьбу с албанами он пытался, видимо, закончить этим требованием. Ваче отпустил к Перозу свою мать и жену и, продолжая исповедовать христианство, собирался покинуть Албанию. Почему-то Пероза это намерение Ваче встревожило, и он, прося албанского царя не покидать страны, обещал ему выполнить его пожелания. Ваче попросил Пероза оставить за ним тысячу дымов (родов), которые были выделены ему еще в детстве его отцом, и просьба его была удовлетворена. После этого албанский царь предался жизни отшельника и, по словам Елише, «не помнил больше о том, что он некогда был царем».¹ Все эти переговоры между Ваче и Перозом закончились в пятый год царствования Пероза, т. е. в 463 г., за 21 год до его поражения и гибели в борьбе с эфталитами.

Рассказ Елише производит впечатление недосказанного, все внимание обращено на переживания царя, связанные с его возвращением к христианству, на его тягу к отшельничеству. Это видно хотя бы из рассказа о той тысяче семейств или дымов, составлявших, вероятно, население определенного удела, которые он просил оставить ему как его отцовское наследство. По-видимому, персы все же подчинили себе Албанию, если Ваче, отрекаясь от царствования, у Пероза испрашивал разрешение на оставление за собою отцовского наследства.

Моисей Каланкатуйский почти дословно передает рассказ Елише о восстании албанов и об отречении их царя Ваче от религии магов, а потом от албанского царства.² Елише пишет об открытии ворот в Поре и пропуске через них маскутов, вызванных Ваче на помощь себе, тогда как албанский историк говорит о том, что албанский царь «завалил проход Чора и перевел на ту сторону войска маскутов», по-видимому, здесь надо читать «переведа на эту сторону маскутов»(?).

О походе Пероза против Албании Моисей Каланкатуйский говорит, что большие сокровища персидский царь «велел отправить в Алуандрию, растворил ворота аланские, собрал сильное войско у хонов», тогда как у Елише говорится о хайлындургах и форсировании албанских ворот. Алуандрия, соответствующая стране хай-лындуров, по-видимому, не что иное, как Алания; в таком случае ворота, открытые Перозом, должны были быть Аланскими (Дарьяль-скими) воротами; через них пропущены были аланы, а может быть, и хоны, которых мобилизовал Пероз, подкупив вождей племен «большим количеством серебра». Но возможно и другое объяснение: на помощь были призваны и аланы, прошедшие через Аланские

¹ Е л и ш е , ук. соч., стр. 199.

² М о и с е й К а л а н к а т у й с к и й , кн. I, гл. 10.

ворота, и, с другой стороны, юны, для впуска которых пришлось форсировать Албанские ворота. Елише и Моисей Каланкатуйский, не углубляя вопроса, сообщают каждый о призванных на помощь кочевниках и о проходе их через какие-то перевалы. Принимая во внимание, что борьба с албанами длилась несколько лет и что персы остались, по-видимому, господами положения,¹ весьма возможно, что были привлечены к борьбе с восставшими и аланы, и хоны.

Мне кажется, что И. Маркварт прав, полагая, что хайлындурами у Елише названы кавказские хоны, нападавшие с первой половины V в. на страны Закавказья через Дербентский проход.² При этом И. Маркварт добавляет, что сопоставление данных Елнше с 8-м фрагментом Приска Панийского с полной необходимостью приводит к заключению, что хайлындурами называлась царская орда хонов;³ будучи богато одарена Перозом, она и предоставила ему свое войско.⁴ Но название «Алуандрия» пока точному объяснению не поддается. Если это не страна аланов, а соответствие понятию «царская орда хонов», как полагает И. Маркварт, то, может быть, под этим термином скрывается топонимическое наименование, искаженное название той территории, где находилась ставка царских хонов (?).

Возвращаясь к тексту албанского историка, следует отметить четкую характеристику второго этапа борьбы албанов, когда с помощью хонов персы разграбили страну. Моисей Каланкатуйский пишет: «Хотя войска Ваче уменьшились и рассеялись, но покорить его не могли», т. е. население прибегло, как говорилось выше, к партизанской борьбе с захватчиками, в результате которой персов «постигли сильные удары, они были истребляемы то битвами, то страшными болезнями».

Кое-какие данные, связанные с Ваче, можно почерпнуть и из другой главы того же албанского историка, а именно из приводимого у него письма епископа Гюта, направленного к царю Ваче после отречения его от царства.⁶ Письмо это — своего рода славословие, гимн в честь Ваче, отказавшегося от мирской жизни для жизни с отшельниками. В этом длинном письме имеются кое-какие отдельные детали, восполняющие в некоторой мере наши более чем скудные сведения об этом времени. Нашествие персов и хонов па Албанию Гют описывает следующим образом: «...пришло, за-

¹ J. M a r q u a r t, I c, S. 98. — После отречения Ваче персы разрешили албанам исповедовать христианство, но овладели их страной.

² J. M a r q u a r t, I c, S. 96.

³ Там же, прим. 3.

⁴ Там же, стр. 98. — Маркварт, переводя слова Елнше, называет в этом случае не Албанские, а Аланские ворота.

⁵ М о и с е й К а л а н к а т у й с к и й, кн. I, гл. 11.

⁶ Там же.

стигло тебя разом множество народов языческих с страшными зверями, разнообразными знаменами, многозвучными трубами, страшным воем, лесом копий, лучезарными мечами, золотыми щитами и с крепкими дротиками. . . безбожники хотели с корнями вырвать божественные стези твои; дважды и трижды они были побеждаемы, но не устыдились».¹ Этому описанию вражеского нашествия с упоминанием военных значков или штандартов в виде «страшных зверей»,² знамен, звуков труб, воинственного воя нападающих Гют в другом отрывке противопоставляет стойкость, проявленную Ваче и албанами, сохранившими отцовскую веру, «отечественное предание, утвержденное Урнайром».³ Он пишет: «Отечественная вера страны твоей сохранилась, церкви остались устроенными, часовни в мире, священники в священстве, жертвы на алтарях». Интерес представляет также перечисление наук этого времени. Восхваляя Ваче, Гют восклицает: «Как мне словами рассказать о том, что выше слова, о том, чего четырехстихийный мир наш не в состоянии выразить. Это удел не всех, а тех, которые предалися с жаром наукам,— численной, землемерной, астрономической, врачебной».

Албанский историк упоминает царя Ваче II в главе «Книга имен властителей, показывающая ряд их от Иафета до третьего Вачагана».⁴ (Более подробно о Ваче говорится в другой главе).⁵ Моисей Каланкатуйский ведет его род от «храброго Вачагана, который происходил от великого рода Аршакидов», и помещает его в этом ряду на девятое место, между Арсвагеном и Вачаганом III. Без всякой связи с предыдущим он в конце главы как бы попутно замечает, что «Ваче по повелению Пероза, царя персидского, построил великий город Перозапат, который называется теперь Пар-тав» — город, ставший с этого времени столицей Албании.

481—484 годы являются периодом восстаний народов Закавказья против усилившегося к этому времени гнета со стороны персов, осуществлявшегося через марзпанов и персидские гарнизоны. Борьба Пероза с эфталтами истощала персидскую казну; в связи с этим бремя налогов, выплачиваемых армянами, албанами и иберами, возрастало; для усиления персидского налогового аппарата наследственные привилегии местных нахаров подвергались все

¹ Там же.

² К. П. Тревелер. Сасанидский серебряный штандарт. ТОВЭ, т. III, 1940.

³ Моисей Каланкатуйский, кн. I, гл. 10.

⁴ Там же, гл. 15.

⁵ Там же, гл. 10.

⁶ M k h i t a r d'A i r i v a n k. Histoire chronologique. Перевод на франц. яз.: M. Brosset. Memoires de l' Academie imp. des Sciences de St.-Peters-bourg, VII ser., t. XIII, № 5, 1869, p. 68.

большему ущемлению — все эти обстоятельства подготовляли почву для восстания.

Тяжелая обстановка, сложившаяся при Перозе, ярко охарактеризована два века спустя Себеосом (VII в.), который пишет: «В годы царствования персидского царя Пероза исчезли всякие власти, и порядки, и христианские законы, и наступили такие бедствия, преследования и оскорбления нахараров, что они свергли с себя иго подданства: Вахан Мамиконян восстал, изгнал персов и насильственно захватил власть».¹

Первыми подняли восстание иберы. Царь их Вахтанг Горгасал убил главу проперсидской группировки иберских феодалов питахша Варскена и стал готовиться к военным действиям. Армяне в это время изгнали персов из пределов Армении, разбили в 481 г. персидские войска около сел. Акори, а затем вторично нанесли им поражение в 482 г., при Нерссхапате, недалеко от Аварайрского поля, оваянного славой 451 г.

В это же время восстали и албаны, но об обстоятельствах этого события, о ходе восстания в текстах историков данных не имеется, кроме попутного замечания Лазаря Парбского о том, что когда весть о «страшном восстании» в Иберии дошла до армян, «многие из них в это время находились в стране Албании, в походе против восставшего гарнизона(?). Во главе этого войска стоял Зармихр Хазаравухт, а марзпаном Армении был Атер-Вшнасп Османтян».²

Из этого текста видно, что одновременно с восстанием в Иберии восстал гарнизон (?) в Албании, по-видимому местный, потому что против него выступили стоявшие в Армении персидские войска, в состав которых были включены и армянские отряды, возглавленные Зармихром, вероятно, армянином, а верховное командование осуществлял марзпан Атер-Вшнасп Османтян, тоже армянин. Последнее можно заключить не только на основании его родового имени, но и по следующим словам Лазаря: «Армяне, оставшиеся христианами, которые в это время составляли часть войска, гораздо больше страдали от ревности этих подлых армянских князей, гордых своим отступничеством, чем от проявлений насилия со стороны персидских полководцев. Узнав о восстании царя иберов, сердца их наполнились радостью».³ Эти слова историка несколько освещают историческую обстановку, на фоне которой возникло и протекало восстание в Албании, подавленное, очевидно, силами персов, хотя определенных сведений об этом не имеется. Персидские гарнизоны во всяком случае в Албании оставались, иначе трудно было бы объяс-

¹ Себеос. История. Ереван, 1939, гл. VI.

² Лазарь Парбский. укр. соч., гл. 58 по изд.: V. Lat glois, I, с, p. 326. ³ Там же.

нить бегство персидского полководца Михрана из Иберии именно в Албанию. Дело в том, что когда Вахтанг Горгасал в 482 г. просил армян о помощи, то в числе благоприятствующих восстанию обстоятельств было его сообщение о том, что, «узнав о приближении армян, Михран бежал из пределов Иберии и, охваченный страхом, искал убежища в стране Албании».¹

Восстание в Албании достигло, видимо, больших размеров, потому что после воцарения в Персии Валарша в 484 г. марзпан Михран, докладывая царю о положении дел в Закавказье, между прочим заметил, что «если бы армяне были на нашей стороне, то ни иберы, ни албаны никогда не посмели бы поднять восстание».² Неудачная война Пероза с эфталитами, одновременные карательные экспедиции против народов Закавказья, в том числе и против албанов, разорение и обнищание населения, бросавшего землю и скот и сплывшегося в горах, уменьшение тем самым поступления податей из Закавказья, приводившее к новым репрессиям, — все это обуславливало длительность восстания в Албании, Армении и Иберии вплоть до 485 г., когда после гибели Пероза в 484 г. в Персии воцарился Валарш (485—488 гг.), «который не нашел ничего в сокровищнице персидской, а землю опустошенной».³ Тяжелая политическая и экономическая обстановка, которая сложилась в Иране и попытки Валарша восстановить разрушенное войнами сельское хозяйство⁴ вынудили его заключить с народами Закавказья мир (Нварсакский мир, по названию селения) и пойти на значительные уступки, которые С. Т. Еремянном сформулированы следующим образом: были восстановлены привилегии армянской, иберской и албанской знати и оставлен в нерушимости принцип иерархии нахарарских родов; верховным судьей и сюзереном наха-раров мог быть лишь сам царь; устанавливалась свобода верования; Сасаниды обязывались не навязывать христианам маздеизм, а христиане не должны были обращать в свою веру огнепоклонников.⁵ Размеры повинностей и податей были, по-видимому, также сокращены.

VI век в истории народов Закавказья ознаменован рядом новых исторических факторов, связанных с событиями в двух соседних великих державах — в Персии и Византии, продолжавших соперничество за мировое господство, и с появлением нового государ-

¹ Там же, гл. 62, стр. 336.

² Там же, гл. 75, стр. 353.

³ И е ш у С т и л и т. Хроника, § 18. См. перевод: Н. В. П и г у л е в-с к а я. Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э. М.—Л., 1940, стр. 134.

⁴ T a b a g i. 1. с, SS. 133—134.

⁵ История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства, чч. III—IV. Изд. ИИМК АН СССР, М.—Л., 1939, стр. 120.

ственного образования к северу от Кавказского хребта, в нижнем Поволжье и северном Дагестане,— Хазарского царства.

Из крупных явлений социального порядка, повлиявших на страны Закавказья, следует назвать маздакитское движение в Иране и те социальные явления в Византии, которые под оболочкой религиозных разногласий между монофизитами и халкедонитами распространились и на Закавказье, и на Переднюю Азию. Революционное движение, возглавленное в конце V в. Маздаком, ставило своей целью достижение имущественного равенства и равенства перед законом, а также равенства в семейном быту. Это крестьянское движение, к которому примкнули и ремесленники, связанное несомненно с манихейством¹ и продолжавшееся около сорока лет (488—528/9 гг.), не могло на протяжении этого времени не отразиться и на жизни народов Закавказья, хотя бы в видоизменной форме.

Византийские историки (Феофан, Малала, Агафий, Прокопий), как и сирийские (Нешу Стилит — современник событий) и армянские (Елише, Лазарь Парбский, Себеос), описывающие события *—VI вв., ничего не говорят об отражении этого движения в общественной жизни народов Закавказья; будучи представителями феодальной знати, светской и духовной, или связанные с нею, они, может быть, сознательно умалчивают о маздакитском движении, поколебавшем устои общества и потому подлежавшего быстрейшему забвению.

Только у одного из армянских авторов, у Моисея Хоренского, писавшего в конце V—начале VI в., т. е. в разгар маздакитского движения, можно усмотреть косвенные высказывания, связанные, как мне кажется, с этими событиями. Автор описывает упадок общества после падения династии Аршакидов и патриаршества из дома св. Григория, дает уничтожающую характеристику учителям веры, монахам, епископам, ученикам, народу, воинам, князьям и судьям и заканчивают вдруг словами: «Прибавьте ко всему этому смуты со всех сторон согласно тому, как сказано: „нет мира для нечестивых“». Какие он имеет в виду смуты, из текста не явствует, неопределенно и глухо звучит также заключительная часть, носящая название «Плач. . .», где автор, видимо, суммирует события, происходившие не только на территории Армении, и где отдельные высказывания как бы противоречат друг другу. С одной стороны, он пишет: «Цари царят жестокие, злые, налагающие большие, тяжелые бремена, дающие приказания невыносимые. Начальники равнодушные ко всему и безжалостные. Друзья — изменники;

¹ Манихейство официально было разгромлено в конце III в., но оно получило широкое распространение в Средней Азии в последующие века

враги — усилившиеся. — Вера продана за суетную жизнь. — Нет числа разбойникам, нападающим со всех сторон. — Дома разорены, имущества расхищены». Из этой части следовало бы, что речь идет о тяжелом состоянии разоренных народных масс, которых притесняют «цари», «начальники» и «разбойники». Но непосредственно вслед за этими словами Моисей Хоренский продолжает: «Оковы для начальников, темницы для вельмож, отведение в плен [людей] благородных, бесчисленные бедствия для простого народа. — Взятие городов, разрушение крепостей, разорение селений, пожар зданий. — Голод продолжительный, повсюду болезни и смерть многообразные. — Забыто служение богу и впереди — ад».¹ И в этой части есть противоречивые факты. Взятие городов, пленение начальников и бедствия простого народа могли бы свидетельствовать о нашествии чужеземного войска, принесшего эти бедствия, но последняя фраза «Забыто служение богу и впереди — ад» могла бы говорить о бедствиях другого рода, о тяжелых фактах, сопутствовавших маздакитскому движению в Персии, а может быть, и перекинувшемуся в страны Закавказья, в частности в Атрпатакан, Албанию и Армению.

Историк албанов, Моисей Каланкатуйский, как указывалось выше, имени Маздака тоже не произносит и о связанном с ним большом социальном движении не упоминает. Но при внимательном ознакомлении с текстом, посвященном послемаздакитскому десятилетию, встречаешься с некоторыми высказываниями автора, не связанными друг с другом и производящими впечатление либо остатков какого-то текста, основная часть которого выпала или изъята, либо намеков на что-то общеизвестное. Имею в виду короткую главу, в которой сообщается, что албанский католикос Тер-Абас изгнал еретиков из Албании после получения письма от армянского католикоса Иоанна II (533—551) «об утверждении веры».³

В этой главе сообщается, что «католикос албанский произвел строгое расследование. . . и изгнал из Албании скверных учителей: Фому лицемерного, псалмопевца Илию, Бнота и Ибаса и других, подобных им. Изгнали их в отдаленные земли и восстановили мир».⁴

Что касается изгнанных из Албании «скверных учителей», то сириец Ибас (Hibha) является лицом, известным в истории борьбы несториан с монофизитами в V в. Будучи приверженцем Нестория, он являлся главою богословской школы в Эдессе и епископом этого города; Эфесский собор 449 г. низложил его и требовал от него отре-

¹ Моисей Хоренский, кн. III, гл. 67 («Плач. . .»)

² Моисей Каланкатуйский, кн. II, гл. 8.

³ Там же, гл. 7.

⁴ Там же, гл. 8.

чения от несторианства.¹ Он умер в 457 г., т. е. за сто лет до времени деятельности армянского католикоса Иоанна II (533—551 гг.), с именем которого Моисей Каланкатуйский связывает изгнание из Албании Ибаса.

Речь может идти о каком-то проповеднике, тоже носившем имя Ибаса и жившем в первой половине VI в., но более вероятно, что имеется в виду какой-либо из последователей Ибаса, которые, после того как византийский императором была закрыта школа в Эдессе и члены ее изгнаны, широко разошлись по странам Передней Азии и продолжали свою проповедническую деятельность. Они могли появиться и в Албании, где христианство сравнительно недавно стало пускать корни (преимущественно среди знати) и где последователи Ибаса продолжали, быть может, связывать свое учение с его именем.

Сложнее обстоит вопрос с названным вместе с Ибасом неким Бнотом. Из числа лиц, являвшихся в первые века распространения христианства в Передней Азии носителями религиозных учений, оппозиционных к христианству и зороастризму и потому причисляемых к «еретикам», может быть назван и манихеец Бундос, который при Диоклетиане начал проповедовать сначала в Риме, а потом в Иране свое находившееся в противоречии с официальным манихейством учение.² «Бундос» было, по мнению А. Кристенсена, его прозвищем, а не именем, так как пехлевийское *bavandagh*, армянское *bovandak* означает «совершенный».³

Если Малала (491—578 гг.) прав и Бундос находился в Риме при Диоклетиане, т. е. на рубеже III и IV вв., то на Востоке, куда он направился из Рима, его деятельность могла протекать в первой половине IV в., т. е. за два с лишним века до изгнания еретиков из Албании и за два века до написания Малалой его хроники. Возможно, что и в данном случае мы имеем дело с одним из продолжателей учения Бундоса—Бавандака, появившимся в Албании в целях насаждения здесь одного из течений манихейского толка,⁴ но не исключена возможность, что Моисей Каланкатуйский в данной главе по памяти приводил имена «лжеучителей», живших за два и три века до него, но приурочивал их к недавним событиям VI в.

¹ J. L a b o u r t. *Le christianisme dans l'empire perse*. Paris, 1904, p. 131, 133. Ср.: A. Christensen. *L'Iran sous les Sassanides*. Copenhagen, 1944, p. 291.

² A. Christensen, *l.c.*, pp. 337—338 (см. ссылку на: M a l a l a s. *Migne. Patrologia graeca*, t. XCVII, p. 465).

³ A. Christensen, *l.c.*, p. 339, n. 5 (ссылка на Залемана и Ниберга).

⁴ А. Кристенсен (A. Christensen, *l.c.*, pp. 338—339) усматривает в Бундосе предтечу Маздака-Зарадушта из Фарса.

Как бы то ни было, упоминание Бнота и Ибаса у албанского историка представляет большой интерес, так как, с одной стороны, говорит о знакомстве его с событиями предшествующих веков, а с другой — характеризует общество Албании IV—VI вв., где на фоне древних местных религиозных верований, которых придерживались широкие слои населения, шли распри между насадителями христианства и зороастризма с их «еретическими» течениями — манихейством и несторианством.

Другой отрывок, также с содержанием главы не связанный, имеется в следующей главе, озаглавленной «О восстании народов варварских и о некоторых происшествиях всемирных бедствий, случившихся в стране нашей».¹ Несмотря на такое заглавие, глава эта начинается вовсе не с «восстаний народов варварских», а с вводных слов: «О дивная повесть, которую я намерен возгласить вслух вселенной, ближним и дальним. Не похожи на нее описания разных войн и смут прежних годов, совершившихся у разных народов». Но никакой дивной повести после этого введения автор не излагает. Он приводит две евангельские цитаты (предсказание о войнах) и затем пишет: «И так погрузились мысли мои и рассеялись намерения мои во всемирных поражениях, и я забыл порядок рассказа, которому я намеревался положить основание и рассказать о временах и событиях, совершившихся в Албании, по слову пророка: „Я забыл есть хлеб свой от гласа своих рыданий“». Можно было бы предположить, что под «временами и событиями» подразумеваются «восстания народов варварских», но автор говорит: «. . . оставим на время страх и ужас, еще нас объемлющий, возвратимся к делу, ибо видим многих, желающих слышать, какие поражения нанесли нам бесчисленные орды варваров, окружающих нас». Вот этими словами и ограничивается рассказ о «восстаниях народов варварских», а также о «происшествиях всемирных бедствий, случившихся в стране нашей». Так как глава заканчивается словами о намерении в следующих главах начать рассказ с событий, имевших место на 35-м году правления персидского царя Хосрова II, т. е. в 625 г., то становится ясным, что здесь автор собирается перескочить через много десятков лет, поскольку изгнание «скверных учителей» имело место при Абасе, в первой половине VI в. и поскольку события времени Хосрова II никак не связаны с «гражданскими (?) войнами» первой половины VI в., о которых говорится в восьмой главе.

Представляется весьма вероятным, что и здесь автор чего-то не дорассказал или пропустил, или что-то впоследствии выпало: содержание главы ее заголовку не соответствует. Совсем чужерод-

¹ Моисей Каланкатуйский, кн. II, гл. 9.

ными в тексте девятой главы предстают имеющиеся там слова о «философских сочинениях, налитанных земным духом», об «искусных и красноречивых рассказах иноземцев». Албанский историк, быть может, говорит здесь о сочинениях манихейских и маздакитских, к которым применима была бы характеристика их как «философских сочинении, налитанных земным духом» и «искусно и красноречиво» составленных иноземцами. Сочинения Маздака и его последователей существовали, но все они были преданы огню в те дни, когда Хосров Ануширван, будучи еще наследником, жестоко казнил как Маздака, так и его приверженцев.

Из приведенных выше выписок видно, что и Моисей Хоренский, и Моисей Каланкатуйский воспринимали маздакитское движение как величайшее бедствие, которое когда-либо постигало людей. В связи с этим обращает на себя внимание и оценка, даваемая Табари, арабским историком IX в., революционному движению Маздака: «Все люди попали в общую беду; о таком [бедствии] никогда еще не было слыхано».¹ Эти слова Табари мною приводятся для обоснования моего предположения об отзвуках маздакитского движения в трудах армянского и албанского историков, хотя в них и сделана попытка замолчать это большое событие.

Полагая, что учение Маздака подняло народные массы не только в Иране, но и в странах Закавказья, приходится предполагать, что эти страны должны были испытать и последствия этого движения, выразившиеся в ряде реформ, проведенных Хосровом Ануширваном, главным образом военно-административного и налогового порядка. Ликвидировано было внутреннее самоуправление в этих странах; с этого времени они были подчинены персидскому правителю, который ведал всеми сторонами жизни закавказских народов. Армения, Иберия, Албания и Атрпатакан были объединены в одну военно-административную единицу, а именно в «северный кустак».

При Хосрове был закончен начатый еще при Каваде «учет всех полей, долин и гор»² и была проведена перепись населения; на основании этих данных были определены земельный налог и подушная подать, которая теперь взималась не только натурой, но и деньгами, что вызывало большое недовольство населения.

В Византии в это время правил император Анастасий (491 — 518 гг.), Юстин I (518—527 гг.) и Юстиниан I (527—565 гг.). В начале VI в. в Византии шла своего рода гражданская война — борьба партий цирка, зеленых и синих, являвшихся двумя противоборствующими политическими течениями. Юстиниану удалось на время

¹ Табарі, 1. с, S. 154. ² Там же, стр. 241—242 и сл.

подавить эту борьбу враждебных друг другу политических партий, чтобы сосредоточить силы на борьбе с Персией, которая в этот период велась главным образом из-за Иберии: персы пытались присоединить не только Карлию, но захватить и Лазикю, чтобы выйти к Черному морю в отсюда угрожать Византии. Борьба эта продолжалась много десятилетий, от поры до времени прерываясь перемириями или кратковременными периодами мира. «Вечный мир», заключенный между Византией и Персией в 532 г., дал народам Закавказья только короткую передышку, так как в 542 г. в Лазике опять появились персидские войска, и война снова разгорелась.

На фоне вышеописанной международной обстановки протекала в первой половине VI в. историческая жизнь народов Закавказья, в частности Албании.

Как говорилось выше, албанский царь Ваче II около 401 г. отрекся от престола, и Албанией после этого правили персидские марзпаны. Моисей Каланкатуйский так описывает этот период: «От Ваче до благочестивого Вачагана в продолжение 30 лет Албания оставалась без царя, потому что злобный и нечестивый царь персидский [Пероз] неистовствовал, как бешенный пес, хотел уничтожить все царства мира, совершенно поколебать церкви, искоренить религию христианскую и утвердить в своем царстве гнусное бесопочп-тание».¹ Далее историк сообщает, что одним из приемов, с помощью которых сасанидский царь обращал в зороастризм армянских, иберских и албанских вельмож, была угроза «угона в плен в чужие страны в горькое рабство» их жен и детей. Одних принуждали насилием, других подкупали дарами; в стране строились пиреи, распространялись различные секты. Гонение на христиан понудило многих знатных албанов принять зороастризм, в числе отрекшихся от христианства был и один из представителей албанского царского дома — Вачаган, племянник отказавшегося от царства Ваче II.

Когда после гибели Пероза воцарился в Персии Валарш (484— 488 гг.), то, по словам Каланкатуйского, «жители Албании, снова соединившись в одно царство,² взяли из детей царских храброго, мудрого, рассудительного, прилично(?) и высокого ростом Вачагана, сына Иездегерда, брата Ваче (II), царя албанского, возвели его на престол с помощью Валарша, царя персидского».³ Из этих слов видно, что стремившийся к умиротворению Валарш согласился на восстановление царской власти в Албании, прерванной после Ваче II около 461 г. Когда Валарш прекратил насильственное обращение в зороастризм в «дал повеление, чтобы каждый твердо хра-

¹ Моисей Каланкатуйский, кн. I, гл. 16.

² Об этом см. стр. 219.

³ Моисей Каланкатуйский. кн. I, гл. 17.

нил свою веру, по желанию своему»,¹ то Вачаган, следуя, вероятно, не только своей склонности к христианству, но по внутривластным соображениям, отрекся от учения магов, запретил постройку храмов огня, а «колдунов, чародеев и жрецов [огня]» он «топил или изгонял».² Эти меры он, по словам историка, провел сначала в Арцахе, где зороастризм, по-видимому, пустил более глубокие корни, а затем, как пишет албанский историк, в Гамбече³ и в самой Албании. В связи с открывшейся возможностью исповедовать христианство, Вачаган, по преданию, учреждал школы, вел борьбу с сектами и занимался церковным строительством.

В начале VI в. имело место большое нашествие северо-кавказских народов на страны Закавказья. Об этом событии рассказывает Моисей Каланкатуйский, сообщая о «царе росмосоков с его войсками, с полчищами товельскими(?), собравшем также все войска хо-нов» и прорвавшим, по-видимому, Дербентские укрепления, чтобы «рассыпаться по области утиев и расположиться лагерем около города Халхал».⁴ Этнические термины «росмосоки» и «товель». только в этом тексте встречающиеся, не могут быть должным образом истолкованы; наиболее вероятным представляется, что мы имеем дело с племенными наименованиями, что данный набег был организован и возглавлен этими малоизвестными племенами, входившими, возможно, в разноплеменный в разноязычный аланский союз, и что для данного похода эти народности объединились с хо-нами. В состав войска входили племена, принявшие христианство, судя по тому, что часть их возглавлялась полководцем по имени Феофил, исповедовавшим христианство и потому отказавшимся выполнить приказ царя росмосоков о поклонении и принесении жертв языческим кумирам.⁵ За это он поплатился жизнью вместе «с 30 воинами и сонмом священников».⁵ Эти племена, по-видимому, незадолго до этого приняли христианство, так как историк говорит, что с ними находилось «множество других обращенных».⁶ Главы, посвященные этим событиям и наполненные агиографическими данными, представляют большой интерес, так как они дают хотя и весьма общее, но тем не менее ясное представление о составе тех северокавказских племен, которые начиная с I в. не переставали врываться в страны Закавказья и далее — в Персию, Месопотамию и Я римские, затем ромейские области Малой Азии.

¹ Там же.

² Там же.

³ Гамбеч — вероятно, побережье р. Иоры (?), в древности Камбечан.⁴

Моисей Каланкатуйский, кн. I, гл. 29.⁵ Там же, гл. 30.⁶

Там же.

Плодородные области, скотоводческие районы и богатые города стран Закавказья из века в век притягивали к себе как северокавказских кочевников, так и полукочевые племена, возвращавшиеся из этих походов с богатой добычей, о чем свидетельствуют отдельные находки в погребениях вождей по ту сторону Кавказского хребта.

На вопрос, через какой из перевалов или проходов проникали эти полчища в Закавказье, ответ дает указание историка на город Халхал в области Ути, где после переправы через Куру они расположились лагерем и где происходила организация предстоящего военного похода. Если б они проникли через Аланский (Дарьяль-ский) перевал, то они должны были бы сначала появиться на территории Иберии, но в нее они устремляются уже после остановки у Халхала. Выбор ими именно этого пункта объясняется тем, что Халхал находился на скрещении военных и торговых путей, ведущих отсюда в Иберию, к Мцхете, и в Армению, к Двину и Вала-рашапату.

Следует остановиться на словах историка, сказавшего, что в лагере близ города Халхала царь росмосоков, «избрав трех полководцев, сделал их предводителями великих полчищ и поручил им власть над массой одиннадцати племен. Он приказал им разделиться на три части и напасть на Албанию, Армению и Иберию».² Число полководцев определялось темп тремя странами, на которые собирались напасть северные народности, а что касается указания на 11 племен, то в данной связи следует вспомнить неоднократные упоминания именно одиннадцати горских народов, совершавших набеги на Албанию и соседние с нею страны в IV и V вв.³ Но в том перечне одиннадцати племен, которые сохранил нам Елише, нет ни росмосоков, ни товелов; возможно, что за это время произошло разьединение и новое объединение тех или иных племен, приобретших при этом новые названия, но возможно также, что для данного похода объединились какие-то новые племена, обитавшие в равнинных частях за Кавказским хребтом, и что — хотя для этого нет никаких данных, кроме этнического наименования «рос» в слове росмосоки, — в этом походе, быть может, впервые участвовали и славянские племена (?).

¹ Ср. серебряную чашу с надписью армянского царя Пагора и стеклянный сосуд, найденные в 1935 г. около станицы Даховской Майкопского района Кубанской области (Б. В. Лунин. Серебряная чаша и стеклянная чашка из находок у станицы Даховской. Изв. Ростовского областного музея краеведения, 1940), а также серебряный кубок из Алагирского ущелья (К. В. Т р е в е р. Серебряный кубок из Урздонского ущелья в Северной Осетии. ТОВ, т. IV. 1947).

² Моисей Каланкатуйский, кн. I, гл. 29.

³ См. стр. 211.

К сожалению, нам неизвестно, по какому принципу эти одиннадцать войск были распределены на три части. В Албании действовал полководец Феофил, имя которого указывает как будто бы на то, что он был христианином, по, по словам историка, он «уверовал в бога живого» во время этого похода в результате страха, вызванного чудесным явлением.¹ Если имя «Феофил» он принял во время этого своего обращения в Албании, то высказанное выше предположение, что в составе северных полчищ имелись и христиане, должно отпасть.

Историк пишет об отряде Феофила, что он достиг области Арцах и напал на область Мецкуэнк² (Мец-Когманц) — «холмистые, лесные страны албанские»³ (Мардакертский район Нагорного Карабаха). После совершенных набегов войска снова собрались в Ути, причем Феофил расположился на берегу р. Куры, «близ гавани у разрушенного моста», а царь росмосоков перешел эту реку с востока и встал лагерем «по ту сторону насупротив его»,⁴ т. е. Феофила. Так как у историка говорится, что через Куру вел мост, который в это время был разрушен, то встает вопрос, не может ли это быть большая переправа у Мингечаура, где когда-то имелся мост.⁵

Историк излагает только эти факты, но подробно рассказывает об имевшем место чуде, обратившем Феофила в христианство, об отказе Феофила приносить жертвы кумирам, о его гибели, по ничего не сообщает об албанском населении, о его встрече с врагами, об исходе борьбы. Судя по тому, что царь росмосоков возвращался с пленными и добычей и приносил благодарственные жертвы своим богам, можно предполагать, что албаны не смогли организовать защиту своей страны и подверглись поэтому разорению и частично гибели.

Имя Вачагана в этих главах не упоминается: видимо, события эти имели место после его смерти (510 г.), но до большого нашествия хазар в 552 г. Н. В. Пигулевская, по-видимому, права, относя нашествие, во время которого гунны (не хоны) дошли до Антиохии. к 532 г., основываясь на хронике Захарии Ритора (VI в.). у которого говорится, что в десятом году индиктиона и на шестом году правления Юстиниана «множество гуннов пришло в ромейские области, и они перебили тех, что нашли вне городов. Они перешли реку Евфрат и достигли области Антиохии».⁶ В другой главе

¹ Моисей К а л а ин к а т у й с к и й, кн. I, ГЛ. 29—30.

² Там же, гл. 29.

³ Там же, гл. 28.

⁴ Там же, гл. 40.

⁵ С. М. К а з и е в. Об археологических раскопках в Мингечауре. ДАН Азерб. ССР, 1946, № 10, стр. 446.

⁶ Захария Р и т о р, ук. соч., кн. VIII, гл. о (см.: Н. В. П и г у л о в с к а я Сирийские источники по истории СССР, стр. 160).

Захария Ритор возвращается к этому тяжелому событию, говоря о том, что «прибыли завербованные персами гунны, большое количество народа. Они уничтожили в перебили множество крестьян земли, сожгли селения и храмы, перешли Евфрат и дошли до Антиохии».¹ Это краткое описание нашествия гуннов, прошедших через Армению и дошедших до Малой Азии, приложимо, мне кажется к тому, что было содеяно двумя другими отрядами, с огнем и мечом прошедшими через Иберию и Албанию. В Иберию вторгся, вероятно, Феофил, а Албанию опустошал царь росмосоков, поскольку о нем у Моисея Каланкатуйского сказано, что он подошел к Куре с востока,² а это не могло бы иметь места, если бы он шел из Иберии. Так как Захария Ритор относит нашествие гуннов на Малую Азию к десятому году индиктиона³ и ко времени после смерти Кавада⁴ (531 г.), то Н. В. Пигулевская датирует это событие 532 г.,⁵ т. е. тем временем, когда после Вачагана III Албанией опять управляли персидские правители. В обеих главах, где идет речь об этом бедствии, Захария Ритор указывает на то, что от гуннов главным образом пострадало сельское население («перебили тех, что нашли вне города», «уничтожили и перебили множество крестьян земли, сожгли селения и храмы»); о взятии ими городов ничего не говорится. Н. В. Пигулевская, обратившая на это внимание, объясняет этот факт тем обстоятельством, что гунны — народ полукочевой, слабо владевший техникой осады городов.⁶ Так как албанский историк тоже ничего не говорит о взятии гуннами городов, то мы вправе предполагать, что и в Албании пострадало главным образом сельское население, не имевшее возможности укрыться за городскими стенами.

Сопоставление приведенных выше сведений дает, мне кажется, основание полагать, что двинувшиеся из-под Халхала три войска вернулись к берегам Куры разновременно. Первым закончил поход в Иберию Феофил, причем о характере его похода историк умалчивает, останавливаясь исключительно на факте его обращения в христианство и ограничиваясь кратким указанием на то, что «он приказал отпустить пленных».⁷ О царе росмосоков, грабившем сельское население Албании, сказано больше: «Сам великий царь росмосоков

¹ Захария Ритор. ув. соч., кн. IX. гл. 6.

² Моисей Каланкатуйский, кв. I, гл. 30.

³ Захария Ритор, ук. соч., кн. VIII, гл. 5.

⁴ Там же, кн. IX, гл. 6.

⁵ Н. В. Пигулевская. Сирийские источники по истории СССР, стр. 68.

⁶ Там же.

⁷ Моисей Каланкатуйский, кн. I, ГЛ. 30.

с войсками СВОИМИ возвращался из набегов с многочисленными пленными и с великолепной добычей».¹

Что касается третьего войска из числа тех, которые формировались около Халхала, то оно провело в походах больше времени, чем остальные, и дошло до Антиохии. Этот отряд был завербован персами и в качестве наемников включен в персидское войско, ведшее войну с Византией. Об этом говорит Захария Ритор,² об этом же можно судить по словам Прокопия, отмечающего между прочим, что это были гунны-савиры, «самый воинственный народ», что в количестве трех тысяч человек под начальством перса Мермерия они были направлены в Армению, а затем вторглись в «землю роменскую».³ В это время два других отряда, как говорилось выше, закончив походы, подошли к Куре, где и произошла трагедия с Фео-филом и христианами его отряда.

Принимая во внимание, что гунны, росмосоки и товелы, прорвавшись через Дербентские укрепления, охранявшиеся в это время персами, могли угрожать и самой Персии, то понятным становится, что отряд, наиболее близко подошедший к персидским границам, был завербован персами и направлен подалее от Персии, в области Малой Азии под начальством персидского военачальника.

Остается неясным, что произошло у Албанских (Дербентских) ворот: опрокинули ли кочевники персидские сторожевые отряды, охранявшие этот проход, или же они были ими пропущены в расчете на то, что своими набегами на страны Закавказья они ослабят армян, иберов и албанов, мешавших им в их борьбе с Византией.

В середине VI в., в правление Хосрова I Ануширвана в Персии и Юстиниана I в Византии, Албания подверглась вновь страшному нашествию с севера, а именно нападению хазар, принесшему неисчислимы бедствия. Об этом в «Истории Албании» говорится выразительно, но предельно кратко: «Страна наша подпала под власть хазар; церкви и писания преданы были огню. Тогда во второй год Хосрова, царя царей, в начале армянского летоисчисления,⁴ перенесли престол патриарший из города Чора в столицу Партав ввиду хищнических набегов врагов креста господня».⁵ Партав, основанный якобы по повелению сасанидского царя Пероза, т. е. во второй половине V в.,⁶ в названный сначала Перозапатам, за истекшие

¹ Там же.

² Захария Ритор, ук. соч., кн. IX, гл. 6.

³ Прокопий Кесарийский. Персидские войны, кн. I, гл. 15.⁴ Начало армянского летоисчисления — 551 г.⁵ Моисей Каланкатуйский, кн. II, гл. 4.

По Моисею Каланкатуйскому (кн. I, гл. 15), Партав был основан царем

60—70 лет быстро, видимо, превратился в большой город; в середине VI в. он называется уже столицей.

В этой связи следует заметить, что Маркварт считал появление хазар исторически засвидетельствованным лишь с 585 г., основываясь на данных сирийских источников; при Хосрове I, по его мнению, впервые появляются на Кавказе тюрки, которых зачастую неправильно называют хазарами.¹ В данной работе нет основания останавливаться на этом вопросе, но интересно отметить, что албанский историк, говоря о перенесении патриаршего престола из Чора в Партав вследствие нашествия хазар, указывает дату — второй год царствования Хосрова, царя царей.² Если он имеет в виду Хосрова I, то второй год его приходится на 532—533 гг., т. е. на то время, когда Закавказье наводнили гунны (о чем только что говорилось). Если же имеется в виду Хосров II, то второй год его правления приходится на 591 г., и перенесение патриаршего престола происходило бы шесть лет спустя после первого появления хазар на Кавказе, если соглашаться с Марквартом. Но какие-то набеги северных племен все же должны были иметь место и в предшествующее время, так как в мирном договоре 562 г. между Хосровом и Юстинианом упоминаются Каспийские ворота и какой-то проход или перевал как об этом сообщает Менандр.³ через который персы пропускали северные кочевые и полукочевые народы, направляя их на страны Закавказья и Византию. У Менандра говорится: «Записано постановление первое, что через теснину перевала (?), называющегося Хорутзон, и [через] Каспийские ворота не разрешать проход персам, гуннам, аланам и другим варварам для проникновения на [территорию] римского владычества»⁴

Из текста этого постановления видно, что переходу через означенные теснины способствовали персы, пользовавшиеся северными племенами для ослабления своих противников.

Обращает при этом на себя внимание, что в перечне народов, проникавших с севера, на первом месте стоят персы; по всей вероятности, имеются в виду те персидские отряды, которые посылались за Кавказский хребет для вербовки наемников и организации их

¹ I. Marquart, I, с, S. 105.

² Моисей Каланкатуйский, кн. II, гл. 4. ³ J. Marquart, I, с, SS. '105—106. См.: Menander Prot, fragm. 11. Изд. C. Muller, FHG, IV. 212-a. ⁴ Там же.

отрядов; имя одного из таких персидских военачальников нам известно — упомянутый в связи с событиями 532 г. Мермерий.

Перевал или проход упоминается только в этом тексте Менандра. Маркварт полагает, что речь идет о Дербентских воротах, а что Каспийскими воротами по традиционной ошибке и здесь названы ворота Аланские, или Дарьяльские.¹ Но мне кажется, что такая ошибка, вполне возможная и засвидетельствованная у античных авторов первых веков нашей эры, когда западные народы только начинали знакомиться с Кавказом и его народами, маловероятна у писателей VI в., когда кавказские и особенно закавказские народы уже были втянуты в ход международных исторических событий. Представляется более вероятным, что в этот период под Каспийскими воротами следует понимать Дербентский проход, а под тесниной Хорутзон, быть может, один из многих других перевалов, ведущих с Северного Кавказа и из северного Дагестана на территорию Азербайджана и Грузии, особенно в бассейне рек Аварского Койсу: перевал Химрик в Чара-Сальдпстап (последний — через Кабалу), Ниникосцихе (к сел. Кидеро в Дагестане) и др.

Отожествление прохода Хорутзон с Дербентом или Чором, по-моему, отпадает и в том случае, если сопоставить это название с древнеармянским «хорадзор», что означает «глубокое ущелье», «теснина», «пропасть», а эти понятия к Дербентскому проходу не приложимы. Приходится поэтому, повторяю, полагать, что «Хорутзон» являлось наименованием одного из горных перевалов в восточной части Кавказского хребта.

Выше говорилось об объединении в середине VI в. и административно-военном отношении трех стран Закавказья в один «кустак», управляемый персидским марзпаном. Эта мера, как и налоговые тяготы, новая система обложения, а также раскол между светской и духовной знатью, внесенный передачей духовенству сбора налогов, и недовольство светских феодалов этой мерой, посылка населения в дальние страны для производства строительных работ, изнурительные работы на месте и возрастающая эксплуатация населения со стороны феодалов — все это привело к большому восстанию в Армении, Иберии и Албании в 571—572 гг.

У Себеоса имеется несколько строк, посвященных этому восстанию в Армении. Он сообщает, что после марзпанства Вахана Мами-коняна и затем его брата марзпаном был назначен перс. «В 41-м году царствования Хосрова, сына Кавада, Вардан [владелец Мами-конянов] восстал и в согласии со всеми армянами вышел из подчинения персидскому царству. Внезапно напав на [персидского марзпана] Сурена в городе Двине, они умертвили его, захватили много

¹ J. Marquart, I. с. . SS. 105—106.

добычи и пошли на службу к грекам».¹ Армяне успешно отразили последовавшее за этим нападение персов, возглавленное, по словам Себоса, самим Хосровом Анутирваном. Так как им при этом пришлось прибегнуть к помощи Византии, то Юстин II стал претендовать на присоединение и восточной части Армении к Византии, что привело к большой 20-ллетней войне между Персией и Византией, от чего пострадали в первую очередь народы Закавказья.

Моисей Каланкатуйский об этом событии не рассказывает, но зато у Себоса имеется сообщение, связанное с этими событиями и характеризующее обстановку жизни феодальной знати, которой приходилось иногда выбирать между Византией и Персией. Так, «владелец Сюнийской земли восстал и отделился от армян и просил персидского царя Хосрова, чтобы он архивы² Сюнийской земли перенес из Двина в город Пайтакаран и их город внес в границы Атрпатакана³, чтобы имя армян было снято с них. Приказ был приведен в исполнение».

По словам Себеоса, это событие предшествовало восстанию 571 г., и поэтому его следует рассматривать не как протест против Византии, воспользовавшейся восстанием, чтобы подчинить себе и восточную Армению, а как факт выбора могущественным сюнийским феодалом в качестве своего сюзерена Хосрова Ануширвана. Но так как Себеос пишет, что «перед этим Вахан, владетель Сюнийской земли, восстал», то мы имеем дело с отложением одного из армянских феодалов, пожелавшего в податном отношении перенесения (?) города Пайтакарана «в границы Атрпатакана», как сказано у историка. Себеос, надо думать, ошибался, написав «Атрпа-такан», так как Пайтакаран в это время входил в состав Албании. Эту ошибку можно объяснить тем, что после объединения всех закавказских стран в единую военно-административную единицу граница между Албанией и Атрпатаканом на первых порах не была уточнена, поскольку все эти страны возглавлялись одним и тем же персидским марзпаном, в данном случае князем из рода Суренов, сидевшим в Двине.

Особенно важны в этом сообщении Себеоса указание на кадастровые списки Сюнийской земли, хранившиеся в Двине, и факт перенесения их из Двина в Пайтакаран, свидетельствующие о том, что Сюния⁴ в податном отношении подчинялась в это время Атрпа-такану.

¹ Себеос, ук. соч., гл. VI.

² Т. е. налоговые кадастры.

³ Себеос, ук. СОЧ, гл. VI.

⁴ С. Малхасян (см.: Себеос, ук. соч., стр. 150—151) указывает, что «владельцы Сюнии по численности выставляемой ими конницы занимали первое место среди других нахараров» и что у Сюнии вообще было «обособленное, бо-

20-летняя война между Персией и Византией, сопровождавшаяся разрушением городов и селений Закавказья и принесшая разорение населению, закончилась в 591 г. новым разделом Армении. Хосров II уступил Маврикию большую часть Армении, оставив себе Васпуракан, Сюник и область Двина; к Византии отошла и часть Иберии (Картли) до Тбилиси.¹ Об Албании во время заключения этого договора, по-видимому, речи не было, во всяком случае источники ничего о ней не говорят. Она оставалась в это время под верховенством персов; марзпан персидский, сидевший в Пар-таве, продолжал собирать налоги, принуждая население производить большие строительные работы, изнурявшие страну, в собирая местное ополчение, когда имели место очередные набеги или нашествия северных племен. В это время идет грандиозная работа по сооружению дербентских стен, начатых постройкой в начале VI в.; все тяжелые работы по добыче, доставке, обтеске и укладке камня выполнялись не только местным населением, но и рабочей силой, привезенной из отдаленных областей страны, судя по словам Моисея Каланкатуйского. Последний сообщает нам о «дивных стенах, для построения которых цари персидские изнурили страну нашу, собирая зодчих и изыскивая разные материалы для создания великого строения, которое соорудили между горой Кавказом и великим морем восточным».²

В конце VI в. или в самом начале VII в. в Албании возвышается феодальный род Михранидов, владетелей области Гардман (в нын. Казахском районе). По Моисею Каланкатуйскому, они были якобы переселенцами, прибывшими в Албанию, спасаясь от кары Хосрова II, мстившего за убийство своего отца, а род Михранидов был как-то замешан в это дело. Албанский историк пишет: «Мпхр, родственник Хосрова, обратившись в бегство, взял с собою часть народа, около 30 000 семейств. Перейдя в страну албанов, он вступил в область Ути, близ великого города Партава».³ Историк далее сообщает, что Мпхр хотел «отправиться дальше к хазарам и пристать к ним» — намерение вполне понятное, так как Албания управлялась персами и пребывание здесь было не безопасным. Но Хосров, прислушавшись к мнению знатных своих вельмож, которые предупреждали его, что Мпхр может причинить ему иного беспокойства, если соединится с врагами персов, написал ему такое письмо: «Родной брат

лее независимое от центральной Армении положение как в гражданской, так и в церковной жизни. Здесь дольше, чем где-нибудь в другой части Армении, просуществовало феодальное устройство в лице карабахских меликов».

¹ С. Т. Ерем я н. Атлас к книги «История армянского народа», карта V—VII вв.

² Моисей Каланкатуйский, кн. II, гл. 11.

³ Там же, гл. 17

мой, не удаляйся от меня неприязненно. Если ты не благоволишь жить со мною, то возьми себе там, куда простирается моя власть, столько земли для жительства, сколько успеют пройти ноги твои».¹ Историк сообщает далее, как посланец нагнал Михрана в Гардмане и что здесь-то Михран и остановился, поселился и в прекрасной местности построил город Михраван, а затем постепенно он и его преемники ценою коварства по отношению к местным князьям завладели всей Албанией в «подчинили себе также дикие народы Кавказа». В этом рассказе много неясного и недосказанного.

Исторически достоверным может считаться только рассказ о том, что в конце VI в. в Албании появляется новая царская или княжеская династия, которой подчинены не только народы Албании, но и «дикие народы Кавказа», т. е. какие-то горские племена северной Албании (нагорный Дагестан). Совсем не ясна роль персидского марзпана в это время: продолжал ли он, хотя бы номинально, управлять страной, или эта должность была упразднена. Остается, по-моему, открытым и вопрос, не является ли весь рассказ о переселении Михрана, о его родстве с Хосровом, о письме последнего и прочем генеалогической легендой, созданной впоследствии и включенной уже переписчиками в рассказ историка. Не имеем ли мы тут дело с захватом власти местным гардманским владетелем (может быть, с помощью персов), уничтожившим представителей армянских княжеских родов, владевших землями в этой области. Историк в рассказе своем говорит о враждебности Михрана к древнему армянскому роду Ераншахигов (владельцы Арцаха), членов которого он почти поголовно истребляет. Все это дает основание думать, что в сохраненном у автора предании мы имеем дело с отзвуками борьбы между арменизованными албанскими и армянскими феодальными родами за захват суверенных прав над феодальной Албанией.²

Правнук Михрана по имени Вардан построил в три года крепость Гардман.³ Затем Моисей Каланкатуйский перечисляет потомков этого Вардана: Варзмана, Шушик и Вараз-Григора, родившего Вараз-Перожа, Джываншера, Езуд-Хосрова и Варзмана. Таким образом, от Михрана, начавшего властвовать в Албании якобы

¹ Там же.

² Иначе смотрит на этот вопрос В. В. Бартольд (Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925, стр. 25), который считает, что в лице Михранидов в Албании «вновь восстанавливается албанская национальная династия, во персидского происхождения»; но едва ли династия «персидского происхождения» может быть названа национальной и албанской.

³ М о и с е й К а л а н к а т у й с к и й, кн. II, гл. 17. — Крепость Гардман — это Хузашен (в нын Казахском районе Азербайджана), упоминаемый в «Хронике Сумбата» (см.: С. Т К р с м я н. 1) Заметки к тексту «Хроника Сумбата». ИАН Арм. ССР. 1941, № 9, стр 28-29; 2) Торговые пути Закавказья в эпоху Сасанидов (по Tabula Peutingeriana). ВДИ. 1939, № 1, стр. 84 и сл.).

около (500 г., и до Джываншера (636—669 гг.) сменилось семь правителей, что представляется маловероятным и укрепляет меня в предположении, что историю с прибытием Михрана откуда-то извне следует считать легендарной генеалогической справкой, вероятно позже добавленной; в противном случае время появления на исторической арене Албании Михрана следует отодвинуть вглубь на полвека, а может быть, и больше.

Моисей Каланкатуйский, как говорилось, называет строителем крепости Гардман правнука Михрана — «Вардана храброго»,¹ а в главе, посвященной собору, созванному Вачаганом III в Алуэне в 488 г. (?), говорится о Вардане храбром, владетеле Гардмана, как участнике собора, приложившем свой перстень к постановлениям собора.² Здесь речь идет, очевидно, об одном из предков Михрана, жившем в V в.

Коснулись ли Албании события, связанные с восстанием персидского михранида Бахрама Чубина против Хосрова II, подробно описанные Себеосом, мы не знаем. Полагаю, что борьба между Бахрамом, которого Себеос называет Михрвандаком, на территорию собственной Албании не переходила, хотя основное сражение между восставшей частью персов и пришедшими на помощь Хосрову византийскими и армянскими войсками происходило на территории Атрпатакана, в области Варарат.³

В приведенном у Себеоса письме Бахрама Чубина к армянскому нахарару Мушеху, написанном до решающего сражения и поражения Бахрама, он, между прочим, укоряет армян за их помощь Сасанидам: «Я не боюсь собравшихся греческих попов, которые идут на меня, но вы, армяне, не ко времени показываете любовь к своим господам. Не дом ли Сасана прекратил ваше царство и захватил вашу страну, и почему ваши отцы восставали против него, выходили из повиновения ему и до сих пор воевали за свою землю...».⁴ Далее Бахрам в этом письме обещает армянам в случае их перехода на его сторону оставить им «всю землю армянскую до Кавказа и до ворот Албанских», т. е. говорит о той территории Албании, которая была подчинена персидскому марзпану, так как в это время (590 г.) Михраниды, по-видимому, дальше Гардмана свою власть еще не простирали. Поражение Бахрама Чубина и возведение на престол с помощью Византии Хосрова II привели к заключению в 591 г. мирного договора, по которому, как говорилось выше,⁵ произошел второй раздел Армении.

¹ Моисей Каланкатуйский, кв. II, гл. 17.

² Там же, кн. I, гл. 26. — См. стр. 296.

³ Себеос, ук. соч., гл. IX.

⁴ Там же.

⁵ См. стр. 234.

Армений при византийском владычестве правили армянские нахарары, поставленные Византией и носившие греческие титулы «патрпкпй» и «куропалат». Албания оставалась в это время в сфере влияния Персии; не исключена возможность, что персы проводили здесь ту же политику с целью подавления тенденций к восстановлению независимости, какую проводил император Маврикий в отношении армян к которой он в одном из своих посланий рекомендовал Хосрову II. Маврикий писал: «Есть между нами неугомонный и непокорный народ, который родит смуты. Давай я соберу своих [армян] и отправлю во Фракию, а ты собери своих и повели отправить их на восток. Ежели они умрут, так умрут наши враги, а ежели они будут убивать, то будут убивать наших врагов. Мы же будем жить в мире. Ибо если они останутся в своей стране — покою нам не будет».¹ Себеос рассказывает, что Маврикий отправлял армян во Фракию и «настойчиво требовал, чтобы приказ был исполнен».² Но тогда армянские князья стали переходить на службу к персам, которые принимали их с почетом, а рядовое население, в том числе армянская конница, должно было воевать с аварами во Фракии. Подчиненные же персам армяне и албаны направлялись, вероятно, против эфталитов и тюрок на востоке и против гуннов и хазаров на севере.

Некоторые армянские князья пытались призвать на помощь хонов, чтобы с их помощью «сразиться с обоими царями и силой вернуть себе свою страну».³ Два князя со своими войсками появились в связи с этим намерением в Албании, где перешли Куру и расположились лагерем на левом берегу ее.⁴ Появление армянского войска на территории Албании не могло бы иметь места, если бы армянские военачальники не заручились согласием албанов пропустить их через свои земли. Весьма вероятно, что это имело место после воцарения в Албании гардманских князей, так как едва ли при персидском марзпане в Партаве армянские князья и их войско могли бы безнаказанно вступить в Албанию, не пожелав, как ряд других армянских нахараров, «поставить свои войска на службу персидскому царю»; и вряд ли они могли бы расположиться лагерем на Куру, рассчитывая на помощь со стороны войска хонов. Совершенно очевидно, что албанские нахарары сочувствовали попытке армян освободиться от своей зависимости от двух иноземных властителей (Маврикия и Хосрова II) и что население не мешало проходу армянских войск.

¹ Себеос, ук. соч., гл. XIII.

² Там же.

³ Там же, гл. XIV. ⁴ Там же.

После смерти Маврикия Персия воспользовалась смутами в Византии¹ и захватила обратно те армянские и иберские области, от которых ей пришлось отказаться в 591 г. Хосров II продвинул войска в Сирию и в Малую Азию, а в 614 г. персам удалось захватить Иерусалим и при этом разрушить его храм. В ответ на это Ираклий, воцарившийся в Византии в 610 г., лично повел свои войска, в которые входили и армянские отряды с их военачальниками, через Армению, Атропатену, Месопотамию и занял Ктесифон. При заключении мира в 629 г. между Персией и Византией первой пришлось вновь отказаться от части Армении и Иберии, т. е. возвратиться к границам 591 г.²

События борьбы Хосрова II (в войска которого включены были и албаны, и население Атропатоны) с византийцами, с императором Фокою (602—610 гг.) и с Ираклием (610—641 гг.) нашли подробное описание в труде Себеоса, современника событий, доведшего свою историю до 661 г.³ Но в его труде излагаются главным образом те события, которые переплетены были с жизнью армянского народа. В бурные 614—628 гг. народам Албании пришлось перенести большие испытания, так как и они оказались вовлеченными в военные события, вызванные борьбою за торговые пути, за рынки сбыта в Малой и Передней Азии между двумя великими мировыми державами того времени. О том, что произошло в эти годы в Албании, сообщает в ряде глав второй книги Моисей Каланкатуйский,⁴ писавший, как известно, в VII в. историю своей родины.

У него рассказывается о том, что Ираклий дошел до Атрпата-кана, разрушил и сжег его столицу Гандзак (Гайшаван?), «места укрепленные, теплые, где персидские государи проводили лето для здоровья, на границах Мидии».⁵ Оттуда Ираклий собирался на зиму в страны албанские, иберские, и армянские, очевидно, для подчинения их себе п для того, чтобы обезопасить свой тыл перед главным походом на Ктесифон. «Он писал к князьям и владетелям этих стран, чтобы они добровольно вышли к нему навстречу, служили ему с войском своим во время зимы; в противном случае он обойдется с ними как с язычниками, и войска его возьмут крепости их и опустошат пределы стран их».⁶ Тогда по повелению Хосрова II князья и владетели албанские покинули город Партав и укрепились в разных замках и крепостях. Не могли уйти из города ремесленники

¹ Там же, гл. XXIX.

² Там же, гл. XXXVII.

³ М. А б е г я н. История древнеармянской литературы, т. I. Ереван, 1948, стр. 327.

⁴ М о и с е й К а л а н к а т у й с к и й, кн. II, гл. 10—16.

⁵ Там же, гл. 10.

⁶ Там же.

(в их числе были и христиане, и евреи, и язычники), «по причине недостатка и по бессилию своему» они остались в Партаве. Греческое войско пришло и расположилось в области Ути, «близ потока»¹ на границах сел. Каланкатуйк, откуда был родом историк Моисей. Греческое войско «попало и опустошило прекрасные сады и поля, через которые проходило», а затем направилось к р. Трту (Тертер), близ деревни Дютакан, в расположилось тут. Был ли ими захвачен Партав до этого, или они только намеревались овладеть им, об этом у Моисея ничего не говорится, но он сообщает, что на греков здесь напало персидское войско, что Ираклия гнали по стране Сюнийской «и отняли занятые им города».² Об этих событиях подробнее рассказывает Себеос.³

Он сообщает о попытке Ираклия из Пайтакарана пройти в Иберию через территорию Албании и о том, как Ираклий попал в окружение персидских войск, из которого ему удалось вырваться и уйти.⁴

Этот неудачный поход Ираклия имел место, вероятно, в 624 г., как это показано М. И. Артамоновым, сопоставившим данные письменных источников, чтобы выяснить точную дату переговоров Ираклия с хазарами, к которым византийскому императору пришлось обратиться за помощью.⁵

Одна из глав Моисея Каланкатуйского посвящена нашествию в это время на Албанию хазар, призванных на помощь Ираклием, «чтобы подрыть великие Кавказские горы, которые идут к северо-востоку, открыть врата Чора, вызвать различные варварские народы и с ними изгнать гордого Хосрова, царя персидского».⁶ Красочно описан у него набор войска хазарским хаканом Джебу (Дже-бухакан) из числа подвластных ему «племен и народов, жителей полей и гор, живущих в городе или на открытом воздухе, бредущих головы и носящих косы, чтобы по мановению его все были готовы и вооружены».⁷ Выступили хазары в 626 г. «Устремившись на проход Чор, не обратили внимания [т. е. опрокинули] на гарнизон, стражу городскую и войска персидского царя, назначенные для

¹ По-видимому, имеется в виду р. Тертер, о которой говорится дальше.

² Моисей Каланкатуйский, кн. II, гл. 10.

³ Себеос, ук. соч., гл. XXXVI.

⁴ В тексте этого рассказа обращают на себя внимание два географических пункта, носящих название «Тигранакерт» (один — южнее Партава, другой — юго-западнее Ганджи). Ср.: С. Т. Еремян. Атлас к книге «История армянского народа», карта V—VII вв.

⁵ М. И. Артамонов. Очерки древней истории хазар. Л., 1936, стр. 52 и сл.

⁶ Моисей Каланкатуйский, кн. II, гл. 12.

⁷ Там же. гл. 11.

защиты ворот, как орлы устремились они к великой реке Куре».¹ В Партаве в это время находился персидский правитель по имени Гайшах. Когда весть о выступлении хазар дошла до Албании, Гай-шах «хотел укрепить страну нашу и великую столицу Партава» (по всей вероятности, имеется в виду усиление укреплений, пострадавших во время нашествия Ираклия), а затем собрал в Партав жителей окрестных областей и «с согласия албанской знати и жителей городов» решил оказать сопротивление хазарам. Большой интерес представляет здесь косвенное указание на возросшее значение городов, население которых вместе со знатью могло дать или не дать согласия на военное предприятие.

До Партава в это время дошли вести, что хазары напали на город Чор, что пострадали «дивные стены его», разрушенные якобы до основания, что на улицах и площадях города перерезаны жители «безобразной, гнусной, широколицей, бесресничной толпой, которая в образе женщин с распущенными волосами устремилась на них».² Персидский правитель проявил малодушие при приближении врага, и тогда возмущенное население, собранное в стенах Партава, устремилось из четырех ворот города, чтобы скрыться в горах Ар-цаха. Хазары, узнав об этом, преследовали беглецов: часть из них перебили, часть взяли в плен, остальные ночью переправились через Тертер и укрепились в Арцахе; Гайшах же бежал в Персию.

После этого хазары устремились на Иберию и осадили Тифлис; туда же явился с войском и Ираклий, в то время как персы прислали подмогу осажденным. Несмотря на то, что греки подвезли «машины четырехколесные и другие разнообразные, изобретенные ромейскими инженерами орудия, которыми они метко поражали стены и отламывали огромные камни», несмотря «на огромные надутые бурдюки, наполненные камнем и песком, которыми они обращали назад в город реку Куру»,³ овладеть крепостью хазарам и византийцам не удалось.

В следующих главах Моисей Каланкатуйский подробно описывает военные действия, имевшие место после падения Партава, помощь хазар Ираклию: войско под предводительством Шата, племянника хакана, «сделало набеги на все пределы Албании и части Атрпатакана, предавая мечу множество христиан и даже язычников» и забирая пленников. На Араксе они соединились с византийским войском.

По словам Собеоса, Ираклий дошел до Ктесифона (Тизбон), «разбил лагерь близ городских порот и сжег все царские дворцы

¹ Там же, гл. 12

² Там же.

³ Там же.

в окрестностях города». В это время Хосров II был убит своими вельможами, а на престол возведен его сын Кавад II (628 г.), который заключил мир с Ираклием и вернул ему захваченные Хосровом земли.¹ Одновременно были освобождены из 25-летнего заключения албанский католикос Виро, обвиненный в мятеже против персидского царя вместе с албанскими вельможами, которые были частично убиты, а «частично посланы в страны далекие».³ Виро уцелел, потому что нашел покровительство царицы, христианки Ширин, и содержался под стражей при дворе Хосрова.

По данным грузинских летописей,³ Ираклий в 628 г. находился в области Гардман в Албании, где якобы занят был крещением албанского князя Вараз-Григора. Моисей Каланкатуйский об этом ничего не сообщает. По мнению М. И. Артамонова, объясняется это тем, что крещение Вараз-Григора, т. е. переход его в халкедонитство, должно было быть весьма неприятным фактом для католикоса Виро, монофизита, а история этих годов была, вероятно, написана самим Виро, сочинение которого использовал Моисей Каланкатуйский.⁴

В том же 628 г. хазары снова напали на Закавказье. На этот раз Джебухакан взял Тифлисскую крепость и разграбил город. Затем он сына своего Шата с войском отправил к границам Албании со следующим наказом: «Если правители и вельможи страны той [Албании] выйдут навстречу сыну моему, дадут ему страну свою в подданство, уступят города, крепости и торговлю войскам моим, то вы тоже позвольте им жить и служить мне; а если нет...».⁵ Из этого текста, написанного современником событий, явствует, что теперь речь шла уже не об очередном набеге для захвата добычи и пленных, уводимых в рабство, а о политическом подчинении страны хазарам. Международная обстановка, смуты из-за престолонаследия в Персии, борьба халкедонитов и монофизитов в Византии отвлекали внимание от северных границ, от событий в далекой Албании. Теперь речь идет не о захвате сокровищ и пленных, а о предоставлении хазарам права торговли, т. е. о беспрепятственном использовании торговых путей и снабжении их, по-видимому, соответственными товарами.

В Партаве находился персидский наместник, марзпан Семав-шнасп, к которому И явились посланцы Шата с указанным предложением. По словам историка, «перс не согласился и говорил: „Кто

¹ Себеос, ук. соч., гл. XXXVII.

² Моисей Каланкатуйский, кн. II, гл. 14.

³ Е. Такайшвили. Источники грузинских летописей. II. Жизнь и известия о Багратидах. СМОМПК, т. XXVIII, стр. 128; С. Т. Еремьян. Заметки к тексту «Хроника Сумбата», стр. 27—28.

⁴ М. И. Артамонов, ук. соч., стр. 59—60.

⁵ Моисей Каланкатуйский, кн. II, гл. 14.

ты, и что такое Албания, чтобы я из-за нее подчинил себя твоему повелителю"», и, взяв свое имущество и «похитив многое из страны», он бежал в Персию.¹

Оставшийся в Партаве католикос Виро пытался задержать ответ хазарам, по-видимому, рассчитывая на помощь со стороны персов; историк подробно описывает весь ход переговоров хазар с Впро, нападение хазар на страну и захват ее «в один день», так как ими заранее по жребию были распределены между собою «области и села, потоки и реки, источники и леса, горы в долины, и все в одно назначенное время осуществили свои разрушительные набеги».² Виро бежал в «гористые местности крепкой области Арцах», но его настиг хазарский вельможа, «наставник Я руководитель царевича Шата», и предложил добровольно сдаться и передать страну хазарам во избежание поголовного истребления населения. В крепость Чара-берд (Джраберд) к этому времени собрались бежавшие от хазар феодалы и духовенство. Большой интерес представляет перечень тех представителей населения, с которыми Виро обсуждал в Чара-берде тяжелый вопрос об отдаче страны хазарам: католикос «собрал к себе всех главных вельмож из племени царей страны нашей, начальников областей, старост деревенских, священников, диаконов и причетников и всех, случившихся в то время в крепости Чараберд».³ После обсуждения вопроса, по совету Виро, было решено идти к Шату и просить его приостановить разрушения и грабеж и поднести ему и его окружению ценные дары: серебряную и золотую утварь, драгоценные одежды. Все это было быстро собрано и заранее распределено между определенными лицами. Для этого Виро осведомился у прибывшего к нему наставника царевича Шата «об именах вельмож и князей, воевод и полководцев, начальников каждого племени их войска, о высоком или низком их положении, чтобы знать, какие подарки им поднести. Он разделил подарки по именам их, сделал на них надписи и опечатал их». В окружении некоторых албанских феодалов, не утрашившихся предстоящего посещения хазарской ставки, Виро отправился к Шату. Хазары находились в Ути, где расположились большим лагерем, недалеко от Партава. Шат ласково принял старого Виро, принял дары, приостановил набеги и грабежи, выдал пленных, но при этом сообщил, что отец его, Джебухақан, получил «три эти страны — Албанию, Чор и Лпник — в вечное владение».⁴

Из этого текста мы узнаем, что и в VII в. еще входившие в состав Албании территории Чор и Лпник пользовались, по-видимому,

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

какой-то внутренней самостоятельностью, что давало, быть может, основание перечислять их после упоминания Албании. Никаких иных свидетельств этому явлению в письменных источниках не имеется, кроме титулатуры албанского католикоса, который и в VII в. именуется «католикосом Албании, Чора и Лпник».¹ Как известно, в титулах по традиции долго сохраняются уже сошедшие, с исторической арены территориальные названия; возможно, что Моисей Каланкатуйский вложил в уста Шату перечень тех стран, которые перечисляются в официальном наименовании католикоса.

Разбежавшееся при приближении хазар население пряталось в горных районах, поля и сады не обрабатывались, полевая мышь уничтожала остатки посевов и траву, погибал скот, страшный голод охватил страну; историк подробно описывает тяжелые физические и психические заболевания на почве голода, которые привели к вымиранию населения.² А хазары в это время начали рассматривать Албанию как подвластную им территорию. В 629 г. появились направленные «князем севера» сборщики податей, руководствовавшиеся кадастрами, составленными на основании переписи населения, произведенной, как говорилось выше, при Хосрове Ану-ширване. Взимание персами подати деньгами, монетой вызвало в свое время большое недовольство среди населения Закавказья; хазары тоже требовали с населения «дидрахму по обычаю переписи царства Персидского», говорит Моисей Каланкатуйский.³ Большой интерес представляет следующее сообщение албанского историка, касающееся взимания налогов с ремесла и торговли: «Князь Севера», т. е. хазарский хакан, «послал надсмотрщиков [для наблюдения] за ремесленниками, сведущими в добыче золота, плавке серебра, добывании железа и выделке меди».⁴ Этот перечень металлообрабатывающих ремесел — драгоценное свидетельство современника не только о наличии в стране мастеров, работающих в металле, но и о самом наличии в недрах Албании драгоценных металлов — золота, серебра, железа и меди. Это сообщение письменного источника подтверждается находением на территории Албании богатой бронзовой утвари — кувшинов, блюдов, водоеев, курительниц замечательного литья и тонкой художественной обработки.⁵

Были также посланы надсмотрщики, в обязанность которых входило иметь в целях обложения наблюдение за торговцами и рынками, а также за рыболовным промыслом на Куре и на Араксе.⁶ Как видно

¹ Там же, гл. 15.

² Там же.

³ Там же, гл. 16 (дидрахма—двойная драхма).⁴

Там же.

⁵ См. ниже, стр. 316 и сл. ⁶ Моисей Каланкатуйский, кн. II, гл. 10.

из этого сообщения, власть хазар в это время простиралась до Аракса, но они решили подчинить себе и остальное Закавказье. На берегу Севанского озера их пытались остановить персидское войско, но хазары разбили его, а затем устремились через «все проходы [перевалы] во все три страны, Армению, Иберию и Албанию», но здесь до них дошла весть о каких-то внутренних междоусобиях, потрясших хазарское царство. Моисей Каланкатуйский пишет об этом в довольно туманных выражениях, из которых можно заключить, что нашествием на Закавказье руководил царевич Шат, которому отец его Джебухакан сообщал: «Пришли на меня хены, и ты не увидишь более лица моего; я не остался в безопасном месте, а устремился в чужое царство, чего не следовало делать. Я возгордился и низринут с высоты. Ты не медли и истреби твоих приближенных, которые при тебе, и постарайся спастись от них раньше, чем они услышат о происшедшем и поспешат уготовить тебе гибель. А я погиб и лишился детей».¹ В этом сообщении, полученном «хищным львенком», царевичем Шатом, очень многое неясно. Судя по общему контексту, под хенами следует подразумевать не иноземцев, а врагов внутренних (арм. «хены» — разбойники, пираты). Джебухакан находился, по-видимому, в плену или в тюрьме в результате какого-то восстания, поэтому он советует сыну спастись истреблением кого-то из своего окружения (едва ли он мог советовать Шату истребить все свое войско).

Как бы то ни было, эти внутренние междоусобия в Хазарии предотвратили готовящееся нашествие и спасли страны Закавказья от страшного разрушения и разорения.

Эти события имели место в начале 30-х годов VII в., т. е. в то время, когда арабы готовились к захвату стран Передней и Средней Азии. В 634 г. ими была захвачена отторгнутая от Византии Сирия, в это время в Византии правил еще Ираклий, в Иране — Иезде-герд III (632—651 гг.), а в Албании — князь Вараз-Григор (начал править до 628 г., кончил — в 636 г.).

Албанский историк так описывает нашествие арабов вслед за Сирией на Иран: «Род Агари, усиленный присоединением 12 племен, страшным и грозным натиском идет стремительно, как вихрь в пустыне. Пройдя Ассирию [Сирию], они поспешно выступают против царя персидского. Тогда все находящиеся под властью персидского царя полководцы, князья, вельможи и азаты в разных областях собирают войско против чужеземного врага».² В сборах персидского войска против арабов участвует и Вараз-Григор. Во главе албан-

¹ Там же.

² Там же, гл. 18.

ского военного отряда был поставлен сын Вараз-Григора, юный Джываншер; на помощь Ирану явились также сюнийцы и армяне.

По словам Моисея Каланкатуйского, Джываншер семь лет участвовал в «тягостных войнах» против арабов, а после падения государства Сасанидов вернулся в Албанию и поднял восстание против персидских правителей, которые еще сидели в Атрпатакане. Он нанес ряд поражений стоявшим в Албании персидским войскам, а затем, получив военную помощь от Атрнерсеха, правителя Иберии, освободил захваченный персами Партав. Учитывая падение некогда могущественной Персии и «вспомнив о самодержавии прежних албанских царей... он задумал никому не подчинять своей участи», говорит историк.¹ Но самостоятельность Албании продолжалась недолго: в середине VII в. арабы захватили Закавказье, в том числе и Албанию.

Арабский писатель Балазури (IX в.) рассказывает, что арабы при халифе Османе заняли сначала Байлакан, обещав населению не разрушать стен, не подвергать гибели их жизнь и имущество, но обязав их вносить поземельную и подушную подать. Партав оказал арабам некоторое сопротивление, но после того как они разграбили окрестные селения, город сдался врагу, взяв на себя обязательство выплачивать арабам подати. Затем арабы заняли Шакашен, Цри и другие области. Та же участь постигла и Кабалу, и Шаке, и Ширван, и Шапоран, и Дербент. Когда арабы выступили из Дербента к северу, то население Дербента заперло за ними ворота, а «хазарский хакан встретил их со своей конницей за рекой Балан-джаром»,² и здесь четыре тысячи арабов с их военачальником были перебиты. Об этом же событии рассказывает за два века до Балазури Себеос, сообщающий некоторые детали этого же боя, а именно, что арабы «взяли направление в сторону севера против народа, жившего за Каспийскими воротами. Они достигли теснин Чора. Перешли теснины, вторглись по ту сторону и предали грабежу пригорские края. Против них выступило многочисленное войско — охрана местности под названием „ворот хонов“, но [арабы] разбили их». Затем Себеос описывает поражение, нанесенное арабам хазарами: «Те, которые спаслись бегством, не могли пробраться сквозь теснины, ибо другое войско [хазар] зашло к ним в тыл. Тогда они бросились в горы Кавказа, с трудом карабкаясь по склонам гор».³

¹ Там же, гл. 19.

² Балазури. Книга завоеваний стран. Перевод П. К. Жузе. Баку, 1927, стр. 14.

³ Себеос, ук. соч., гл. XLIX. — Начиная с VI в. название «пахак [или ворота] хонов» переходит к Дербентским укреплениям, после возведения которых старые заградительные валы потеряли свое стратегическое значение и, видимо, больше не поддерживались.

Вскоре между арабскими племенами начались междоусобия, вызванные борьбой за власть; этим воспользовались страны Закавказья и отложились от арабов. Часть нахараров считала нужным подчиниться Византии, чтобы обезопасить себя от арабов, другая же часть, а именно большинство армянских князей, полагало необходимым придерживаться арабской ориентации, выплачивать арабам подати и нести другие повинности, чтобы предотвратить повторение нашествий.

Джываншер стоял за сближение с Византией и с этой целью обменялся с византийским императором Константином II (642—668 гг.) письмами, текст которых приводился у Моисея Каланкатуйского. Джываншер писал Константу: «Всесильный господин, могущественный и милостивый государь греческий Константин, божественный властитель моря и суши, тебе поклоняется, приветствуя смиренно, Джываншер, аспарапет и князь албанский, с покорной страной Востока. Да будет угодно твоему христолюбивому господству согласиться принять в новое подданство отдаленный народ, чтобы нам за покорность нашу даровано было божественное благодеяние от великой славы твоей».¹

На эту грамоту византийский император ответил радостным согласием, причем в обращении к Джываншеру в первых же словах этого послания Константин уже именовал его византийским титулом, а именно называл властителем Гардмана, князем Албании, аспарапетом и протопатриком.² Джываншеру были посланы от византийского двора драгоценные дары, а кроме того, патпвы (почетные повязки) для возведения 1200 мужей в патрки, ипаты, апоипаты, стратплаты и элисты, «чтобы он даровал их, кому угодно».³

Албанский историк, посвятивший Джываншеру целый ряд глав и не скрывающий своего восторженного к нему отношения, заканчивает главы об обмене дипломатическими нотами следующими словами: «Он благоразумно приводил в сознание дикие племена Кавказа. Самодержавно и с великолепием он таким образом господствовал от пределов Иберии до ворот хонов и до реки Аракса».⁴ В этих словах точно указаны границы Албании, территория которой к VII в. достигла наибольших размеров. Обмен письмами имел место, по видимому, в 658 г., а в 660 г. Албания подверглась новому грабительскому нашествию хазар; встретившие их на левом берегу Куры албаны не дали им углубиться в страну, вступили с ними в бой и нанесли им поражение. Историк добавляет к рассказу слова,

¹ Моисей Каланкатуйский, кв. II. Гл. 20

² Там же, гл. 21.

³ Там же, гл. 20.

⁴ Там же, гл. 21.

которые Джываншер якобы говорил в тот день варварскому народу: «...пойди, войди в ворота Чора и не выходи более сюда». ¹ ..Через несколько лет хазары повторили свой набег; на этот раз они появились, видимо, внезапно, потому что им удалось перейти Куру, дойти до Аракса и увести в плен не только албанов, но и армян и сюннийцев, а также угнать пришедшие на зимовку стада овец. На этот раз Джываншер действовал дипломатическим путем: состоялась встреча албанского в хазарского правителей на берегу Куры, где после переговоров был заключен мир, по которому хазары вернули пленных, а также захваченный ими скот, а Джываншер взял в жены дочь хазарского хакана. ²

И Набег хазар, с одной стороны, ослабление Византии вследствие завоевания арабами ряда областей Малой Азии — с другой, агрессивная политика арабов по отношению к Закавказью, тяжелое экономическое положение, в котором находилось население Армении и Албании — все это побудило армян в албанов начать пересмотр вопроса о своем союзе с Византией и предпочесть ему дружественные договоры с арабами, обещая свое подчинение халифату. С этой целью еще в 652 г. в Дамаск к Моавии (халиф в 661—680 гг.) отправился ишхан и спартагет Армении Теодорос Рштуни с большими дарами. По словам Себеоса, Теодорос был одарен халифом, который якобы «передал в его управление Армению, Иберию, Албанию и Сюник до Кавказа и до ворот Чора и отпустил его с почетом. А тот обязался покорить эти страны в его [халифа] подданство». ³ Из этих слов Себеоса можно было бы заключить, что поручение Теодоросу подчинить арабам все страны Закавказья преследовало цель вызвать рознь среди народов этих стран, привести к их ослаблению и к ликвидации их противодействия намерениям завоевателей. При сопоставлении текстов армянского и албанского историков видно, что расчеты халифа не оправдались, братоубийственная борьба между народами Закавказья, на которую рассчитывал Моавия, не последовала, и это-то обстоятельство совокупно с другими привело к нападению арабов на Армению в 654 г., к захвату ими Двина, к взятию в заложники большого количества нахараров с их семьями и уводу их в плен. Тогда же, по словам Себеоса, арабы ограбили и Албанию и Сюник. ⁴

У Себеоса, довольно подробно описывающего сложные и бурные события середины VII в. и неоднократно упоминающего Албанию,

¹ Там же, гл. 23.

² Там же, гл. 20.

³ Себеос, ук. соч., гл. XLVI—XLVII. — При арабах Армения, Иберия и Албания составляли одну административную единицу «Армения», от имени которой Рштуни и заключал договор.

⁴ Себеос, ук. соч., гл. L.

имя Джываншера ни разу не встречается, тогда как Моисей Каланкатуйский отводит ему особенно большое место и воспевает его как героя, как «властителя Востока», противопоставляя его «властителю Юга» — халпфу, «властителю Севера» — хазарскому хакану и «властителю Запада» — византийскому императору. В главах, посвященных Джываншеру, прослеживается использование историком эпических песен и сказаний, из которых им, видимо, почерпнуты такие образные выражения, как «козел Запада» — для обозначения византийского императора, которому «дикий вепрь [арабы] зверски сокрушает рога его».¹

Из текста Моисея не явствует, когда именно созрело решение албанов подчиниться арабам; блюдя интересы населения, Джы-ваншер отказывался от возможности призвать к себе на помощь хазар и решил «подчиниться игу властителя Юга».² Историк подробно и очень интересно описывает два посещения Джываншером халифа в его столице, где он был торжественно и ласково принят и где ему вручались диковинные дары (слон, попугай), драгоценное оружие и др.³

Арабы, видимо, были особенно заинтересованы в подчинении себе Албании, учитывая ее стратегическое положение между хазарами на севере и Атропатеной (которая все еще не была окончательно подчинена) на юге, торговые пути на ее территории, ведущие из Передней Азии на Северный Кавказ, на Волгу и в южно-русские степи, ее природные богатства, богатые металлами недра и пр.

Этим, быть может, объясняется, что во время второго своего посещения халифа Джываншеру удалось добиться снижения тех тяжелых податей, которые были наложены на население арабами, по-видимому, все по тем же персидским кадастровым спискам, которыми руководствовались и хазары в свое время. «Царь Юга с удовольствием согласился на это и приказал наполовину облегчить иго податей, требуя одну часть из трех»,⁴ — говорит историк, тем самым сообщая, что до этого арабы взимали с албанов две трети их доходов.

Армянский историк VIII в., Левонд, составивший историю халифов, о событиях этих лет сообщает очень мало (и то только об Армении) ; он пишет, между прочим, что халиф Моавия на Армению наложил ежегодную подать в 500 дахеканов.⁵ Размеров ежегодной

¹ Моисей Каланкатуйский, кн. II, ГЛ. 27.

² Там же.

³ Там же, гл. 27 — 28.

⁴ Там же, гл. 28.

⁵ Левонд. История халифов. Перевод К. Патканова. СПб, 1862, гл. III, стр. 8—9.

денежной подати, которую выплачивали арабам албанцы, источники не приводят.

Из всего вышеизложенного видно, что Моисей Каланкатуйский изображает Джываншера героем в бою, тонким дипломатом, умевшим ладить и с Византией, и с хазарами, и с арабами, строителем и восстановителем разрушенной страны. Албанский историк несомненно идеализирует Джываншера, но тем не менее перед нами яркий и интересный портрет государственного деятеля середины VII в., одного из самых тяжелых периодов в истории народов Закавказья. Джываншер умер в 669 г. от тяжелых ран, нанесенных ему одним из участников составленного против него заговора. Историк, к сожалению, излагает эту главу¹ в стиле эпической песни, из которой не видно, какой характер носил этот заговор. Неясно, произошло ли убийство на политической почве, т. е. не следует ли усматривать в нем только дворцовый переворот, или, наконец, одну из вспышек классовой борьбы, проявления которой замалчиваются Моисеем Каланкатуйским так же, как это делают и армянские историки этого времени. Убийца Джываншера назван «злым Ениба, изменником Варазо»²; из отсутствия титулатуры можно заключить, что это не был один из нахараров и вельмож Джываншера; сказано также, что действовал он не один, а «имел единомыслящих сообщников». В начале этой главы историк в туманных выражениях намекает на какие-то поступки Джываншера «против заповеди божией; гонясь за суетным, лишился [он] своей славы вследствие искушения, и вот обратилось все в паутину, и все дивные блага рушились». Его оплакивали «именитые вельможи и вся страна», но этому предпосланы загадочные слова: «Тогда не мало смут происходило в стране нашей: вооруженная чернь собиралась толпами». Смуты в стране, собиравшиеся толпами вооруженные низы населения — все это вместе с остальными, тоже неясными данными наводит на мысль, что могло иметь место какое-то восстание, какое-то проявление классовой борьбы внутри албанского общества того времени. Воспользовавшись возникшими после халифа Моавии междоусобными войнами у арабов, народы Закавказья в 680 г. перестали выплачивать подати арабам и в течение ряда лет пользовались независимостью.³ Но в 684 г. на Албанию напали хазары. Хакан Алп-Илитвер подверг опустошительным набегам левобережье Куры, предгорья Кавказа и область Кабалы, «как бы отмщая за смерть Джываншера»;⁴ перейдя Куру, он угнал скот и захватил в плен людей из области Утп. Преемник Джываншера, Вараз-Трдат, воз-

¹ Моисей Каланкатуйский, кн. II, гл. 34.

² Там же.

³ Левонд, ук. соч., гл. 3.

⁴ Моисей Каланкатуйский, кн. II, гл. 36.

держался от военных действий и, как некогда Джываншер, решил воздействовать на хазар дипломатическим путем. Он направил к ним в Варачан, в ставку Алп-Илитвера, епископа Исраэла, которому и удалось в 685 г. склонить хазар к заключению мира, обещав выплату им известного налога. Описанию этого трудного путешествия в зимний период через горные перевалы Дагестана посвящена специальная глава Моисея.¹

В 688 г. византийский император Юстиниан II (685—695 гг., 705—711 гг.) и арабский халиф Абд аль-Малик, заключив между собою мир на 10 лет, собирались совместно владеть Арменией, Иберией, и, вероятно, также Албанией. Но Юстиниан II, нарушив договор, отправил войска в Закавказье и захватил Армению, Албанию и Муканию, а затем и Каргли (Иберию). Вараз-Трдат, произведенный Юстинианом в патрик-экзархи, т. е. ставший «вторым после царя ишханом Албании», при Тиберии III в 699 г. был вместе с сыновьями отправлен в Константинополь, но при вторичном воцарении Юстиниана II был освобожден и вернулся в Албанию. В 705 г. арабы, в свою очередь захватив Албанию, увели в Сирию албанского князя Широэ (699—705), последнего князя из династии Михранидов. После него Албанией правили уже арабские эмпры.

Окончательное подчинение Албании произошло в 30-х годах VIII в., когда Мерван ион-Мухаммед, впоследствии халиф Мерван II, подверг Армению и Албанию такому опустошению и население их такому истреблению, что борьба армян и албанов за свою независимость была приостановлена на долгие годы. Мерван подчинил арабам Муканию, Ширван, Дербент, а также области южного, горного Дагестана, обложив города а села громадным налогом, который население должно было выплачивать натурой.

Таким образом, Албания, на всем протяжении своей истории ведшая борьбу за свою политическую самостоятельность сначала с Римом, потом с Византией, аланами и другими кочевниками, Парфией и Персией, гуннами и хазарами, разделила судьбу народов Закавказья, Передней и Средней Азии, подвергшихся в VII — VIII вв. арабскому завоеванию.

Вопрос о городах раннесредневековой Албании

Огородах и городской жизни в Албании IV—VII вв. письменные источники ничего не сообщают, кроме их названий, а археологическое изучение городов этого времени носит пока разведочный характер или находится в зачаточном состоянии.

¹ Там же, гл. 40—45; С. Т. Е р е м я н. Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вараз-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илитверу. Зап. ИВ АН СССР, т. VII. 1939.

Кроме древней столицы Кабалы, историки упоминают новую столицу Партава, города Чор и Дербент на Каспийском побережье, Пайтакаран в Карабахе, пограничный с Иберией Хунаракерт на Куре, а также Халхал, город Шаке в предгорьях Кавказа и возникшие на трассе торгового пути из стран Закавказья на Северный Кавказ и на Волгу новые города Шемаху, Ширван и Шапоран.¹

Города эти возникали или на месте древнего поселения на основе сельской общины, расположенной на торговом пути, или на базе царского хозяйства (дастакерт), как это имело место в Армении.²

Если судить об албанском городе по примеру городов армянских, то за стенами цитадели тоже, вероятно, имелись сельские поместья царя и знати (агараки и дастакерты), население которых первоначально занимало положение горожан, вело сельское хозяйство и занималось ремеслами. Кроме того, около городов имелись аваны — поселения свободных земледельцев и ремесленников (рамиков).³ С. Т. Еремян указывает, основываясь на письменных источниках, что в IV—V вв. жители агараков становятся феодальными крестьянами, а в V—VII вв. свободные земледельцы и ремесленники населяют аваны, которыми окружены феодальные города.⁴

И в албанских городах в составе населения, вероятно, тоже имелось довольно большое количество чужеземцев (сирийцев, евреев, греков и др.), занимавшихся ремеслами и торговлей,⁵ как это видно из рассказа Моисея Каланкатуйского о составе населения города Партава.⁶

О возросшем экономическом значении городов, о росте торговых отношений свидетельствуют находимые на территории Албании сасанидские монеты, главным образом V—VI вв., а также монеты византийские. Персидские марзпны, сидевшие в Партаве, чеканили и этом городе серебряные монеты сасанидского образца (с указанием года и монетного двора).

В этот период усиливаются торговые сношения народов Закавказья с Ираном, с Индией и имеются какие-то связи с Китаем.

¹ Что касается города Гандзак, то он основан или отстроен как город лишь в первой половине IX в. (М о и с е й К а л а н к а т у й с к и й, кн. III, гл. 20; W. V a g t h o l d, El. «Gandja», p. 136), и поэтому в данной работе о нем как городе нет речи.

² Г. С а р к и с я н. Градостроительство в Армении при Тигране II и вопрос о переселении чужестранцев. ИАН Арм. ССР, 1955, № 2, стр. 61.

³ С. Т. Е р е м я н. Развитие городов и городской жизни в древней Армении. ВДИ, 1953, № 3, стр. 17.

⁴ Там же.

⁵ О переселении евреев в Армению при Тигране II см.: Фавст Б у з а н д, ук. соч., кн. IV, гл. 55; Моисей Хоренский, кн. II, гл. 14 и 19; Г. С а р к и с я н, ук. соч., стр. 51.

⁶ Моисей Каланкатуйский, кн. II, гл. 10.

Возросшее к VII в. значение городов может иллюстрировать одно косвенное указание, имеющееся у албанского историка: во время нападения хазаров в 626 г. на Партав персидский марзпан только «с согласия албанской знати и жителей городов» мог принять решение о военном сопротивлении хазарам.¹

О внутренней жизни этих городов мы почти ничего не знаем; единственным сведением является рассказ Моисея Каланкатуйского о событиях в Партаве, когда этот город в VII в. был осажден византийцами во главе с Ираклием. При приближении неприятеля, говорит историк, «главари» и «властители» албанские покинули «великий город Партав и, выступив оттуда, укрепились в разных местах. Но многие из христиан и язычников из ремесленников города по недостатку и по бессилию своему не могли спастись и уйти от них [врагов] и потому остались там же в городе». Осталась в городе и часть христианского духовенства, судя по тому, что священник Захария, инок Партавского монастыря, по словам историка, «разного рода средствами спасал множество христиан, евреев и язычников», за что он впоследствии был назначен католиком албанского престола.²

Из этих немногих слов мы можем заключить, что в это время «главари» и «властители» жили в городах, имея в них, видимо, свои дворцы, дома и сады, но сохраняли за собою свои родовые замки и крепости, в которых они и запирались при приближении неприятеля к городу. Из этого отрывка Моисея Каланкатуйского мы узнаем, что в городе имелись ремесленники, из которых некоторые приняли христианство, а некоторые продолжали оставаться «язычниками», несмотря на прошествие двух-трех веков после насаждения христианства. Историк не называет торговцев, но среди городских ремесленников многие совмещали ремесло с торговлей; богатые же купцы, по всей видимости, покинули город вместе со знатью.³ В осажденном городе, кроме албанов (христиан и язычников), вынуждено было остаться и еврейское население, по-видимому тоже ремесленники и торговцы. Этот небольшой рассказ о Партаве дает некоторое представление о составе населения большого и прославленного города, в торговой жизни которого принимали, вероятно, участие и проживавшие в нем «главари» и «властители».

Перехожу к краткому обзору сведений о городах IV—VII вв., причем начну с левобережья Куры, поскольку в Куткашенском

¹ Там же, гл. 11.

² Там же, гл. 10.

³ Торговцы и рынки упоминаются в связи с присылкой в Албанию хазарских надсмотрщиков, которые должны были иметь наблюдение за торговой жизнью городов в целях обложения их налогами (Моисей Каланкатуйский, кн. II, гл. 16).

районе находятся развалины Кабалы, древнейшего из известных городов Албании.

Город Кабала впервые упоминается в I в. н. э. у Плиния, который писал, что «первенствуют города... в Албании — Кабалака» («praevalent oppida... Albaniae — Gabalaca»).¹ Из этих слов видно, что в середине I в. н. э. в Албании главным городом была Кабалака и что в это время о ней знали уже в Риме. Но, кроме этого города, очевидно, существовали и другие города, иначе Кабалака не могла быть названа «первенствующим» городом, и начать свое существование она должна была во всяком случае уже в I в. до н. э., когда римские войска впервые появились на территории Албании и ознакомились со страной и ее населением. Сопровождавший Помпея Феофан Митиленский о Кабалаке, по-видимому, не писал, так как у использовавшего его сочинение Страбона об этом городе ничего не говорится. Следует лп из этого, что Кабалака стала столицей только в I в. н. э., когда Плиний писал о ее «первенствующем» положении, сказать трудно.

Разведывательными работами археологов местонахождение древней Кабалакп в настоящее время можно считать установленным, а именно в Куткашенском районе Азербайджанской ССР, около сел. Чухур-Кабала. Точка зрения ряда авторов, предполагавших, что Кабалаку следует искать у границ Кахетпи или даже в самой Кахетпи, должна отпасть. Более близко к правильному решению этого вопроса подошли в прошлом веке А. Яновский и Б. Дорн: первый указал на бассейн р. Турьяна (приток Куры),² а второй уточнил район, указав на место слияния Карачая и Джоурлу-Чая.³ В «Персидской географии» 983 г.⁴ указывается, что Кабала расположена «между Шаки, Барда и Шарван»,⁴ т. е. там, где находятся в Куткашенском районе остатки крепостных стен и города около нынешнего селения Чухур-Кабала. Город Кабала упоминается у Моисея Каланкатуйского, когда он говорит о подписях под каноническими постановлениями собора 488 г., имевшего место в Алуэне. После подписи царя и архиепископа партавского стоит имя «Манасе, епископ Капала».⁵ В третьей книге Моисея Каланкатуйского (написанной другим автором три века спустя), город Капалака упоминается в рассказе о событиях VII в., связанных с албанским

¹ П л и н и й. кн. VI, гл. 10 (| 29). — См. выше, стр. 138.

² А. Я н о в с к и й. О древней Кавказской Албании. ЖМНП, 1846, ч. 52, стр. 162.

³ Б. Д о р н. Каспий. Изд. в «Приложении к Запискам Академии наук», т. 26, 1, 875, стр. 345.

⁴ Х о д у д аль-алам. («Рукопись Туманского», с введением В. Бартольда). Л., 1930, л. 30.

⁵ М о и с е й К а л а н к а т у й с к и й, кн. I, гл. 26.

католикосом Нерсесом-халкедонитом, от которого в числе многих других отложился и «Иоанн, епископ Капалака».¹ Среди подписей участников собора, состоявшегося уже после наказания Нерсеса, на втором месте после подписи католикоса Албании стояла подпись того же Иоанна, «епископа Капалака».² Кабала упоминается также в грузинской хронике «Картлис Цховреба»³ и в трудах персидских и арабских писателей IX—XI вв.

Когда и кем была построена Кабалака (Кабала), какими обстоятельствами следует объяснить его «первенствующее», по Плинию, положение, мы не знаем. Наиболее вероятно, что город возник из существовавшего здесь издавна селения и к началу нашей эры стал уже значительным центром, выделявшимся среди других албанских городов.

А. Яновский в 1846 г. высказал предположение, что Кабала была укреплена для защиты от силвов (чилбов), занимавших всю лесистую Алазанскую долину и пытавшихся продвинуться на восток.⁴ У арабских писателей сохранился рассказ о том, что город Кабала был якобы основан сасанидским царем Кавадом (488—531 гг.), но так как город этот упоминается уже Плинием в I в. н. э., то в сообщении арабских географов следует усматривать воспоминание о восстановлении города, быть может, после укрепления персидского владычества.

Кабала являлась сначала резиденцией албанских царей — Аршакидов (I—V вв.), а после того как в V в. эта династия прекращается, она временно стала местом пребывания назначавшихся Сасанидами марзпанов, в связи с чем ее округ стал называться «востан-и-марз-пан». Когда начались нашествия хазар в VI в., марзпаны перенесли свою резиденцию в Партав, более отдаленный от «Каспийских ворот» (Дербент) и более близкий к границам Персии. Когда в VII в. хазары подчинили себе население обоих берегов Куры, тогда и Кабала временно вошла в состав хазарских владений⁵ и являлась, по-видимому, административным центром.

Около 737 г., когда нашествие арабов положило конец хазарскому владычеству в Албании, среди прочих городов Масламой

¹ Там же, кн. III, гл. 3.

² Там же, гл. 8.

³ Картлис Цховреба. См. перевод: M. V g o s s e t. Histoire de la Georgie, t. I. St.-Petersbourg, 1849, p. 364.

⁴ А. Я н о в с к и й, ук. соч., стр. 164—165.

⁵ Балазури упоминает город «Кабала, что есть хазар». См. об этом: А. Е. К р ы м с к и й. Страницы из истории северного или Кавказского Азер байджана. Сборник в честь С. Ф. Ольденбурга, Л., 1934, стр. 298; С.Т. Ер е м я н. Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вараз-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илитверу, стр. 130.

была захвачена и Кабала,¹ с тех пор окончательно утратившая свое былое значение: она была включена в административный район «Армения I», но в IX и X вв. ее продолжают упоминать арабские географы, когда перечисляют наиболее крупные города, расположенные на большом торговом пути, соединявшем Албанию с Арменией и Грузией.² В XI в. Закавказье подверглось нашествию сельджуков, пострадала тогда и Албания и была разрушена вторично Кабала. По мнению В. Минорского, город Хазран, захваченный Алп-Арсланом в 1067 г., как об этом сообщает Балазури, является не чем иным, как Кабалакой.³ Это весьма вероятно, поскольку арабский писатель, как уже говорилось, называет город «Кабала, что есть хазар». Несмотря на временные захваты Кабалы то одним, то другим завоевателем, город этот, по-видимому, не терял своего экономического значения: так, в XII в. грузинский царь Давид II, ведя борьбу с сельджуками, захватил и Кабалаку и, по словам грузинской хроники, «привез оттуда в свое царство множество золота, серебра и разных богатств».⁴

Пострадала ли Кабала при нашествии Чингисхана, неизвестно.⁵ Но в XIV в., как известно, Армения и Албания являлись ареной борьбы Тимура с Тохтамышем. По словам Шерефеддина Иездского, Тимур в 1386 г. разграбил Шаки и долго стоял лагерем в «местности Кабала».⁶ Очевидно, длительная стоянка тимуровских войск и решила судьбу этого города, явилась тем ударом, после которого город уже не вернул себе былой славы, хотя в XVI в. еще продолжал существовать, судя по тому, что он упомянут в «Книге Большому чертежу»,⁷ дошедшей до нас в редакции 1627 г. Эта редакция была составлена на основании старого списка, написанного «давно при прежних государях», вероятно, в XVI в. В том же XVI в. Кабале пришлось испытать еще одно иноземное нашествие, а именно в 1578 г., когда туркам были захвачены Баку, Шемаха, Кабала, Шапоран и Дербент.⁸

В 1829 г. А. Яновский производил раскопки разведочного порядка⁹ в целях выяснения местонахождения города Кабалы в том месте,

¹ А. Е. Крымский, ук. соч., стр. 300.

² Ибн Хордадбех. См.: Н. А. Караулов, ук. соч., СМОМПК, вып. XXXII, Тифлис, 1903, стр. 13; Истори, ук. соч., стр. 17; Ибн Хаукал, ук. соч., стр. 92.

³ V. M i n o r s k y. Studies in Caucasian History. Cambridge Oriental Series, № 6, 1953, p. 32—33.

⁴ Картлис Цховреба, стр. 364.

⁵ А. Е. Крымский, ук. соч., стр. 302. ⁶ Там же, стр. 303.

⁷ Книга Большому чертежу. Изд. АН СССР, 1950, стр. 89.

⁸ В. В. Бартольд. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира, стр. 145.

⁹ А. Яновский, ук. соч., стр. 168.

где прерывается горный хребет Боз-Даг и где из нескольких горных потоков образуется р. Турьян. Как выяснилось, древняя крепость омывается речками Кара-Чан и Джоурлу-Чай.¹ Эти речки не только усиливали обороноспособность крепости (сохранились следы древней плотины, с помощью которой можно было в случае надобности затопить окрестности Кабалы), но вместе с другими ручьями —обеспечивали орошение окрестных полей и садов, о замечательном плодородии которых неоднократно упоминают арабские географы.²

Возвращаясь к разведкам А. Яновского, следует отметить, что после каких-то раскопок на территории мусульманского кладбища на р. Турьяне ему удалось выяснить, что «деревушка Чухур-Ка-бала» — «Кабала в яме (овраге)», находится около древней крепости и что развалины башен, идущих от нее по прямой линии к р. Ала-зани (на расстоянии двух-трех часов ходьбы друг от друга), являются, быть может, своего рода путевыми станциями.³ Тогда же им было установлено наличие остатков других крепостей, кроме Кабалы, а также курганов, насыпей и развалин христианских церквей в «Верхней долине» Шеки, как он называет долину у подошвы Кавказа (являющуюся продолжением Алазпской долины), богатую речками и лесом.⁴

Как это ни странно, но советские исследователи Кабалы о разведочных работах А. Яновского совсем не упоминают; только А. Е. Крымский внимательно отнесся к его изысканиям, посвященным Кавказской Албании. В 1903 г. вышло описание развалин, составленное Р. Эфендиевым.⁵ Спустя почти сто лет после Яновского, в 1915 г., в Кабале побывал армянский археолог Е. Лалаян, ограничившийся только осмотром местности и подтвердивший местонахождение Кабалы в 10 км к юго-востоку от известного удинского селения Нидж⁶ Сел Чухур-Кабала было населено, по его словам, суннитами (всего 60 дымов) «удинского происхождения».

¹ Д. Ш а р и ф о в. Обследование развалин Кабалы. Изв. Общества обследов. и изуч. Азербайджана, вып. 4, 1927, стр. 174.

² В Боздагском хребте в Дагнинском ущелье, исследованном А. Яновским, в древности были произведены работы с прорытием скал, в результате чего стало возможным провести воду на слабо орошенную равнину. По мнению А. Яновского, эта работа была произведена албанами, но на чем основано это его предположение, остается неясным, тем более, что он сам пишет: «. . . есть несколько таких гигантских работ, преимущественно для проведения воды, и никто не знает, когда и кем они произведены» (А. Я н о в с к и й, ук. соч., стр. 172—173).

³ А. Я н о в с к и й. ук. соч., стр. 171.

⁴ Там же, стр. 112.

⁵ Р. Э ф е н д и е в. Кабалинский магал. СМОМПК, вып. XXXII, Тифлис, 1903.

⁶ Е. А. Л а л а я н. Раскопки в сел. Нидж и Варташен. Изв. Кавк. отд. Московск. археолог. общества, вып. V, Тифлис, 1919, стр. 41—43

К востоку от селения им была осмотрена крепость Гяур-Кала на холме высотой 160 м, длиной 1 км, шириной 1/2 км. Им вкратце описаны стены, ворота и башни, сложенные из обожженного кирпича на извести с примесью яйца, упомянуты следы построек, но вся территория крепости была распахана. С северо-востока к крепости Гяур-Кала примыкает холм Сельбир, окруженный деревьями, а к юго-востоку — третий холм, являющийся кладбищем.

В 1925 г. Д. Шарифов с сотрудниками в Нухинском уезде предпринял разведочные работы, сопровождавшиеся раскопками. Особое внимание было уделено развалинам Кабалы. Выяснилось, что город с трех сторон был окружен рвом, четвертая же сторона представляет крутой обрыв высотой более чем в 42 м над Карачаем. Тогда же установлено, что от крепостной стены сохранились остатки пяти башен диаметром 5,5 м, соединенных между собою мощной стеною шириной более чем в 4 м, что высота разрушенных башен доходит до 6 м и что сложены стены и башни из обожженного кирпича (25x25x5 см).¹ Остатки массивных ворот сохранились к юго-западной части стены (табл. 5); ворота были фланкированы башнями, в которых имелось по квадратной (5 арш. X 5 арш.) комнате с полуразрушенным сводом. Площадь города занимала 15—20 десятин, т. е. до 22 га. В 1925 г. эта территория была поделена между крестьянами, что в известной мере содействовало разрушению стен крепости. На площади города тогда еще видны были остатки кирпичных построек, как бы «сеткой» покрывавших его территорию. В 1926 г. Д. Шарифов с группой сотрудников снова побывал в Кабале, причем основной задачей являлось выяснение вопроса, являются ли развалины остатками только крепости или же здесь имелось также II поселение.² Тогда же была произведена глазомерная съемка Кабалы.³ Д. Шарифов не дает датировки стены, так как для этого, очевидно, не имелось данных во время разведочного осмотра. Не могли быть определены также приблизительные даты тех трех слоев, которые ему удалось установить при осмотре глинистых обрывов на холме.

В 1944 г. экспедиция Азербайджанского филиала Академии наук СССР под руководством С. М. Казиева производила здесь раскопки разведочного характера; тогда же был составлен схематический план крепости и окрестностей.⁴ Раскопки на Сельбуре ниже

¹ Д. Шарифов. «Некоторые памятники искусства и древности Нухинского уезда. Изв. Общества обследов. и изуч. Азербайджана, вып. 2, 1926, стр. 73—75.

² Д. Шарифов. Обследование развалин Кабалы, стр. 175.

³ Там же, стр. 175 (план).

⁴ С. М. Казиев. Итоги археологических раскопок 1944 г. в районе Кабалы. (На азерб. яз.) ИФАН Азерб. ССР, 1945. № стр. 72—73; Е. А. Пахон

слоя средневекового поселения обнаружили в грунтовой могиле вместе с серебряной аршакидской монетой — драхмой Готарза (I в. н. э.)—золотые серьги, серебряные и бронзовые перстни и браслеты, различные каменные и настовые бусы, керамику, стекло и др. Этот интереснейший, датированный I в. н. э. комплекс вещей, к сожалению, пока не издан, так же как и упомянутый схематический план города. Дальнейшие разведочные раскопки позволили С. М. Казиеву высказать предположение, что поселение на Сельбуре древнее Гяур-Калы.¹

Описание остатков крепостных стен Кабалы составил архитектор П. П. Щерблюкин.² Согласно собранным ИМ данным, искусственный ров делит город на две части: северную, носящую название Сельбир, и южную — Гяур-Кала. Северная часть города окружена была со всех сторон крепостными стенами и башнями; она представляет в плане неправильный пятиугольник. Территория эта покрыта булыжником, кирпичом, обломками поливных изразцов и керамики и несет следы каменной кладки. Северная часть города была обнесена валом; около него местами видна каменная кладка на известковом растворе; в стене здесь сохранились остатки ворот с круглой башней. К этим воротам снаружи вела некогда дорога, от которой сохранилась часть ее длиной 400 м, шириной 7 м. Интересно, что дорога эта шла по искусственной насыпи и была выложена уложенными на ребро кирпичами. Находящиеся в этом районе за городом овраги, ручьи и балки обусловили извилистость этой ведущей к крепостным воротам дороги.

П. П. Щерблюкин, как до него А. Яновский³ и Д. Шарифов,⁴ отмечает, что в узкой части ущелья, у слияния Джоурлу-Чая⁵ и Кара-Чая, в древности имелась, судя по остаткам, плотина, с помощью которой в случае осады можно было затопить окрестности крепости.

В западной части Сельбура имеются остатки стен и башен, сложенных из булыжника на известковом растворе. В южной части

мо в. Монетные клады Азербайджана а других республик Закавказья, вып. V. Баку, 1949, стр. 21, под № 1381.

¹ С. М. К а з и с в. Итоги археологических раскопок 1944 г. в районе Кабалы, стр. 73.

² И. П. Ш е р б л ы к и н. 1) Остатки крепостных стен Кабалы. ДАН Азерб. ССР, т. I, Д"; 2, 1945, стр. 90 и сл.; 2) Средневековые азербайджанские города Орекала и Кабала. «Низами», сборник статей и материалов, вып. 4, 1947; 3) Памятники азербайджанского зодчества эпохи Низами. (Материалы). Баку, 1943, стр. 42—43 (рисунок стен и башен).

³ А. Л и о в с к и й, ук. соч., стр. 168.

⁴ Д. Ш а р и ф о в. Обследование развалин Кабалы, стр. 175.

⁵ Так П. П. Щерблюкин называет речку, у Д. Шарифова носящую название Кочалан-Чай.

следы башен в стенах отсутствуют, так как здесь проходит ров, о котором говорилось выше и который разделяет крепость на две части; ширина рва П. П. Щеолюкиным не указана; глубина его доходит местами до 18—20 м. В этом рву имеются следы кладки каких-то заграждений в виде не то стены, не то ворот, проем которых имел вид арки. Это обстоятельство приводит И. П. Щеблыкина к предположению, что ров являлся, быть может, не чем иным, как дорогой, которая пересекала город.

Сельбир составлял северную половину города, защищал подступы к нему с севера, и из северных его ворот шла благоустроенная дорога в северном направлении. В южной части города, Гяур-Кала, стена с башнями и воротами охраняла город с южной стороны. С севера город окружал ров, отделяющий его от Сельбира, а восточная и западная стороны ограждены были крутыми склонами, причем западная сторона была, по-видимому, хорошо защищена природой, тогда как южная нуждалась в большем укреплении, судя по большому числу башен и значительной толщине южной стены. Башни отстоят на 20—25 м друг от друга; по сторонам ворот башни отделены расстоянием в 10.5 м.

Что касается характера кладки крепостных стен, то И. П. Щеблыкин установил следующие технические ее детали: фундаменты стен, судя по наружной их стороне (речь идет, очевидно, о цоколе), сложены из крупных камней хорошей отески, связанных известковым раствором. Забутовка цоколя состоит из битого кирпича, кирпичного шлака и рваного камня («па обильном растворе (средняя и мелкая галька и гравий)»). Сами стены и башни сложены из хорошо обожженного квадратного кирпича, уложенного правильными рядами во всю толщину стен, сохранившихся до 6 м высоты.¹

Ни бойницы, ни междуэтажные перекрытия не сохранились. Стены производят, по словам очевидцев, впечатление мощи и грандиозности и сходны по общему виду со стенами Дербента, с гиль-

¹ Обследовавший развалины Кабалы в 1957 г. А. Л. Якобсон обратил особое внимание на структуру башен и сообщил мне свои наблюдения в письме от 10 октября 1957 г., за что приношу ему мою большую благодарность. «В основе башен, — пишет он, — глинобитный массив высотой более 3 м; этот глинобитный массив составляет основание-площадку, обложенную наподобие панциря крупным необработанным камнем-дикарем на очень прочном сером известковом растворе с крупной речной галькой. Ряды каменной кладки более или менее выдержаны. Высота каменного панциря — 3—3.5 м. Над глинобитно-каменной частью башен возвышается несомненно одновременная ей сплошная кирпичная кладка. Примесь речной гальки имеется только в кирпичной кладке башен у ворот: в кладке остальных частей южной линии крепости этой примеси в растворе нет».

Ктесифона, что дает И. П. Щелбылкину основание датировать их V—VI вв.¹

Как видно из вышеизложенного, перечисленные разведки не смогли дать ни точного плана крепости, ни удовлетворительного описания сохранившихся наземных ее частей, ни обоснованных датировок. Но очевидным стало одно, что около Чухур-Кабалы сохранились остатки ценнейшего памятника албанской культуры — ее первой столицы, нуждающиеся в охране и в стационарном археологическом изучении.

А. Яновский в 1829 г. объездил и обследовал район Кабалы и интересовался при этом поисками древних дорог, ведущих от Кабалы на север и на юг. При этом ему удалось установить наличие ряда башен, которые вели от развалин Кабалы по прямой линии на запад, к р. Алазани, на расстоянии двух-трех дней пути друг от друга. Полагая, что эти башни могли являться остатками древних «станций», А. Яновский сопоставляет этот факт с данными немецкого исследователя К. Коха, путешествовавшего по Кавказу в 1836—1838 гг. и записавшего предание кахетинцев, что в местности Карагач на Алазани, где имеются развалины замка, некогда находился большой город, который К. Кох ошибочно «принимал за столицу албанских царей». Учитывая это предание, А. Яновский высказал предположение, что к этому-то городу на Алазани и могла вести из Кабалы усмотренная им дорога с башнями⁴ и что около дер. Орьят она соединялась с той дорогой, которая шла на юго-запад по Дагнинскому ущелью (в Боздагском хребте). В этом именно ущелье А. Яновский пытался усматривать страбововскую «тропинку, высеченную в скалах»,⁵ а упоминаемое Страбоном в этой связи болото он отождествлял с болотом, образуемым речкой Гуйнюк, к западу от дороги, у подошвы Боздага.⁶ Что касается дороги в Кабалу с юга, то она могла идти вверх вдоль русла р. Турьян, в которую впадают омывающие Кабалу речки Кара-Чай и Джоурлу-Чай. Дорогу, ведущую на север, в предгорья Кавказа, удалось установить, как говорилось выше, во время разведок в 1925 г. — это дорога, идущая вверх от северных ворот Сельбира. По этой северной дороге

¹ И. П. Щелбылкин. Остатки крепостных стен Кабалы, стр. 94.

² А. Яновский, ук. соч., стр. 171.

³ К. Koch. Reise nach dem kaukasischen Isthmus, Bd. II, 1843, S. 476. Ср.: А. Яновский, ук. соч., стр. 171.

⁴ А. Яновский, ук. соч., стр. 172—173 (около дер. Орьят А. Яновский видел древнюю башню).

⁵ Страбон, кн. XI, гл. 3,5 (С. 500—501).

⁶ А. Яновский, ук. соч., стр. 162—163, 172—173 (по Дагнинскому ущелью, по словам А. Яновского, до него не проезжал ни один из ученых путешественников).

⁷ А. Яновский, ук. соч., стр. 168.

и прошло, вероятно, албанское посольство в (584 г., направляясь к хакану Алп-Илитверу, совершив за 63 дня маршрут от Партава через Мингечаур—Кабалу—Нуху—Закаталы—Кодорский перевал—каньон Андийского Койсу—к Буйнакску и т. д.¹ Короткий путь через Дербент был в это время в руках арабов.

Таким образом, к древней столице Албании вели торговые пути с запада (через Иберию), с юга (через Армению, Атропатену) и с северных предгорий Кавказа. Этим фактом в большой мере обусловились то торговое значение, которое мог иметь город Кабала в древности и которым он отличался еще в VIII—IX вв. Судя по данным арабских географов, Кабала, несмотря на частые вражеские нападения, продолжала на протяжении ряда веков оставаться центром земледелия, садоводства, шелководства и других ремесел, как об этом можно судить по словам Казвини, персидского автора XIV в., который говорит о хорошем шелке, пшенице и другом зерне, производимом населением Кабалы.²

Следует отметить также, что в местных народных преданиях говорится о ежегодных ярмарках, которые в старину имели место где-то около Кабалы;³ сохранились и рассказы о таможенной заставе по дороге в Кабалу, в ущелье Фит-Каласи, где когда-то якобы взималась пошлина за провозимые товары и проводимый скот."

В настоящей очерке собраны сведения, извлеченные из письменных источников, а также те немногие, случайные и пестрые данные, которые получены в результате разновременных разведочных осмотров города и пробных раскопов в некоторых местах крепости.

Сопоставление этих данных может свидетельствовать о том, что город начал свою жизнь во II—I вв. до н. э. и в качестве центра земледельческой округи, ремесла и торговли просуществовал, быть может, до XVI в., пройдя все этапы исторической жизни Албании.

На территории левобережной Албании, кроме Кабалы, имеется еще ряд крупных городищ, обследованных местными археологами, но соответственные отчеты и материалы еще не опубликованы и поэтому, кроме современного их наименования, мы о них ничего не знаем. К их числу относятся упоминаемые О. М. Исмпзадэ городища⁵ (древние поселения) Каладжик, Кызкаласы, Кирдыман-Кала, Калагет и др.

¹ С. Т. Е р е м я н. Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя

Вараз-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илитверу, стр. 150. —См. стр. 250.

² А. Е. К р ы м с к и й, ук. соч., стр. 302.

³ А. Я н о в с к и й, ук. соч., стр. 169

⁴ А. П. Ф и т у н и. Девичья башня. Изв. Азкомстариса, вып. III, 11)27. стр. 108.

⁵ О. М. Исмпзадэ Ялойлутепинская культура. Баку, 1956, стр. 79.

К числу таких городищ относятся также развалины большого древнего города, расположенного в Прибрежном районе Каспия, в 10 км к северу от Самура (в 1 км к северу от железнодорожной станции Белиджп). На это городище еще в 1924 г. обратил внимание А. С. Башкиров,¹ а в 1937 г. Е. А. Пахомов, когда обследовал Присамурский район.² Стены громадной крепости, возвышающейся на равнине, сложены из сырцового кирпича; в одном углу городища Е. А. Пахомовым отмечена высокая насыпная терраса (цитадель, дворец?). На это городище обратил внимание также дагестанский археолог М. Исаков³ и кратко описал его. Городище занимает, по его словам, площадь более чем в 100 га и обнесено двускатным валом высотой около 20 м, шириною 12—15 м. Вокруг этого вала, скрывающего древние стены города, идет ров шириною 20—25 м, глубиною 4—6 м. М. Исаков обратил внимание на правильные ряды построек, остатки которых занимают среднюю часть городища. Среди подъемного материала имеется много обломков керамики, толстостенной и тонкостенной, которую он датирует последними веками до нашей эры и первыми веками нашей эры. Насколько прав М. Исаков, судить трудно, так как материал этот не издан.

Е. А. Пахомов и М. Исаков совершенно справедливо считают, что это громадное городище, носящее у местного населения название «Турпаг-Кала», т. е. Топрах-Кала, заслуживает самого пристального внимания и основательного археологического изучения.

Опираясь на данные Птолемея и усматривая в Самуре р. Албан. М. Исаков поставил вопрос, не имеем ли мы тут дело с развалинами города Албана, который Птолемей называет в своем перечне на одиннадцатом месте как находящийся между устьями рр. Касия и Албан. Хотя на карте, составленной к «Географии» Птолемея, этот город помещен на берегу Каспийского моря между указанными реками,⁴ из этого никак не следует, что город являлся обязательно приморским. Располагая сведениями о местоположении того или иного города между такими-то реками, составитель карты Птолемея мог помещать их именно между устьями этих рек. Но с другой стороны, возможно, конечно, что некоторые из этих городов действительно находились в прибрежной зоне Каспийского моря. Абас-Кулиага Бакиханов (1794—1846 гг.) в начале прошлого века пола-

¹ А. С. Башкиров. Изучение памятников старины. Дагестанский сборник, т. III. Махачкала, 1927, стр. 235—236.

² Е. А. Пахомов. Археологические экспедиции по районам АССР. Изв. Азерб. ФАН СССР, 1938, № 3, стр. 34—35, рис. 4.

³ М. Исаков. Исчезнувший город в Дагестане. Исторический журнал, 1941, № 6, стр. 156—157.

⁴ Птолемей, кн. V, гл. 11, 2.

⁵ Claudii Ptolemaei Geographia, anno MDXLV (1545), tabula Asiae III.

гал, что «Албанд Птолея» (как он его называл) следует отождествлять с Дербентом, так как, по его мнению, р. Албан является Самуром, а Касий — р. Манасом (между Буйнакском и Тарки).¹ Но на этом своем предположении историк Азербайджана не настаивал, так как тут же называл деревню Алпак в Кубинском уезде в связи с Албаной Птолея.

А. Яновский высказывается против нахождения городов Албана, Телайба, Гелда и Гайтара на берегу моря, как это показано на карте Птолея. По его мнению, все эти города находились на Куре, а город Албана совпадает с сел. Альвент или Алван в Ширване.² Е. А. Пахомов не высказывает никаких предположений относительно отождествления этого городища с известными по письменным источникам наименованиями. Его поиски следов древнего сасанидского моста через Самур, о котором писали арабские географы, называя его одним из чудес света, остались безрезультатными.³

Вопрос о том, находился ли город Албана на месте городища Топрах-Кала недалеко от р. Самура, может быть рассматриваем только в том случае, если сопоставлять р. Самур с р. Албан Птолея. Как говорилось выше, вопрос этот является дискуссионным, и поэтому то или иное высказывание по этой спорной теме будет преждевременным, если оно не может быть обосновано новыми дополнительными данными. Неоспоримо только то, что городище Топрах-Кала является одним из крупных древних городов Албании и ждет стационарного археологического изучения.

Попав в поле зрения археологов, это городище начинает вызывать различные догадки и предположения, которые могут быть подтверждены или отброшены только после соответственного археологического обследования. Одной из таких догадок, интересной и исторически в какой-то мере обоснованной, является предположение дагестанского археолога В. Г. Котовича,⁴ который усматривает в этом городище развалины древнего города Чол или Чор (Чога). Чор, как это известно было в VII в. Моисею Каланкатуйскому, находился «недалеко от Дербента»,⁵ являлся одним из главных городов Албании, первой резиденцией албанского католикоса и, по-видимому, большим городом прибрежной части албанского государства.

¹ Абас-Кули-ага (Кудси) Б а к иханов. Гюлистан-Прам. Над. Общества обследов. и изуч. Азербайджана, вып. 4, Баку, 1926, стр. 10.

² А. Я н о в с к и й, ук. соч., стр. 94 и 96.

³ К. А. П а х о м о в. Археологические экспедиции по районам АССР, стр. 35.

⁴ В. Г. К о т о в и ч. Очерки истории Дагестана (коллективный труд), т. I. гл. 1, § 6, Махачкала, 1957, стр. 33.

⁵ М о и с е й К а л а н к а т у й с к и й, кн. II, гл. 39.

У Моисея Каланкатуйского город Чор или Чола упоминается в следующей связи. Как известно, при Вараз-Трдате (VII в.) албанское посольство направилось к хазарам просить помощи против арабов; пройдя трудный путь через Кодорский перевал,¹ миссия наконец «достигла ворот Чора, недалеко от Дарбанда, и там получила от жителей города помощь и почести».² Мы имеем основание полагать, что речь идет о городе с албанским населением: ведь если жители Чора радушно встретили албанское посольство, во главе которого стоял албанский христианский епископ Исраэл, то они видели в них, по всей вероятности, единоверцев, а следовательно, и в VII в. основное население города могло еще состоять из албанов-христиан.

Исключительный интерес в этой связи представляет сообщение И. А. Орбели об осмотренном им в 1928 г. большом кладбище, по-видимому XII в., приблизительно в 2 км к востоку от станции Бе-лиджи. Кладбище это находится в лесу, между железной дорогой и берегом Каспия; виденные им здесь между деревьями каменные плиты покрыты надписями, по виду армянскими, но содержащими странные, неармянские имена и неармянские слова. Ввиду близости этого кладбища от вышеописанного городища Топрах-Кала наиболее вероятным представляется, что население его, во всяком случае в последующее время, хоронило здесь своих покойников.³

Одним из городов на территории правобережья Куры был неоднократно упоминавшийся город Халхал (древний город Лала).⁴ В III в. он являлся зимней резиденцией армянских царей, как об этом говорится в греческом тексте Агафангела: «...в отцовском, Халхал называемом городе, в местах зимования царей Армении»⁵ а позднее здесь пребывали цари албан

¹ См. выше, стр. 261.

² Моисей Каланкатуйский, кн. II, гл. 39.

³ Разведки па территории этого леса, быть может, покажут, что захоронение происходило здесь и в более ранние периоды жизни этого города; быть может, обнаружатся и более древние надписи, которые помогут в выяснении вопроса об албанском языке.

Этот же или соседний район был в 1924 г. обследован А. В. Башкировым (ук. соч., стр. 236), который в дельте Самура, в зарослях дуба и карагача видел рядом с могильником круглое городище, носящее у местного населения название «Армен-Кала», обнесенное кольцеобразным валом (стены из сырцового кирпича, башни и ворота из обожженного кирпича).

⁴ О городе Лала на карте Певтингера см.: С. Т. Е р е м я н. Торговые пути Закавказья в эпоху Сасанидов, стр. 128.

⁵ А г а ф а н г е л, гл. II, § 14 (FHG, vol. V, pars I, p. 119). - В соответственном армянском тексте добавлено: «... в области Утику»

ские. Этот город находился, по-видимому, в районе Акстафы, в Казахском районе.¹

² Судя по данным армянских письменных источников, город Пайтакаран в Гаргарской равнине (Мильская степь) стал в IV—V вв. наиболее значительным центром страны в экономическом и, по-видимому, политическом отношении. Древняя столица Кабала, находясь в предгорьях Кавказа, вдали от торговых путей и крупных центров Закавказья, начала в этот период терять свое былое значение. Вопрос о местонахождении Пайтакарана оставался до последнего времени спорным: одни отождествляли его с Орен-Кала (Байлаканом), другие помещали его ближе к Каспийскому побережью и т. д. Самое название города «Пайтакаран» по-разному истолковывается учеными. В этом названии, исходя из армянской лексики, можно было бы усмотреть наименование «Деревянный (город)», но, может быть, прав все же Х. Хюбшман, полагая, что мы имеем дело с древним местным, каспийским названием.³ «Город царей Армении — Пайтакаран» упоминается в греческой версии Агафангела, в перечне географических пунктов, до которых при Трдате III распространилось христианство.⁴

В краткой главе «О каспах» Фавст Бузанд сообщает, что жители города Пайтакарана «отложились от армянского царя и изменили ему»;⁵ это произошло при царе Папе, правившем в 369—374 гг. В связи с событиями IV—VI вв. Пайтакаран неоднократно упоминается, но с конца V в. первенствующая роль переходит уже к городу Партаву.

В настоящее время город Пайтакаран локализуется А. А. Пес-сеном с большой долей вероятия на территории у сел. Тазакепд, расположенного в 7—8 км к юго-востоку от Орен-Кала.⁶ Здесь имеются два прямоугольных городища, на одном из которых найдены три каменные базы⁷ (ок. V в. н. э.) от деревянных колонн. Здесь же в 1955 г. были найдены римские серебряные монеты I в.

¹ С. Т. Еремян Торговые пути Закавказья в эпоху Сасанидов, стр. 128. Ср.: Н. И у б с ч м а н н. Die altarmenischen Ortsnamen. Indogermanische Forschungen, Bd. XVI, H. 3—5. Strassburg, 1904, S. 272 folg.

² Пайтакараном (до VIII в.) назывался только город; область же, в которой находился Пайтакаран, у армянских историков носила название «страна Каспиев» (Н. Hubschmann, 1. c, SS. 268—269).

³ Н. Hubschmann, 1. c, S. 270.

⁴ А г а ф а н г е л, гл. XIII, § 153 (FHG, vol. V, pars I, p. 180).

⁵ Фавст Буза н д, ук. соч., кн. V, гл. XIV.

⁶ А. А. Ие с с е н. Новые данные по работам Орепкалинской экспедиции. МИ Азерб., т. II, Баку, 1957, стр. 28.

⁷ И. П. Щ е б л ы к и н. Части старых колонн, найденных в Оренкала и Нах. АССР. ДАН Азерб. ССР, 1946, № 6, стр. 255, рис.3.

н. э., поблизости имеются «следы позднейших кувшинных погребений, а возможно и культурного слоя поселения».

Город Партав в Утике, на р. Тертер (городище у селения Берда в Евлахском районе), по преданию был построен во второй половине V в.: албанский царь Ваче «по повелению Пероза, царя персидского, построил великий город Перозапат, который называется теперь Партав».² Являлся ли «Перозапат» вторым наименованием Партава, или же под этим названием имелась в виду построенная при Перозе резиденция вблизи Партава, остается неясным. Имеется еще одно название — «Перожкават», «в котором пребывал великий князь Востока Джываншер и епископасапет Ухтанес со всеми вельможами».³ Возможно, это тот же Перозапат, достроенный или восстановленный при Каваде, которому арабские географы (Балазури) приписывают основание Партава. Партав быстро вырос и вскоре стал политическим и экономическим центром Албании. Сюда в VI в. была переведена из Чора резиденция католикоса и здесь же обосновались персидские марзпаны.

О жизни этого города в VII в. мы почерпаем приведенные выше сведения у Моисея Каланкатуйского; о последующих же веках нам сообщают арабские географы IX—X вв., при которых этот город уже превосходил по величине все остальные города Закавказья. Город славился в это время своими базарами, шелк отсюда вывозился в Фарс и Хузистан.⁴ Отсюда из Партава шли торговые пути: на север — через Шемаху в Ширван и Дербент; на юго-восток — через Байлакан на Ардебиль; на северо-запад — через Гянджу в Картли, Тифлис; на юго-запад — в Армению, Двин.⁵

Одновременно с Партавом начал свое существование и город Байлакан (городище Орен-Кала в Мильской степи); раскопки, начатые в 1953 г., подтвердили данные письменных источников, согласно которым город этот был построен при сасанидском царе Каваде в конце V в. Из трех стратиграфических слоев самым ранним является сасанидский (стены из больших сырцовых кирпичей). Квадратная в плане крепость площадью свыше 36 га расположена у канала Гяурарх и составляет с ним, по мнению А. А. Иессена, «единный комплекс, сооруженный скорее всего в интересах укреп-

¹ А. А. Иессен, ук. соч., стр. 28.

² Моисей Каланкатуйский, кн. I, гл. 15; кн. II, гл. 19.

³ Там же, кн. II, гл. 31: Н. Hubschmann, I, с. 85, 273; С. Т. Еремьян. Торговые пути Закавказья в эпоху Сасанидов, стр. 89.

⁴ См. пр. 181.

⁵ В. В. Бартольд. Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903, стр. 151 — 152. См.: С. Т. Еремьян. Атлас к книге «История армянского народа», карты V—VII вв.

ления власти сасанидского государства над основным и наиболее удобным путем, связывавшим восточное Закавказье с центральными областями Ирана».¹

Единственный населенный пункт, подвергшийся многолетним раскопкам и давший исключительно богатые археологические находки,— это Мингечаур. Но тем не менее характер этого города остается не вполне выясненным. Было ли это поселение у переправы через Куру защищено стенами? Возможно ли в какой-то мере восстановить планировку города? Надо надеяться, что издание генерального плана и дальнейшее изучение всех археологических данных позволят со временем ответить и на вопрос, не находился ли на территории Мингечаура упомянутый у Птолемея город Хадаха.²

Оборонительные стены. Дербентские укрепления

Набеги кочевников с Северного Кавказа на плодородные области Закавказья осуществлялись, как известно, не только через перевалы и ущелья в Главном Кавказском хребте, но главным образом вдоль побережья Черного и Каспийского морей. Одним из наиболее удобных путей была равнинная полоса вдоль западного берега Каспия; по этой-то дороге издавна проникали кочевые племена с севера, несшие с собою разорение полям и садам, разрушение городов и селениям, захват в плен или гибель населению.

Необходимость в преграждении легкого пути вдоль равнинной полосы Каспия была несомненно очень рано осознана. Но организация и осуществление соответственных работ в общественных условиях рыхлого племенного союза на ранних этапах исторической жизни Албании, да и в начальный период формирования ее государственности (III—II вв. до н. э.) были, конечно, задачей неосуществимой. Таковой она, по-видимому, оставалась и в первые века пашей эры, когда народам Закавказья приходилось одновременно обороняться от римской агрессии.

Кочевники зачастую доходили до территории Мидин-Атро-натены, политически связанной сначала с Парфянской империей, а потом с государством Сасанидов. Последнее, расширяя свои границы за счет стран Закавказья, вынуждено было приниматься за возведение заградительных стен, привлекая в принудительном порядке к работе местное население и используя местные материалы.³

¹ А. А. Иессен, ук. соч., стр. 29. ²

См. выше, стр. 142.

³ С. Т. Еремян. Сюния и оборона Сасанидами кавказских проходов. Изв. Арм.Фан СССР, 1941, № 7.

Остатки заградительных стен, этих «плотин для удержания человеческих волн с севера», дошедших до нас в разной степени сохранности, привлекли к себе внимание путешественников уже в XVII в. (А. Олеарий² и Э. Кемпфер³) и в XVIII в. (П. Лерхе⁴). Этому вопросу посвятил специальное исследование Е. А. Пахомов, изучавший остатки стен в 1925—1932 гг.⁵

В настоящее время известны пять линий степ, идущих от отрогов гор до моря и пересекающих прибрежную низменную полосу: Бар-макская стена к северу от Апшеронского полуострова; Гильгин-чайская (Шабранская) стена в 23 км к северу от предыдущей; стена к северу от р. Самура, неподалеку от городища Топрах-Кала; Дербентские стены и остатки стен к северу от Дербента.

Не исключена возможность, что при Сасанидах было предпринято возведение стен и в районе Семендера в периоды временного вытеснения с этой территории хазар, судя по остаткам стены, которые видел И. Лерхе в 1734 г., приближаясь к севера к городу Тарку, за три версты от него."

Совершенно очевидно, что эти стены должны были сооружаться и известной последовательности по мере захвата территории персами и что строительство осуществлялось, по-видимому, начиная с юга. При этом, как правильно указывает Е. А. Пахомов, каждая последующая стена уменьшала оборонительное значение предыдущей.⁷

Письменные источники приписывают сооружение вышеупомянутых стен разным сасанидским царям: упоминаются Иездегерд II, Кавад и Хосров I; как будет показано дальше, ко времени этих шаханшахов и могут быть отнесены перечисленные стены.

Бармакская и Ширванская стены

Е. А. Пахомов в 1925 г. обследовал местность к северу от Апшерона, где горы подходят близко к морю и круто спускаются к нему, оставляя береговую полосу в 1.75 км. У подножия высо-

¹ П. П. Щерблыкин. Памятники азербайджанского зодчества эпохи Низами, стр. 8.

² Adam O l e a r i u s. Voyages en Moscovie, Tartarie et Perse, t. I. Amsterdam, 1747, pp. 522, 542—543.

³ Engelbert K a m p f e r. Amoenitates exoticae. Lemgo. 1712.

⁴ J. J. Lore he. Eebens- und Reisegeschichte. Halle. 1791, SS. 30—38, 46, 304—305.

⁵ Е. А. П а х о м о в. Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье. Проблемы истории материальной культуры, № 9—10, 1933.

⁶ J. J. L e g e n d e, 1. c, S. 30. — Об этой стене см. дальше стр. 286.

⁷ Е. А. П а х о м о в. Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье, стр. 47.

кой скалы Беш-Бармак на склонах гор видны остатки стен укрепления или крепости, сложенной из дикого камня небольших размеров.¹ От склонов гор к морю тянутся два параллельных «глиняных вала» на расстоянии 220 м друг от друга, причем у берега они сохранились на большую высоту (2.5—3 м). Здесь эти две стены «соединяются с таким же поперечным валом», говорит Е. А. Пахомов, но остается все же неясным, на каком расстоянии от моря находятся остатки этого соединительного поперечного вала. Между валами — следы построек (всхолмины). На территории стен много кирпичей «сасанидского типа» и фрагментов красно-глиняных кувшинов, позволяющих датировать валы сасанидским временем, как на это указывает Е. А. Пахомов. Эта стена или вал упомянута уже в «Армянской географии VII в.» под названием Хорс-вэм, т. е. Хурсанская скала.² На это обратил внимание С. Т. Еремян, полагающий, что стена отделяла от Ширвана страну Хурсан, как в VII в. назывался нынешний Хизинский район Азербайджана.³ Масуди (X в.), говоря о сооружениях, возведенных Хосровом Ануширваном в Ширване, упоминает «каменную стену, называемую Бармакп»,⁴ но, принимая во внимание то, что Бармакские стены являются самыми южными из числа «длинных стен», перегораживающих Каспийское побережье, и что за ними идут еще другие, а также то, что он называет Ширван, можно предположить, что речь у него идет не о Бармакской, а о Ширванской стене. Письменная традиция, по-видимому, постройку всех оборонительных стен приписывала Хосрову I, тогда как устное местное предание все крупные сооружения относит к Александру Македонскому.

Ширванская (Шабранская) стена носит в настоящее время название по р. Гильгинчаю, с ущельем которой она связана. Эта стена намного значительнее Бармакской по своей протяженности (от моря до гор 6 км, а в общем — вместе с идущей в горах стеною —

¹ В 1036 г. здесь побывал А. Оларий, поднимавшийся на вершину скалы

и описавший остатки этого «очень древнего» сооружения (в его время обращено в открытый каравансарай) из больших тесаных камней, образующих четырёхугольник, длина сторон которого 42 фута, с круглыми башнями по углам и со сводчатыми воротами (O l e a r i u s, l. c, pp. 542—543, рис. к стр. 543). Кладка из «дикого камня небольших размеров», которую в 1925 г. видел Е. А. Пахомов, была, по-видимому, возведена в более позднее время. Древние стены и ворота видел в 1734 г. И. Лерхе, зарисовавший общий вид Бармакской скалы (J. J. L e r c h e l. c, S. 40, рис. к стр. 40) и отметивший, находясь снова в Бармаке в 1747 г., что каравансарай «все больше и больше разрушается»

(l. c, S. 308).

² К. П. П а т к а н о в, ук. соч., стр. 30—31.

³ С. Т. Е р е м я н. Сюния и оборона Сасанидами кавказских проходов, стр. 34—35.

⁴ М а с у д и. Золотые луга. См.: Н. А. К а р а у л о в, ук. соч. СМОМПК, вып. XXXVIII, Тифлис. 1908, стр. 59.

30 км). Е. А. Пахомов обследовал этот вал в 1031—1932 гг.¹ и установил начало его в 5 км к северу от устья Гильпшчая (эта река выходит из гор на равнину в 23 км к северу от Бармакской стены), неподалеку от протока, соединяющего оз. Ах-Зыбир с морем.

Е. А. Пахомов описывает вал следующим образом. Прямая линия невысокого вала идет от моря на протяжении 1 км до сел. Келаны, здесь высота его достигает 5—6 м. Через каждые 60—70 шагов имеются остатки башен в виде возвышения (1—2 м) над валом. За сел. Келаны направление вала несколько меняется, и, не доходя до предгорий, стена заканчивается около угла большого четырехугольного сооружения (остатки замка?). Бугор в середине этого укрепления и всхолмленность почвы говорят об имевшихся здесь зданиях. Стена построена из сырцового кирпича (42x42x12 см) на глинобитном основании. Кирпичи положены на глине правильными рядами (местами сохранилось до 30 рядов кирпичей), а толщина стены 8 м. На всем протяжении вала, от моря до гор, лежат обломки обожженного кирпича и красноглиняной посуды (без поливы), которые Е. А. Пахомов датирует сасанидским временем.

Е. А. Пахомову удалось обнаружить и обследовать и нагорную часть этой стены, которая идет по хребту, то теряясь, то опускаясь в ущелье, и доходит до крепости Чирах-Кала.² Эта стена сложена из сырцовых кирпичей (до Кала-Бопну), а затем на протяжении 10 км из камня, местами имеются четырехугольные башни (230X X275 см). У крепости Чирах-Кала эта стена заканчивается, упираясь в круглую башню на скале.

Местное предание называет часть этого вала (от моря до гор) «Искендер-Самты», приписывая постройку Александру Македонскому. Упоминание у Масуди «каменной стены» в Ширване (о чем говорилось выше) должно, по-видимому, относиться к этой стене.³

Точными данными о времени построения Бармакской и Ширванской стен мы не располагаем. Но, принимая во внимание, что Сасаниды могли начать продвижение на север только после договора 387 г., т. е. после разделения сфер политического влияния между Римом и Ираном, наиболее вероятным представляется, что возведение этих двух стен осуществлялось в V в., может быть, при Иезде-герде II (438—457 г.), который, как известно, уделял много внимания странам Закавказья, пытаясь подчинить себе Армению, Албанию и Грузию. Действительно, письменные источники связывают стену с именем сасанидского царя Иездегерда II. Так, Моисей Калан-

¹ К. А. Па х о м о в . Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье, стр. 40—43, рис. на стр. 41 и 40.

² Там же, стр. 43, рис. на стр. 43

³ См. выше, стр. 269. — В 1747 г. Ширванскую стену осмотрел и вкратце описал П. Лерхе (J. J. L e r c h e , 1. c, SS. 307—308).

катуйский сообщает, что албаны и пришедшие им на помощь армяне восстали против персидского владычества и пошли войной «на крепость, построенную Пездегердом при вратах хонов, которую насильственно владели персы. Они взяли и разрушили крепость».¹

О разрушении около 452 г. крепости «при вратах хонов» подробнее рассказывает современник этих событий Елише. Хоны, придя на помощь восставшим против персов армянам, грузинам и албанам, разрушили какие-то заграждения и напали на северные области Персии. «Царь [Издегерд II] был крайне удручен не только разорением страны и из-за потерь в войсках, но еще больше тем, что была разорена та пограничная крепость, которую, начав издавна, только-только что могли достроить и которая теперь, будучи с легкостью взята, была разрушена, причем не было даже надежды на ее восстановление».² Здесь говорится о каких-то только что отстроенных стенах, замыкавших с севера подчиненную персам в середине V в. территорию Албании. О Дербенте речи идти не может, так как он крепостью становится только со времен царя Кавада (488 г. и сл.)³ начавшего возводить здесь новую линию заградительных стен.³ Следовательно, имеется в виду какая-то стена южнее, быть может, Бармакский вал, возведение которого, если к нему относятся слова Елише, закончилось незадолго до 452 г.

Обращает на себя внимание название этого укрепления — «пахак хонов», т. е. «оборона от хонов». Это название приводится в вышеприведенном тексте Моисея Каланкатуйского, в соответствующем рассказе у Елише⁴ и у Лазаря Парбского. Последний указывает на «пахак стены, который находится между владениями албанов и хонов».⁵

Стена эта, как говорилось выше, вскоре после окончания постройки была разрушена, поэтому персам после отражения нашествия хонов нужно было заново строить оборонительные стены, которые они теперь несколько отодвинули на север. Началась постройка новой линии — Шабранской (Гильгинчайской) стены, которую заканчивали, быть может уже при Перозе (459-484гг.)

Третья линия заградительных стен проходила к северу от р. Самура, у выхода на равнину р. Рубас, где горы близко подходят к морю. Эта стена, вернее — ее остатки, в настоящее время еще не обследована и поэтому не описана, но упоминания о ней имеются у ряда исследователей.⁶ В 1747 г. эту стену видел И. Лерхе про-

¹ Моисей Каланкатуйский, кн. II, гл. 2.² Елише, ук. соч., стр. 129. — См. стр. 208, 211—213.³ См. стр. 277.

⁴ Елише, ук. соч., стр. 99.⁵ Лазарь Парбский, ук. соч., стр. 66.

⁶ Е. А. Пахомов. Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье, стр. 43; 11. П. Щелыкин. Памятники азербайджанского

ездом из Дербента в Баку. На карте, озаглавленной «Каспийское побережье от Бунака до Куры. 1747», эта стена показана идущей от моря в горы на протяжении около 80 верст, между рр. Мелукент и Рубатер (Рубас). Перейдя «речку Рубатер», пишет Лерхе, «на которой расположено селение Араблар, в котором с древних времен живут якобы арабы, [мы проехали] 15 верст и еще 5 верст до леса около древней высокой стены, которая начинается в 6 верстах ниже у моря, около Муллакента, и поднимается высоко вверх в горы. Местами высота ее достигает 20 сажений. Говорят, что ее построил Александр Великий на границе между персами и татарами, но впоследствии он повелел вывести высокую стену у Дербента, которая через горы доходит до Черного моря». ¹ Хотя протяженность (80 верст) и высота стен (около 40 м) представляются преувеличенными, рассказ этот все же крайне интересен, поскольку мы из него узнаем, что в XVIII в. эта очень высокая, некогда пограничная стена продолжала еще существовать и что, по изустной традиции, возведение ее предшествовало постройке дербентских степ.

Эта третья линия оборонительных стен была построена, возможно, в царствование Кавада (488—531 гг.), сорокачетырёхлетнее правление которого ознаменовалось большим строительством, в частности в Закавказье. К этой стене следует, по-видимому, относить слова «Армянской географии» о «длинной стене Апзут-Кават до болот Альминон (?) и до моря», ² т. е. о стене, идущей от моря в глубь страны до каких-то болот.

Нет никакого сомнения, что при возведении всех перечисленных стен основной рабочей силой являлось местное население, насильственно привлекаемое персидскими правителями; на постройке стен могли быть использованы и военнопленные. Так, например, в IV в. военнопленные греческие каменотесы и кладчики пользовались доброй славой в Албании, судя по словам албанского царя Урнайра, который перед сражением сказал своим военачальникам: «...когда мы заберем в плен греческие войска, то многих из них надо оставить в живых, мы их свяжем в отведем в Албанию и заставим их работать как гончаров, каменотесов и кладчиков [стен] для наших городов, дворцов и других нужд». ³

Персидские цари привлекали византийцев к работам по возведению крепостных стен не только при Урнайре в IV в., но и в последующее время, и не только как военнопленных, но и в составе, зодчества эпохи Низами, стр. 8, Н. Г. Горчакова, Р. К. Мель и И. П. Щелыкин. Архитектура Азербайджана до V в. н. э. Сб. «Архитектура Азербайджана эпохи Низами», М., — Баку, 1947, стр. 28 и др.

¹ J. J. Le g s c h e, 1. с, S. 304.

² К. П. П а т к а н о в, ук. соч., стр. 31.

³ Фавст Б у з а н д, ук. соч., кн. V, гл. 4.

быть может, вспомогательных отрядов, которыми византийские императоры оказывали содействие Сасанидам. Когда восставшие против персов в середине V в. албаны обратились за помощью к армянам, то решено было прибегнуть к помощи императора Феодосия II и ему послано было письмо с просьбой «помочь в великой опасности».¹ Но Феодосий в это время умер, воцарился Маркиан, «который не поддержал союза, а по нраву своему был единомышленным с язычниками».² По словам Елише, Маркиан тогда же, отправив посла к персам, заключил с ними договор о союзе.³ О помощи, оказанной Маркианом персам, в источниках не говорится, но косвенные данные позволяют предполагать, что он помог Иездегерду II в укреплении кавказских проходов.

В этой связи большой интерес представляет рассказ армянского историка Левонда (VIII в.) о строительных работах по возведению стены, производившихся, по-видимому, в V в., поскольку речь идет о византийском императоре Маркпане (450—457 гг.). Левонд, сообщая о событиях своего времени, рассказывает, что халиф Сулейман (715—717 гг.) «на втором году своей власти собрал много войск, дал его под начальство полководца Маслама и послал к воротам Каспийским. Придя, они дали сражение войскам гуннов, которые [были] в городе Дарбанде, разбили их и прогнали; и, разорив, разрушили крепостные стены этой крепости [цитадели]. И когда разрушали стену крепости, то нашли в ее основании большой камень, на котором имелась надпись такого содержания: "Маркиан, самодержец, корсар построил город, эту башню [или «эти башни»] с большим количеством талантов из своих сокровищ [средств]. и в последующее время сыны Исмаила разрушат это и на свои средства снова построят". И когда нашли эту надпись, то [арабы] остановили разрушение этой стены, и, поставив на это мастеров, снова построили разрушенную стену. А сам Маслама, взяв множество войск, прошел через пахак Чора, распространил набег по стране хонов и, отправившись, расположился лагерем близ Таргу, города хонов».⁴

Так как Левонд писал о событии, имевшем якобы место в начале VIII в., то можно полагать, что какая-то греческая надпись с именем Маркиана была действительно в это время найдена. Оставляя в стороне вопрос о том, где именно могла быть найдена надпись V в., нужно отметить, что рассказ этот носит, судя по содержанию его, весьма легендарный характер. Тем не менее само упоминание имени Маркиана в связи с надписью строительного характера под-

¹ Моисей Каланкатуйский, кн. II, гл. 2.

² Там же.

³ Елише, ук. соч., стр. 73.

⁴ Левонд, ук. СОЧ., гл. 7 (перевод И. А. Орбели).

тверждает в какой-то мере высказанное выше предположение о помощи строительными отрядами, которую на территории Албании персам оказывали византийцы. Надпись Маркиана, с другой стороны, могла появиться и в результате оказанной им финансовой помощи, благодаря которой была сооружена определенная часть укрепления. Строительные армянские надписи такого характера известны и для I в. н. э. (надпись в Гарни), и для XII—XIII вв. (надписи в Ани). В них сообщалось, что при таком-то царе или правителе таким-то или средствами такого-то возведена башня или часть стены.¹

Весьма возможно, что при постройке Бармакской стены («пахака хонов») стоимость какой-то части укрепления была выкуплена Маркнаном, союзником Иездегерда II. Левонд же мог отнести этот рассказ к Дербенту, так как стена Иездегерда II к VIII в. уже утратила свое былое значение.

Д е р б е н т с к о с   у к р е п л е н и е

Древнее название того поселения, на месте которого впоследствии выросла крепость Дербент, нам неизвестно. Что касается названия этого географического пункта в период римской экспансии на Восток, то мною выше² высказаны некоторые соображения, позволяющие относить именно к «Каспийским воротам» (Дербенту) слова Тацита о «*clausura Caspiarum*»,³ против которых, быть может, был направлен подготовлявшийся Нероном в 68 г. поход. Иосиф Флавий, писавший в том же I в., называет эти Каспийские ворота,⁴ т. е. тем же термином, как Светоний («*ad Caspias portas*»)⁵ и Кассий Дион.⁶ Таким образом, грекоязычные и латиноязычные авторы I—II вв., говоря о Каспийском (Дербентском) проходе, применяют термины *portae*, т. е. «двери», «ворота (городские и крепостные)», «проход», «вход»; Тацит же применяет более точный термин — *claustra*, т. е. «засов», «запор», «преграда», «вал», «пограничная крепость», что дает основание предполагать, что во второй половине I в. н. э. здесь уже существовали какие-то стены или укрепления. Имеются также основания полагать, что эти же Каспийские ворота упоминает еще один римский автор I в. н. э. — поэт Лукан, применяющий тот же термин

¹ К. В. Т р е в е р. Очерки по истории культуры древней Армении. Л., 1953, стрю206

² См. стр. 122 и сл.

³ Та ц и т. История, кн. I, гд. 6.

⁴ Иосиф Ф л а в и й. Иудейские древности, кн. XVIII, гл. 4, 97. ⁵ С в е т о н и й. Жизнь двенадцати цезарей. Нерон, гл. 19

⁶ Кассий Дион. Римская история, кн. LXIII гл. 8, 1.

Caspia claustra.¹ Но у Птолемея, писавшего веком позже, Каспийские ворота на карте и в перечне городов и селений отсутствуют. У него названы и на карте показаны Албанские ворота, но не у моря, а в горном хребте (?). Это должно объясняться тем, что Птолемей дает местные наименования населенных пунктов и что Каспийские ворота у местного населения могли носить иное название. Одни исследователи сопоставляют их с Албана,² другие — с Гелда, исходя из слов Страбона о том, что к северу от албанов обитали гелы, по имени которых их главный город и мог якобы носить название Gelda.³ Это предположение представляется не лишним основанием, но выяснение этого вопроса — одна из многих задач археологов, которые, надо надеяться, установят, находилась ли Птолемеяевская Гелда на территории Дербента или, быть может, севернее его, как предполагает Кислинг, локализуя Гелду между рр. Самуром и Судаком, в 300 стадиях (около 60 км) к северу от Самура.⁴

Все вышесказанное дает основание полагать, что в I в. н. у. Каспийский проход, самой природой как бы предназначенный для удобного перехода с Северного Кавказа в Закавказье, быть может, был уже укреплен какими-то валами, хотя местность эта летом, когда дули северо-восточные ветры, часто заливалась водою, если сообщение Тацита " относится к этой части побережья, а не к Бармаку.

В. В. Бартольд, указывая на отсутствие у нас конкретных сведений о наличии на территории Дербента укреплений в римское время, отмечает здесь исключительное плодородие почвы (виноградники и фруктовые сады доходят почти до моря), что должно было обусловить раннее заселение этой местности.⁶ Последнее подтверждается археологическими данными.⁷

¹ Л у к а н. Фарсалия, кн. VIII, стих 222 (Лукав, по-видимому, не различал, как и многие другие авторы, этнических терминов *alani* и *albani*). См.: К у л а в о в с к и й. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899, стр. 9.

² Абас-Кули-ага Б а к л а н о в, Гюлистан-Ирам, стр. 10; Encyclopaedia Britannica, vol. VIII, Cambridge, 1910, p. 64.

³ С. А. К о в а л е в с к и й. Карта Птолемея в свете исторической географии Прикаспия. Изв. Всесоюз. Географ. общества, 1953, т. 85, вып. 1, стр. 33—34.

⁴ K i e s s l i n g, Gelda. PWK.

⁵ Т а ц и т. Анналы, кн. VI, гл. 33. — В. Н. Левиатов на этом основании исключал возможность существования здесь во времена Тацита каких-либо укреплений (В. Н. Л е в и а т о в. Азербайджан с V в. до н. э. по III в. н. э. ИАН Азерб. ССР, 1950, № 1, стр. 84), с чем никак нельзя согласиться.

⁶ W. B a r t h o l d, EI, «Derbend», p. 965.

⁷ Отчеты об археологических разведках в районе Дербента еще не опубликованы.

У Прокопия Кесарийского, византийского историка VI в., говорится «который в древности назывался Каспийскими воротами».¹ В этом наименовании можно было бы усмотреть соответствие армянскому *Col, Cog* — «ущелье». В греческом тексте Агафангела, между прочим, в связи с событиями IV в. упоминается «проход... называемый укрепление Зуар(?)»², через него против персов были пропущены хоны. Чор (в греческой транскрипции «Зуар») назван у Моисея Хоренского (V в.—нач. VI в.) в его рассказе о набеге «басилов и хазаров»³ и о помощи, оказанной Шапуром II византийскому императору Констанцию (337—361 гг.) в борьбе с северными народами, перешедшими ворота Чор и обосновавшимися на ряд лет в Албании.⁴

У Моисея Каланкатуйского «Чор» тоже упоминается, а именно в связи с захватом его хазарами в 624 г.

В армянском оригинале текста Агафангела это наименование отсутствует, из чего можно заключить, что оно было добавлено переводчиком, или уточнившим топонимическое название, или переводившим текст по другому списку. Возможно, что название «Чор» вошло в употребление лишь в V в., во всяком случае оно имеется у Моисея Каланкатуйского в рассказе о гибели «великого города Чор и его дивных стен».⁵

Но остается неясным, следует ли под *Cog* подразумевать только «ворота», проход или же, в более широком понимании, всю территорию той области, на которой находились Дербентские укрепления.

Что касается персидского наименования «Дарбанд», под которым этот географический пункт дошел до наших дней, то впервые в письменных источниках оно встречается в VII в. в «Армянской географии», в которой говорится, что «в этом месте хребет подходит к морю, где находится стена Дербента, что означает «связь» и «ворота» города Чорского прохода, великой твердыни, построенной среди моря».⁶ В этом тексте интересно указание на построение стон в море (об этом см. дальше), а также упоминание в одном предложении обоих наименований — «Чор» и «Дербент», что позволяет, по моему, высказать предположение, что название «Чор» относилось ко всему району Дербента, а в узком смысле — к городу у устья Самура.

¹ Прокопий Кесарийский. Готская война, кн. IV, гл. 3.

² Агафангел, гл. II, § 10 (FUG, vol. V, pars I, p. 180); J. Maguart. Eransahr. . ., S. 101.

³ Моисей Хоренский, кн. II, гл. 65.

⁴ Там же, кн. III, гл. 12.

⁵ Моисей Каланкатуйский, кн. II, гл. 11.

⁶ К. П. Патканов, ук. соч., стр. 30.

Левонд, продолжая в VIII в. называть город Дербентом, помнит и старое название — «Каспийские ворота». Он пишет, что арабы собрали дружины армянских нахараров «в стране албанской, у ворот Каспийских — у города, называемого Дербентом, крепости и оплота, выстроенного против гуннских и хазарских полчищ».

Арабы, отнявшие в 716 г. у хазар Дербент, восстановили разрушенные при осаде стены и переименовали его в Баб аль-Аббаб, что означает «Ворота ворот», подчеркнув то исключительно большое стратегическое и торговое значение, которое имел этот проход.

Постройку Дербентских стен историческая традиция связывает с именами сасанидских царей Кавада и его сына Хосрова Ануширвана (531—579 гг.). Арабский писатель Ибн аль-Факих (IX—X вв.),² использовавший сведения, собранные в середине IX в. Ибн Хор-дадбехом,³ писал, между прочим, о Дербенте, что Баб аль-Аббаб «основан» Кавадом Старшим.³ В «Дербент-намэ» несколько страниц посвящены рассказу о переговорах между Кавадом и хаканом по поводу постройки Дербентской стены, на которую последний дал согласие, и о том, как Кавад велел собрать в разных частях государства умелых зодчих и способных рабочих, всего десять тысяч человек, которые и осуществили якобы постройку в семь месяцев.⁴ Этот рассказ, в котором много побочных легендарных мотивов,⁵ весьма ценен в связи с вопросом о времени сооружения сырцовых стен Дербента.

Если принять во внимание, что Бармакская и Гильгинчайская стены, а также вал к северу от Самура были построены из сырцового кирпича, то весьма вероятно, что с именем Кавада следует связывать возведение на территории Дербента также сырцовой стены. Царствование этого шаханшаха, как известно, связано с бурными историческими событиями (маздакитское движение, бегство Кавада к эфталитам и т. д.),⁶ которые не могли ему позволить сосредоточиться на грандиозных каменных строительных работах в далеком Дербенте; легче и проще было возвести с помощью рук подчиненного персам местного населения и специально сюда приглашенной рабочей силы очередной вал на северной границе сасанидских владений. Это предположение подтверждается тем «глиняным барьером»,

¹ Л о в о н д, ук. соч., гл. IX.

² С. von Arendonk, EI, «Ibn Khordadhbeh».

³ И б н а л ь - Ф а к и х, ук. соч., стр. 11.

⁴ Mirza A. K a z e m - B e g. Derbent-Nameh. St.-Petersbourg, 1851, pp. 4

—
5, 10.

⁵ У Балазури (ук. соч., стр. 7) подобные переговоры с хазарским хаканом ведет Ануширван.

⁶ A. Christensen. Le regne du roi Kavadv I et le communisme Mazdakile. Copenhagen, 1925.

как его называет Е. А. Пахомов, который как бы пристроен к внутренней стороне северной стены, начиная от полотна железной дороги и до городского сада, и наличие которого в 1932 г. установил Б. Н. Засыпкин.¹ А вплотную к нему примыкающая каменная стена была возведена, видимо, уже при Хосрове I, при котором политическая обстановка требовала большего укрепления северных границ.

О стене Кавада имеется еще одно упоминание в изданном д'Оссоном в 1828 г. «Путешествии Абу аль-Касима», в X в. якобы путешествовавшего по Кавказу. Хотя достоверность этого сочинения подвергнута сомнению, приводимые в нем данные все же были почерпнуты из тех или иных источников и в данном случае совпадают с приведенными о стене Кавада сведениями. По словам Абу аль-Касима, Кавад захватил Ширван и построил на северной границе этой страны стену с фортами; но после постройки Дербента (Баб аль-Абаба) этот вал забросили.² Эти данные хорошо перекликаются с приведенным выше наблюдением Б. Н. Засыпкина.³ Великолепие величественных каменных стен, построенных при Ануширване (табл. 12), затмило память о более скромной сырцово-глиняной стене, созданной при его отце Каваде.

По мусульманской традиции, как говорит В. В. Бартольд, постройкой Дербентского укрепления руководил правитель Дербента Нарсе, сын Джамаспа, предок Ширваншахов.⁴ О возведении каменных стен Дербента именно Хосровом Ануширваном единодушно сообщают все писавшие о Дербенте арабские географы и историки IX—X вв. (Балазурп, Ибн Хордадбех, Табари, Масуди, Мукаддаси и др.). Ибн аль-Факих рассказывает, что Хосров «построил стену между собой и хазарами» из камня и свинца так, что «довел ее до вершины горы, а потом продолжил конец ее в море и сделал в стене железные ворота».⁵ (См. табл. 6 и 7).

О том, что стену при Хосрове возводили из камня и свинца, сообщают Балазури и Мукаддаси, сочинения которых являются наиболее цепными источниками IX и X вв.⁶ В. В. Бартольд приводит сообщение Хилал ас-Саби (XI в.), согласно которому в каждой

¹ Е. А. Пахомов. Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье, стр. 44; М. И. Артамонов. Древний Дербент. СА, т. VIII. 1946, стр. 135, рис. 24.

² М. С. d'Ohsson. Voyage d'Abou el-Kassim. Des peuples du Caucase. Paris. 1828, p. 48.

³ М. И. Артамонов. Древний Дербент, стр. 131, 135, рис. 24. ⁴ Захар аль-Дин аль-Мараши. Изд. Дорна, стр. 38. См.: W. Barthold, EI, «Derbend», p. 065.

⁵ Ибн аль-Факих, ук. соч., стр. 13 и 17. ⁶ W. Barthold, EI, «Derbend», p. 965.

из каменных плит имелось по два отверстия, куда вставлялись железные скобы, заливавшиеся расплавленным свинцом.¹

В. В. Бартольд, осматривавший стены Дербента в 1908 г., не нашел уже следов железа и свинца в тех углублениях, которые имеются в упавших и лежащих на земле плитах;² железо и особенно свинец несомненно задолго до этого были извлечены местным населением для отливки пуль и других нужд, как это имело место еще до XVII в. в Гарни (Армения), где храм I в. н. э., лишенный соединительных скоб между камнями, рухнул при первом большом землетрясении.³

В 1928 г. стены Дербента находились на расстоянии 65 м от моря.⁴ Они сложены без фундамента из больших огесанных плит (размером 1 м X 70 м X 35 см), причем каждые две продольно положенные плиты чередуются с плитой, поставленной на ребро. Толщина стен 2.75 м; пространство между внутренними и наружными плитами заполнено забутовкой на растворе (табл. 10). Общее протяжение обеих стен около 6 км, средняя высота сохранившихся неравномерно стен 6.5 м, наибольшая высота 18—20 м. (рис. 32). В каждой из стен имеется по трое ворот, причем наиболее древними считаются средние ворота в южной стене, носящие название Орта-Каны, т. е. Срединные ворота.⁵ По мнению Н. В. Бакланова, обследовавшего эти ворота в 1924 г., характер основной их кладки свидетельствует о том, что они выстроены одновременно со стеною, «но средняя их часть застроена позднее».⁶ О воротах в северной стене Дербента

¹ Там же. — Бартольд приводит имеющееся у Табари сообщение о том, как архитектор сасанидского царя Хосрова Парвеза (590—628 гг.) учил арабов в Куфе строить, снабжая камни углублениями, в которые вводили железные скобы и свинец.

² W. V a g l i o Id, EI, «DerbemJ», p. 966. — До В. В. Бартольда стены Дербента обследовались и описывались рядом зарубежных ученых, как Э. Эйхвальд (E. E i s h w a I d. Reise auf dem Kaspischen Meere. Stuttgart, 1834 —1837). и русских ученых, как А. В. Комаров (Укрепление Дербента и Кавказские стены. Доклад 21 сентября 1881 г. на V Археологическом съезде. Труды V Археологического съезда в Тифлисе, М., 1887, стр. LXXVII). После В. В. Бартольда дербентские стены изучал в 1909 г. Я. И. Смирнов (его рукописная статья была послана В. В. Бартольдом К. А. Пахомону, см. стр. 347). В 1927—1929 гг. дербентские стены изучали И. П. Спасский (Дербентские укрепления. Изв. Азкомстариса, вып. IV, 1928, стр. 267 — 276). И. А. Орбетн, а также Е. А. Пахомов (Пех левийские надписи Дербента. Изв. Общества обеледов. и изуч. Азербайджана, № 8. вып. V, Баку, 1929; До достижения Дагеста нської стіни. Східній світ. Харьков, 1930, № 10—11) и М. И. Артамонов (Древний Дербент) и др.

³ К. В. Т р е в е р. Очерки по истории культуры древней Армении, стр. 23.

⁴ Л. И. С п а с с к и й. ук. соч., стр. 273—276.

⁵ Там же, рис. 55; М. П. А р т а м о н о в. Древний Дербент, рис. 12—14.

⁶ Н. Б. Б а к л а н о в. Архитектурные памятники Дагестана, вып. 1. Л., 1935, рис. 20—24. табл. IV (ворота брта-Капы в этой работе ошибочно названы Кыхляр-Капу).

у Мукаддаси говорится, что их трое — большие, малые и закрытые ворота у моря, которые «никогда не открываются».¹

Со времен арабов северная стена еще в XIX в. носила название «Кяфирской», т. е. стены «неверных», так как была обращена в сторону хазар. Она сохранилась гораздо лучше южной,² будучи, видимо, более тщательно построена и охраняема. Тридцать башен, прямоугольных и полукруглых, обращенных на север, укрепляют эту стену. Башни расположены на расстоянии 25—35 саженей (около 50—70 м) друг от друга. В южной стене в середине XIX в. только пять первых от моря башен находились на таком же расстоянии друг от друга, как в северной стене; остальные же башни разделялись интервалами в 65—90 саженей (около 130—180 м). Размеры башен колеблются; в среднем: высота их в настоящее время 8 м, ширина башен 15 м, глубина 8,5 м (табл. 9, 11. 13).

С запада дербентские стены примыкают к цитадели Нарын-Кала (табл. 8, рис. 32), которая построена после X в., так как в X в. на этом месте при приближении врага возжигался громадный костер.³ Но какое-то, быть может небольшое, сооружение должно было находиться у западного конца стен; об этом говорят и отдельные каменные плиты с надписями пехлевийского типа, восходящими к сасанидскому времени, которые в настоящее время встроены в стены и башни цитадели.

Историческая традиция приписывает Хосрову Ануширвану проведение воды в Дербент из горных родников по глиняным подземным трубам. Так как работы по благоустройству в Дербенте приписываются и арабскому правителю Мервану (VIII в.), то установить точное время сооружения водопровода пока не представляется возможным. Следует добавить, что древние водоемы в городе покрыты сводами и облицованы тесаным - камнем.

Дербентская стена отличалась от построенных до VI в. Бармак-ской и Гильгинчайской стен не только своими размерами, но и тем,

¹ М у к а д д а с и, ук. соч., стр. 9.

² Суд» по генеральному плану крепости, приложенному к труду П. Бере-зипа (Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань, 1950, последняя таблица), южная стена Дербента с ее башнями в середине XIX в. была еще в полной сохранности, так как крепость продолжала (до 1867 г.) служить оборонным целям; в 1870 г. генерал Комаров дал распоряжение о сношении участка стены на протяжении около полукилометра, облегчив сообщение между крепостью и разросшейся за южной стеной частью города (П. П. С п а с с к и и, ук. соч., стр. 267—268) В протоколах Подготовительного комитета к V археологическому съезду (М., 1879, стр. 68) приложен «План части Дербента», «снятый инструментально» в 1847 г., где южная стена тоже показана в целом виде.

³ W. Barthold, I c, p. 967.

⁴ С. А. Ковалевский (ук. соч., стр. 44—45) высказал следующее предположение относительно нахождения в море восточных концов Дербентской стены

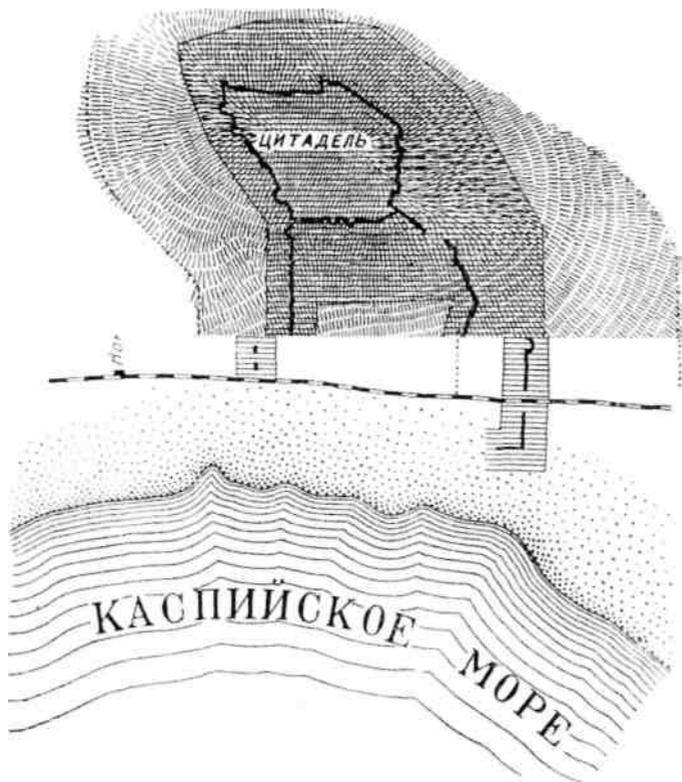

Рис. 32. План Дербентской крепости.

на протяжении 40 км. Масуди пишет: «Ануширван сделал эту стену выступающей в море на одну милю от берегов, а с другой стороны, протянул ее до вершины гор Кабх [Кавказ] и сделал ее спускающейся в ущелья гор, продолжая ее до тех пор, пока не довел до укрепления но имени Табасаран».¹ До Масуди об этом писал уже Балазури, уточняя технику возведения этой стены в море: «И приказал он [Хосров I] возить на кораблях камни и бросать их в море, а когда они оказались над водой, он построил на них стену, продолжив ее в море на три мили» - (у Масуди речь идет об одной миле). Захария Казвини (персидский писатель XIII в.) с помощью почерпнутых им из арабских источников сведений уточняет способ построения морских стен, пользуясь текстом Масуди: были надуты бурдюки, положены на воду и на них укладывались ряды камней, которые понемногу опускались на дно,² а стену возвели до высоты и ширины стены, находившейся на материке.³

Степы мола, как сообщает Хилаль ас-Саби (XI в.), состояли из «симметрично расположенных камней, в каждом камне — два отверстия, в каждом отверстии — по железной палке, облитой свинцом»,⁴ т. е. камни были скреплены таким же способом, как И в кладке основных степ.

Длина той части степ, которая находилась в море, по-разному определяется арабскими географами: от 3000 локтей (локоть — около половины метра) и до 600 локтей. В. В. Бартольд правильно указывает, что наиболее вероятным следует считать протяжение в 600 локтей, так как это равняется отрезку стены с тремя башнями (расстояние между башнями около 100 локтей),⁵ подобное протяжение соответствовало бы указанию А. Олеария о нахождении стены с тремя башнями под водою. В начале 40-х годов XIX в., по словам

по его мнению, в VI в. уровень Каспийского моря падал, и этим объясняется удлинение стен в море; » в VIII в., когда уровень Каспия стал выше, то часть стен оказалась в воде. Если бы С. А. Ковалевский был прав, то тогда следует полагать, что до арабских писателей IX—X вв., писавших три-четыре века спустя после постройки, сведения о поднявшемся с VIII в. уровне моря не дошли и что имеющиеся у них данные о построенных в море стенах Дербента являются вымышленными. С этим никак согласиться нельзя, учитывая хорошую осведомленность арабских географов, а также ту критику, которой Л. С. Берг подверг эту статью С. А. Ковалевского (Л. С. Берг. Уровень Каспийского моря за историческое время. Проблемы физической географии, 1934, № 1, стр. 11—64).

¹ Масуди, ук. соч., стр. 40.

² Балазури, ук. соч., стр. 7.

³ Захария Казвини. Следы (памятники) стран и история людей.

Изд.:

V. Dorn. Geographica Caucasica, SS. 535—536. — Описание способа возведения стен в море имеется и в сочинении Кудама (см.: П. А. Краулов, ук.

соч., СМОМПК, вып. XXXII, 1903, стр. 33).

⁴ Хилаль ас-Саби. См.: В. В. Бартольд. Новое известие о стенах Дербента. ЗВО, т. XXI, 1911—1912, стр. IV.

⁵ W. Barthold, EI, «Derbend», p. 967.

И. Н. Березина, продолжение стен и воде «ощупывают в море все купающиеся».¹

В середине прошлого века Н. Ханыков сопоставил ряд наблюдений над состоянием стен Дербента в связи с колебаниями уровня Каспийского моря в новое время, в XVII—XIX вв.² На основании литографии с видом части Дербента, имеющейся в первом немецком издании А. Олеария 1638 г., Ханыков отмечает, что в XVII в. северная стена Дербента еще вдавалась в море тремя своими башнями (на протяжении 15.5 сажень), но два века спустя море якобы уже отступило от стен, находясь в 40 сажнях от первой башни, судя по плану Дербента 1847 г.

В. В. Бартольд критически относится к приведенным суждениям Ханыкова, полагая, что стены, виденные Олеарием, были построены в начале XVII в., и что «только при возведении их натолкнулись на подводные остатки более древних стен, давно разрушенных, по всей вероятности, волнами».³ Дело в том, что историк XI в. Хилаль ас-Саби рассказывает, что в первой половине X в. обрушился мол Дербента, «составлявший продолжение стен города, вдававшийся в море», и что арабы восстановили его с помощью материала, заготовленного еще при Ануширване и найденного в земле недалеко от мола.⁴ Но, как говорилось выше, и эти восстановленные стены со временем были разрушены морем и возобновлены в XVII в.

Возвращаясь к вопросу о стенах VI в., следует отметить, что вытянутые в море стены защищали город не только от неожиданного появления неприятельских кораблей, но и от северных ветров в наводнений. Между стенами образовался рейд для судов, который у Истахри описан следующим образом: «Между рейдом И морем выстроены параллельные две стены: проход для судов тесен, а вход сделан извилистым, и в устье порта протянута цепь, так что не может судно ни выйти, ни войти иначе как с разрешения».⁵ Расстояние между обеими стенами — 450 м, что для судов X в. не должно было бы казаться тесным; еще труднее представить себе «извилистый» проход между двумя параллельными стенами, если не предположить наличие каких-то дополнительных сооружений внутри рейда, о чем у нас нет сведений. Иначе описывается этот рейд в вышеупомянутом тексте Абу аль-Касима, в котором можно было бы усмотреть попытку осмыслить описание рейда у Истахри. Этот компи-

¹ И. Н. Березина, укр. соч., стр. 127.

² Н. Ханыков. О перемещающихся изменениях уровня Каспийского моря. Зап. Кавказского отд. Росс. географ. общества, кн. II. Тифлис, 1853. стр. 499 и сл.

³ В. В. Бартольд. К истории Дербента. ЗВО, т. XIX, 1909, стр. XII

⁴ В. В. Бартольд. Новое известие о стенах Дербента, игр IV,

⁵ Истахри, укр. соч., стр. 11; Ибн Хаукал, укр. соч., стр. 88.

лятивный текст сообщает, что обе стены идут не параллельно, а вдаются в морс полукругом, оставляя для судов узкий проход, запертый цепью и замком, ключ от которого находится у начальника порта.¹ Вопрос об этом рейде будет оставаться открытым, пока археологи-водолазы не обследуют морское дно и не выяснят вопроса о направлении стен рейда.

Возвращаясь к основной, северной стене Дербента, необходимо отметить следующее указание Балазури: «Окончив постройку стены, Ануширван повесил у входа ее железные ворота, поручив охрану их ста всадникам, тогда как раньше для охраны этого места требовалось пятьдесят тысяч воинов».² Едва ли количество воинов, охранявших главную стену и ворота Дербента, равнялось количеству охраны каждого из фортов в горной стене (и тут и там было якобы по 100 человек); постройка дербентских стен во всяком случае сильно сокращала количество пограничного войска.

В рассказе Балазури, повторенном и у Кудама, остается непонятным назначение какой-то «подвижной башни», которую «Ануширван устроил на этой стене»,³ т. е. на северной стене Дербента, главные ворота которой были закрыты железной дверью. Возможно, что эта передвижная башня являлась защищенным наблюдательным пунктом, с которого можно было следить за передвижениями неприятеля.

Исключительно большой интерес представляют стены, поднимающиеся от Дербента вверх вдоль горного хребта (табл. 7), которые были предназначены для защиты от проникновения врагов с севера, через горные ущелья и перевалы. Арабские географы и здесь по-разному определяют длину протяженности этих стен: от 7 фарсахов (фарсах — около 6 км) в тексте Ибн аль-Факиха и до 40 фарсахов у Масуди.

В 1770 г. этот район объездил С. Г. Гмелин, обследовавший, но его словам, и стену, поднимающуюся в горы.⁵ В XIX в. эту стену обследовал ряд путешественников, в их числе и И. Н. Березин, оставивший восторженное описание вида, открывшегося ему вверху, в Табасаране, откуда он увидел стену на всем ее протяжении до Дербента вниз.⁶ В 1928 г. эту стену, носящую название Даг-Бары.

¹ М. С. d'O h s s o n. Voyage d'Abou el-Kassim. Paris, 1828, p. 6.

² Балазури, ук. соч., стр. 7.

³ К у д а м а. Книга о земельном налоге. См.: Н. А. Караулов ук. соч., СМОМПК, вып. XXXII, 1903, стр. 33.

⁴ W. B a r t o l d, EI, «Derbend», p. 967.

⁵ S. G. G m e l i n. Reise durch Russland. Bd. III. St.-Petersbourg, 1774, г. 12.

⁶ И. Н. Березин. ук. соч., стр. 134 (приложен схематический план этой стены, которую он называет «Александровой»)

обследовал Е. А. Пахомов, определивший ее протяженность в 40 км¹ (что соответствовало бы семи фарсахам у Ибн аль-Факиха) и установивший, что в горах стена заканчивается на вершине хребта Кара-Сырт, около сел. Ягдых.

Е. А. Пахомов обследовал форты и башни, которыми была укреплена эта стена, ныне частично разрушенная, установил наличие ложного свода в перекрытиях, соединение куртин и фортов со стеною не в перевязку, а в притык и украшение стены зубцами.²

Кладка этих стен, как и крепостных стен Дербента, состоит из двух рядов массивных тесаных плит (дл. более 1 м, шпр. 70 см, толщ. 25—30 см), забутованных с помощью извести.³ М. И. Артамонов, обследовавший эту горную стену, отмечает, что в лощине между Джалганским хребтом и селением Митаги они на протяжении 15 км тянутся сплошной стеной «с башнями и замкнутыми укреплениями».⁴

Масуди, описывающий эту стену, сообщает, что сообразно с дорогами, ведущими к ущельям и перевалам, были построены форты, которые он называет просто «железными воротами»; в фортах и около них были поселены воины, в обязанность которых входило охранять ворота и прилегающую часть стены.⁵ Ибн аль-Факих уточняет количество ворот в Горной стене: «...на протяжении семи фарсахов устроено семь проходов, у каждого из них — город [форт?], и живут в них персидские воины». Непроступность этой стены охарактеризована следующим образом: «[она] выведена до такого места, где ничего не поделаешь против нее, и тянется она на семь фарсахов до лесистой и обрывистой горы, через которую не пройдешь. Построена она из четырехугольного тесаного камня... эти камни поставлены [один на другой] и сшиты железными болтами».⁶

В рассказе Ибн аль-Факиха имеется одна интересная деталь. Говоря об охраняющих эти семь проходов персидских воинах, он их называет «сиясикинами». С. Т. Еремян останавливается на этом вопросе и приходит к заключению, что образованные для охраны стен и проходов военные поселения состояли из армян — из жителей Сюнии или Сисакана, сисаканцев, пли «сиясиджитов»,⁷ издревле

¹ Е. А. Пахомов. Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье, стр. 45.

² Там же, стр. 45.

³ М. И. Артамонов. Древний Дербент, стр. 130—131.

⁴ Там же, стр. 129, 132, рис. 18 (Горная стена), стр. 133, рис. 20—21 (башни Горной стены).

⁵ Масуди, ук соч., стр. 40—41.

⁶ Ибн аль-Факих, ук соч., стр. 23.

⁷ С. Т. Еремян. Сюния и оборона Сасанидами кавказских проходов, стр. 38.

славившихся своей воинственностью и свободолюбием, но в VI в. подчинившихся Сасанидам.¹

О Дербенте как городе, как населенном пункте до арабского завоевания мы ничего не знаем. Раскопки на его территории не производились. Ввиду столь слабой изученности Дербента пехлевийские надписи, хотя они почти однородны по содержанию, представляют исключительно большой интерес.²

Моисей Каланкатуйский, писавший в VII в., т. е. через сто лет, а может быть, и через полстолетия после возведения Дербентских стен, с горечью говорит о том, какой ценой была осуществлена эта самая монументальная для того времени на Кавказе крепостная постройка; для нее «цари персидские изнурили страну нашу, собирая строителей и изыскивая разные материалы для построения великого сооружения, которое соорудили между горами Кавказа и великим восточным морем».³ В этих немногих словах албанского историка ярко обрисована та тяжелая для албанов обстановка, в которой происходило возведение могучих стен Дербента: местное население должно было работать в каменоломнях, перевозить громадные камни, отесывать их и осуществлять кладку, поднимая тяжелые плиты на большую высоту; должны были работать в рудниках и кузницах, добывая железо и свинец и выковывая скобы для камней, не говоря о всех других работах, связанных с возведением этих «дивных стен», как их называет албанский историк.

Но могущественные укрепления Дербента не устрасили хазар, которые, будучи призваны на помощь византийским императором Ираклием против Сасанида Хосрова II, «внезапно устремились на проход Чора, не обратили внимания на гарнизон, стражу городскую и войска персидского царя, назначенные для защиты ворот».⁴ В 627 г. хазарам удалось захватить Дербент⁵—в результате ли предательства со стороны осажденных или вследствие недостаточности оставленного в крепости гарнизона, остается неясным.

При халифе Сулеймане (715—717 гг.) арабы под начальством Маслама были посланы «к воротам каспийским», чтобы освободить Дербент от хазар. Арабы разбили гуннов, как называет хазар ар-

¹ Там же, стр. 33 в 39. — Наследственной обязанностью рода Сюни—Сисакан при армянских Аршакидах была охрана северо-восточных границ Армении в областях Арцах и Утик. После 387 г. эта должность оставалась за сюник-ским ишханом, который со своими всадниками обязан был охранять Кавказские проходы, чем и объясняется, по мнению С. Т. Еремяна, общность интересов владельцев Сюника и Сасанидов.

² См. стр. 340 и сл.

³ Моисей Каланкатуйский, кн. II, гл. 11.

⁴ Там же.

⁵ J. Maguaght, 1. c, S. 107.

мянский историк VIII в. Левонд, и отогнали их от Дербента, но при этом были разрушены стены и башни крепости.¹ Военачальник Маслама восстановил Дербентские стены² и укрепил арабское владычество в Дербенте.³ исключительно большое значение которого для обороны не только Закавказья, но и Ирана и Ирака было арабами вполне осознано. Так, Масуди пишет: «Если бы господь... не оказал содействия царям Персии в постройке города Баб аль-Абваб, в возведении стены... то нет никакого сомнения, что цари хазар, аланов... устремились бы в области Берды, Аррана, Байлакапа, Азербайджана, Абхаза, Казвина, Хамадана, Динавера. Нихавенда и других перечисленных нами стран, которые через Куфу и Басру дают доступ в Ирак».⁴ Поэтому, когда в первой половине X в. мол в Дербенте обрушился, к восстановлению его были немедленно приняты меры, как сообщает Хилаль ас-Саби, причем стоимость восстановления стен в море была определена в 60 000 динаров. Но постройка потребовала только средств для оплаты рабочих рук, так как якобы удалось найти еще при Ануширване заготовленные для починок и закопанные в землю «тесаные камни с отверстиями, вполне обделанные железные палки, свинец и все остальное, что было нужно».⁵ Оставляя в стороне легендарный характер этого рассказа, нельзя не подчеркнуть значение этих слов для вопроса о технических приемах крепостного строительства в VI в. При Сасанидах к северу от Дербента была возведена еще одна заградительная стена, которая должна была задержать врагов (во всяком случае, на некоторое время) до их появления под стенами Дербента. Об этом можно судить по остаткам необследованного вала, который идет от предгорий к морю в шести-семи километрах за станцией Огни.⁶ На эти стены в 1928 г. обратил внимание Е. А. Па-хомов и высказал предположение, что и они могли быть возведены Сасанидами на каком-то этапе их продвижения на север и что, быть может, не ошибались Ибн Хордадбех и Ибн аль-Факих, когда писали, что Хосров Ануширван «основал Беленджер и Семендер».⁷ укрепил «пограничное место Беленджера и основательно устроил мол в море и укрепил его».⁸ Археологические работы, надо надеяться, внесут со временем ясность и в вопрос о Семендере. Что же касается

¹ Левонд, ук. соч., гл. VII, стр. 27—28.

² Моисей Калаикатуйский, кн. III, гл. 16.

³ W. Vagthold, 1. с, р. 966.

⁴ Масудб, ук. соч., стр. 58—59.

⁵ Хилаль ас-Саби, см.: В. В. Бартольд. Новое известие о стенах Дербента, стр. IV—V.

⁶ Е. А. Пахомов. Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье, стр. 4G.

⁷ Ибн Хордадбех, ук. соч., стр. 15.

⁸ Ибн аль-Факих, ук. соч., стр. 15 и 17.

вала около станции Огни, то, мне кажется, этой именно стене посвящено несколько строк в «Дербент-намэ», а именно рассказ о том, что Хосров Ануширван, будучи еще наследником, построил стену в 3 фарсах от Дербента.¹ Расстояние в 3 фарсаха, т. е. около 21 км, соответствует тому расстоянию, которое отделяет этот вал от Дербента. Постройку стены при Ануширване-наследнике, т. е. в то время, когда Кавад возводил или собирался возводить сырцовые стены Дербента, можно было бы объяснить необходимостью обезопасить большие строительные работы в Дербенте от возможных набегов или нападений с севера.

Военно-феодалный быт

Структура и вооружение албанского войска, вероятно, мало чем отличались от войсковой организации Армении и Иберии, совместно с которыми албаны вели борьбу с иноземным врагом. Какие-то местные, албанские отличия несомненно существовали, но о них источники нам ничего не сообщают.

Вооружение рядового воина в IV—VII вв. состояло, как и в предыдущие периоды, из лука и стрел, а также копьа или дротика. Упоминается еще один вид войска — «пехотные щитоносцы»; видимо, это те же лучники, но снабженные щитами из тяжелого материала, вероятно из металла. При описании знаменитого Аварайр-ского боя в 451 г. историк-современник отмечает, что «велико было смятение от страшных звуков, когда сшибание [друг с другом] щитоносцев и завывание лучных тетив оглушали всех вокруг».-

Военачальники, снабженные мечом и кинжалом, одеты были в блестящие латы в шлемы, судя по тому, что во время того же Аварайрского боя «от множества шлемов и от блеска одетых в латы как бы блики солнечных лучей блистали».³ Красочно описывает историк вооружение молодого сунпйского князя Бабука перед единоборством с хоном при Шапуре II (IV в.): он «украсил прекрасный стан свой блестящей, унизанной жемчугом, царской броней: он покрыл красивую голову свою тигровидным шлемом, опоясался мечом. Отбросив позолоченный щит на левое плечо, с крепким копьем в правой руке, он бросился на черного коня и напал на неприятеля».⁴ Описывается и вооружение его противника-хона, одетого в плетеную броню, в шлеме с налобником, вооруженного копьем из кедрового дерева и мечом.

¹ Mirza A. Kazem - Beg, l. c, p. 7.

² Клише, ук. соч., стр. 118.

³ Там же.

⁴ Моисей Каланкатуйский, ку. II, гл. I.

Иногда кольчугу носили под одеждой,¹ а порою перед боем поверх нее облачались в войлочный кафтан, и если одетого таким образом воина «поражали оружием, то оно не действовало, а отскакивало».² Парадное снаряжение полководца, по словам историка, состояло из меча и драгоценных ножнах, двух золотых дротиков и двух щитов с золотыми рельефами, которые носили всегда перед ним; около полководца несли знамя и шли трубачи.³

Что касается знамени, то при описании состоявшегося избрания на великокняжеский престол Вараз-Грдата упоминаются «распущенные звероподобные знамена»,⁴ знамена эти, как говорилось выше,³ вероятно, штандарты в виде дракона (или геральдических зверей и птиц), тулово которого состояло из шелковой ткани, а наверху из серебра изображало голову сказочного зверя.

Введение в бой слонов должно было производить большое психологическое воздействие; это нашло отражение в описании одного из эпизодов Аварайрского боя, в котором участвовали слоны. Персидский военачальник восседал на слоне «в высокой башенке, как в укрепленном городе, и громким звуком закрученных труб торопил свои полки».⁶ Каким образом албаны отражали наступление слонов, мы не знаем; вероятно, ими применялись четырехконечные железные шипы («чеснок»), которые разбрасывались по земле, или навстречу слонам выпускали свиней, к которым были привязаны горящие факелы.⁷

Приведенный у Елише перечень сведений, которые затребовал сидящий в Пайтакаране хазарапет Ирана Михрнарсе от предавшегося персам Васака Сюни, дает ряд интересных данных по вопросу о военной организации. Так как основную часть пехоты составляли лучники и щитonosцы, то перс пожелал узнать относительно «рати Вардана» следующие данные: «...сколько таких, которые полностью вооружены, и сколько таких, которые, будучи лучниками, не имеют [защитного] вооружения, также и относительно пехотных щитonosцев».⁸ Затребовал он и дополнительные, более детальные сведения в связи с предстоящими решающими сражениями, а именно: «...относительно знамени [отряда], и на сколько полков делится войско, и кто из них явятся с зарплатами,⁹ какой на-

¹ Там же, гл. 34.

² Там же, кн. I, гл. 12.

³ Там же, кн. II, гл. 18.

⁴ Там же, гл. 36.

⁵ См. стр. 217.

⁶ Елише, ук. соч., стр. 118.

⁷ К. В. Тревер. Иран в эпоху Сасанидов. История культуры, т. I, М., 1941, стр. 723.

⁸ Елише, ук. соч., стр. 96. ⁹ Салар — начальник.

чальник с какой стороны будет вступать в боевое построение [разм], и как имена каждого из хамхарзов,¹ и сколько трубачей будет трубить в составе полка [гунд], будут ли устраивать укрепленный лагерь [лакиш] или свободно расположатся станом, будут ли выстраивать фронт против (?) фронта или всератно в одном месте атакуют». ² Все эти сведения Васак должен был доставлять Михрнарсе о «рати Вардана», т. е. об армянском войске, но, как говорилось уже, в военном деле албаны несомненно ничем существенным не отличались от своих соседей, армян и иберов. Археологические материалы со временем, надо надеяться, подтвердят это предположение.

Быт албанских царей, правителей и знати нашел некоторое отражение в письменных источниках; о быте рядового населения источники молчат, но о нем в известной мере говорят памятники вещественные,³ материальная же культура феодальной верхушки албанского общества раскопками пока еще не выявлена.

Два историка дают нам некоторое представление о жизни феодальной знати V—VII вв., а именно Елише о своем времени, о V в. и Моисей Каланкатуйский о VII в. Феодальная иерархия Албании, сходная, видимо, с армянской, точной характеристики еще не имеет, так как приводимые албанским историком термины, хотя иногда и похожи на армянские, не дают все же определенной картины иерархической лестницы. Перечисляя представителей феодальной знати, собравшейся в VII в. для избрания правителя, историк называет главы родов (тэры), владетелей областей (кусакал),⁴ нахараров, вельмож (мецамец) и «всех властителей [ишханов] страны». ⁵ Два последних термина, по-видимому, носят собирательный характер и перекрывают частично три первых. Принадлежащие феодалам земли, в зависимости от способа их приобретения, различались уже в V в. и делились на «вотчинные» (отцовские), «жалованные» и «купленные».⁶

Титулатуру албанских царей Аршакидов (до 461 г.) мы не знаем. Что касается Михранидов, то албанский историк сохранил нам титулы Джываншера. Один из албанских епископов обращается к нему со словами: «. . . заботливый князь, вечно сильный вождь, проконсул и патрикий, господин Джываншер, князь Албании»⁶

¹ Хамхарзы—см. стр. 208, прим. 3.

² Е л и ш е, ук. соч., стр. 96.

³ См. стр. 322—326.

⁴ М о и с е й К а л а н к а т у й с к и й, кн. II, гл. 36.

⁵ Клише (ук. соч., стр. 85) сообщает, что Иездегерд II, ослабив временно репрессии, повелел возвратить владельцам отнятые у них земли перечисленных трех категорий. О «жалованных» землях в Армении см.: А. Г. П е р и х а н я н, ук. соч., стр. 44 и сл.

⁶ М о и с е й К а л а н к а т у й с к и й, кн. II, гл. 30.

(как видно и внутри страны в ходу были пожалованные ему византийским императором почетные титулы). Сам Джываншер в письме к Константу II называет себя скромно «аспарапет и князь албанский»¹ (аспарапет, т. е. стратег, глава войска). В ответном послании византийский император обращается к нему со словами: «Властитель Гардмана, князь Албании, аспарапет и протонпатрикий».²

Сохранилось описание придворного церемониала, связанного с утренним приемом правителя: «При восходе утренней звезды (Джываншер) надел свои царские одежды и воссел на своем престоле. Отворились двери, вошли воины с оружием и стали по сторонам его. После этого робко вошли по порядку знатные».³ Возможно, что во время этих утренних приемов Джываншер творил суд, так как историк прибавляет: «Праведный суд и неподкупное правосудие при дворе его всем были раздаваемы». Имел ли упоминаемый престол албанского правителя вид сасанидского трона (тахт со стойкой подушек, раздаваемых имеющим на то право вельможам) или же это было кресло со спинкой, на котором восседали, видимо, цари армянские,⁴ мы не знаем; но среди даров Джываншеру от византийского императора называются «серебряные троны с резными позолоченными спинками».⁵

«Царские одежды» Джываншера, гардманского князя, быть может, не очень отличались от одеяния Васака, князя сюнийского. Описание одеяния Васака дает Елише: «. . . надел Васак почетную одежду, которую он получил от [персидского] царя; завязал он и почетную повязку [патив] на волосы и сверху возложил золотую тиару, и кованный литого золота пояс, выложенный жемчугами и драгоценными камнями, одел вокруг стана, и в уши [вдел] серьги, и ожерелье [гривну] надел на шею, и соболей накиннул на плечи».⁶ Со всеми этими атрибутами (кроме соболей) изображен, между прочим, бронзовый всадник, в котором я предположительно усматриваю изображение Джываншера.⁷

Княжение в Албании в VII в. не было наследственным. После смерти Джывангаора «к великому архиепископу Елиазару собрались старейшины родов, наместники, правители стран, вельможи и все главари страны» и «согласились единодушно избрать» брата Джываншера, Вараз-Грдата. Далее описывается церемония провозглашения нового властителя: «. . . вельможи, распустив зверовидные

¹ Там же, гл. 20. ² Там же, гл. 21.

³ Там же.

⁴ K. Humann und O. Puchstein. Reisen in Kleinasien und Syrien. Alias. Berlin, 1890, табл. XXXIX, 1.

⁵ Моисей Каланкатуйский, кн. II, гл. 20.

⁶ Елише, ук. соч., стр. 136.

⁷ См. стр. 327 и сл., табл. 22.

знамена, при звуках труб посадили его на позолоченный (?) щит и подняли трижды вверх, произнося величание».¹ Здесь, между прочим, описан церемониал, сходный с тем, который существовал в Иране в тот период, когда власть переходила не от отца к старшему сыну, а собрание феодалов и жрецов избирало того или иного им представителей рода Сасанидов.

В придворном, феодальном быту Албании, как и в Армении и Иберии, существовало, по-видимому, много общего с бытом Сасанидов. Персидский марзпан говорил «правителям стран» Закавказья, прельщая их милостью Сасанидов, чтобы они не забывали «венки, и ветви, и щедрые дары, которые жалуются от царского двора».² Тут венки, а не патив — повязка, носить которую разрешалось только как знак особой царской милости; ветви цветущего растения и серебряная чага жаловались особо чтимым участникам пира, как об этом упоминает в VII в. Моисей Каланкатуйский: Шапур II «устроил великолепный обед для всех величайших нахаваров ... и каждого в соответствии с занимаемым им [по рангу] местом почтил кубком и ветвью».³ В росписях VII—VIII вв. в Пенд-жикенте, как известно, сохранились изображения сидящих на пиру феодалов с цветущей веткой и чашей в руках.⁴ «Щедрые дары», о которых говорилось, — это, вероятно, та сасанидская серебряная утварь, которую «в большом количестве» привозили в Закавказье и которой Васак Сюни одаривал тех, кого надо было привлечь на сторону Ирана.⁵ Елише, описывая также те пиры, которыми Васак отвлекал внимание феодальной знати стран Закавказья от тяжелой для нее политической обстановки, указывал на то, что он (Васак) не только прельщал их драгоценными сосудами и «увещательными речами», но и пиршественными собраниями, для чего «ежедневно умножал дневную выдачу припасов к столу, затягивая музыку веселья, проводя долготу ночей в песнях застольных и в плясках непристойных, услаждая некоторых ладами музыкальными и песнями языческими».⁶

Описывая крестный ход при царе Вачагане (V в.), историк Албании даст пышную картину шествия, сопровождавшегося пением «на разных языках» (на каких, не сказано); «блеск распущенных разноцветных знамен, сияние золота и серебра и драгоценных кам-

¹ Моисей Каланкатуйский, кн. II, гл. 36.

² Елише, ук. соч., стр. 115.

³ Моисей Каланкатуйский, кн. II, гл. 1 (перевод И. А. Орбели).

⁴ Труды Таджикской археологической экспедиции, т. II, 1953, табл.

IV

VI; Живопись Пенджикента. М., 1954, табл. IX, X, XII.

⁵ Елише, ук. соч., стр. 63.

⁶ Там же.

ней, вложенных во множество крестов, светлым облаком покрывали землю».¹

Особенно интересен рассказ о том, что для перевозки евангелия и других священных книг царь Вачаган «приказал устроить колесницу, запряженную белыми быками»,² — обычай, сходный с сасанидским, при котором в колесницу с изображением божества луны, месяца (мэн) тоже впрягались быки, судя по изображению на серебряном сасанидском блюде, изображающем деталь знаменитого трона Хосрова II (Эрмитаж).³

Еще одну интересную бытовую деталь сохранил нам албанский историк в рассказе о том, как в VII в. католикос Виро, желая приостановить нашествие хазар, собрал добровольно принесенные населением серебро, золото и ценные одежды, чтобы ими одарить хазарскую военную знать. Затем он собрал сведения об именах «вельмож и князей, воевод и полководцев, вождей каждого племени в их войске, о высоком или низком их положении, чтобы узнать, какие подарки им поднести». Затем католикос Виро «разделил подарки по именам их, сделал на них надписи и опечатал их». В этой цитате много интересных данных: упоминание надписей, по-видимому сделанных албанским письмом, наложение католикосом своей печати на индивидуальные пакеты и, так как речь идет о серебряной и золотой утвари, может быть, нанесение резцом дарственной надписи или имени одаряемого на блюдо, чашу или кувшин, как это делалось в Сасанидском Иране.

Христианство и другие культы

В области религиозных верований период от IV в. по VII в. представляет большую пестроту. В этот период сосуществует целый ряд религиозных систем и культов, сказавшихся на мировоззрении албанов. Христианство, насильственно насаждаемое начиная с IV в. и воспринятое в первую очередь двором и знатью, зороастризм, вводимый Сасанидами с середины V в. и тоже воспринимаемый чисто внешне, в обрядовом отношении, представителями верхушки общества, различные секты и христианского, и зороастрийского толка, догмы манихейства, быть может занесенные в III—IV вв. из Ирана, учение маздакистов, нашедшее во второй половине V в. благодатную почву и среди народов Закавказья, благодаря своей

¹ Моисей Каланкатуйский, кн. I, гл. 21.

² Там же, гл. 19.

³ П. Л. Орбели и К. В. Тревер, ук. соч., табл. 19. См.: E. Herzfeld. Der Thron des Khosro. Jahrbuch der Preussischen Kunstsammlungen, Bd. 41.

⁴ Моисей Каланкатуйский, кн. II, гл. 14.

религиозной окрашенности, и наступающий с VII в. воинствующий ислам — все эти религии и культы в той или иной мере пустили корни на почве Албании.

Что касается распри между несторианами, монофизитами и халкедонитами, раздиравших христианскую среду в Албании, то в труде Моисея Каланкатуйского они нашли довольно яркое отражение.¹

Христианство насаждалось среди населения Албании с большим трудом; здесь оно не пустило столь глубоких корней, как в Армении и Картлии; даже три века спустя, в VII в., все еще имелись люди, продолжавшие поклоняться своим древним богам, как об этом говорится у Моисея Каланкатуйского.² В VII в., т. е. три века спустя после проповедей Григориев, снова имеет место крещение албанского правителя, Вараз-Григора, «и всего его народа» в Гардмане византийским императором Ираклием, как об этом сообщает «Хроника Сумбата».³ А в конце VII в., как известно, начинается уже наступление ислама.

В связи с деятельностью в Албании армянских христианских миссионеров интересно одно явление, на которое обратил внимание французский лингвист Г. Дюмезиль.⁴ Он указывает, что во всех языках Дагестана сохранилось древнее местное название для обозначения понятия «луна» (того божества, которому поклонялись албаны) и только в удинском языке, который он считает самым южным дагестанским языком, подвергшимся большей христианизации, древнее местное название луны Vaz заменено словом хас, совершенно изолированным названием, которое он сопоставляет с армянским хас — «крест», термином, которым удины, по словам Г. Дюмезиля, ныне тоже обозначают «крест». Борясь с языческим культом луны, армянские христианские проповедники, по его мнению, название древнего местного божества заменили словом, обозначающим высший христианский символ.

Зороастризм, который насильственно вводился сасанидскими правителями в странах Закавказья, не имел в Албании местных корней и поэтому тоже широкого распространения получить не мог. Население Албании и Армении, не страшась жестоких кар со

¹ В письме армянского католикоса к албанскому католикосу Абасу (533—551 гг.) упоминаются еретики: Павел Самосатский, Мани, Маркион, Несторий и Феодорит, учения которых находили себе последователей в среде народов Закавказья (Моисей Каланкатуйский, кн. II, гл. 7). В VI в. из Армении в Албанию проникло учение навликиан, с чем и связано это письмо к католикосу Абасу.

² Моисей Каланкатуйский, кн. I, гл. 14.

³ С. Т. Еремян. Заметки к тексту «Хроники Сумбата», стр. 27—28.

⁴ G. Dumézil. Uno cliretiente disparue. Les Albanais du Caucase. *Mélanges asiatiques* t, 232, fasc. 1, Paris, 1940. pp. 129—130.

стороны персидских марзаинов, вступало в решительную борьбу с зороастрийскими вероучителями и магами, когда те в 40-х годах V в. вслед за возвращавшимися из персидского плена армянскими, албанскими и иберскими князьями появились на территории Закавказья, начали строить свои храмы и требовать от албанов поклонения огню и отречения от Христа. Историк Албании рассказывает, что армянские и албанские войска «храбро нападали на крепости и города, которыми владели персы в Албании. Бились они жестоко, жгли их крепкие темницы,¹ а толпы магов-соблазнительей, где бы их ни находили,² предавали мечу и бросали на съедение птицам небесным и зверям земным;³ очистили места от всех скверных жертвоприношений и освободили церкви от страшных притеснений».

Когда в VII—VIII вв. шел процесс насаждения ислама арабскими завоевателями, то часть населения, исповедовавшая учение Христа, долго сопротивлялась новому чуждому вероучению.

Древние местные верования, в основу которых было положено поклонение силам природы — солнцу и огню, воде и земле, без которых не может существовать человек вообще, а земледелец и скотовод в частности, — эти древние религиозные представления, развиваясь и неизбежно несколько видоизменяясь в ходе исторического процесса, продолжали жить в толще народных масс, которые сопротивлялись навязыванию новой, со стороны приходившей религии, будь то христианство, зороастризм или ислам.

Одновременно существовали особого типа секты, приверженцам которых вменялось в обязанность культовое умерщвление 'близких' (достигших определенного возраста стариков?).

Борьбу с этими сектами вел в V в. царь Вачаган. Историк Албании упоминает две секты, видимо, местного происхождения — беспочитателей и персторезов,⁵ причем последняя имела довольно широкое распространение, судя по тому, что о ней давно знали «в Албании царь Вачз и другие цари Албании, но не могли подавить ее, и даже не обращали на то внимание. Их [персторезов] часто захватывали в свои руки проклятые и злые марзпаны персидские, но отпускали за взятку», но Вачагану удалось искоренить эту секту,

¹ Зороастрийские храмы не имели окон и освещались только полыханием «священного» огня на атрушанах.

² По зороастрийскому погребальному обряду тело умерших выносили в определенные открытые места и предоставляли птицам и животным очистку костей от мускулатуры; кости потом складывались в специальные ящики (асто-даны-оссуарии) и в них предавались погребению.

³ Моисей Каланкатуиский, кн. II, гл. 2. ⁴ Там же, кн. I, гл. 18.

⁵ Там же, гл. 18 (персторезы)

как и беспочитание, и «много других лжеучений стер он в Албании».¹

И в албанской среде, как это бывало и у других народов, христианские праздники наслаивались на древние языческие празднества. Об одном таком празднике рассказывает продолжатель «Истории» Моисей Каланкатуйского, а именно о празднике рождества Христова, который у одних, «обратившихся из обрезания», отмечается 6 января, а у других, у тех, кто «уверовал из язычества», — 25 декабря. Последние «имели обыкновение во время своего язычества праздновать рождение Солнца в этот день и потому не соглашались оставить этот праздник. Поэтому апостолы принуждены были согласиться и назначить им [празднование] рождества Христова в этот день»,² т. е. 25 декабря.

Как говорилось выше, наиболее ревностным насадителем христианства в Албании был царь Вачаган III (487—510 гг.). Церковная иерархия, учрежденная им по образцу феодальной иерархии, со временем стала пользоваться широкими правами, иногда в ущерб светской власти. Так, постановления созванного Вачаганом собора узаконили право церкви на судопроизводство и передали в ее ведение ряд бытовых вопросов.³

Ввиду скудости имеющихся у нас сведений о формах государственного управления страной, о податной системе, о взаимоотношениях между светскими и церковными феодалами протокол вышеупомянутого собора, состоявшегося, по преданию в 488 г. в Алуэне, летней резиденции царя, неподалеку от города Партава, приобретает особо большое значение. Этому протоколу историк отвел специальную главу «Канонические постановления Вачагана, царя албанского, определенные собором, бывшим в Алуэне».⁴

Протокольному тексту историк предпосылает сообщение, что при Вачагане произошли несогласия между мирянами и епископами, священниками, азатами и простолюдинами. «Тогда царь пожелал собрать собор — многочисленное собрание 13 числа месяца Марери». т. е. мая.

Затем идет текст постановления, начинающийся со слов: «Я, Вачаган, царь албанский, Шупхалиша, архиепископ Партавский, Манасе, епископ Капалака...». Затем идет перечисление других епископов, а также иереев городов и селений, между прочим, иерея царского двора, иерея Партава и др. После духовных лиц названы имена трех азатов и старшин (тэров— глав рода) Арцаха: затем —

¹ Там же.

² Там же, кн. III, гл. 14.

³ См. стр. 296.

⁴ Моисей Каланкатуйский, кв. I, гл. 26.

«Бакур, старшина Каланкатвази, и другие многие предстали со-вокупию предо мною в месте летнего пребывания нашего в Алуэне. Мы постановили так». Затем идет перечисление двадцати постановлений; последний пункт гласит: «Эти постановления приняли епископы, иереи, и священники, и азаты перед царем. Царь с царицей, с сыном, И те, которые находятся в сем соборе, да будут благословенны устами нас — епископов, переев церкви. К этому постановлению приложили перстни свои: советник царский Михр Гарнк, хазарапет, азгапет Марут, Тиразд, Спракос, Гама, Бакур, Радан, Аршес, Вартан храбрый, владетель Гардмана, Хурс, Бермусан, Хоскен, Пюрок-старшина, и все азаты царя албанского приложили печати под этой грамотой». Обращает на себя внимание перечень представителей церкви в начале протокола, печати которых к протоколу не были приложены; утвердили своими печатями соборное постановление представители светской иерархии, начиная от хаза-рапета и кончая старшиною Пюроком и дворянами-азатами.

Постановления собора касались несомненно тех вопросов, по поводу которых существовали разногласия между мирянами и духовенством. Общий характер принятых решений дает основание полагать, что большинство вопросов было решено в пользу церкви. Упорядочивались ежегодные приношения «плодов от народа иерею» (§ 3); распределялась десятина, взимаемая азатами в пользу церкви (§ 16). Судопроизводство по делам гражданским и уголовным возлагалось на епископа (§ 7). Запрещался обычай языческий — оплакивание умерших (§ 10). Воспрещалась женитьба на родственнице, на жене брата (§ 8). Воспрещалось оставление жены без причины и взятие другой жены без венца, нарушение этого постановления каралось как убийство (§ 9). Упорядочивались распри между дзетами и церковью из-за обращения церковей в монастыри (§ 15). Без разрешения епископа азаты не могли ни пригласить к себе иерея, ни изгнать его от себя (§ 18). Населению вменялось в обязанность присутствовать по воскресеньям во время богослужения в церкви.

Эти соборные постановления заслуживают как текстологического изучения, так и исследования и сопоставления их с аналогичными соборными решениями, имевшими место в Армении и Иберии.

К сожалению, неизвестно, оставались ли эти канонические постановления неизменными вплоть до VII в., когда насаждение ислама должно было покончить с привилегиями христианского духовенства. В V в. установление их было вызвано необходимостью придать авторитет христианской церкви, поднять ее значение и права в глазах населения, не всегда желавшего отказаться от древних языческих верований своих отцов и дедов.

Архитектура (христианские храмы)

Состояние археологических работ на территории древней Албании — в Дагестане и Азербайджане — в настоящее время не дает еще возможности говорить об архитектурных памятниках дохристианского языческого периода ее культурной истории. Объясняется это не только недостаточностью производимых раскопочных работ, но и тем обстоятельством, что при насаждении христианства новые храмы воздвигались обычно на фундаментах старых святилищ (идеологическое воздействие которых тем самым как бы пресекалось), поэтому распознать, где кончается древний храм и где начинается христианское сооружение, порою бывает очень сложным и трудным делом, как например на территории Судагылана у Мингечаура.¹

Вышесказанным объясняется, почему в главе об архитектуре древней Албании мы на данном этапе наших знаний должны ограничиваться рассмотрением лишь культовых зданий христианского периода.

Памятники зодчества, воздвигнутые в начальный период насаждения христианства (IV—V вв.), до нас не дошли, вернее, они еще не открыты археологическими раскопками. Большая часть церквей в лесистых местностях была, вероятно, построена из дерева, как та «деревянная часовня, обмазанная глиной», «в известной роще на небольшом пригорке» у р. Тертер в области Ростак, о которой упоминает Моисей Каланкатуйский, говоря о нахождении ларцев с мощами под алтарем старой церкви.²

Деревянные церкви и часовни подвергались пожарам, разваливались от времени, на их месте, быть может, воздвигались каменные храмы, тоже до нас не дошедшие или как таковые не опознанные. Во всяком случае в научной археологической литературе речь идет в настоящее время только о трех христианских храмах VI—VII вв. на территории Албании: о церкви в Судагылане у Мингечаура и о двух храмах в Кахском районе западного Азербайджана — о базилике в горном селении Кум и круглом храме около сел. Лякит. После того как о двух последних в конце XIX в. было упомянуто С. А. Хахановым (см. ниже), они вновь для науки были выявлены в 1937—1938 гг. Д. М. Шарифовым (экспедиция Азербайджанского центрального управления охраны памятников).³

В центре горного селения Кум (в 8 км от г. Ках) на берегу р. Кум-Чай, в лесистом ущелье, сохранились развалины большого храма (табл. 15—17), о котором упоминает в своем отчете о поездке по Кахе-

¹ См. ниже стр. 299.

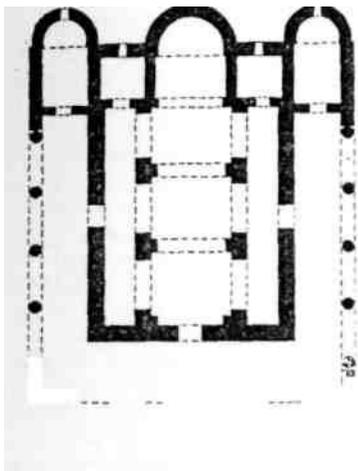
² Моисей Каланкатуйский, кн. II, гл. 29.

³ Сообщение Д. М. Шарифова. См.: 11. П. Щ е б л ы к и н.

Памятники

азербайджанского зодчества эпохи Низами, стр. 43.

тии А. С. Хаханов.¹ Этот храм был изучен и описан П. Д. Барановским, при первом же осмотре датировавшим его VI в.² Раскопки храма, производившиеся Управлением охраны памятников Азербайджана и 1939 г., и исследование вскрытых остатков этого некогда величественного здания показали, что храм является трехнефной базиликой

с выступающими полукруглыми абсидами, обнесенной с трех сторон галереей (рис. 33); он сходен по типу, как указывает П. Д. Барановский, с базиликами в Болнисе (вторая половина V в.), Уриатубани (VI в.) в Грузии и с храмами в Текоре и Ерееруйке (V—VI вв.) в Армении.

Храм построен из крупного булыжного камня, хорошо подобранного по высоте, и из кирпича (колонны, арки и перемычки) на прочном растворе. Внутри храма (размеры его с галереей — 26.5 X 19.3 м) нефы образованы двумя парами

столбов и

пилонами, западными и восточными. Подковообразные арки поддерживались этими столбами.

----- Судя по сохранившейся части, сте-

ны центрального нефа были выше крыши боковых нефов; абсида центрального нефа имеет сильно выступающую полукруглую форму — «явление архаичное», известное только по храмам в Болнисе — Болнисский Сион (конец V в.), а также в Болнис-Капанакчи и в Дманиси (около середины VI в.).³ Боковые нефы частично сохранили коробовые своды из бутового камня (центральный неф перекрытие утратил). Три двери в стенах увенчаны подковообразными арками. П. Д. Барановский отмечает, что в конце боковых нефов имеются отдельные помещения (диаконник и жертвенник), которые с алтарем не сообщаются, тогда как это является обычным в храмах Грузии и Армении. Эти помещения перекрыты сомкнутыми сводами, опирающимися на восьмигранники

¹ А. С. Хаханов. Экспедиция на Кавказ в 1892, 1893 и 1895 гг. МАК т. VII, 1898, стр. 35 и 33.

² П. Д. Барановский. Памятники в селениях Кум и Ляжит. Сб. «Архитектура Азербайджана эпохи Низами», М.—Баку, 1947, стр. 29 (см. также сб. «Памятники истории Азербайджана», Баку, 1956, стр. 34, рис. 41).

³ Там же стр. 30.

с конховыми tromпами (?). С трех сторон базилика обнесена арочной (подковообразной) галереей в четыре пролета. Обратила на себя внимание П. Д. Барановского центральная колонна западной галереи, стоящая по центру двери, и круглые колонны, которые имеются еще только в армянском Еревуке и грузинском Цкаростаби; что касается открытых галерей, то они характерны для базилик Сирии начиная с IV в., а также для Грузин (Болнис и др.) и Армении (Еревук).¹ С востока галереи заканчивались приделами с полукруглыми абсидами и с коробовым сводом (сохранился в северном приделе).

Монументальный характер здания, красочность камня (темно-зеленого и синего), окружающие храм галереи и сходство с памятниками V—VI вв. позволяют исследователю этого памятника датировать храм VI в.²

Если правильно предположение о базиличном характере здания, открытого в 1951 г. на Судагылане у Мингечаура,³ о его трехнефном плане и обрамленности с севера и с юга галереями, то перед нами базилика, имеющая ряд общих черт с храмом в Куме (трехнефность, четыре столба и галереи по сторонам, в Судагылане — глухие). Совпадает в известной мере и датировка — VI—VII вв.⁴ Следует отметить, что храм в Судагылане очень плохо сохранился. Восстановить план его можно только по частичным остаткам фундамента (рис. 34). Зал площадью 50 кв. м с восточной стороны имел абсиду радиусом около 2.5 м, возвышавшуюся над полом зала на 0.8 м. Р. М. Вапдов предполагает, что имелось три пары колонн, но на изданном им плане показаны только две нары, для третьей было бы мало места (в Кумской базилике тоже две нары). Колонны были деревянные, судя по следам основания и забутовке. Стены базилики в Мингечауре, построенной из сырцового кирпича, были покрыты штукатуркой с росписью,⁵ найдены были обломки капителей и баз из белого камня,⁶ некоторые каменные архитектурные детали и рельефные архитектурные украшения из мягкой меловой породы (розетки и др.);⁷ на некоторых из них нацарапаны письмена (рис. 35);⁸ найдены, между прочим, и две серебряные сасанидские монеты, но какие именно, неизвестно.

¹ Там же.

² Там же, стр. 31.

³ Р. М. Вапдов. Раннесредневековое городище Судагылан. КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 132, рис. 60.

⁴ Там же, стр. 133; Р. М. Вапдов и В. П. Фоменко. Средневековый храм в Мингечауре. МКА, т. II, 1951, стр. 99—100.

⁵ Р. М. Вапдов и В. П. Фоменко, ук. соч., рис. 2. ⁶

Там же, рис. 8-а-б-в. 9 и 10. ⁷ Там же, рис. 9, 10. 11. ⁸

Там же, стр. 14.

Среди хорошо отесанных каменных плит (форматом до 0.5 м), лежавших на месте абсиды, была обнаружена и известная замечательная плита с рельефным изображением птиц у дерева и албанской надписью (табл. 28).¹ Р.М. Ваидов предполагает, что этот камень является алтарной плитой, на которой был водружен деревянный крест. Но более вероятно другое назначение этого памятника, а именно каменной капители деревянной колонны.² Если бы это предположение подтвердилось, то, быть может, сходный характер могли иметь и столбы внутри базилики в Куме.

На территории Албании несомненно имелись не только эти две базилики; аналогичные памятники либо не выявлены, либо, будучи опознаны, еще не изучены и не опубликованы.³

В этой связи большой интерес представляет Джума-мечеть Дербента, о которой еще И. Н. Березин писал, что «местное христианское предание приписывает это здание нашей религии» и что «мечеть сложена из камней довольно больших и хорошо отделанных».⁴ План мечети издан М. И. Артамоновым,⁵ отмечающим, что устная традиция в Дербенте приписывает этому зданию более чем тысячелетнюю давность.⁶ Мечеть эта отличается большими размерами; она ориентирована с востока на запад; в плане имеет вид очень длинного прямоугольника с тремя нефами (по 18 столбов в ряду). Обследовавший мечеть М. И. Артамонов отмечает, что «без сомнения для мечети приспособлено здание, выстроенное одновременно с древнейшей частью каменных укреплений. Стены мечети возведены в той же технике, что и постройка Ануширвана. Судя по плану, это было здание типа базилики, что согласуется с преданием, по которому дербентская Джума-мечеть ранее была христианским храмом», возведенным, быть может, тоже в VI в.

Базиличный храм в Куме мог возникнуть на месте языческого храма, как это бывало в Армении и, вероятно, в Иберии. Так, Гарнийский храм, построенный Трдатом I в I в. и. э., как известно, был

¹ Р. М. В а и д о в, ук. соч., стр. 133. рис. 61.

² См. выше, стр. 299.

³ В настоящее время С. М. Казиев полагает, что храм в Судагьлане состоит из четырех разновременных слоев: верхний он датирует VIII—IX вв. (видимо, по нумизматическим данным), следующий — IV—VI вв. (базилика, в которой найден камень с рельефом и албанской надписью), а самый нижний, четвертый, он относит ко времени до IV в., т. е. считает его языческим (С. М. К а з и е в. Об археологических памятниках Мингечаура. Труды объединенной сессии по общественным наукам, Баку, 1957, стр. 361).

⁴ И. Н. Б е р е з и н, ук. соч., стр. 143—145.

⁵ М. И. А р т а м о н о в. Древний Дербент, стр. 141, рис. 27.

⁶ Мечеть возведена вероятно, в VIII в.; точная дата неизвестна. См.: М.Х. Н е й м а т о в а. Предварительное сообщение о дербентской поездке в 1954 г. ДАН Азерб. ССР, 1955, № 11, стр. 741.

⁷ М. И. А р т а м о н о в. Древний Дербент, стр. 143.

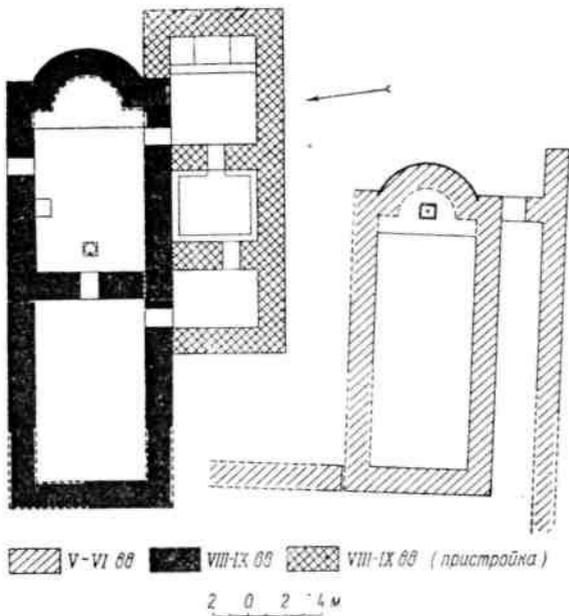

Рис. 34. План фундаментов зданий в Судагылане.

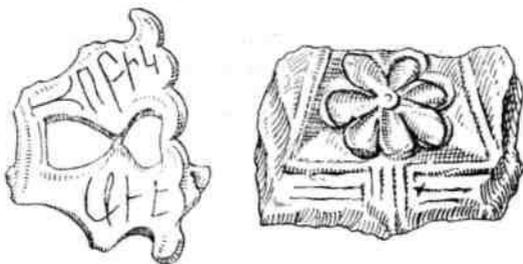

Рис. 35. Штуковые украшения. Храм в Судагылане

превращен в христианскую церковь путем встройки в него небольшой часовни, что произошло, быть может, уже в IV в.¹ Это же самое явление наблюдается и на ряде памятников Малой Азии.² В своей прекрасной монографии, посвященной храму в Касахе, А. Саиняну тоже удалось установить, что эта базилика была возведена до середины IV в., по всей видимости на месте языческого храма.³ И в Двине кафедральный собор был, как показали раскопки, первоначально (в III в.) выстроен как «трехнефный языческий храм, но в начале IV в. был превращен в христианскую церковь, получив с восточной стороны резко выступающую абсиду».⁴ Древняя базилика в Судагьлане могла тоже быть построена на месте храма, посвященного одному из древних местных божеств в тот период, к которому относятся кувшинные погребения.

Высказанное мною предположение относительно базилики в Куме основано на сообщении Страбона о том, что в Албании неподалеку от Иберии была расположена храмовая область где находилось святилище, посвященное богине Селене (Луне).⁵ Не имея оснований говорить, что базилика в Куме была выстроена именно на месте этого древнего храма, все же полагаю возможным нахождение на территории Кахского района не только того храма, о котором говорит Страбон, но и других святилищ, посвященных, быть может, и иным богам.

В 8 км от сел. Кум, около селении Лякит и Малах, находятся развалины круглой в плане постройки (рис. 36), являющейся еще одним храмом этой своеобразной формы на территории Закавказья (в Армении — Звартноц, храм Гагика в Ани, в Грузии — храм в Бана). Храм в Ляките был обнаружен в 1892—1893 гг. А. С. Хакановым, в 12 верстах от Кахи, на территории, заселенной леками-лезгинами.⁶ П. Д. Барановский произвел на месте храма частичные раскопки, а также некоторые работы по консервации памятника, подвергнутого им тщательному изучению.⁷ По описанию П. Д. Барановского, храм построен из булыжного камня и кирпича с применением известкового

¹ К. В. Т р е в е р. Очерки по истории культуры древней Армении, стр. 38—40.

² J. S t r z y g o w s k i. Kleinasien. ein Neuland der Kunstgeschichte. Leipzig, 1903, SS. 45, 108.

³ А. А. С а и н я н. Архитектура Казахской базилика, Ереван. 1955, стр. 242, 274—275.

⁴ К. Г. К а ф а д р а н. Город Двин и его раскопки. Ереван, 1952, стр. 208, рис. 62 на стр. 91.

⁵ См. выше, стр. 150 и ел.

⁶ А. С. Х а х а н о в, ук. соч., стр. 35.

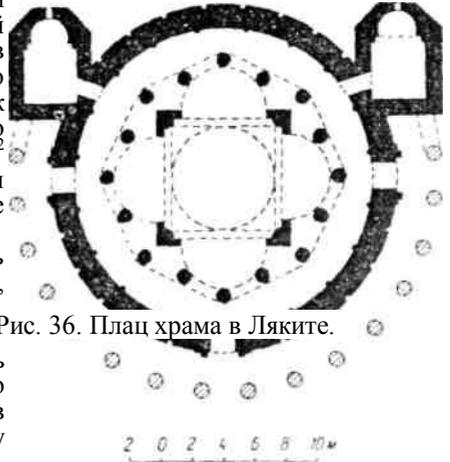
⁷ П. Д. Б а р а н о в с к и й, ук. соч., стр. 31—33. — Работы производились совместно с Управлением по охране памятников Азерб. ССР и Институтом истории искусства АН СССР. См также сборник «Памятники истории Азербайджана» (Баку, 1950, стр. 34, рис. 40).

камня («ширине», «шириндаш»). Внутри храма (диаметром 22 м) имелся тетраконх на колоннах с круговым обходом.¹ С востока к кругу примыкали два придела; стена в этой части сохранилась на высоту до 7 м. Стены в нижнем ярусе были снаружи украшены пилястрами, а внутри расчленены каменными колонками. Такие же колонки, но чаще поставленные, имелись и в верхнем ярусе храма. Купол

поддерживался четырьмя массивными угловыми пилонами. Между каждой парой этих пилонов стояло по три колонны. Против внешнего угла каждого пилонна имелось по одной дополнительной колонне, которые, как в Звартноце, поддерживали стены верхнего яруса, тоже круглого в плане.² Предполагается, что храм был окружен колоннадой,³ но следы ее пока не обнаружены.³

П. Д. Барановский отмечает сложность вопроса датировки этого храма; правда, сопоставление его форм с архитектурой

Звартноц позволяет ему высказать предположение, что храм в Ляките можно относить тоже к VII в., если усматривать в нем подражание знаменитому армянскому храму.⁴ Но храм в Ляките, по словам П. Д. Барановского, более архаичен и по ряду особенностей более близок к памятникам Сирии (Босра) и Малой Азии (Вираншер).⁵

[Рис. 36. Пляц храма в Ляките.

¹ Э. В. С а л а м з а д е. Говорят памятники. (На азерб. яз.). Баку, 1952, рис. на стр. 13 (см. план).

² Колонны и пилоны сохранились только до высоты 1.20 м.

³ Раскопками в Малой Азии за последние годы был обнаружен в древнем городе Сидэ (Панфилов) круглый храм первых веков нашей эры с пирамидальной крышей, подиум, лестницей и 12 колоннами (А. М. М а н с е л. Ausgrabungen in Pamphylien in den Jahren 1946—1955. Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. Archäologischer Anzciger, Bd. 71, H. 1—2, Berlin, 1956, S. 47, Abb. 9—11).

⁴ В. М. А р у т ю п я н и С. А. С а ф а р я н. Памятники армянского зодчества. М., 1951, стр. 44.

⁵ П. Д. Барановский, ук. соч., стр.33.

В этой связи особый интерес представляет храм в Босра, тоже с тетра-конхом на колоннах, с угловыми пилонами, датированный 515 г., что и позволило П. Д. Барановскому высказать предположение о возможности датировать храм в Ляките временем до построения Зварт-ноцкого собора и говорить об особом значении этого памятника — свидетеля высокой культуры Албании в доарабский период. Он отмечает также значение этого храма для решения историко-архитектурного вопроса о путях сложения и развития форм построек с подкупольным квадратом, «давшим идею константинопольской Софии. Это выдвигает неизвестный до сих пор памятник архитектуры в бывшей Албании сразу на одно из видных мест».¹ К этой характеристике следовало бы добавить, что храм в Ляките является яркой иллюстрацией тех взаимосвязей между албанами, армянами и иберами, которые объединяли в культурном отношении эти народы Закавказья как к IV—VII вв., так в предшествующие века.

Храм в Ляките — не одиночная церковь, а одно из многих зданий, находившихся на территории, обнесенной стеною и включавшей в себя, судя по плану П. Д. Барановского, еще один храм (?), дворец, баню, каравансарай (?), бассейн и ряд других строений,² т. е. этот храм входил, видимо, в состав большого монастырского или замкового комплекса (рис. 37).

Н. М. Токарский полагает, что храм в Ляките мог быть построен Джываншером после того, как он побывал в Валаршапате,³ быть может, на освящении Звартноца, где удивившийся этому зданию византийский император якобы приказал своим строителям построить такую же церковь в его столице.⁴ По словам албанского историка, Джываншер после посещения Валаршапата и встречи с императором Константином II «воротился в страну свою и снова там, в пределах своей страны, давал приказания строить, насаждать [растения], пользоваться от них и пребывать в спокойствии. Он сам построил много дворцов».⁵ Строил он несомненно И храмы, в том числе, быть может, и родствен- ный Звартноцу храм в Ляките. Н. М. Токарский допускает, что Джы- ваншеру могли помочь армянские строители, тем более, что у Звартноца и у храма в Ляките больше общих черт (одинокие колонны за пилонами, несущие арки под кольцевой стеной второго яруса), чем у храма в Босре с храмом в Ляките: в Босре нет ступенчатой ярусной

¹ П. Д. Барановский, ук. соч., стр. 33.

² Л. А. К а л ь н и н г - М и х а и л о в с к а я. Охрана и изучение памятников архитектуры. Практика реставрационных работ, т. 1, II., 1950, стр. 32, рис. 23.

³ Моисей Каланкатуйский, кн. II, гл. 22.

⁴ П. М. Т о к а р с к и й. Архитектура древней Армении. Докторская диссертация, стр. 184 (рукопись).

⁵ Моисей Каланкатуйский, кн. II, л. 22.

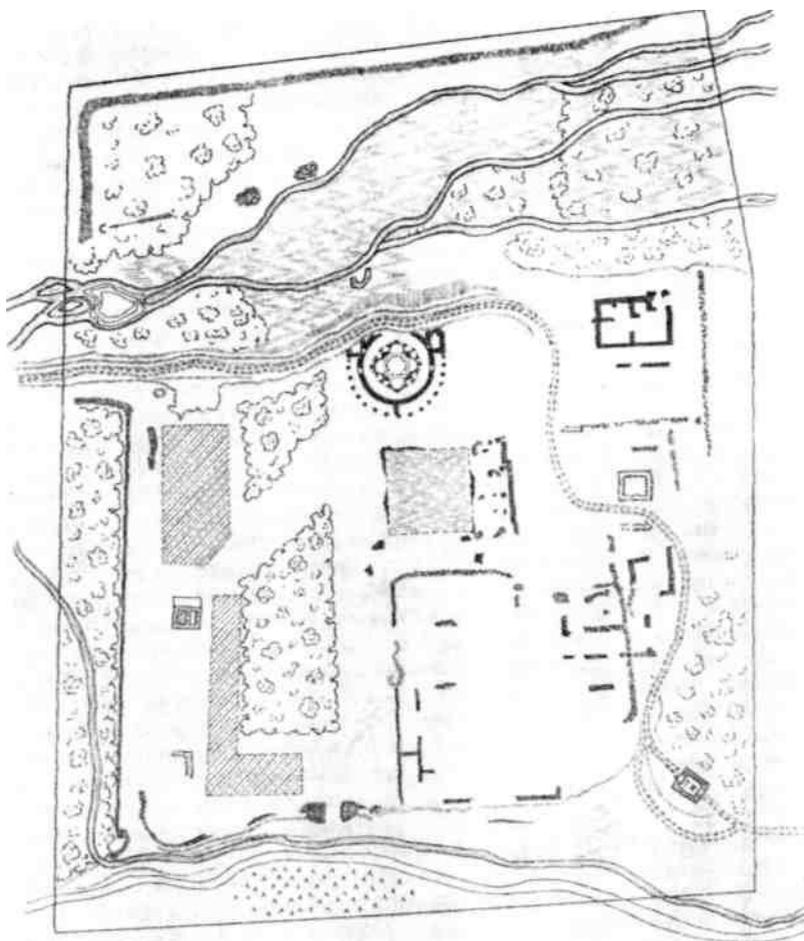

Рис. 37. План группы зданий в Ляките.

20 К. В. Тревер.

композиции, характерной для Звартноца и несомненно повторенной в Ляките.

Письменные источники о храмах в Ляките и Куме ничего не сообщают, но сохранили нам упоминание о ряде других церквей, среди которых особое место занимает храм князя Джываншера¹ построенный им в VII в. в своей родовой крепости Гардман. Форма и план храма не описаны, но упоминание купола дает основание полагать, что речь идет во всяком случае не о базилике, а о купольном храме. Моисей Каланкатуйский любовно описывает этот храм,² отмечая, что он украшен «всеми благородными материалами». Внутри все здание было покрыто росписью «от купола до порога», для чего были привлечены живописцы. Остается неясным, где, кроме алтарной завесы, могли быть употреблены шелковые ткани, которыми «все было покрыто», — возможно, были завешаны стены. «Дверь покоя, хранящего свет вселенной» («царские врата»), «была окована в серебро», т. е. покрыта, вероятно, чеканными серебряными пластинами, так как Моисей Каланкатуйский добавляет: «. . . приказано было выполнить (?) на ней изображения».

Язык и письмо. Школа. Календарь

О языке древних албанов мы знаем чрезвычайно мало, вернее, ничего, кроме сообщения Страбона, гласящего, что у албанов «выдающиеся цари; ныне один царь над всеми властвует; прежде каждое племя, имеющее свой язык, имело и своего царя. Языков у них двадцать шесть, вследствие недостаточного между ними [племенами] общения»³. Хотя в этих немногих словах заключено много интересных данных, остается все же неясным, говорит ли Страбон о 26 языках для своего времени, т. е. для самого начала нашей эры, или же о более раннем времени, когда у каждого из 26 племен был свой царь, т. е. племенной вождь. Но так как Страбон говорит, что «ныне один царь над всеми властвует», то мы вправе заключить, что к середине I в. до н. э., когда римляне впервые столкнулись с албанами на их территории во время походов Лукулла, Помпея и Антония, союз племен был уже возглавлен племенем албанов и возобладавшим стал их язык.

О характере древнеалбанского языка, о его лексике и грамматике мы ничего не знаем, кроме небольшого количества слов, — личных

¹ Там же, гл. 27. ² Там же, гл. 27. ³ С т р а

б о н, кн. XI, гл. 4, 6.

имен и топонимических названий, сохраненных у Плиния, Птолемея, Плутарха и др., но в греческой, т.е. видоизмененной передаче звуков, особенно шипящих и гортанных, которые отсутствуют в греческом и латинском языках.

Следующее упоминание об албанском языке в письменных источниках имеет место пять веков спустя, а именно, когда сообщается о составлении для него алфавита, об изобретении письма Месропом Маштоцом, армянским ученым, создавшим в конце IV в., по преданию, сначала армянский алфавит, а затем грузинский и албанский, для какой-то цели в начале V в. он отправился в Албанию. Биограф Маштоца, армянский писатель V в. Корюн, сообщает, что Месроп Маштоп, придя «в страну албанов, возобновил их алфавит, содействовал возрождению научных знаний и, оставив у них также [как в Армении] наставников [вардапетов], вернулся в Армению». Эти строки имеются в тексте рукописи Корюна, изданной в 1854 г. мхитарстами в Венеции и переведенной И. Р. Эминым на французский язык.¹ Албанам в этой редакции рукописи посвящены только эти строки и затем, в другой связи, добавлено, что «во всех частях Армении, Грузии и в стране албанов Месроп мужественно и неустанно обучал новым письмам в течение всей своей жизни, весною и зимою, днем и ночью».²

Историк армянской литературы М. Абемян отмечает в этой редакции рукописи сложность периодов, употребление необычных слов и неправильности речи и этим объясняет появление еще в средние века новой редакции, составленной из извлечений из книги Корюна с присоединением сведений (взамен Корюновых), почерпнутых из «Истории Армении» Моисея Корейского. Эта редакция известна под названием «Псевдо-Корюн».³ Этой-то второй редакцией и пользуются в наше время исследователи, тогда как для истории культуры албанов из старой редакции можно почерпнуть важнейшие данные, а именно указание на то, что в стране албанов Месроп Маштоц «возобновил их алфавит». Следовательно, в начале V в. в Албании уже имелся какой-то свой старый алфавит, который Маштоц «возобновил». Но слова о «возобновлении» алфавита в «Псевдо-Корюне» отсутствуют.

В связи с этим большой интерес представляют два сообщения античных авторов IV в. о письмах, которые посылались албанскими правителями. В I в. до н. э., во время переговоров с римлянами в 65 г., албанский царь Ород посылает письма (epistulae) Помпею, прося о восстановлении мира.⁴ А в III в. н. э. албаны, не приняв

¹ К о р ю н . Жизнеописание Месропа. Collection des hisloriens ancieesiet modernes de l'Armenie par V. Langlois, t. II, Paris, 1860, p. 10,

² Там же, стр. 12.

³ М. А б е г я н . Истории древнеармянской литературы, стр. 140. ⁴ Е в т р о п и й . Краткая история Рима. кн. VI, гл. 14; О р о с и й, кн. VI, гл. 4, 8 - См. стр. 104

писем Шапура I (о победе над Валерианом), «написали (scripserunt) римским вождям».¹

На каком языке и каким письмом были написаны эти направленные якобы римлянам послания, мы, к сожалению, не знаем (если упоминание писем — не литературный прием античных авторов). О «грамоте из страны албанов» в V в. говорится у Елише в его рассказе о суде над Васаком. когда «предъявлены были грамоты, которые дал Васак всем, кто был с ним в договоре об участии в восстании: одну грамоту из страны иберов, и одну грамоту из страны албанов, . . . И ко всем этим грамотам была приложена удостоверяющая печать Васака».²

В «Псевдо-Корюне» имеются детали, заимствованные у Моисея Корейского, который сообщает следующее. Месроп направляется в Албанию к царю Арсвагену и к главе епископов Иеремии. «Они охотно принимают его учение и дают ему [для обучения] избранных мальчиков. И призвав к себе даровитого переводчика Вениамина, которого немедленно отпустил к нему юный Васак, владетель Сюнийский, через посредство епископа своего Ананию, Месроп при помощи их создал письмена говора гаргарского, говора, богатого гортанными звуками, грубого, варварского, в высшей степени нескладного. Поручив надзор ученику своему Ионафану и назначив священников при царском дворе, сам Месроп возвращается в Армению».³ Здесь обращает на себя внимание характеристика одного из албанских языков, языка ведущего племени — гаргарского,⁴ «богатого горловыми звуками». Но в «Псевдо-Корюне» рассказ о пребывании Маштоца в Албании отличается кое-какими частностями, которых нет у Моисея Хо-ренского. До путешествия в Албанию к Маштоцу «случайно пришел некий священник, родом албашш, по имени Вениамин. И он [Маштоц], разузнав и обследовав чужеземный говор албанского языка, составил затем письмена по своему дарованному свыше мощному обыкновению. . . После того он, распроставшись, отправился в Албанию и пришел в этот край. Прибыв в царскую резиденцию, он увиделся со святым епископом Албашш, которого звали Иеремией, и с их царем, имя которого было Арсваг, и со всеми азатами. . . [Маштоц], спрошенный ими, сообщил, ради чего он прибыл, и они совместно вдвоем, епископ и царь, согласились подчиниться введению письменности. Они же приказали обучить искусству письма многих детей из областей и районов страны, послать их группами в школы в подо-

баюющие и удобные места и назначить им «рочик» [довольствие] на пропитание».¹

Как видно из этого текста, Маштоц прибыл в Албанию, уже ознакомившись с албанским языком и составив письменна. Ни о каком возобновлении письмен здесь речи нет. К сожалению, не названа «царская резиденция»; в начале V в. это могла быть еще Кабала. Особый интерес представляет организация обучения детей, причем не «избранных» (как говорится у Хоренского), а «из областей и районов страны», посылка их группами в школы с определением их продовольственного пайка («рочню»).

Моисей Каланкатуйский почти дословно повторяет рассказ Моисея Хоренского, называя те же имена, давая ту же характеристику гаргарскому наречию и тоже говоря об отроках, которых дали для обучения Месропу.²

Наиболее достоверным источником сведений о наличии у албанов в V в. письменности, которой они, видимо, уже свободно пользовались, А. Шанидзе считает «Книгу писем» («Книга посланий»), официальная редакция которой составлена в VII в. Это сборник расклассифицированных и в хронологическом порядке подобранных 98 посланий, служивший с V в. своего рода руководством во время догматических споров и являющийся важнейшим историческим источником.³ Во втором письме армян к православным единоверцам в Персии, написанном в самом начале VI в. (после Двинского собора 505 г.), между прочим, сказано: «Мы писали вам раньше в согласии с грузинами и албанами письмом: [гров] каждой страны. А теперь повторяем то же самое».⁴ Это сообщение, по-моему, особенно интересно тем, что из него видно, что в конце V—начале VI в. албаны уже пользовались своим письмом и для международных сношений, т. е. оно перестало быть чисто местным.

Временем расцвета албанской письменности принято считать V—VII вв., когда, по словам А. Г. Шанидзе, «албаны во всех областях политической и культурной жизни Кавказа принимали деятельное участие наравне с грузинами и армянами».⁸ По всей видимости, в Албании параллельно с албанским как язык письменности использовался еще и армянский, на котором к тому времени говорило насе-

¹ Я. А. Манандян. Месроп Маштоц и борьба армянского народа за культурную самобытность. Ереван, 1941, стр. 29 (перевод Корюна).

² Моисей Каланкатуйский, кн. II, гл. 3.

³ М. Абегиан. ук. соч., стр. 303—304. Ср.: M. Tallo n. Livre des lettres. Melanges de l'Universite St. Joseph, t. XXXII, Beyrouth, 1955.

⁴ А. Шанидзе. Новооткрытый алфавит албанцев и его значение для науки. Изв. Института языка, истории и материальной культуры Груз. ФАН СССР, т. IV, вып. 1. 1938, стр. 3 (по отдельному оттиску). См.: Книга переписок. Древнеармянский текст. Тифлис, 1901, стр. 48—51.⁵ А. Г. Шанидзе, ук. соч., стр. 3.

ление областей Арцах и Утика, входивших до 387 г. в состав Большой Армении.

На албанском, т. е. удинском (утийском), языке продолжало говорить население равнинной части области Утик (ныне равнинный Карабах) и в эпоху арабского владычества. Арабские историки и географы называют этот язык «арранским»,¹ а область Утик — Арраном, т. е. Албанией в узком смысле слова.

После VII в. албанское письмо, как видно, выходит из обихода, что в значительной степени связано с тем, что в Закавказье в борьбе между монофизитами (последователями армянской церкви) и диафи-зитами-халкедонитами (последователями грузинской церкви) первые употребляли древнеармянский, вторые — древнегрузинский язык, они и стали канонизированными языками этих церквей. Албанская церковь с этого времени стала рассматриваться как часть армянской церкви, и языком богослужения ее становится древнеармянский.² В связи с этим упоминания об албанской письменности постепенно вообще исчезают.

Лишь во второй половине XIX в., в 1886 г., появилась статья Н. Карамянца, в которой он сообщает, что видел в Мюнхене армянскую рукопись 1535 г.³ Рукопись эта является «Романом Александра» с миниатюрами, переписанным в 1535 г. диаконом Иоасафом в монастыре св. Григория Просветителя в Сивасе (Себастья). На последней странице рядом с другими записями имеются две строчки, написанные незнакомым письмом, а на полях около первой из этих строк сделана пометка по-армянски: «албанское письмо». Эти две строки, по мнению Н. Карамянца, повторяли албанскими буквами армянскую запись, начинавшуюся со слов «помяните грешного Поасафа диакона». Установив наличие в этих строках двадцати одного знака, Н. Карамянец тем не менее оставил открытым вопрос, действительно ли тут имеются именно албанские буквы.

Несмотря на ряд попыток установить следы албанского алфавита, вплоть до 30-х годов нашего века приходилось считать албанское письмо безвозвратно утерянным. Большим событием поэтому явилось сообщение о находке албанского алфавита в составе армянской рукописи XV в. Изучая рукописи Матенадарана в Ереване, Илья Абуладзе в 1937 г. сделал это открытие при рассмотрении рукописи по каталогу Эчмиадзинской библиотеки № 7117 — учебной книги по армянскому языку, составленной по заказу священника Мкртыча,

¹ Истахри, ук. соч., стр. 29. — Об этом см. и у Захарии Ритора (В. Н. Пигулевская, Сирийский историк VI в. о народах Кавказа. ВДИ, 1939, № 1, стр. 109).

² Излагаю здесь точку зрения С. Т. Еремина, которому я весьма признательна как за это, так и за ряд вышеприведенных указаний. ³ N. Karamianz. Einundzwanzig Buchstaben eines verlorenen Alphabets. ZDMG, Bd. XL, 1886, SS. 317-319

исправленной Фомой Мецопским и переписанной диаконом Иоанном Арчешским в XV в. (Фома Мецопский умер в 1446 г.). Эту рукопись, состоящую из 346 листов, тщательно изучил А. Шанидзе, главным образом собрание алфавитов на листах 141—142, и издал результаты своего исследования в 1938 г.¹

Рукопись является учебником по грамматно-лексическому составу армянского языка, и в ней имеется сравнительная таблица алфавитов армянского, греческого, сирийского, латинского, коптского, арабского, и рядом с соответствующими буквами других алфавитов помещен алфавит албанского языка (как сказано в относящемся к нему заголовке), причем около каждого знака дано армянским письмом албанское название буквы.

Вопрос об албанском алфавите интересовал и известного армянского языковеда Р. Ачаряна,² высказавшего некоторые свои соображения в связи с находкой албанского алфавита и статьей А. Г. Шанидзе.

В 1956 г. к этой теме вернулся собиратель армянских рукописей Х. Курдиан (Канзас, США), в коллекцию которого в 1953 г. поступила рукопись XVI в.³ в ней среди других текстов имеются также таблицы алфавитов, а среди них и албанский алфавит, т. е. второй экземпляр того текста, который хранится в Матенадаране (№ 7117). Список в собрании Х. Курдиана был, судя по записи, переписан в 1580 г. в монастыре Баридзор в Хизане и может восходить, по мнению издателя, как и экземпляр Матенадарана, к не дошедшему до нас более раннему оригиналу.

Албанский алфавит в рукописях Матенадарана и Курдиана отличается большим количеством буквенных знаков, их имеется 52, Я особенно богат свистящими и шипящими звуками. Шанидзе обратил внимание на необычный порядок букв алфавита, на его уставное написание и на то, что, сходные по очертаниям с армянскими, грузинскими, греческими и латинскими буквами, они по произношению с ними не совпадают. Это приводило исследователя к заключению о самостоятельном албанском алфавите и о его подлинности (в последнем убеждало и большое количество буквенных знаков).⁴

¹ А. Ш а н и д з е, ук. соч.

² Р. А ч а р я н. Албанский алфавит (На арм. яз.). Изв. Арм. ФАН СССР, 1941, № 3—4, стр. 3 и сл.

³ Н. К и г д и а н. The newly discovered alphabet of the Caucasian Albanians. JRAS, 1956, parts 1—2. London, p. 81 ss.

⁴ А. Ш а н и д з е, ук. соч., стр. 38—40. — Продолжая работать над вопросом об албанском алфавите, А. Г. Шанидзе выяснил, что первой буквой албанского алфавита является А (альфа), а последней Х (ки, позднее хи), как в армянском алфавите, и что к последнему албанский алфавит стоит ближе, чем к грузинскому. Им высказано также предположение, что по примеру числовых значений букв алфавитов других народов и в албанском первые десять букв алфавита обозначали единицы, вторые девять — десятки, третьи — сотни

А. Шанидзе в своей работе вернулся к вопросу, еще в 1844 г. поставленному Ф. Коргановым в его письме в Академию наук, где высказывалось предположение об отождествлении удинов с албанами.¹ Это предположение подтверждалось и местной устной традицией, согласно которой потомками албанов являются удины — маленькая народность, сохранившаяся только в двух селениях на территории Азербайджана, — в селениях Нидж и Варташен в бывш. Нухинском уезде. Удины, потомки древнего племени «ути»,² говорят на особом, удинском языке и отличаются некоторыми особенностями быта от соседнего армянского населения. А. Шанидзе удалось установить фонетическую близость к древнему албанскому языку современного удинского языка, в котором сохранились но две разновидности всех шипящих звуков и который богат именно гортанными звуками, о чем сообщал, говоря об албанском языке. Моисей Хоренский.

Находка албанского алфавита пока сравнительно мало дала для воссоздания облика албанского языка, так как его морфология, синтаксис и лексика продолжают оставаться неизвестными. Правда, отдельные слова (имена, топонимические названия, названия месяцев), как уже говорилось, сохранились в письменных источниках (армянских, арабских и др.). Но наука не располагает ни одним связным текстом и до последнего времени не располагала эпиграфическими памятниками, тем более, что особенно важно, в ее распоряжении не было и нет надписей двуязычных, которые помогли бы пролить некоторый свет на лексику, строй албанского языка. А на находку такой надписи можно было бы рассчитывать, исходя из сохранившегося у Моисея Каланкатуйского указания о двуязычной надписи, правда, армянской и сирийской, на золотой доске серебряного ящика, якобы найденного во время раскапывания в V—VI вв. остатков часовни на берегу Тертера, в области Ростак.³ А. Шанидзе в 1938 г. писал, что необходимо в поисках эпиграфического материала обследовать развалины культовых зданий в Азербайджане и действительно, раскопки храма VI в, в Мингечауре начали давать эпиграфические памятники, о которых речь будет дальше.

и т. д. (А. Г. Ш а н и д з е. Порядок букв грузинскою, армянского и албанского алфавитов. МИ Азерб., т. II, Баку, 1957, стр. 42—43). Л. И. Меликсет-Бек высказывает в настоящее время сомнение в действительной принадлежности албанам того алфавита, который имеется в армянской рукописи Матенадарана (№ 7117) и издан А. Г. Шанидзе (ср.: Л. М. М о л и к с е т - Б е к. К вопросу о генезисе армянского, грузинского и албанского алфавитов. МИ Азерб., т. II, Баку, 1957, стр. 61—62).

¹ К о р г а н о в. Письмо в Академию наук. Bulletin de la classe des sciences historiques, philologiques et politique» de l'Academie Imp. des sciences de St.-Petersbourg, t. I, №. 4, 1844, col. 59-64 (ср.: А. Ш а н и д з е, ук. соч., стр. 37, пр. 2).

² D. D i r i n g e r. The Alphabet. New York. 1948, p. 327. ³ Моисей К а л а н к а т у й с к и й, кн. II гл, 29

Как в Армении и в Иберии, так и в Албании в V в. существовали школы, в которых обучались дети. Моисей Каланкатуйский сообщает об одной школе специального назначения: «Царь Вачаган приказал собрать детей волхвов, чародеев, жрецов, персторезов и знахарей, отдать их в училище, учить их божественной науке. . . Когда он сам приходил в села. . . то заходил часто в школы, вокруг себя собирал детей жрецов и волхвов, кругом его собиралась большая толпа, у некоторых в руках были книги, у других доски, он приказывал всем читать громко, и сам радовался более, чем если бы нашел великие сокровища».¹ Речь идет о школе, в которой воспитывались и перевоспитывались в духе христианства дети, родители которых являлись приверженцами древних местных языческих культов, еретических учений (персторезы) и знахарей. Упоминание этой особой школы, основанной в конце V в. (после изобретения албанского алфавита), дает основание полагать, что в это время уже существовали обычные школы, в которых детей обучали чтению и письму.

У албанского историка имеется еще одно указание на наличие школ, а именно попутное упоминание школы в области Арцах, в которой один инок «учил за жалованье».² Кто платил ему жалование, неизвестно; может быть, это делала община, пли же имело место «кормление» учителя за счет родителей обучавшихся в школе детей.

Оба беглых, попутных упоминания о школе албанским историком утверждают нас в предположении, что в конце V в. школы были уже явлением рядовым, причем речь в обоих случаях идет не о городских школах, а о школах сельских.

При Джываншере высокого уровня достигла не только материальная, но и духовная культура. При нем и, вероятно, по его поручению Моисей Каланкатуйский составил «Историю Албании» (первая и вторая книга), в которой использовал труды армянских историков (Фавст Бузанд, Моисей Корейский, Елише и др.) и различные архивные материалы, доступ к которым был ему, по-видимому, широко открыт. В его труде приводятся послания царей (письма Вачагана к епископам, письмо Джываншера к византийскому императору Константину, письмо Константина к Джываншеру, письмо властителя хонов к правителям Армении, ответное письмо армян хонам), а также письма епископов (письмо епископа Гюта к царю Ваче, письмо Авраама Мамиконяна к царю Вачагану, письмо армянского католикоса к католикосу албанскому, письмо участников собора к Джываншеру и его ответ).³

Высокий уровень албанской культуры в это время объясняется не только экономическим подъемом, но и тем, что Албания в VII в.

¹ Там же. кн. I, гл. 18.

² Там же, гл. 22.

³ О Моисее Каланкатуйском подробнее см. выше, стр. 11—16.

находилась в оживленных культурных сношениях с соседними странами, главным образом с Арменией, особенно с армянской областью Сюник (Джываншер был женат на дочери сюнийского князя, княжне Хосровануйш).

В Сюнике в это время, как сообщает Стефан Сюнийский, процветала и славилась школа, во главе которой стоял поэт и философ Матусала (Мафусаил). Преподаватели этой школы назначались главами армянских школ и вардапетов, и то же самое, вероятно, имело место и в отношении школ Албании. Любопытно, что тот же Стефан Сюнийский сохранил сведения о существовании арцахского (т. е. карабахского) диалекта армянского языка.

При дворе Джываншера, вероятно, пребывали как представители этой сюнийской школы, так и архитекторы, воздвигавшие дворцы и храмы, о которых упоминает Моисей Калапкатуйский. Находился при дворе Джываншера и придворный поэт Давтак (армянская ласкательная форма имени Давид), воспевавший деяния своего властителя; до нас дошло только одно из его произведений, а именно элегия на смерть Джываншера, которую Моисей Калапкатуйский приводит в одной из своих глав.² В этой элегии воспеваются деяния Джываншера, и оплакивается гибель его и призываются страшные кары на головы его убийц. Поэма написана акростихом: начальные буквы строк составляют армянский алфавит. Моисей Калапкатуйский говорит об этом ученом и поэте, который «давно находился при дворе царском», что он являлся «известным ритором, сведущим в науках. . . искусным в деле изобретений, начитанным в книгах, щедрым на украшения в слоге и, выражаясь красноречиво, владевшим речью, подобно. . . перу».³ В одной из первых строф Давтак восклицает: «Рушилась мощная, живая скала! Рухнула крепкая стена! Пала словесная твердыня! Разрушена ограда строения!». А в заключительной строфе говорится: «Он был нам светильником истинного мира, был кормчим—укротителем бурных волн, — храбрый Джываншер, рассеивавший сонмы врагов!».

Эта элегия, древнейший памятник армянской светской поэзии, заслуживает специального изучения и издания, тем более, что текст ее в различных рукописях различается количеством строф и, по-видимому, редакцией содержания.⁴ Об уровне культуры дает представление и имеющийся в «Истории Албании», в третьей ее части, рассказ о «разрушении города Илиона и о построении Рима». По словам автора, он был почерпнут из книг, привезенных из Греции Стефаном,

¹ Стефан Сюнийский. М. 1861, стр. 82. (На арм. яз.)²
Моисей Каланкатуйский, кн. II, гл. 34—35.³ Там же, гл.
34.⁴ М. Абебян, ук. соч., стр. 311.

епископом Сюнийским¹ (1-я половина VIII в.). Не исключена возможность, что «Илиада» и римские эпические сказания могли быть известны албанам и в предшествующие века, поскольку установлено знакомство их с сочинениями армянских историков, в которых пересказываются эти предания.²

Албаны своего летоисчисления, вероятно, не имели, судя по тем датировкам, которые даются в тексте Моисея Каланкатуйского. Как у армянских историков, у него также в первых двух книгах время определяется или годом воцарения или царствования, или годом смерти того или иного сасанидского царя или византийского императора;³ иногда указывается определенный год по армянской эре⁴ или то или иное событие по христианскому календарю;⁵ иногда добавляется название месяца (армянского).⁶ В III книге Моисея Каланкатуйского, написанной в X в., появляются ссылки на годы хиджры и на годы армянской эры одновременно.⁷

По вопросу о календаре Э. Агаяном сделана попытка выяснить наименования албанских месяцев, проанализировав своеобразные названия в двух рукописях Анании Ширакаци (VII в.).⁸ Шесть из них Э. Агаян считает албанскими, сопоставляя их с лексикой современного удинского языка: тулэн (туэн) — виноградный намоц (или камоц) — сырой, цилэ (или шили) — семенной, бокавон — палящий, ехня (или ехна) — жатвенный и хабния (или хибна) — третий.

Памятники искусства

Еще не наступило время для того, чтобы написать очерк развития албанского искусства; недостаточно еще выявлены соответственные памятники, не говоря уже о том, что единой линии развития в данном случае быть не может, принимая во внимание этническую и экономическую пестроту состава албанского народа,

¹ Моисей Каланкатуйский. кн. III, гл. 17 и 18.

² Моисей Хоренский, кн. I, гл. 32.

³ «за 20 лет до воцарения Иездегерда II» (кн. II, гл. 1); «на 35-й год царя царей Хосрова II сына Ормизда» (кн. II, гл. 9); «через четыре года после смерти Хосрова» (кн. II, гл. 18); «когда императором греков был Феодосии Младший» (кн. II, гл. 3).

⁴ «с того времени до армянского летоисчисления прошло 120 лет» (кн. II, гл. 1).

⁵ «в первый год 18-го високоса [т. е. 79] после явления господина нашего Иисуса Христа» (кн. II, гл. 9).

⁶ «мехекан» (кн. II, гл. 9); «марери» (кн. I, гл. 26); «гори» (кн. II, гл. 1); «гротнц» (кн. III, гл. 8).

⁷ «в 85-й год таджиков [арабов] и 148-й год армянского летоисчисления, в месяце гротнц» (кн. III, гл. 8).

⁸ У. А г а я н. Албанские названия месяцев. ПАН Арм. ССР, 1946, № 5.

осложняющую задачу исследователя. Тем не менее в данной главе делается попытка охарактеризовать художественные вкусы албанской знати IV—VII вв., остановившись на нескольких памятниках торевтики из большого числа известных нам сосудов из бронзы — водолеев, курильниц, кувшинов, блюд, а также на одной уникальной статуэтке всадника.

Эту группу бронзовых предметов, до более углубленного их изучения и сопоставления с предметами несомненно местного производства из Мингечаура, мы одно время относили к сасанидскому кругу, к той группе памятников, которые являются вкладом народов Закавказья в сокровищницу сасанидского искусства.¹

После того как изучение этих предметов было углублено, когда удалось сопоставить некоторые своеобразные формы этих сосудов с керамическими находками из Мингечаура (на территории Ирана памятники бронзовой торевтики этого типа пока неизвестны), когда выявились специфические особенности, характеризующие группу предметов, обнаруженных в аулах горного Дагестана, явилась возможность усмотреть в них художественные изделия албанских торевтов IV—VIII вв.

Наиболее раннюю группу составляют бронзовые предметы, относящиеся к IV—V вв. они отличаются большим техническим совершенством и гармоничным претворением как в сюжетах, так и в стиле местных и западных (римских и византийских) художественных приемов, претворением, дающим новое качество, которое отличает эти албанские предметы искусства как от иранских, так и от армянских и иберских памятников.

Одним из ярких представителей этой группы предметов является чеканное бронзовое блюдо, происходящее из южного Дагестана и хранящееся в Эрмитаже {табл. 26}.²

В центральном медальоне изображен всадник, скачущий в сопровождении собаки, занеся дротик, который он собирается метнуть. Медальон окружен рядом концентрических кругов; в наиболее широком из них — четыре круглых медальона чередуются с четырьмя амфорами, из которых поднимаются ветки: в завитках помещены парные изображения птиц и животных (зайцы и козероги). В медальонах показаны сцены единоборства человека со зверем (быть может, цирковые сцены). По внешнему краю идет аркада с тонкими колоннами, имеющими капитель и ступенчатую базу. Под арками геральдические группы птиц и животных чередуются с человеческими фигурами — танцорами, музыкантами, охотниками. Античный облик всадника в некоторой мере повторяет

¹ И. Л. Орбели, К. В. Тревер, ук. соч., стр. XIV—XV. ² Там же, табл. 64.

известные изображения аналогичных римских и византийских сюжетов.¹ Фигуры борющихся со зверем (в медальонах) или обнажены или одеты в римскую одежду, тогда как танцоры под арками одеты в восточные шаровары и рубахи. Группы геральдически сопоставленных зверей и птиц под арками носят ярко выраженный восточный характер. Что касается растительного орнамента, то он близок к античному, но отличается рядом деталей, характерных для искусства восточных народов (тяжелые плоды граната и др.).

Это большое бронзовое блюдо, диаметром 56 см, было изготовлено в период оживленных политических и культурных сношении Албании с Византией, в период, когда и заказчик, и художник, и мастер были знакомы с памятниками искусства западного мира, что могло иметь место в IV—V вв.²

Из мастерской, обслуживавшей феодала,³ происходит также замечательный бронзовый кувшин высотой 39,2 см,³ своеобразной формы, близкой и известной мере к форме сасанидских кувшинов,¹ но отличается от них расширяющимся книзу туловом, более массивной ручкой и носиком венчика.³ О ножке кувшина судить нельзя, так как она отломана. Сосуд этот происходит тоже из аулов горного Дагестана и поступил к Эрмитаж из собрания А. А. Бобринского (табл. 31). На кувшине изображены птицы по сторонам дерева — один из самых древних и любимых мотивов в искусстве народов Передней Азии и Закавказья. Обращает на себя внимание дерево: прямой орнаментированный ствол, который внизу упирается в ступенчатую подставку или пьедестал, напоминая собою форму зороастрийского жертвенника, а сверху переходит в пальмовидную крону, имеющую вид большой пятилепестковой пальметки; между верхними листьями поднимаются два плода (?). ниже кроны — две тяжелые изогнутые ветви опускаются до земли, а под ними на коротких стеблях свисает по крупному круглому плоду (табл. 30; рис. 38,2). Птицы-павлины своим ожерельем с развевающимися лентами охарактеризованы как птицы из царского парка или как «священные» птицы.

Кувшин этот выполнен в технике литья по восковой модели: применена инкрустация красной меди в желтую бронзу. Рисунок дерева и птиц отличается условностью в передаче форм и некоторой схематичностью в передаче деталей, но производит тем не менее

¹ Carlo C e s s e l l i. Un disco votivo argenteo del Museo Profano in Vaticano. Dcdalo, 1927, fasc. III

² См. выше. стр. 272 и ел.

³ П. А. О р б е ч и и К. В. Т р е в е р, ук. соч., таил. 72.

⁴ Там же, табл. 48 и 61.

⁵ Кувшины этой своеобразной формы принято называть «сасанидскими», хотя идентичные глиняные сосуды местного производства находят во время археологических раскопок в Средней Азии (например, на городище Кафыркала) и датируют их V—VII вв.

большое впечатление особой выразительностью и монументальностью изображаемых представителей растительного и животного мира.

От вышеописанного блюда с всадником (IV—V вв.) кувшин отличается своей техникой (присутствие инкрустации), и сюжетом (отсутствие античных и наличие сасанидских мотивов), а формой, характерной для V—VII вв., что дает основание относить его к более позднему времени, к VI—VII вв.

Ближайшей аналогией этому сюжету является изображение на каменной капители, обнаруженной в 1948 г. на территории христианского храма VI—VII вв. в Судагылане, у Мингечаура (табл. 28).¹ На одной из сторон этой четырехугольной в плане капители высечены два павлина встречно по сторонам стилизованного дерева: утолщенный внизу ствол заканчивается вверху трехлепестковой пальметкой, напоминающей по своим очертаниям цветок. Павлины здесь тоже украшены «царственными лентами» и приводят на память сходную композицию (два павлина с лентами по сторонам алтарика) на серебряной удлиненной чаше Государственного исторического музея в Москве, обнаруженной в 1947 г. у дер. Бартым Пермской области.² По карнизу капители тянется, огибая ее со всех четырех сторон, албанская надпись.³

Выше отмечалось, что вопрос о назначении этого камня (капитель или подставка для алтарного креста) продолжает оставаться спорным, хотя более вероятным представляется первое объяснение, принимая во внимание пропорции камня,⁴ а также сюжет, встречаемый обычно на каптелях; из числа закавказских можно было бы назвать капитель в баптистерии храма в Болнисском Сионе (конец V в.), где изображены два павлина по сторонам креста,⁵ и деревянная резная капитель (VII—VIII вв.) из храма на острове Севан, где по сторонам «священного» дерева, имеющего вид пальметки, встречно изображены две птицы с пышными хвостами.⁶

При сравнении рельефов на кувшине и на капители обращает на себя внимание их плоскостная трактовка, хотя в стилистическом

¹ С. М. К а зиев. Новые археологические находки в Мингечауре. ДАН Азерб. ССР, 1948, № 9. стр. 400, рис. 5—8.

² О. Н. Б а д е р. Бартымская чаша. КСИИМК, вып. XXIX, 1949, стр. 84 и сл., рис. 19. — О. Н. Бадер (ук. соч., стр. 89) относит эту чашу к сасанидскому кругу памятников, тогда как И. А. Орбели и Л. А. Мацулевич высказывались за закавказское ее происхождение.

³ См. стр. 335 и сл.

⁴ Высота 55 см, стороны 80X80 см. ⁵ Г. Н. Ч у б и н а ш в и л и. О художественной среде и хронологических рамках Мингечаурского рельефа. МП Азерб., т. II, стр. 213, рис. 1.

⁶ Б. А р а к е л я н. Сюжетные рельефы Армении IV—VII вв. Ереван, 1949, рис. 81—82: Т. А. И з м а й л о в а. Севанские капители. ТОВЭ, т. III, Л, 1940, табл. 1.

отношении между ними имеются отличия, что объясняется, видимо, разными художественными мастерскими, из которых эти предметы вышли. Последнее не мешает отнести рельеф на капители тоже к VI—VII вв., тем более, что базилика, в которой он найден, датируется, насколько мне известно, этим же временем.¹

К тому же времени, как кувшин и капитель, должен быть отнесен еще один памятник с аналогичным сюжетом, найденный в 1901 г. в древнем храме Тхоба-Ерды (горная Ингушетия), — фрагмент плиты из обожженной глины (кирпич типа черепицы), на которой изображены две серны по сторонам дерева (табл. 29). Крона дерева имеет вид пятилепестковой пальметки; с нее тоже свисают тяжелые плоды, но удлинненной формы.² По рисунку дерево (рис. 38,3) похоже на дерево на бронзовом кувшине (на кирпиче отсутствует только пьедестал под деревом). Фигуры серн выполнены суммарно, причем передние ноги и головы животных переданы особенно примитивно. Под фигурами серн имеются шесть букв грузинского эпиграфического алфавита (асомтаврული), помещенные в обратном направлении (на форме, следовательно, слово было вырезано правильно).³ Этот же сюжет — два козла по сторонам дерева, вырастающего из ступенчатого пьедестала, изображены на южной стене Ахтамарского храма, у западного его угла.⁴ И здесь ветви изображены свисающими, образуя как бы пальметку, по форме близкую к изображению на кувшине с птицами по сторонам дерева. Ахтамарский рельеф, точно датированный первой половиной X в., позволяет говорить о широко распространенных в Закавказье и долго сохранявшихся даже в заведомо христианской среде древних представлениях, связанных с культом священного дерева.

То обстоятельство, что трактовка фигур животных и птиц на капители и на кирпиче довольно близка по характеру к обобщенной передаче форм на бронзовых водолеях⁵ (табл. 20—21), позволяет относить всю эту группу к одному времени — к VI—VII вв.

Возвращаясь к отдельным деталям сюжета на кувшине — к дереву с его своеобразной формой, следует отметить, что, кроме перечисленных двух памятников, оно имеется еще на маленькой сердо-

¹ Г. Н. Чубинашвили датирует мингечаурский рельеф временем не ранее VIII—IX вв., полемизируя с Р. М. Ваидовым, который датирует его якобы V—VI вв. (Г. Н. Ч у б и н а ш в и л и, ук. соч., стр. 221 и прим. 1.).

² Эта плита в 20-х годах находилась в музее г. Владикавказа (ныне г. Орджоникидзе), судя по письму Ингушского института краеведения на имя И. А. Орбели от 25 февраля 1927 г. Размеры плиты выяснить не удалось.

³ См. стр. 336 и сл.

⁴ W. B a c h m a n n. Kirchen und Moscheen in Armenien und Kurdistan. 25. wissenschaftliche Veröffentlichung der Deutschen Orient-Gesellschaft. Leipzig, 1913, Taf. 35.

⁵ См. стр. 324 и сл.

доковой печати, найденной в 1939 г. в погребении около сел. Хинисли в Шемахнском районе: на крошечном камне вырезано изображение дерева (рис. 38, 1) тоже на пьедестале и с аналогичной кроной в виде пальметочки со свисающими ветвями.¹ Три дерева (рис. 38), разных размеров и на разном материале изображенные, дают основание полагать, что все они восходят, очевидно, к какому-то хорошо известному в Албании прототипу, к памятнику, на котором имелось изображение «священного» дерева, или что существовало какое-то определенное и общепринятое его изображение. В. Н. Левиатов по поводу дерева на кувшине высказывал предположение, что изображен гранат, так как «среди деревьев Азербайджана, приносящих круглые, крупные плоды и имеющих ответвления и плоды близ самой земли, имеется, пожалуй, только одно, которое соответствует подобным признакам,— это гранат. Известно, что гранат культивировался в Азербайджане с древнейших времен; его остатки обнаружены среди материалов, относящихся к эпохе развитой бронзы». К этим словам В. Н. Левиатова можно добавить, что остатки граната имеются, как известно, и среди растительных остатков, найденных в Мингечауре. Гранат — символ плодородия у всех народов Востока — вследствие яркой аlosti своего цветка и своего освежающего сока, обилия зернышек в плоде мог и в Албании почитаться как жизнедающее, «священное» дерево.

Возвращаясь к изображению птиц на кувшине, грузных павлинов на коротких ногах, интересно сопоставить их с аналогичным изображением павлинов на карасах XII в. из Старой Ганджи (рис. 39):³ рельефы на карасах выполнены штампом спустя пять веков после изготовления кувшина, по общности в рисунке тем не менее нельзя не усмотреть. Ф. Сарре в свое время отмечал уже близость в рисунке ног павлинов на этом кувшине и ног водолея в виде утки (табл. 21), сопоставляя их в хронологическом отношении и тоже относя и тот и другой памятник к «позднесасанидскому времени».⁴

Следует упомянуть, что на карасах Ганджи также фигурируют птицы по сторонам дерева, изображенные схематически (с помощью штампа), что говорит о крепкой древней традиции и живучести этого древнего сюжета, восходящего, как указывалось, к древним мифическим представлениям.

¹ Е. А. Л а х о м о в. Доисламские печати и резные камни Музея истории Азербайджана. МКА, I, 1949, стр. 106, рис. 4,56. — Следует указать, что на сасанидских резных камнях, насколько мне известно, эта форма дерева не зафиксирована.

² В. Н. Л е в и а т о в. Украшения на карасах из Старой Ганджи. ИАН Азери. ССР, 1945, 8, стр. 57. См.: Я. К. Г у м м е л ь. Археологические очерки. Баку, 1940, стр. 126.

³ Н. Л е в и а т о в, ук. соч., стр. 56, рис. 16 на стр. 62.

⁴ F. S a g g e. Die Run s des alten Persien. Berlin, 1923, S. 73, Taf. 135

С какими же религиозными представлениями народов Закавказья, в частности албанов, мог быть связан этот древний передне-азиатский сюжет?

Рис. 38. Три типа изображения «священного дерева».

Дерево, птицы и козлы символизируют несомненно земное плодородие, его животный и растительный мир, связанный с представ-

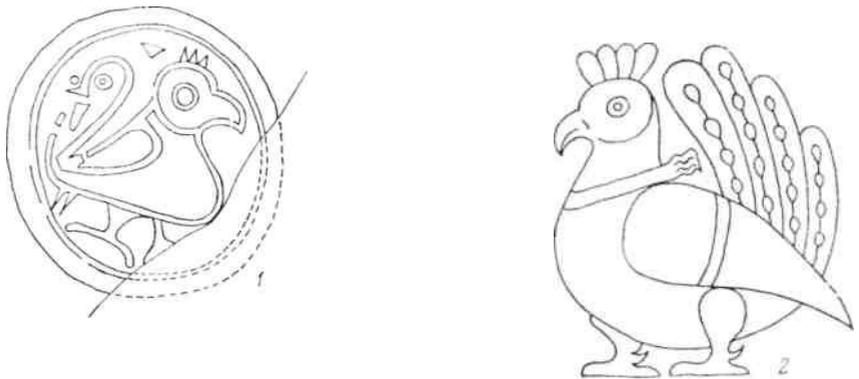

Рис. 39. Глиняный обломок из Ганджи и деталь бронзового кувшина (Дагестан).

лениями о воде и орошении, т. е. являются, как мне кажется, символом подательницы этих благ — перднеазиатской Лнахиты, среднеазиатской Ардвисуры — той богини албанского пантеона, имени

которой мы не знаем, но которую Страбон называет греческим именем лунного божества, связанного с водным началом,— Селеной.¹

Хотя сюжет этот изображен на памятниках VI—VII вв., после того как народами Закавказья было принято христианство, тем не менее древние культовые образы продолжали жить, правда, по-новому иногда осмыслились.² На приведенных албанских памятниках сохраняется древний образ «священного» дерева, сакральность которого наиболее ярко подчеркнута ступенчатым пьедесталом на бронзовом кувшине. Что же касается павлинов, то в христианской символике они олицетворяют жизнь (в языческой — смерть), чем видимо, и объясняется появление их на памятниках христианского времени, тогда как в дохристианской среде, в частности в зороастрийской, Анахите—Ардависуре посвящены голуби и куропатки.

Большой интерес представляет группа водолеев и курильниц, так как сосуды одного и того же характерного типа известны как по материалам раскопок в Мингечауре (глина), так и по вышеупомянутым, происходящим из горного Дагестана бронзовым предметам.

Наиболее ранним памятником этой своеобразной группы является глиняный водолей в виде безоарового козла, обнаруженный в 1946 г. в Мингечауре, в кувшинном погребении III—II вв. до н. э. на правом берегу Куры (табл. 1, 2; рис. 40, 1). В этот кувшин вода вливалась в горлышко на спине и выливалась через отверстие во рту животного. Ноги либо отбиты, либо показаны в виде подставочек. Если восстановить ноги, высота которых составляла бы одну треть всей фигуры (с рогами), то высота водолея равнялась бы 25—26 см; он вылеплен из черной глины, прекрасно выточен. Тулово не соответствует реальным пропорциям козла: оно утолщено для большей емкости сосуда.

Козел вообще является одним из наиболее излюбленных мотивов в изображениях как на памятниках ранних (сосуды из погреб

¹ Интересно отметить, что в более ранний период и в другой этнической среде (в Средней Азии) СИМВОЛОМ лунного божества, связанного с водным началом является бык (К. В. Тревер. Гопатшах — пастух-царь. ТОВЭ, т. II, 1940)

² На рельефе в Болнисе (конец V в.) между павлинами изображен христианский крест (см.: Г. Н. Ч у б и н а ш в и л и, ук. соч., стр. 213, рис. 1). На двух плитах в христианской базилике V—VI вв. в Оссеново (окр. Варна) в Болгарии изображены павлины перед кубком евхаристии (H. M i chaelis Pharmakon Abb 1-3)

бений элохи бронзы в Ходжали, Кедабеке и Ханларе),¹ так и на памятниках средневековых (рельеф из Тхоба-Ерды. храм в Ахта-маре, караем Старой Ганджи). В этой связи интересно замечание В. И. Левпатова по поводу изображений козлов и коз, которые являлись одними из первых животных, прирученных местным насе-

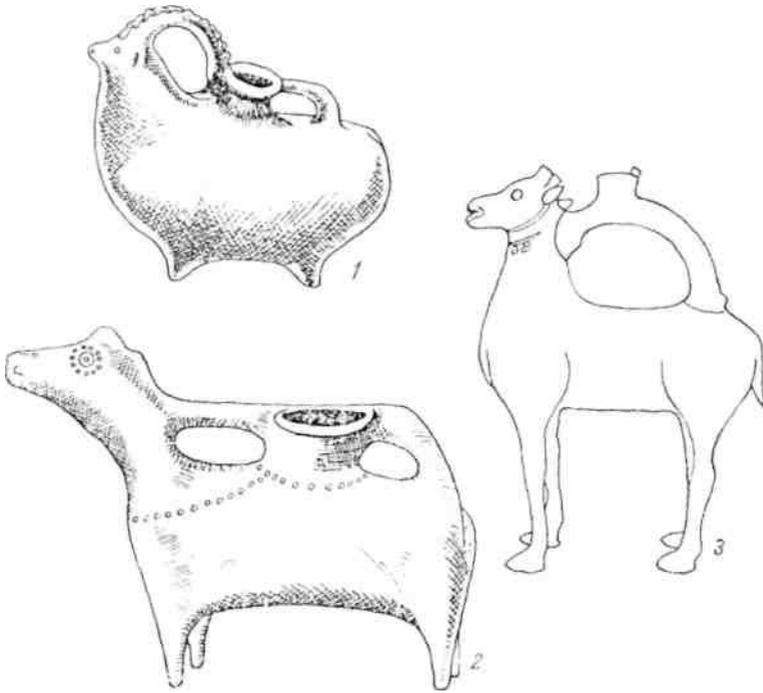

Рис. 40. Два глиняных и один бронзовый водолей.

лением. В силу этих причин козы стали как бы символами обеспеченности нищей, изобилия, богатства», и эти представления сохранялись очень долгое время, вплоть до XII в.²

Еще один сходный водолей был случайно найден в 1949 г. на том же правобережье Куры (табл. 18, 7; рис. 40, 2).³ Сосуд этот тоже вылеплен

¹ Л. И. Гулмель, ук. соч., рис. 11, 19, 30, 31 и др.

² В. И. Левиатов, ук. соч., стр. 54-55.

³ Т. П. Голубкина, ук. соч., стр. 124, рис. 24.

Албания в IV—VII вв.

от руки из красной глины. Длина его 31 см, высота 23 см. Рога отломаны; они были вылеплены отдельно и надеты на штифты, сидевшие в отверстиях. Вода выливалась через рот. Если удлинить ноги до нормальных размеров, то высота фигуры достигала бы 25.5 см. В обоих случаях перед нами предмет практического назначения, а не игрушка. Вторая фигура, выполненная по сравнению с первой более упрощенно и схематически, должна датироваться первыми веками нашей эры. Оба пололося представляют большой интерес, принимая во внимание, что глиняных водолеев этого же времени мы не знаем ни на территории соседних с Албанией стран, ни на территории Ирана. Известен водолей в виде козла из бронзы высотой 34.5 см, обнаруженный в горном Дагестане и находящийся в Эрмитаже (табл. 20).¹ И в данном случае вода вливалась в горлышко на ручке и выливалась через отверстие во рту козла. Интересной деталью этого предмета является инкрустация глаз и подвесок ожерелья из светлой пасты. Этот сосуд, если рассматривать его в общем ряду с другими бронзовыми сосудами из Дагестана, может быть датирован VI — VII вв.,² судя по техническим приемам (инкрустация) и особой, суммарной передаче форм животного, близкой к изображению козлов на плите из Тхоба-Ерды. От глиняных водолеев Мингечаура бронзового козла отделяют 6—9 веков, и тем не менее в общей форме между этими своеобразными сосудами можно усмотреть некую генетическую связь (рис. 40), учитывая к тому же, что бронзовый водолей найден на территории исторической Албании.³

С территории горного Дагестана происходит другой водолей, высотой 45 см, в виде гуся (табл. 21), поступивший в 1922 г. в Эрмитаж⁴ из собрания А. А. Бобринского, который приобрел его в ауле Гуниб (собрание Чилиевой). Ручка этого водолея с горлышком для вливания утрачена, но места ее прикрепления видны (рис. 41.3). Этот водолей также был инкрустирован светлой пастой (глаза), и, судя по сходной обобщенной трактовке форм, по отсутствию нога деталей, он тоже датируется, как и козел, VI—VII вв.

Другой сосуд, в виде утки (табл. 19),⁵ служил курильницей (высота 33.3 см), судя по съемным крыльям и хвосту, чем и объяс-

¹ П. А. Орбели, К. В. Тревер, *ук. соч.* табл. 79 (из собр.: А. Д. Бобринского).

² E. Kuhnel. *Ausstellung von Meisterwerken muhammedanischer Kunst Munchen, 1912..* Bd. II (введение к разделу «Металл»). — М. М. Дьяконов (Бронзовая пластика первых веков хиджры ТОВЭ), т. IV, 1947, стр. 176) датировал этот сосуд VII—VIII

³ Размеры бронзового и глиняных козлов совпадали бы, если им длинные ноги козла могли быть выполнены в глине.

⁴ И. А. Орбели и К. В. Тревер. *ук. соч.*, табл. 80.

⁵ Там же, табл. 81.

няется отсутствие надобности и ручке; дым выходил из отверстия в спине и и груди. Эта фигура птицы отличается от гуся тщательной трактовкой деталей перьев (крылья), пластической передачей хохолка на голове и крупных перьев хвоста. На спине птицы крышка и форме седла, тоже украшенная розным орнаментом. С передачей этих и других деталей, как клюв и ободок вокруг горла, контрастирует гладкая поверхность груди и схематически изображенные

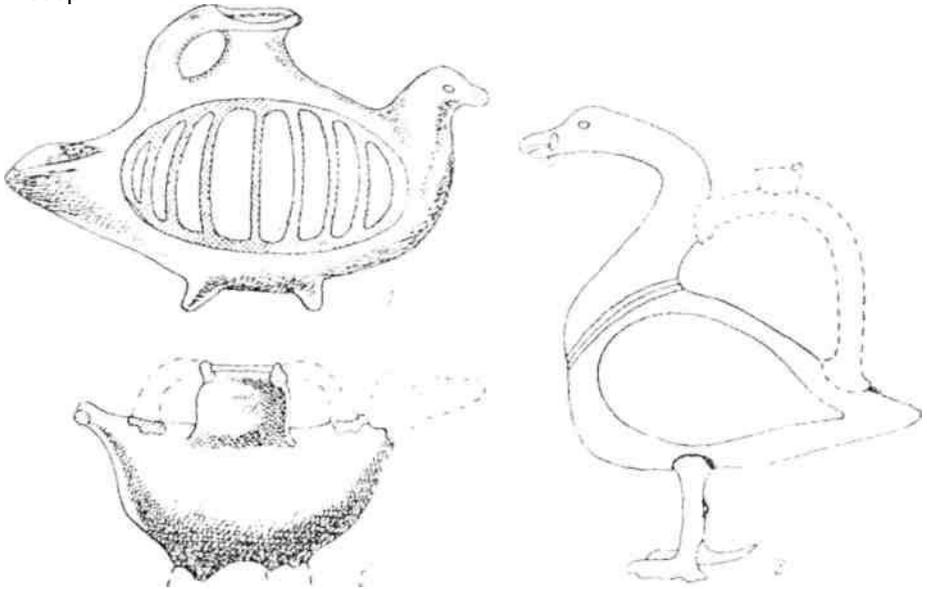

Рис. 41. Два глиняных и один бронзовый водолей.

тяжелые ноги, нижняя часть которых отсутствует. Эту курильницу изготовляла другая рука, не та, которая лепила форму для козла и гуся, и, вероятно, раньше и V—VI вв.

Водолей в виде гуся находится, как в случае с козлом, в каком-то генетическом родстве с найденными в Мпнгечауре глиняными водолями в виде птицы. Один из них имеет вид «дикого горного голубя»,¹ стоящего на четырех маленьких ножках, крыло и его оперение схематизованы, на спине — горловина с примыкающей к ней ручкой (табл. 1, 1). Сосуд этот был найден в 1947 г. в разрушенном погре-

¹ Т. П. Г о л у б к и н а, ук. соч., стр. 107, рис. 3 (высота 22.5 см, длина 38.5 см, ширина 59 см).

бени одного из курганов на правом берегу Куры. Г. И. Голубкина правильно указывает, что горловина па ручке очень похожа на горловину кувшинов, находимых в грунтовых погребениях со слабо скорченными костяками: это позволяет относить голубя к IV—III вв. до н. э.

Другой мингечаурский водолеи, в виде утки,¹ снабжен на спине крупной горловиной с примыкавшими к ней ручками (табл. 18, 2). как па глиняном водолее — козле (табл. 1, 2). Голова утки отбита, отсутствуют и ручки (видны следы их прикрепления). Сосуд вылеплен от руки из серой глины. Он найден случайно в 1946 г. на правом берегу Куры.

Эти два глиняных водолея из Мингечаура, из которых первый, как говорилось, может быть отнесен к IV—III вв., а второй к первым векам нашей ары, могут быть рассматриваемы как прототипы бронзовых водолеев и курильницы в виде птиц из горного Дагестана (рис 41).

Рассмотренные семь предметов позволяют установить (и известной и условной мере) хронологический ряд и датировать этот тип сосудов временем от IV—III вв. до н. э. до VI—VII вв. н. э.

Следует отметить, что древнейший (не позднее VII в. до н. э.) экземпляр глиняного водолея в виде птицы на территории Закавказья был обнаружен Ж. де Морганом в Муси-Ери² (Алавердский район Армении). Наиболее поздним предметом этого типа является фаянсовый водолей (XII—XIII вв.), найденный во время раскопок в Ореп-Кала (инв. № ОК 264 1953), т. е. на территории Албании, что говорит о длительном бытовании сосудов-водолеев в албанской среде, возможно, об их применении некогда в культовом ритуале и об их посвященности определенному божеству.³

Волос дешевые глиняные водолеи, находимые в рядовых погребениях Мингечаура, изготовлялись и бытовали, видимо, в среде земледельцев, обрабатывавших земли и сады на берегах Куры:

¹ Там же, стр. 112—113, риг. 10 (высота 16.5 см. длина 29.5 см).

² Jean de Morgan. Mission scientifique au Caucase, t. 1. Paris, 1899, p. 155, fig. 100. — Известен также водолей в виде птицы, найденный в 1902 г. у станции Ладожской на Кубани (ОАК за 1902 г., стр. 77. рис. 162).

³ О древности и распространенности этого типа сосудов в Передней Азии можно судить по двум замечательным глиняным водолеям (высота их около 30 см). найденным в Месопотамии во время раскопок храма Сина в Кафайе (на берегу р. Диалы, притока Тигра); один водолей в виде птицы, другой — в виде быка. И здесь вода вливалась в горловину, помещенную на спине, и выливалась через отверстие во рту. П. Делуга датирует их «протописьменным» периодом, началом 3 тысяч, до н. э. (ср.: P. Delougas. Pottery from the Diyala Region. Chicago, 1952, pp. 43—44, табл. 25а, в). Особый интерес представляет место их находки — в святилищах Сина, бога Луны. Не связаны ли и мингечаурские водолеи с культом Селены -Луны, главного божества албанов?

бронзовые же водолеи и курильницы характерны для знати, сидевшей в горных замках южного Дагестана.

Хранящаяся в Эрмитаже бронзовая курильница высотой 35,6 см и виде статуэтки всадника (табл. 22),¹ по словам продавца, была куплена им в 1901 г. в Нахичеванском крае.³ Литая фигура коня и всадника возвышается на четырехугольном полом пьедестале, орнаментированном рельефом и гравировкой. Предмет этот служил курильницей: уголья и пахучее вещество вкладывались в четырехугольное отверстие (в боку копя), которое было прикрыто крышкой, судя по сохранившемуся шарниру; дым выходил из длинной щели вдоль гривы коня и отверстия в короне всадника. В боковых стенках пьедестала имеется по круглому отверстию; через них мог быть протет прут, с помощью которого статуэтка к чему-то прикреплялась (штандарт?).

На узкой передней стенке подставки литое рельефное изображение двух львов в геральдической позе, а внизу под ними скачущего козерога. Боковые стороны украшены гравировкой: на одной стороне — неопределенно вьющаяся ветка с цветами (?) и гроздьями, в одном завитке ее — слон, в другом — лисица, тянущаяся к виноградной кисти; на другой стороне — охотник с кинжалом и щитом и бросающийся на него лев, условно показаны растительность и горы, и вьется такая же ветка (рис. 42).

Первое впечатление от этой статуэтки, что перед памп традиционное изображение сасанидского царя: зубчатая корона, ожерелье и серьги, тяжелые формы коня, поднявшего правую переднюю ногу, богатая сбруя с фаларами, бляшками и ленточками все говорит в пользу изображения именно сасанидского владыки. Но при ближайшем рассмотрении статуэтки в целом и отдельных ее деталей возникает ряд недоуменных вопросов. Поражают пропорции фигуры всадника: неестественно маленькое по сравнению с головой тело, трактованное плоско и неестественное в движениях; поражает изображение маленьких коротких ног, обутих в высокие сапоги и сливающихся с крупом коня; поражает общая поза с отведенными в стороны руками, в которых нет основания предполагать движения стрелка, натягивающего тетиву или спускающего стрелу, как это характерно для портретов сасанидских царей-всадников. Необычно и одеяние: узкие гладкие штаны, заправленные в сапоги, и облегающий тело кафтан.

¹ И. А. Орбели в К. В. Тревер, ук. соч., табл. 83.

² Как известно, факт приобретения в наше время предмета в том или другом месте еще не говорит о происхождении данного предмета именно из этого пункта, куда он мог быть завезен или любителем памятников искусства или антикварным торговцем.

Своеобразна прическа всадника: вместо пышных пучков локонов по сторонам головы гладко зачесанные вверх волосы, валиком окружающие лицо и затылок. Необычен и узор ткани шаровар, где вместо медальонов и других традиционных сасанидских узоров мы видим свободно вьющуюся ветку с крупными цветами или гроздьями.

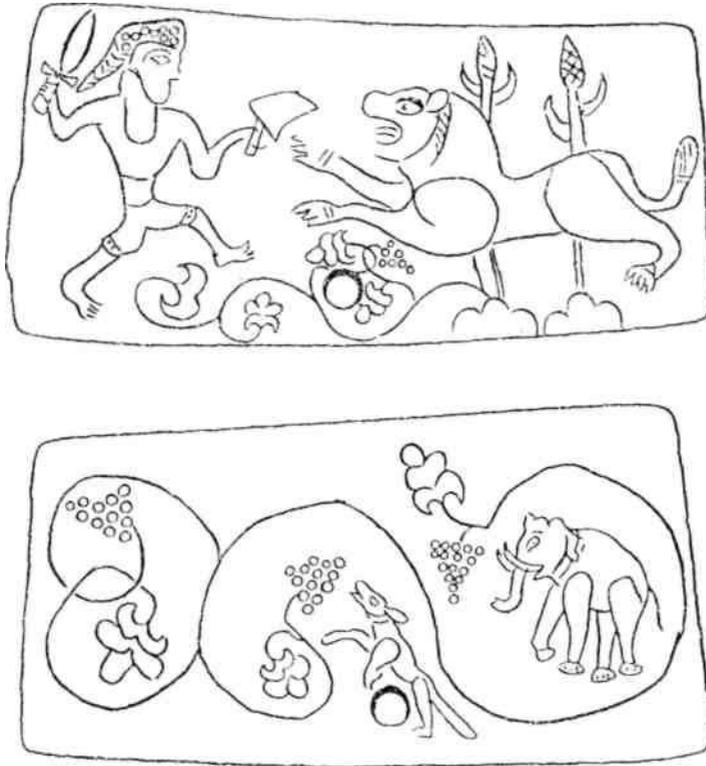

Рис. 42. Гравированные рисунки на пьедестале статуэтки всадника.

Серьга сасанидских царей состоит из свисающих один над другим двух шариков, причем нижний крупнее верхнего и, имея зачастую вид капли, изображает, вероятно, жемчужину. Всадник наш украшен серьгой иной формы, а именно крупным массивного вида кольцом, с которого свисают две подвески.

Обращает на себя также внимание отсутствие у всадника бороды и усов, тогда как почти на всех сасанидских памятниках и монетах цари изображены бородатыми.

Изображение коня ближе к сасанидскому типу, но и здесь видны отличия: короткие тяжелые формы ног, неправильное понимание художником функционального назначения кистей, которые, свисая на длинных цепочках, должны развеваться на ходу, а не висеть, как в данном случае, чередуясь с круглыми фаларами, будучи прикреплены непосредственно к самой сбруе. Непонятно художником назначение некоторых деталей конского украшения, как например нитка бус, свисающая как бы из-под челки и охватывающая шею коня.

Все эти сопоставления приводят к заключению, что на коне восседает не сасанидский царь, а какой-то иной властитель, носящий корону, которая в некоторой степени напоминает сасанидские царские венцы.

Не может ли это быть Джываншер, князь Албании, в молодости прошедший ряд лет при сасанидском дворе, да и впоследствии не терявший с ним связи,— тот Джываншер, о пышности двора которого нам сообщает его современник, Моисей Каланкатуйский? В одной из глав, посвященных этому правителю Албании, историк рассказывает, между прочим, и о том, как" в награду за успешное участие в сражении с арабами Иездегерд III, последний сасанидский царь, «почтил его выше всех: его опоясали золотым поясом, унизанным жемчугом, (навесили) меч, дали ему браслеты на руки, прекрасный венец па голову, жемчужные повязки и много ниток жемчуга вокруг ею шеи; одели его в черные шаровары... и в шелковое тканое платье с золотой вышивкой (?)».¹ Молодой князь, восседающий на коне, действительно охвачен поясом, на руках у него браслеты, на голове венец, па шее богатое жемчужное ожерелье, па затылке завязанное маленькими концами лент (как известно, от ожерелий сасанидских царей обычно отходит широкие и пышно развевающиеся ленты).² На всаднике — одежда с вышивкой (ветка); неизвестно только, что он держал в руках: в одной из них могла бы быть булава (но такого изображения сасанидских царей мы не знаем).

Моисей Каланкатуйский сообщает, что, помимо этих знаков царского благоволения, Джываншеру, «согласно званию полководца, [Иездегерд] дал знамя и громкие трубы, два золотых копыя и два щита с золотыми рельефами, которые всегда перед ним носили».³ Допустимо предположение, что мастер, изобразивший Джываншера, поместил щит в левую его руку, а в правую — «золотое копье», что оправдывало положение рук. Именно в таком виде изо-

¹ Моисей Каланкатуйский, кн. I, гл. 18.

² И. А. Орбели и К. В. Тревер, ук. соч., табл. 4 и 10.

³ Моисей Каланкатуйский, кн. II, гл. 18.

бражен на рельефе в гроте Так-и-Бустапа Хосров II: в кольчуге, с круглым щитом в левой руке и копьем в правой.¹

В пользу того, что бронзовый всадник мог являться изображением Джываншера, говорит еще одно обстоятельство: на одной из боковых сторон пьедестала выгравирована вьющаяся ветка, обозначающая, быть может, сад или парк, и в одном из ее завитков показан слон. Как говорилось выше, Моисей Каланкатуйский сообщает, что халиф подарил Джываншеру и знак милости «привезенного из Индии искусно обученного слона, который великолепно и чудно украшал собою двор царя... с головы его висел, наподобие пресмыкающегося, хобот, который он, бродя по реке, обращал то на сю, то на ту сторону, то отвесно подымая его вверх, то тягивал в себя, с сильным мычанием выпускал дыхание свое через горло». Прибывший из Индии дикий слон, поразивший воображение историка, мог столь же сильно удивить и мастера, который создавал статуэтку, и побудить его изобразить у ног Джываншера и его слона.

Рельеф на передней стороне пьедестала — два льва в геральдической позе, а внизу под ними козерог, — быть может, следует рассматривать как герб Джываншера, поскольку имя его по-персидски означает «юный лев».

Еще одним доводом в пользу Джываншера является то обстоятельство, что в VII в., к которому стилистически относится статуэтка, среди правителей стран Закавказья царственную корону, пожалованную Сасанидами, кроме Джываншера, насколько мне известно, никто не носил.

К тому же культурному и художественному кругу, к которому относится рассмотренная выше статуэтка всадника, может быть причислен также бронзовый сосуд, хранящийся в музее Грузии и происходящий из собрания Роинова, который составлял свою коллекцию в Дагестане и, в частности, в Кубани. Это кувшин «сасанидского» типа, туловом которого является человеческая голова (табл. 23);³ ручка отсутствует (видны следы ее прикрепления к венчику и к затылку головы). Высокое цилиндрическое горло наверху переходит в венчик с оттянутым в виде утиной головы носиком, а внизу — в покатые плечики сосуда, которые образуют шапочку, покрывающую верх головы.

¹ F, Sagge, I. c. Taf. 85.

² Моисей Каланкатуйский, кн. II, гл. 28.

³ А. С. Уваров. О лицевых сосудах. Труды V археологического съезда и Тифлисе в 1881 г., М., 1887, стр. LXXXI и сл., табл. XLI; F. Sagge, I. c. Taf. 126. — В обоих изданиях ошибочно указано происхождение кувшина с Кубани (по созвучию с «Кубачи»).

Голова отличается суровым профилем, лоб и нос образуют одну линию, подбородок непропорционально мал, глаза широко раскрыты. Ряд деталей привлекает к себе внимание и позволяет сопоставлять этот кувшин со статуэткой всадника. Первое — прическа: на кувшине волосы и спереди и сзади зачесаны вверх под шапочку; показаны параллельные гладкие их пряди, которые надо лбом обра-

Рис. 43. Кувшин (Тбилиси) И голова статуэтки всадника (Эрмитаж).

зуют небольшой валик. Такую же Прическу мы видим и на голове всадника: гладкие волосы зачесаны вверх под корону (рис. 43). единственное различие между ними состоит и отсутствии у всадника

свисающей вдоль щеки пряди волос, образующей на конце завиток. Таким образом, гладко зачесанные кверху волосы можно было бы считать характерными для прически албанских князей и знати.

и отличие от пышных локонов и кудрей сасапндского царя и его вельмож. Вторая деталь, сближающая кувшин и всадника,— это своеобразная форма серьги. На десятках сасапидских серебряных блюд с портретами царей и на их монетах серьга имеет неизменную, как бы установленную форму — небольшой шарик, с которого

свисает крупная грушевидная подвеска. На всаднике же и на кувшине мы видим серьгу иной формы — массивное кольцо с двумя прикрепленными к нему внизу шариками. Приведенные особенности, сближающие оба памятника, позволяют подкрепить предположение об их албанском происхождении.

Большой интерес представляет бронзовый кувшин (высота 44.5 см) иной формы, с округлым туловом, высоким горлом, гранатом на высокой ручке и с двумя носиками на плечиках (табл. 24, 25).¹ Тулово покрыто растительным орнаментом (ветки гранатового дерева?). оживленным инкрустацией красной меди и бронзу. Под носинами спереди и под ручкой сзади имеется по обнесенному кружочками шеврону, в котором заключены веточка и цветок. Этот редкий прием декоровки известен по орнаментике на керамических фрагментах из Старой Гянджи,² где в дешевом материале воспроизведены мотивы, выработанные в предшествующие века в бронзе (рис. 44). Следует также отметить наличие носиков-сливов на плечиках сосуда — прием, хорошо известный по керамике первых веков нашей эры, находимой в разных местах на территории Албании.

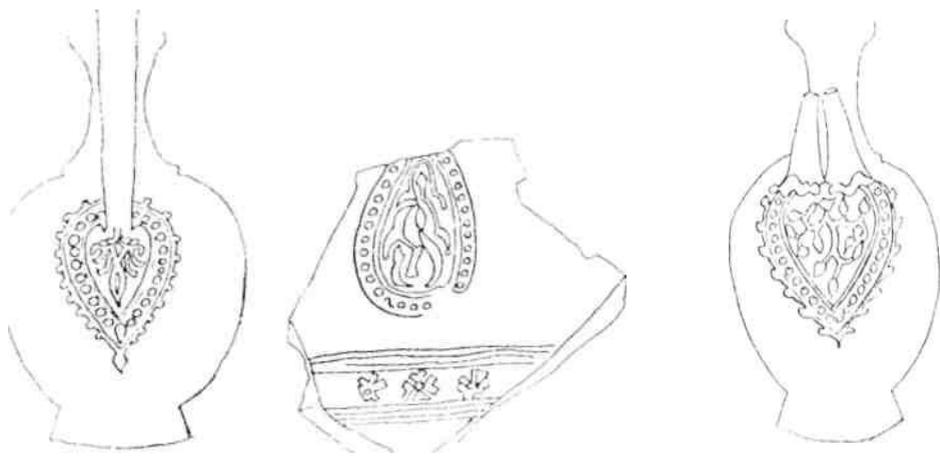
Не ставя себе задачи рассмотреть в поп главе все бронзовые сосуды, изготовленные на территории Албании, считаю все же нужным вкратце остановиться еще па одном малоизвестном бронзовом блюде чеканной работы (VI—VII вв.) с рельефными изображениями на внутренней стороне, приобретенном Эрмитажем в 1926 г. от жителя аула Кубачи (табл. 27).³ Это очень большое блюдо, диаметром 73.5 см, рассчитанное на подачу хлеба или фруктов большому количеству гостей в феодальном замке. Оно орнаментировано растительными мотивами, заключенными в круглые медальоны. Вокруг большой центральной розетки идут концентрические круги, состоящие из названных медальонов, в которых заключены деревца или растения разнообразных очертаний; их стволы или стебли расширяются книзу, образуя как бы подставку (как на кувшине с птицами и на печати из Хинисли, см. рис. 38).

Вышеприведенные образцы торевтики и металлической пластики позволяют наметить ряд художественных школ, работавших и металле, быть может, даже одновременно, так как большинство предметов датируется VI — VII вв. В этой связи встает вопрос о центрах производства, па который пока ответить очень трудно, так как все эти предметы вынуты не из земли, а попали в музеи из живого быта, с полок домов в аулах Кубачи. Гуниб и др., где они бережно хранились с незапамятных времен и передавались из рода в род. Одним из основных центров был район аула Кубачп, древнее

¹ И. А. Орбели и К. В. Тревер, ук. соч., табл. 74. ² В. Н. Левиатов, ук. соч., стр. 53—54; рис. 3 на стр. 60. ³ И. А. Орбели и К. В. Тревер, ук. сеч., табл. 68.

персидское название которого звучало «Знрхгеран» («кольчужники»). Население этого района в VI в. платило дань Хосрову I, а в VII в. — арабам, как об этом сообщает в IX в. Балазури.¹ Независимый нрав народа Зирехгеран и его умение работать в металле отмечается рядом писателей (Якуби, Масуди и др.). Особенно интересны сведения о них у Абу Хамид али-Андалуси (Гарнати), (1080—1169) писавшего: «... [жители] Зирехгерана занимаются изготовлением всякого оружия, кольчуг, шлемов, мечен, котик луков, ножей, кинжалов и разной медной посуды».²

Рис. М Шевроны на бронзовом кувшине (Дагестан). В середине

глиняный обломок из Ганджи.

Все вышеизложенное дает, как мне кажется, основание полагать, что бронзовые сосуды, происходящие из горного Дагестана,³ являются творениями рук албанских торевтов.⁴ И. А. Орбели еще

¹ Балазури, ук. соч., стр. 7.

² Абу Хамид аль-Андалуси, ук. соч., р. 700. — Как известно, аул Кубачи «до наших дней сохранил на очень высоком уровне технику обработки и художественной отделки металла и в первую очередь бронзы» (И. А. Орбели. Албанские рельефы и бронзовые котлы. Сб. «Памятники эпохи Руставели», Л., 1938, стр. 30б).

³ В зарубежных музеях и частных собраниях хранится некоторое количество бронзовых кувшинов, приобретенных у дагестанских антикваров, приезжавших в конце XIX — начале XX. в. в Париж.

⁴ И лаборатории археологической технологии Института истории материальной культуры АН СССР все рассмотренные в этой главе восемь предметов, были подвергнуты качественному спектральному анализу (на полное наличие всех

в 1938 г. указывал, что «в северных горных областях Албании, в настоящее время составляющих южный Дагестан, находили себе пристанище и переселенцы, вытесняемые из более доступных и более влекущих к себе захватчиков частей страны, из таких изобиловавших благами областей, как широкая полоса между Араксом и Курой... В числе этих ушедших в горы албанов, к каким бы древним албанским племенам они не принадлежали, были и предки нынешних кубачинцев, одной из разновидностей албанских племен, сохранившей в своем племенном наименовании несомненно древнее название своей страны, Албании».¹

элементов) на сиектографе ИСИ-22, при силе тока в 7 ампер дуговым методом. Все исследованные предметы являются бронзовыми со значительным содержанием свинца и олова и относительно меньшим содержанием цинка. Для всех предметов характерно наличие мышьяка. Полученные результаты, по заключению названной лаборатории, не противоречат предположению, что все исследованные предметы происходят из одного кавказского металлургического центра с использованием руд Зангезура, КсдаСсской и Алавердских месторождений.¹ И. А. Орбели, ук. соч., стр. 304. - Еще Б. Дорн указывал, что кубачинцы называют себя *Ogbuh*, *Ogbuhan*, т. е. «албан», и что у них был «свой язык, испорченный внедрением кайтакских слов» (В. Догн, I, с. р. 725). Ср.: Е. М. Шиллингер. Кубачинцы и их культура. Труды Института этно-графии, нов. серия, т. VIII, 1949, стр. 5, 147 (название сел. Кубачи — «Урбуг», кубачинец — «урбуган»).

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ

Албанские надписи

Вопрос об эпитафических памятниках Кавказской Албании находится на первичной стадии своей разработки. Объясняется это, с одной стороны, вышеприведенным состоянием наших знаний об албанском языке и письме, а с другой — крайней малочисленностью имеющихся в нашем распоряжении албанских надписей, только за последнее время обнаруживаемых при раскопках в Мингечауре и исчисляемых, судя по изданиям, единицами. Очень невелико также число исследователей, подготовленных к изучению албанских эпитафических памятников; как известно, изучение их требует знания древних языков Закавказья — древнеармянского и древнегрузинского, языков классических, а также языков населения горного Дагестана.

Со временем, надо надеяться, будут собраны полностью все обнаруженные на территории Азербайджана и Дагестана албанские надписи (некоторое количество их, как известно, найдено в Мингечауре, но издана только часть),¹ и только тогда, в особенности если удастся обнаружить надпись двуязычную, вопрос об албанском языке и письме может быть сдвинут с мертвой точки.

Наиболее интересной и бесспорно албанской является надпись на каменной плите (табл. 34), находка которой в одном из помещений храма VI—VII вв. явилась одним из больших событий во время раскопочных работ 1948 г. в Мингечауре, на левом берегу Куры, на территории городища Судагылана.² Судя по сквозному

¹ Из письма Р. М. Ваидова мне стало известно, что им готовится статья, посвященная найденным в Мингечауре албанским надписям. В данной статье мною приводятся только те мингечаурские надписи, которые уже известны по изданиям.

² С. М. К а з и е в. Новые археологические находки в Мингечауре. ДАН Азерб. ССР т. IV. № 9, 1948, стр. 399—401. рис. 5—8.

отверстием в вертикальном направлении, камень этот мог служить капителю, на лицевой стороне которой высечен рельеф, о котором речь была выше.¹ Над этим рельефом по карнизу (выс. 8.5 см) идет надпись, которая огибала камень со всех сторон (одна из сторон пострадала). Налицо 56 букв высотой 5—5.5 см. Надпись эта — одна из наиболее длинных и связных, и буквенные знаки ее бесспорно албанские.² Когда эта надпись будет прочтена, она несомненно сможет дать многое для определения строя албанского языка и его лексики.

Албанской, по-видимому, является также надпись на обломе глиняной черепицы, снаружи несколько выпуклой, с бортиком (длина 9.8 см, ширина 8.5 см, толщина 1.1—2.3 см). Надпись, вырезанная до обжига, состоит из 21 знака и расположена в 4 строки (высота букв — 1.5—2 см).² Этот фрагмент найден в 1948 г. на храмовом участке, в слое гравия.

На территории городища №2, на том же левом берегу Куры, в 1950 г. был найден глиняный четырехгранный подсвечник с албанской надписью, вырезанной острием на всех четырех его сторонах (табл. 35).³

Кроме этих, найденных в Мингечауре, имеется еще ряд надписей, может быть албанских, но относительно которых имеются сомнения в правильности отнесения их к числу албанских надписей.

1. Надпись на обломе плиты из обожженной глины из Тхоба-Ерды (табл. 29).⁴ Буквы здесь грузинские, заглавные, эпиграфические. И. А. Орбелл усматривал в них надпись албанскую и, исходя из сходства очертаний букв с грузинскими, читал имя *gotagz*.⁵ Анализ сюжета на этом рельефе и стиль его, в частности изображение дерева с сернами по сторонам, позволяет сблизить этот памятник с предметами, происходящими с территории древней Албании (бронзовый кувшин из Кубачи с павлинами по сторонам пальмы, павлины по сторонам дерева на мингечаурском камне и сердоликовая печатка с таким же деревом из погребения в сел. Хинисли Шемахинского района).⁶ Поэтому имеются все основания считать догадку И. А. Орбели, что перед нами надпись албанская, в известной

¹ См. стр. 318. Существует предположение, что камень этот служил подставкой, постаментом для чего-то, быть может, для креста, но мне такое назначение этого камня представляется маловероятным.

² Т. И. Г о л у б к и н а. Еще одна албанская надпись из Мингечаура. ДАН Азерб. ССР, 1949, № 5, стр. 233 и сл.

³ Р. М. В а и д о в. 1) Археологические работы в Мингечауре в 1950 г. КСИИМК, вып. 46, 1952, рис. 28; 2) Фрагмент глиняного подсвечника с албанской надписью. ДАН Азерб. ССР, 1951, № 2.

⁴ См. выше, стр. 319. Хранится в музее г. Орджоникидзе.

⁵ Н. Я. М а р р. Албанская надпись. КСИИМК, вып. XV. 1947, стр. 8. ⁶ См. стр. 320 и сл.

мере обоснованной. Следует отметить, что чтение «Готарз» получается лишь в том случае, если этим буквам придавать произношение, свойственное грузинскому письму, а не тому письму, образчик которого дан в вышеупомянутой армянской рукописи XV в., которую изучали И. Абуладзе и А. Шанидзе.

2. В развалинах Старой Ганджи найдены два обломка глиняного сосуда с оттиснутой штампом рельефной надписью в три строки эпиграфическим письмом,¹ буквы их имеют сходство с начертаниями букв армянского и грузинского алфавита.² А. Г. Шанидзе в 1938 г. высказывал предположение, что эта надпись албанская.³ А. Абрамян в 1956 г. предложил «чтение этих надписей как армянской (в обратном направлении — справа налево)».⁴

3. Камень с албанской (?) надписью был найден в Гунибском районе Дагестана, в сел. Орода, во внутренней стене башни кровников в перевернутом виде, т. е. не *in situ*.⁵ Эту надпись, состоящую из грузинских заглавных букв, но не читающуюся по-грузински, изучал Н. Я. Марр; исходя из лексики аварского языка, он установил христианский ее характер и предложил возможный вариант ее чтения.⁶

4. Интересная надпись была обнаружена в конце XIX в. архиепископом М. Смбалянном, в поисках албанского алфавита обследовавшим Дагестан и Ширван и нашедшим только надпись из десяти заглавных букв на внешней, северной стене Дербента.⁷ Буквы эти сходны с армянскими заглавными буквами, но не являются армянскими (рис. 45). Повторно эту надпись открыл М. Бархударян,⁸ тоже полагавший, что это «буквы албанского письма», с чем соглашается и Шанидзе.⁹

В 1879 г. А. В. Комаров указывал, что к югу от Дербента, в лесах около Гюртен-Чая, имеются три кладбища, где среди армян-

¹ Хранится в музее г. Кировобад.

² И. М. Джафарзاده. Историко-археологический очерк старой Ганджи. Баку, 1949, стр. 30—32, рис. 10 и 10^б.

³ А. Г. Шаидзе. Новооткрытый алфавит албанцев и его значение для науки. Изв. Института языка, истории и материальной культуры Груз. ФАН СССР, т. IV, вып. 1, 1938, стр. 60.

⁴ Л. М. Меликсет-Бек. К вопросу о генезисе армянского, грузинского и албанского алфавитов. МИ Азерб., т. II, Баку, 1957, стр. 65 и прим. 2.

⁵ Этот камень был найден в 1923 г. экспедицией под руководством Н. В. Яковлева. Местонахождение камня в настоящее время неизвестно.

⁶ Н. Я. Марр, ук. соч.

⁷ М. Смбалян "Описание древностей Шемахинской епархии. (На арм. яз.). Тифлис, 1896, стр. 248.

⁸ М. Бархударян. Албания и ее соседи. (На арм. яз.). Тифлис, 1893, стр. 119.

⁹ А. Шаидзе, ук. соч., стр. 53—54, рис. на стр. 54.

ских надписей имеются и такие, которые «прочсть никто не мог».¹

6. Такие же надписи, вырезанные армянским письмом, но содержащие неармянские имена и слова, видел в 1928 г. П. А. Орбели на древнем кладбище в лесу, в районе устья Самура и станции Белиджи. Следует отметить, что это кладбище находится неподалеку от грандиозного городища Топрах-Кала.²

7. К числу албанских надписей относится, может быть, также надпись, сохранившаяся на стене Ниоцмндского собора на территории Грузии, в районе Сагареджо,³ т. е. на территории исторической Албании. Эта надпись в три строки, по мнению А. Шанидзе, высечена «на языке народа, который у грузин назывался „херами»

найденном в

и который, живя в соседстве с грузинами с восточной стороны, входил в состав албанского государственного образования».⁴

8. Следует упомянуть о не-Рис. 45. Албанская надпись. Дербент. изданном камне,

1937 г. в бывш. сел. Балушен Варташенского района; на камне высечены (или выцарапаны) восемь букв.⁵

9. Своеобразна надпись на обломке красноглиняного толстостенного сосуда, найденном в 1949 г. в Судагылане, относительно которой С. М. Казиев пишет, что она, возможно, албанская, но «сделана (ясно видно) неопытной рукой»;⁶ однако надпись эта не албанская (отдельные знаки ее очень похожи на письмо арамейское): буквенные знаки на этом черепке совершенно иные, чем на камне с павлинами.

Наличные албанские надписи, число которых, по-видимому, больше тех, какими я располагаю, являются бесспорными свидетелями того, что албанское письмо реально существовало и что оно содержало ряд букв, схожих с армянскими и грузинскими по начертаниям, а в отдельных случаях и по значению, но не по звучанию, т. е. оно находилось в таком же отношении с этими алфавитами, как они между собою. Речь идет здесь, разумеется, об армянском

¹ А. В. К о маров. Пещеры и древние могилы в Дагестане. Протоколы Подготовительного комитета к V археологическому съезду в Тифлисе, М., 1879, стр. 438.

² См. выше, стр. 262.

³ П. И н г о р к в а, Протоколы Заседания Груз. общ. истории и этнографии, № 249, 15 I 1927, сб. «Язык и мышление», вып. III — IV, 1935, стр. 26.

⁴ А. Ш а н и д з е, ук. соч., стр. 54.

⁵ С. М. К а з и е в, ук. соч., стр. 402.

⁶ С. М. К а з и е в. Новые археологические находки в Мингечауре в 1949 г. ИАН Азерб. ССР, 1949, №9, стр. 95 и 97, рис. 17.

Эпиграфические памятники

эпиграфическом и грузинском лапидарном (асомтаврули, заглавное) алфавитах и о том албанском алфавите, который пока лучше всего представлен на камне с павлинами из Мингечаура.

В Мингечауре в 1948 г. были найдены и армянские надписи, что вполне естественно, принимая во внимание, что после VII в. албанская церковь стала рассматриваться как часть армянской церкви и языком ее богослужения стал древнеармянский.¹ В этой связи следует отметить два предмета.

1. В Судагылане, на полу храма, найдены «обломки рельефных стенных украшений из мягкой меловой породы».² Среди них имелись обломки с вырезанными на них письменами; после того как обломки были подобраны и закреплены между собою, выяснилось, что надпись на них армянская;³ она начертана на кольцевидном предмете (рамка медальона?). Надпись гласит: «Во время 35 года Иракла, я, Нерсех, построил место искупления (или мартирий) во имя св. Елиша».⁴ Византийский император Ираклий правил с 610—641 г.; следовательно, 35-го года его правления не существовало. Если иметь в виду 35-й год со дня рождения Ираклия, то речь шла бы о 610 г., т. е. о годе его воцарения. Нерсех, конечно, мог ошибиться в подсчете годов, и тогда говорилось бы, по-видимому, о последних годах правления византийского императора. Во всяком случае храм, в котором найдена надпись, должен относиться ко времени не позже первой половины VII в.; в нем, по всей вероятности, находились колонны с капителями; одна из них дошла до нас, сохранив нам албанскую надпись и рельеф (табл. 28 и 34).

2. Фрагмент такого же камня был найден тогда же на храмовой территории, в северной части двора:⁵ это фигурное, как бы вырезное украшение в виде соединенных основаниями двух лепестков или листьев, на которых вышарапаны неумелой рукой, по-видимому, восемь, армянских букв (рис. 35).

Греческие и латинские надписи

Число надписей античных, обнаруженных по настоящее время на территории древней Албании, крайне невелико — одна грече-

¹ См. стр. 310.

² С. М. К а з и е в. Новые археологические находки в Мингечауре, стр. 398,

рис. 4; Р. М. В а и д о в и В. П. Ф о и е н к о. Средневековый храм в Мингечауре. МКА, т. II, Баку, 1951, стр. 92, рис. 13.

³ Т. И. Тер-Григорыш определил эти надписи как армянские (см.: Р. М. В а и д о в и В. П. Ф о м е н к о, ук. соч., стр. 93). О специальном издании этой надписи см.: А. А б р а м я н. Дешифровка обломков армянских надписей, найденных в Мингечауре. (На арм. яз.). Эчмиадзин, 1956, № 4—5.

стр. «6—72.

⁴ Перевод И. А. Орбели.

⁵ Р. М. В а и д о в и В. П. Ф о м е н к о, ук. соч., стр. 93, рис. 14.

ская и одна латинская надпись. Объясняется это тем, что к раскопкам городов, относящихся к началу нашей эры, еще не приступили, а может быть, и тем, что эллинистической культуре на территории Албании глубоких корней пустить не удалось. Кроме того, географическое положение Албании играло некоторую роль в этом вопросе, не говоря уже о том, что вся историческая обстановка не могла содействовать длительному пребыванию римлян в этой части Закавказья. Греческая надпись была обнаружена в развалинах древней бани, раскопанной Э. Рёсслером в 1902 г. около сел. Беюк-Дегне в Нухинском районе Азербайджана (надпись находится в Государственном музее Грузии).

По словам сельского старшины, камень был до приезда Э. Рёсслера обнаружен якобы в кладке свода од ного из помещений в бане. Но камень едва ли мог происходить из кладки, так как при осмотре его Э. Рёсслер не видел нигде следов цементного раствора, все стороны его оказались гладко отесанными

Рис.46. Греческая надпись из Беюк- (табл 36 рис.

46)

Дегне и знаки на том же камне.

Материал камня — не очень твердый желтоватый известняк, форма его удлиненная, четырехугольная, длина 1.45 м, ширина 50 см, толщина 25 см.

Надпись вырезана на одной из широких сторон на нижней половине этой плоскости. Ниже надписи у края вырезан знак, и ряд знаков имеется на еднoп из узких сторон камня (рис. 46).

Э. Рёсслер прочел и перевел надпись правильно, датировал ее по характеру письма I—II вв. н. э. и считал votивной плитой, находившейся в указанном помещении.

Надпись гласит: «Айлий Ясон Евнону благодетелю памяти ради».

В 1904 г. надпись была издана В. В. Латышевым,² датировавшим ее по характеру письма и отсутствию лигатур II в. и. э. и отметившим лишнее «о» в слове. Вес камня (10 пудов), как совершенно правильно указывает В. В. Латышев, свидетельствует о местном происхождении надписи, кото-

¹ Э. Рёсслер. Отчет о поездке в дер. Беюк-Дегне Нухинского уезда Елисаветпольской губ. и раскопки, произведенные там. ДАК, 1902 № 66.

² В. В. Л а т ы ш е в. Заметки о кавказских надписях, III. ИАК, вып. X, 1904, стр. 103—104.

рую едва ли могли привезти сюда издалека. Кроме того, по беглому замечанию В. В. Латышева, на месте Беюк-Дегне якобы должно было находиться селение или город по карте Птолея, но Латышев этого своего предположения не обосновывает..

В 1928 г. надпись была издана А. И. Болтуновой без дополнительных толкований, но с неправильной передачей в издании начертаний букв, наиболее характерных при определении даты надписей, а именно вместо округлой сигмы (С) •— сигма ломаная (I), вместо омеги, вверху открытой омега, округлого Е — Е прямоугольный.¹

В. В. Латышев и А. Н. Болтунова ничего не говорят о назначении камня, видимо, допуская вотный характер надписи, хотя надписи обычно являются эпитафиями. Но общий вид камня и надписи мало похожи на эпитафию. Могильник, обнаруженный около водопровода указанной бани, судя по инвентарю, относится к X—XII вв., и поэтому приводить с ним в связь камень с греческой надписью II в. н. э. не приходится.²

В. В. Латышев не обратил внимания на одну деталь, а именно, что буква I в середине первой строки выделена имеющимися по сторонам ее точками, расположенными в середине высоты строки, т. е. так, как это принято при обозначении цифр. Но что может обозначать цифра 1=10 между двумя именами? Едва ли здесь может быть усмотрена неумелая сокращенная передача имени Три имени в именительном падеже маловероятны в греческой надписи II в., но и случайной шероховатостью камня в этом месте эти точки объяснить нельзя: на фотографии точки четко видны. Единственный вывод, по-моему, может быть таков: надпись эту резал мастер, греческого языка, не знавший, но уже видевший надписи с датой, выделенной точками, поэтому он мог допустить две ошибки, а именно точки по сторонам I и лишнее O после первой буквы в слове Кроме того, он высек точку между словами.

Определенному указанию Э. Рёсслера, что камень не носит следов раствора и поэтому не может происходить из кладки стены или свода, противоречат данные З. И. Ямпольского, который утверждает, что камень этот был использован вторично, судя по обнаруженному следу цемента и замурованной плоскости с загадочными знаками.³ Что касается этих загадочных знаков, то мне представ-

¹ А. И. А м и р а н а ш в и л и. Греческие надписи Музея Грузии. Бюллетень Музея Грузии, т. IV, 1928, стр. 190—191.

² Окрестности Беюк-Дегне были обследованы Р. М. Ваидовым и Г. М. Аслановым недавно, и при этом ими были обнаружены остатки поселения, результаты их наблюдений и описание городища еще не опубликованы.

³ З. П. Я м п о л ь с к и й. Атропатена и Кавказская Албания в III—I вв. до в. э. (Автореферат). М., 1952, стр. 11.

ляется возможным сопоставить некоторые из них с определенными буквами албанского алфавита по таблице А. Г. Шанидзе.¹

Поверхность камня, по-видимому, пострадала при перевозке, так как не все знаки, зарисованные у Рёсслера, сохранились на камне (судя по фотографии). Надпись эта до основательных разведок и затем раскопок в районе Бююк-Дегне удовлетворительно истолкована быть не может.

Кроме камня с этой надписью, в 1907 г. при прокладке дороги около сел. Нидж были найдены кирпичи с греческими надписями;

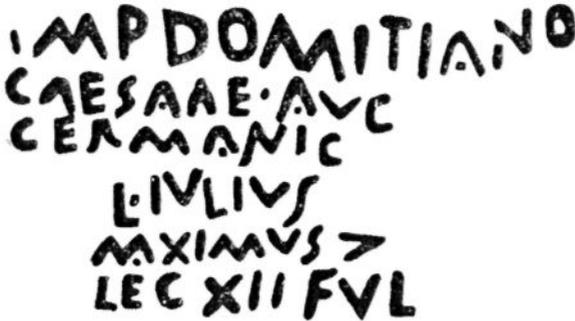

Рис. 47. Латинская надпись. Бююк-Даш.

четыре штуки из них были отправлены в Тбилиси, два — в Кавказский музей и два — в Авлабарскую прогимназию. Об этом было сообщено на заседании Азербайджанского археологического комитета 15 октября 1925 г. С. Г. Григоряном.² Существуют ли эти кирпичи, неизвестно.

Единственная пока на территории Албании нам известная латинская надпись находится у подошвы горы Бююк-Даш в Кабри-стане, в 4 км к западу от Каспийского моря,³ где она была обнаружена в 1948 г. (табл. 37, рис. 47). Она высечена на скале у самой

¹ См. стр. 310 и сл.

² Протоколы заседания Азерб. археол. комитета. Изв. Азерб. археол. комитета, вып. II, 1926, стр. 87.

³ Л. А. Ельницкий (Северночерноморские заметки, III. Римляне у Каспийских ворот. ВДИ, 1950, № 1, стр. 193—194) ошибочно относит надпись, связанную с экспедицией Луция Юлия Максима, «к границе Дагестана, к той части берега Каспийского моря, которая в новое время называлась Дербентским проходом, а в древности — Каспийскими воротами», хотя в первых строках указывает на район горы Бююк-Даш. Непонятно также, почему эта статья Л. А. Ельницкого помещена в числе «Северночерноморских заметок».

подошвы горы на наклонной плоскости, обращенной на юг, размеры плоскости — 14 м ширины и 7 м высоты. Надпись высечена на крайнем восточном углу правой половины. Высота букв 7—16 см, глубина 1 см.

Эту надпись издавали и Н. М. Джафарзаде,¹ и П. Х. Тумбиль,² и Е. А. Пахомов,³ и З. И. Ямпольский,⁴ но ни у одного из них не сказано, что надпись, судя по состоянию поверхности камня, сохранилась полностью. Правда, Н. М. Джафарзаде пишет, что надпись «полная и никаких недостатков в содержании ее не имеется»,⁵ но устанавливает он это на основании только грамматического разбора текста, что является явно недостаточным.

Надпись гласит: «Imp(eratore) Domitiano Caesare Aug(usto) Germanic(o) L. Julius Maximus leg(ionis) XII Ful(minatae)»— «При императоре Домициане Цезаре Августе Германике Л. Юлий Максим, центурион XII легиона Фульмината [выполнил, сделал]».

Совершенно верно надпись была прочитана в 1949 г. Е. А. Пахомовым, исправившим чтение первых ее издателей, усматривавших в 4-й строке почему-то слово Iuvictus вместо Julius и читавших legio в именительном-падеже вместо leg(ionis) и Fulminatrix (у Тум-биля)⁶ вместо Ful(minatae).

Только эпиграфический знак конце 5-й строки Е. А. Пахомову не был известен, но он близко подошел к решению вопроса, предположив в этом знаке, какое-то военное звание,⁷ действительно, оно означает centurio. Е. А. Пахомов дал тексту обширное историческое истолкование, основанное на данных письменных источников. З. И. Ямпольский дал то же чтение, что и Е. А. Пахомов, раскрыв значение знака > — centurio и попытавшись указать ту историческую обстановку, в которой могла появиться эта надпись именно неподалеку от побережья Каспийского моря (в 1.5—2 км от железнодорожной станции Дуванной).

Надпись эта, высеченная в правление Домициана, т. е. в 81 — 96 гг., свидетельствует о нахождении римлян на территории Албании в конце I в. н. э. Указанные авторы правильно относят над-

¹ Н. М. Джафарзаде. Древнелатинская надпись у подошвы горы

Беюк-Даш. ДАН Азерб. ССР, 1948, № 7, стр. 304—311.

² П. Х. Тумбиль. Римская надпись I в. н. э., обнаруженная в пределах

Азербайджана (Кабристан). ДАН Азерб. ССР, 1948, № 7, стр. 312—313.

³ Е. А. Пахомов. Римская надпись I в. н. э. и легион XII Фульмината.

ИАН Азерб. ССР, 1949, № 1.

⁴ З. И. Ямпольский. Вновь открытая латинская надпись у горы Беюк-

Даш. ВДП, 1950, J6 1.

⁵ Н. М. Джафарзаде, ук. соч., стр. 308.

⁶ П. Х. Тумбиль, ук. соч.

⁷ Е. А. Пахомов, ук. соч., стр. 81.

Эпиграфические памятники

пись ко времени Домициана, который правил в 81—96 гг. Но дату можно уточнить, поскольку титул *Germanicus* Домицианом был получен в 83 или 84 г. Первые издатели надписи пытаются связать ее текст с походом против сарматов при Домициане, не обратив внимания на то, что у Светония¹ речь идет о походе 92 г. против сарматов придунайских. Ни о каком походе против восточных провинций биографы Домициана не сообщают, нет у них и речи о каком-либо походе в страны Закавказья, но очень подробно описываются походы против даков, маркоманнов и других придунайских народов. Правда, у армянского историка Моисея Хоренского имеется полуполюгендарный рассказ о том, что армяне отложились от римлян и что посланное разгневанным Домицианом войско встречается с армянским войском в долине Басеан (восточнее Карина— Эрзе-рума, в западной части Большой Армении, неподалёку, от истоков Евфрата) и терпит поражение." Моисей Хоренский добавляет: «Певцы, воспевая это событие, говорят в песнях: „Какой-то Домет пришел [в нашу землю]“, разумея самого императора Домициана, который сам лично не был у нас, его повеление и войско метафорически названы здесь его именем. К счастью [для Арташеса], в это время умирает Домициан в Риме».³ Эти слова дали Л. С. Ха-чикяну основание усмотреть здесь указание на какой-то кавказский поход римлян, имевший место при Домициане.⁴

Эта надпись резко отличается по своему характеру от надписей, высекавшихся римлянами на востоке. Отсутствует рамка, расположение строчек, по-видимому, не обусловлено поверхностью скалы (об этом исследователи надписи не говорят), изменен порядок слов в титулатуре. Следует отметить, что надписей Домициана сохранилось очень мало и только в отдаленных римских провинциях в связи с тем, что после того как он был убит и римский сенат постановил предать память о нем забвению, надписи его в Риме были уничтожены. Во всех нам известных надписях имени Домициана предшествует титул *Caesar* — «Кесарь», здесь же он поставлен после его имени что могло указывать на неофициальный характер надписи.

Что касается XII легиона Фульмината, отдельные вексилляции которого неоднократно упоминаются в римских надписях на территории Малой Азии и Армении, то здесь, по-моему, небезынтересно будет указать на то, что начиная с 70 г. этот легион имел постоянную стоянку в Мелитене, в Каппадокии, и отсюда части его по мере надоб-

¹ Светоний. Домициан, § 6.

² Моисей Хоренский, кн. II, гл. 54

³ Там же.

⁴ Л. С. Ха-чикян Заметки о 54 главе II книги «История Армении» Моисея Хоренского (по поводу латинской надписи, найденной в Азербайджане) ИАН Арм. ССР, 1948, № 11, стр. 91—97.

Эпиграфические памятники

ности предпринимали те или иные действия в Малой Азии, Сирии и в Закавказье. Возможно, что в 84—96 гг. части этого легиона выполняли какой-то местный рейд, может быть связанный даже не с завоевательными задачами, а с разведочными целями, поскольку надпись была найдена неподалеку от Каспия. Последний являлся предметом обследования как при Селевкидах в III в. до н. э., так и в I в. до н. э., когда Помпей пытался дойти до моря, но не дошел. Именно эта задача могла быть поставлена перед командованием легиона при Домициане. Добавлю, что 84—96 годы приходятся на самый темный и почти не освещенный источниками период истории и Армении, и Албании.

3. И. Ямпольский обратил особое внимание на высеченные около надписи два креста и установил на этом основании наличие якобы христиан и митраистов в составе легиона. Но кресты эти с надписью никак не связаны, кроме того, буквенный знак в виде креста имеется в албанском алфавите и встречается в ряде надписей из Мингечаура и Дагестана. Предположение 3. И. Ямпольского должно поэтому отпасть, тем более что в христианском быту крестами обычно погашались памятники и надписи языческого времени.

Надпись составлена не от имени Домициана, а в его правление и могла, судя по отсутствию глагола *fecit* — «выполнил», «сделал», быть надписью строительной, высеченной у подножия скалы, на которой возведено было какое-то сооружение (видны остатки кладки на трех ее склонах). Эта надпись является самой восточной (в географическом отношении) латинской надписью,¹ оставленной римлянами на территории Азии; только раскопки помогут подойти к более полному ее историческому истолкованию.

Имеются сведения об еще одной латинской надписи. Где-то на берегу Аракса, неподалеку от города Карягино в Ждановском районе, палеоботаник В. А. Петров видел в 1934 г. камень с латинской надписью и упоминанием XII легиона.² С этими сведениями интересно сопоставить находку другого памятника римского вре-

¹ Текст надписи издан в «*Fasti Archaeologici*» (t. III, Firenze, 1950, p. 242, № 2450), а также в статье А. Мерлина (*Revue des publications epigraphiques a l'aniquitt romaine. Revue archeologique*, 6^e serie, vol. XXXVIII, Paris, 1951, pp. 232—233, № 263).

² Эти данные мне сообщены В. А. Петровым в устной беседе; у него имелись сведения, что в 1950 г. были предприняты розыски этого камня местными научными работниками, но о результатах их ничего не известно. Об этом же В. А. Петров сообщил 3. И. Ямпольскому, который к приведенным мною сведениям добавляет: «Полагая, что надпись на нем (на камне) известна, В. А. Петров не придал ей тогда должного значения. Разыскания этого камня в настоящее время начаты благодаря указаниям, данным Н. К. Зверьковым и А. А. Дубровским» (3. И. Я м п о л ь с к и й. Вновь открытая латинская надпись у горы Беюк-Даш, стр. 182).

мени, а именно найденный в соседнем с Карягино Лачинском районе (сел. Зерты) бронзовый светильник с изображением театральной маски, происходящий из восточных провинций Римской империи (быть может, из Сирии) и датируемый концом I—началом II в. н. э.¹

Пехлевийские надписи

На территории исторической Албании сохранились также надписи пехлевийские на раннесредневековом официальном языке Персии, начертанные пехлевийским письмом. 20 таких надписей, высеченных на северных стенах Дербента, являются документом того времени, когда Сасаниды, вторгшись в Закавказье и навязав свое господство и Албании, осуществляли постройку грандиозных стен Дербента, пограничной крепости, предназначенной задерживать вторжения врагов с севера.

Вопрос о времени и технике постройки стен Дербента рассматривался мною выше; здесь я остановлюсь на вопросе о пехлевийских надписях, в которых, судя по их содержанию, документируется завершение постройки того или иного отрезка или прясла стены.

История изучения этих надписей такова.² Наличие их на Дербентской стене впервые установил поэт Д. Кантемир еще при Петре I, во время персидского похода в 1722 г. проведший несколько месяцев в Дербенте.³ Он зарисовал несколько замеченных им надписей, впоследствии поступивших в архив Академии наук, где они 100 лет спустя, в 1828 г., были изучены акад. Фрэнном и в 1837 г. изданы, при этом Фрэнн одну из них определил как пехлевийскую.⁴

Дело в том, что на стенах Дербента имеется большое количество более поздних надписей, арабских и персидских, которые тоже были зарисованы Кантемиром.

В 1842 г. сбором надписей в Дербенте занимался И. Н. Березин.⁵ Наличие на некоторых из них пехлевийского письма устано-

¹ Р. В. К и н ж а л о в. Бронзовый светильник из Зерты. ДАН Азерб. ССР, т. X, № 9, 1954, стр. 667 и сл.

² Полная библиография и подробное изложение истории обнаружения и изучения этих надписей имеются в статье Е. А. Пахомова (Пехлевийские надписи Дербента. Изв. Общества обследов. и изуч. Азербайджана, № 8, вып. V, Баку, 1929, стр. 9 и сл.).

³ Collectanea Orientalia. Opere Dem. Kantemiru, publ. da Academia Komana. vol. VIII. Bucuresci, 1883.

⁴ Х. Ф р э н. О надписях города Дербента. Труды и летописи Общества истории и древностей российских, т. VIII, 1837, стр. 101—128; Ch. F g a e h n. Das asiatische Museum. St.-Petersbourg, 1846, SS. 297—326.

⁵ И. Н. Б е р е з и н. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань—СПб., 1849, стр. 128, примечания на стр. 72—73.

вил в 1851 г. И. Бартоломей и датировал их V—VI вв., о чем сообщил П. С. Савельев.¹

В 1909 г. стены Дербента изучал Я. И. Смирнов, составивший описание их и обнаруживший две или три новых надписи. Рукопись Я. И. Смирнова с его зарисовками мне изучить не удалось: ее в 1928 или 1929 гг. В. В. Бартольд, у которого она находилась, переслал Е. А. Пахомову.²

В западноевропейской литературе дербентские надписи упоминаются только у Э. Друэна; в 1929 г. их изучал и издал Г. С. Ниберг, предложивший чтение их текста.³ Инициатива систематического исследования пехлевийских надписей Дербента принадлежит Е. А. Пахомову, который в 1924 г. поднял вопрос об организации их розыска и издания. Осуществить это важное предприятие ему удалось только в 1928 г., причем большую помощь оказал ему в этом деле местный краевед П. И. Спасский.⁴ В 1928 г. к ранее известным шести надписям прибавилось еще 13. В том же 1928 г. стены Дербента изучал И. А. Орбели, которому удалось обнаружить самую интересную из дербентских надписей, содержащую дату (рис. 48, 3).⁵ Все 20 надписей были изданы Е. А. Пахомовым в 1929 г., а по его материалам эти надписи изучал Г. С. Ниберг, который предложил их чтение, истолкование и датировку. По его мнению, надписи по письму относятся к одному и тому же времени, но по содержанию делятся на 4 группы. Первая (табл. 38 и 39, 2, рис. 48 и 49, 5—7) состоит из 7 надписей, которые Г. С. Ниберг читает: «Это и отсюда вверх Барзниш, амаркар Атурпатакана [выполнил]» («en u has ararbar Barznis i Aturpatakan amarkar»). Термин «амаркар» (арм. hamar-kar) — официальный сасанидский титул лица, на обязанности которого лежал сбор податей в определенной части государства, заведование местными финансами и производство строительных работ государственного значения.⁶ Здесь речь идет об амаркаре Атурпатакана (так персы в VI в. называли Атропату),⁷ в ведение которого входила и Албания.

¹ П. С. Савельев. Известия о восточных древностях и монетах. Труды Восточного отделения имп. Археологического общества, ч. 1, § XXXV, 1855, стр. 301, 322—323.

² Е. А. Пахомов. Пехлевийские надписи Дербента, стр. 10.

³ Г. С. Ниберг. Материалы по истолкованию пехлевийских надписей Дербента. Изв. Общества обследов. и изуч. Азербайджана, вып. V, 1929.

⁴ Е. А. Пахомов. Пехлевийские надписи Дербента, стр. 11.

⁵ Там же, стр. 14, табл. П—III, № 3.

⁶ Себеос. История. Ереван, 1939, гл. XIV и XXI (стр. 46 и 54).

⁷ Баласакан (Пайтакаран) в VII в., судя по «Армянской географии VII в.» (изд. К. П. Патканова, СПб., 1877, стр. 50), был присоединен к Атрпатакану: «Пайтакаран, к востоку от Ути, па Араксе, имеет 12 областей, которыми владеет ныне Атрпатакан». Это произошло, по-видимому, после 378 г., когда Пайтакаран отложился от Армении и перешел к сасанидскому Ирану.

при нем, по-видимому, завершена начатая до него постройка дербентских укреплений, которые возводились не один десяток лет.

Возможно следующее предположение как одно из объяснений появления имени амаркара Атурпатакана на отдельных камнях Дербентской стены: поскольку в его функции, как говорилось выше, входило и наблюдение за производством строительных работ государственного значения, эти надписи могли бы являться своего рода протокольными записями о принятии им выполненных отдельных частей работы по кладке стены.

Следует отметить, что в шести надписях сказуемое-глагол отсутствует, как это вообще принято в строительных надписях, помещаемых на самой постройке; но на двух надписях (рис. 48, 5 и 3) — той, в которой имеется и дата) в конце стоит слово *karde* — «выполнил», «сделал». Отсутствие этого глагола в аналогичном тексте других надписей едва ли случайно. Что касается даты, то Г. С. Ниберг читает: «...в году 700», что по аршакидской эре соответствовало бы 453 г. (Ниберг, между прочим, ошибся и высчитал 553 г.).¹

Принимая во внимание традицию, согласно которой в строительных надписях цифры даты указывают на год правления царя, когда высечена была надпись,² более вероятным представляется предположение Е. А. Пахомова, высказанное им в другой его статье, посвященной также дербентским надписям.³ Здесь Е. А. Пахомов предлагает усматривать в указанной цифре не «700», а, допустив обычную в монетных датах перестановку, читать «37», принимая это число за порядковый год царствования Хосрова I, т. е. 567 г. С этим его предложением Г. С. Ниберг не согласился, тем не менее точка зрения Е. А. Пахомова представляется более правильной, так как она полностью совпадает с теми фактами, которые могут быть извлечены из письменных и археологических данных.

Вторая группа состоит из двух довольно больших надписей (табл. 39,1, рис.49,8), но очень плохой сохранности. Речь в них идет о том, что производилось что-то «от берега моря вглубь [или вдоль] вместе с...» — дальнейшее не читается.

Третья группа состоит из пяти надписей (рис. 50, 14, 15, 17, 19, 20), содержащих по одной строке: «мною сделано акан» («man akan kart»). Г. С. Ниберг перевел *akan* — «штукатурка», но Е. А. Пахомов с таким чтением не соглашается. При этом он почему-то не использовал для истолкования надписи указание, которое содержалось в письмах к нему (как он сам сообщает) таких иранистов, как

¹ Г. С. Ни б е р г, ук. соч., стр. 29.

² Ср. греческую, тоже строительную надпись в Гарни (К. В. Т р е в е р. Надпись о построении армянской крепости Гарни. Л., 1949).

³ Е. А. П а х о м о в. К истолкованию пехлевийских надписей Дербента. Изв. Азербайдж. научно-исслед. инст., т. I, вып. 2, 1930, стр. 14—15.

9
 ۱۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰
 ۱۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰
 ۱۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰
 ۱۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰
 ۱۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰
 ۱۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰

۱۰
 ۱۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰
 ۱۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰
 ۱۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰

۱۲
 ۱۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰

۱۴
 ۱۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰

۱۵
 ۱۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰

۱۶
 ۱۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰

۱۷
 ۱۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰

۱۸
 ۱۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰

۱۹
 ۱۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰

۲۰
 ۱۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰۰

Рис. 50. Пехлевийские надписи (№№ 9, 10, 12-20). Дербент. (По Е. А. Пахомову).

Эпиграфические памятники

Ф. А. Розенберг и В. Ф. Минорский, отмечавших, что в персидском «акан» означает «набивка», «начинка».¹ Если это так, то тогда, мне кажется, речь могла бы идти о забутовке стены — об одном из важных процессов строительных работ по возведению стен. А штукатурки на стенах Дербента никогда не было, во всяком случае, на всем их протяжении следов ее нет. Если привлечь армянскую лексику, то в армянском языке «акан» означает «ров», а также «пробоина» или «подкоп» в крепостной стене, но может ли об этом идти речь в надписях, неизвестно.

Четвертая группа состоит из двух надписей (рис. 50, 16 и 18) однородного содержания. Ниберг предлагает читать *Aturen nihat*, а именно собственное имя *Aturen* и глагол *nihat* — «положено Атуруenom».² Мне кажется, что в этом тексте речь может идти о кладке плит, т. е. отесанных камней, на определенном участке стены.³

Дербентские надписи по-настоящему все еще окончательно не прочитаны, на что указывает и сам Г. С. Ниберг: со стороны содержания они еще не изучены настолько, чтобы с их помощью можно было бы судить о строительных приемах VI в. Между прочим, указанные исследователи не обратили внимания на то обстоятельство, что семь надписей первой группы со словом «Барзниш» помещены на пряслах стены, а не на башнях, как другие, и что все они находятся на высоте 1.5 и над землей, на разных отдаленных друг от друга участках стены. Это дает, по-моему, основание думать, что постройка стен велась, быть может, отдельными отрядами снизу вверх, но на всем протяжении стены одновременно. Это дает также основание предполагать, что при Барзнише (если правильно это чтение) приступили к работе, когда нижние ряды кладки были уже доведены до высоты 1.5 м; ведь во всех 7 надписях говорится: «Это и отсюда вверх».

Все надписи высечены на северной стороне северной степы, т. е. лицом к врагу, как это всегда делалось в древних крепостях.⁴ Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что некоторые надписи помещены в кладку боком, поставлены на ребро, поэтому они, будучи высечены у края камня, читаются не справа налево, а сверху вниз (табл. 14). Если это не какая-либо местная особенность письма надписи, то остается предположить, что эти надписи, не носящие монументального характера ни по размеру букв, ни по общему облику, являлись деловыми пометками, которые должны были свидетельствовать о том, что работу именно с этого места вверх, т. е.

¹ Там же, стр. 46.

² Г. С. Ниберг, ук. соч., стр. 32.

³ В надписях за №№ 11—13 имеется по одному слову; в № 11 (табл. 40, 2) — имя «Барзниш».

⁴ В Ави и Баберде надписи тоже высечены на наружной стороне стен.

в вышину, принимал амаркар; едва ли они предназначались для увековечения заслуг этого официального лица, не являвшегося ни правителем, ни государем, ни марзпаном-наместником.

Предположить же, что камни были неправильно положены каменщиком, а были рассчитаны для чтения справа налево, невозможно, так как камни эти не квадратные, а прямоугольные, и потому не могли укладываться произвольно. Если же каменщик-кладчик был неграмотным (что более чем вероятно), то ни на Кавказе, ни в Иране он не мог в то время видеть надпись вертикальным письмом, так как все виды письма тут были всегда горизонтальные. Кроме того, надписей, требующих чтения по вертикали, в Дербентской стене имеется не одна, а несколько. В своем вышедшем в 1958 г. труде В. Хеннинг¹ относит большинство пехлевийских надписей Дербента ко времени Хосрова I, т. е. к VI в. Что касается надписей за №№ 15—20, то, по его мнению, чтение их «определенно предполагалось сверху вниз». Относительно даты в надписи № 3 В. Хеннинг не соглашается с чтением Г. Ниберга, полагая, что речь идет о 557/8 г. или же о 567/8 г. (если усматривать в цифрах «37»). Таким образом, он соглашается с чтением и датировкой Е. А. Пахомова, которые разделяю и я, опираясь на вышеизложенные соображения исторического порядка.

Пехлевийское письмо и язык, судя по надписям в Дербенте, были достоянием только завоевателей — персов И, может быть, какой-то незначительной части местного населения, связанного с персидским государственным аппаратом. В этом отношении следует обратить внимание на то, что среди сотен печатей из Мингечаура только на одной, насколько мне известно, имеется пехлевийская надпись, и то не полная (apast(an)) — надпись, которая встречается на большей части всех находимых в Персии рядовых печатей, заменявших подпись.

Подведя итоги сказанному, следует подчеркнуть, что к собиранию и изучению эпиграфических источников по истории и культуре Кавказской Албании наука только приступает; наличное количество этих документов еще слишком мало, чтобы позволить широкие исторические обобщения. Тем не менее, вышеприведенные надписи и попытки истолкования их и сейчас в известной мере освещают ряд вопросов из истории культуры народов Азербайджана и Дагестана.

¹ W. B. Henning. *Mitteliranisch. Handbuch der Orientalistik, Bd. IV. Iranistik.* Leiden—Köln, 1958, S. 48.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

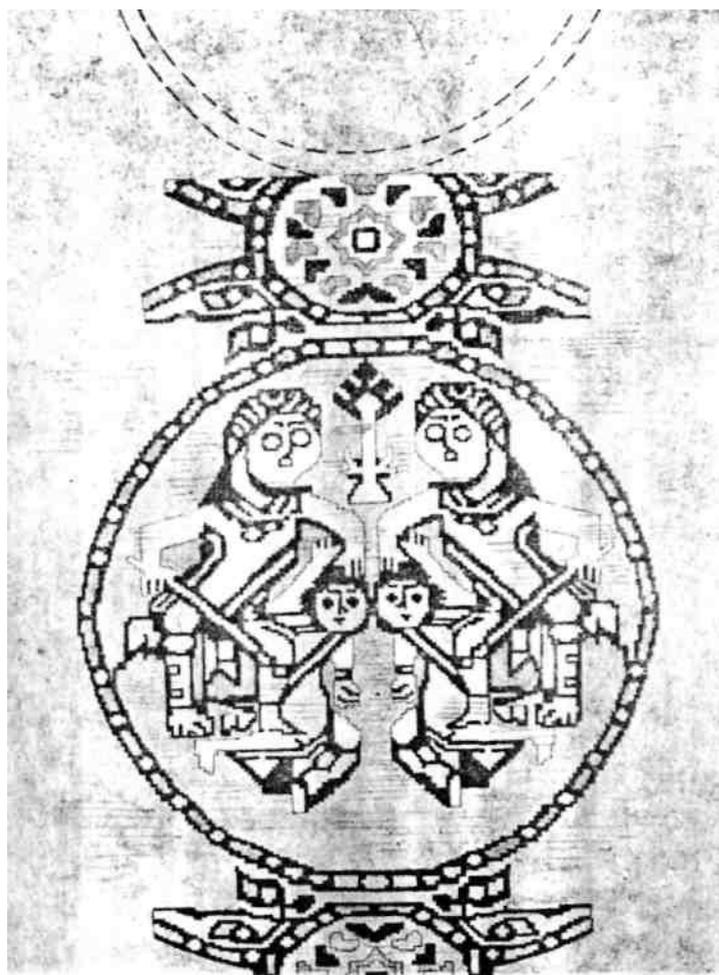
Имеющиеся в нашем распоряжении письменные и вещественные источники, несмотря на их отрывочность и разновременность, позволяют все же усмотреть в развитии культурной жизни Кавказской Албании три последовательных этапа.

Первый из них охватывает IV—II вв. до н. э., т. е. период до сложения албанской государственности. Характерным для этого времени является общность культурных явлений (судя по памятникам материальной культуры) у албанских племен и у народов и племен Закавказья, а также Передней и Малой Азии.

Следующий этап, начиная со II—I вв. до н. э. и до III в. н. э., может рассматриваться как период расцвета местной культуры. В это время завершается процесс объединения разноязычных племен и сложения албанского государства. Воздействие эллинистической и римской культуры не достигает здесь того уровня, какой наблюдается в Армении и Ибернии, так как экономическое развитие и географическое положение Албании обуславливали специфический характер развития ее культуры.

В IV—VII вв. происходит процесс усиления культурного сближения феодальной Албании с соседними Арменией и Иберией на почве общей борьбы с сасанидским Ираном, с Византией и с хазарами, а затем с арабами. Этот период отмечен общностью Материальной культуры у народов Албании, Армении, и Иберии, а также Северного Кавказа, Ирана и отчасти Византии.

Новая политическая и экономическая обстановка, сложившаяся в Кавказской Албании после арабского завоевания, обусловила новые формы ее культуры при сохранении древних местных традиций.

Шелковая ткань. Мошевая балка, Кубань. (Эрмитаж).

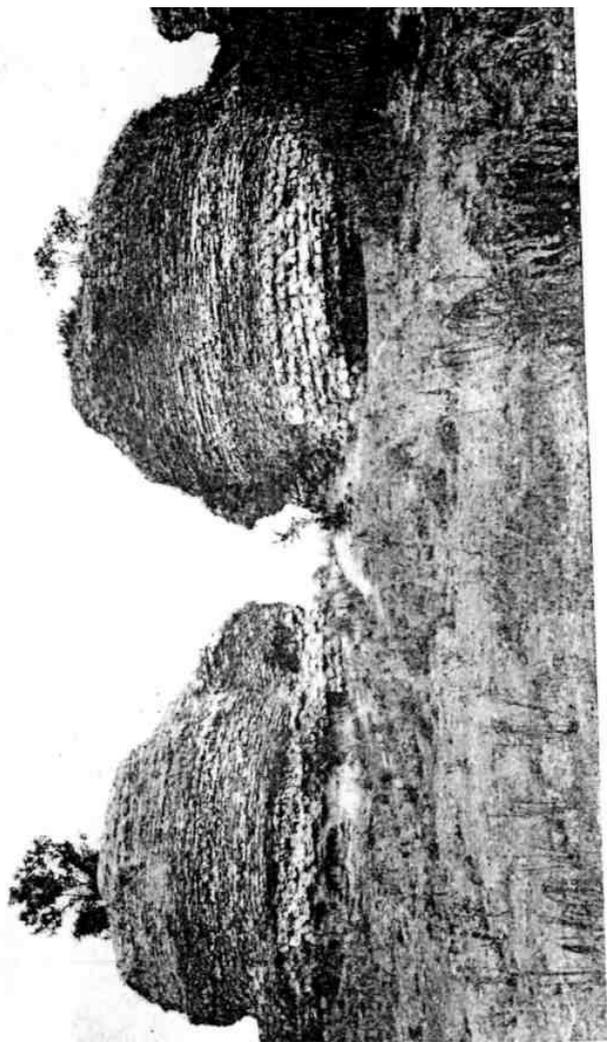

Серебряное блюдо. Сел. Енгикенд.
(Эрмитаж).

Серебряный кувшинчик. Дагестан. (Эрмитаж).

Кабарда. Бамит у порог.

Дербент. Вид на стены и цитадель.

«Горные стены» Дербента (акварель XIX в.).

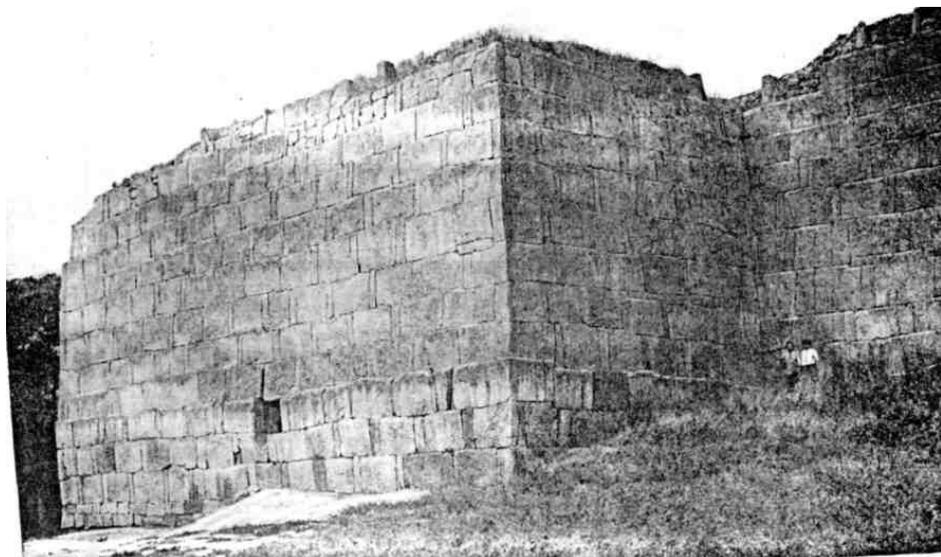
Дербент. Общий вид.

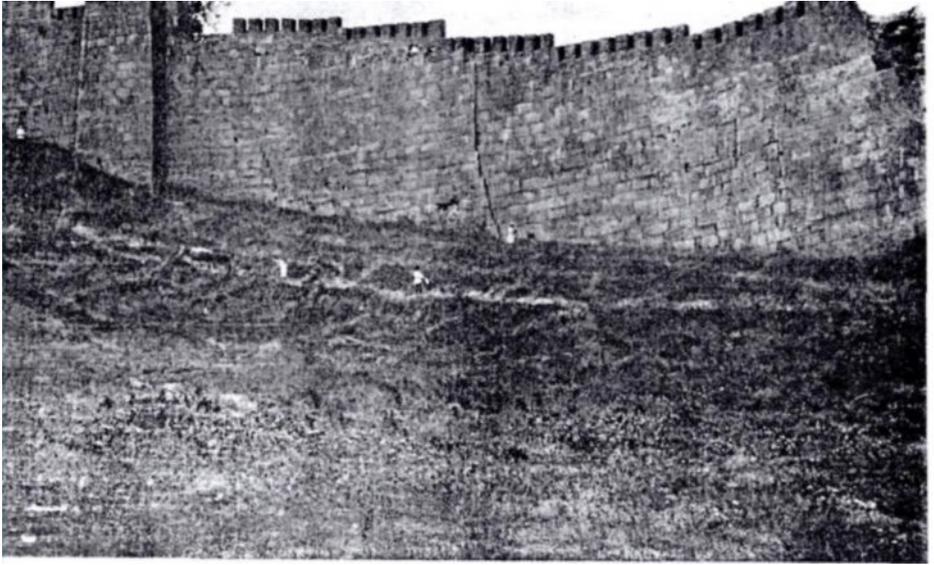
Дербент. Одна из башен северной стены.

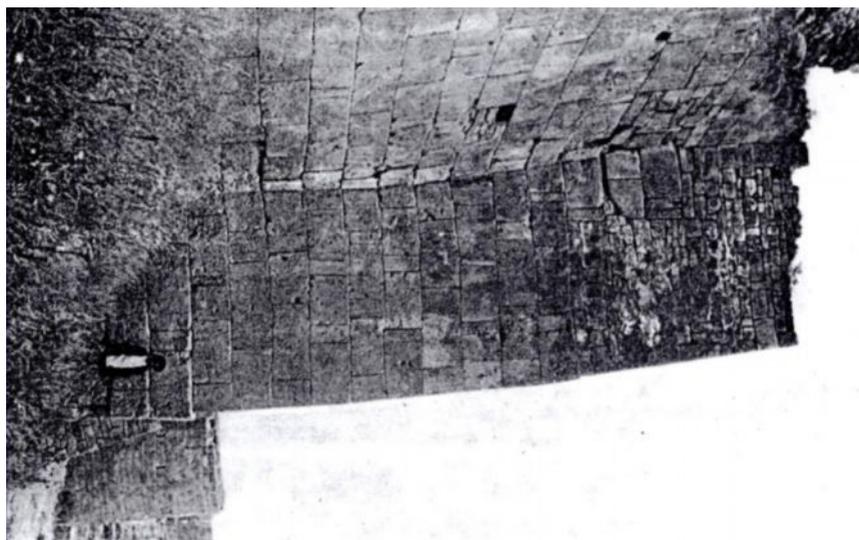
Дербент. Облом северной стены.

Дербент. Часть северной стены.

Дербент. Часть южной стены.

Дербент. Участок северной стены с пехлевийской надписью

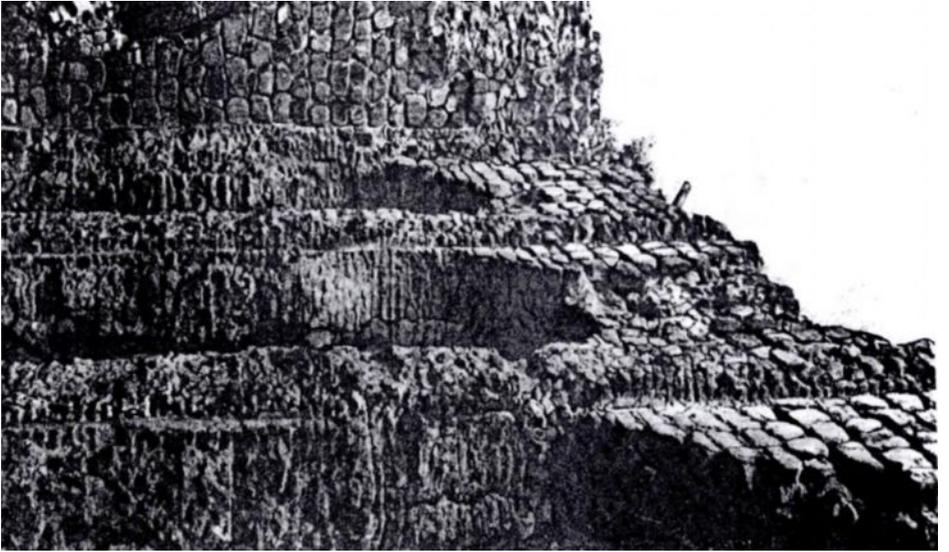
Базилика в сел. Кум.

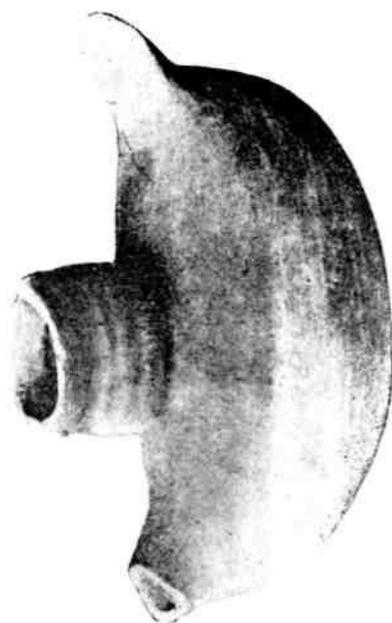

Базилика в сел. Кум. Северо-западный угол.

1

2

Глиняные воюлен. Из раскопок в Мингечауле.

Бронзовая курильница. Дагестан. (Эрмитаж)

Бронзовый водолей. Дагестан. (Эрмитаж).

Бронзовый водолей. Дагестан. (Эрмитаж).

Бронзовая курильница. Нахичеванская АССР. (Эрмитаж).

Бронзовый кувшин. (Музей Грузии) .

Бронзовый кувшин. Дагестан. (Эрмитаж).

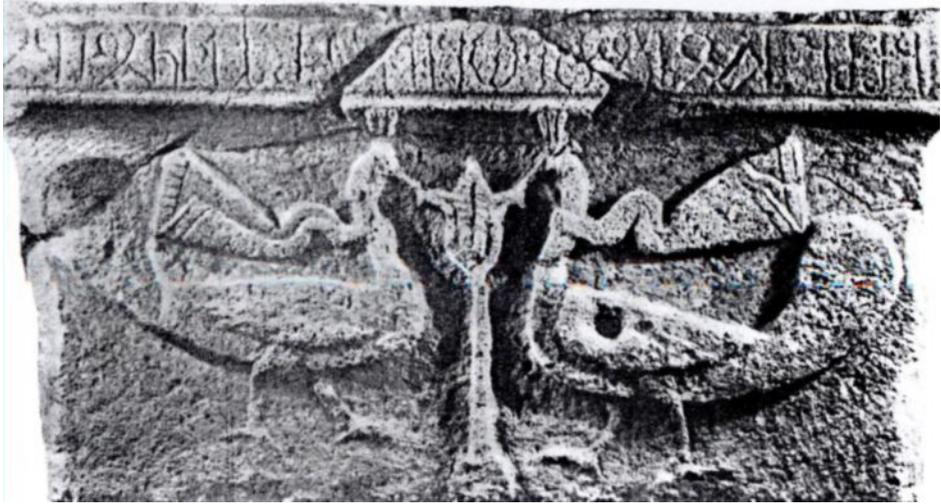
Тот же кувшин (сзади). Дагестан. (Эрмитаж).

Бронзовое блюдо. Дагестан. (Эрмитаж).

Бронзовое блюдо. Дагестан. (Эрмитаж).

Камонная капитель. Из раскопок в Мингечауре.

Рельеф из обожженной глины. Тхоба-Ерды.

Бронзовый кувшин (спереди). Дагестан. (Эрмитаж).

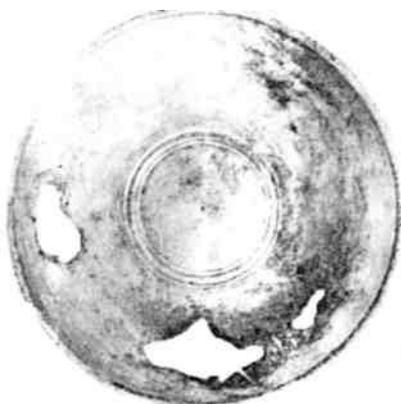
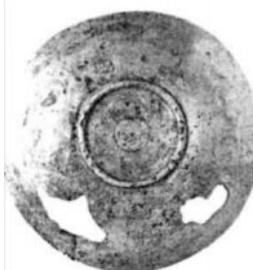

Тот же кувшин (сбоку). Дагестан. (Эрмитаж)".

Чаша серебряная. Из раскопок в Мингечауре.

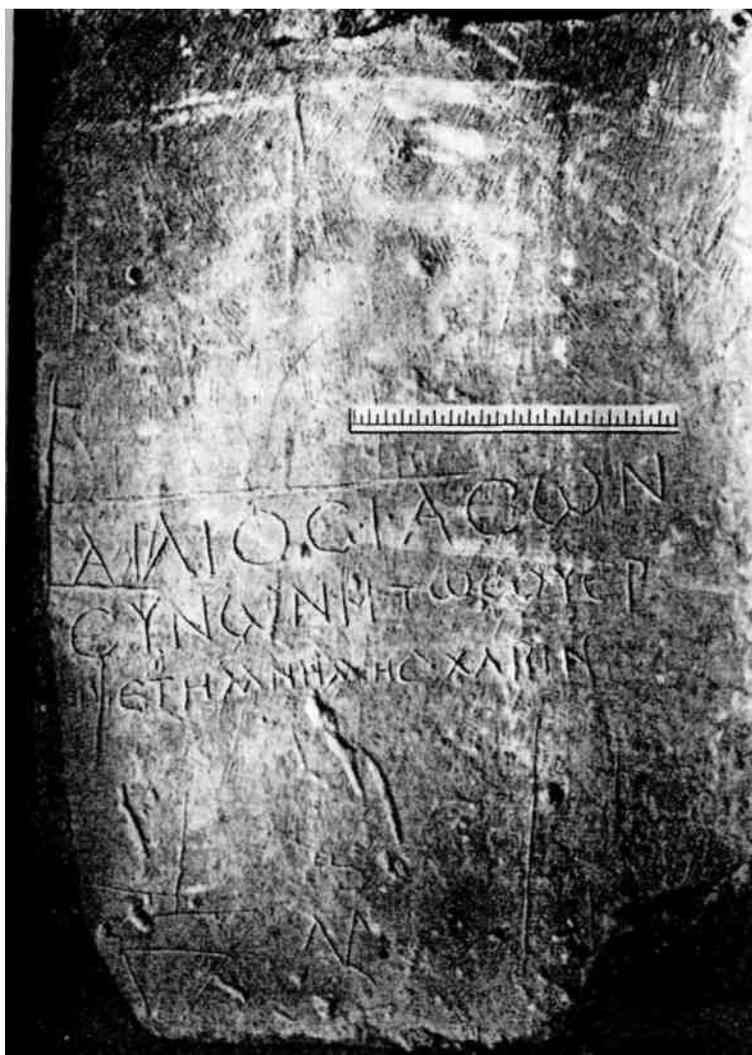

Чаша и блюдо серебряные. Из раскопок и Мингечауре

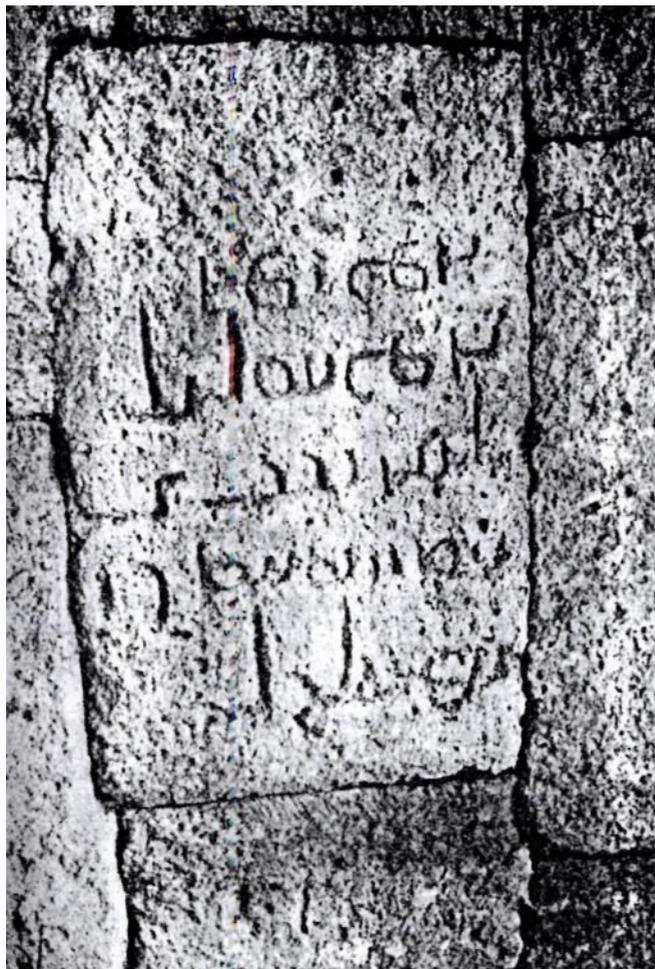

Албанская надпись на капители (см. табл. 28).

Грйческая надпись. Бежк-Дегне. (Музей Грузии).

Пмлевийская надпись (№ I). Дербент.

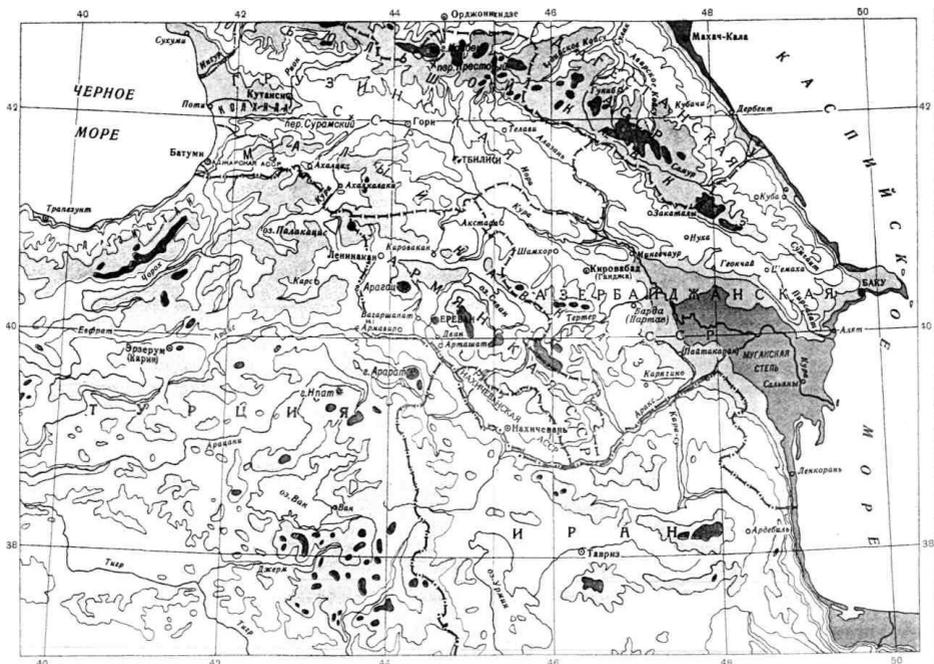

Пехлевийские надписи. Дербент

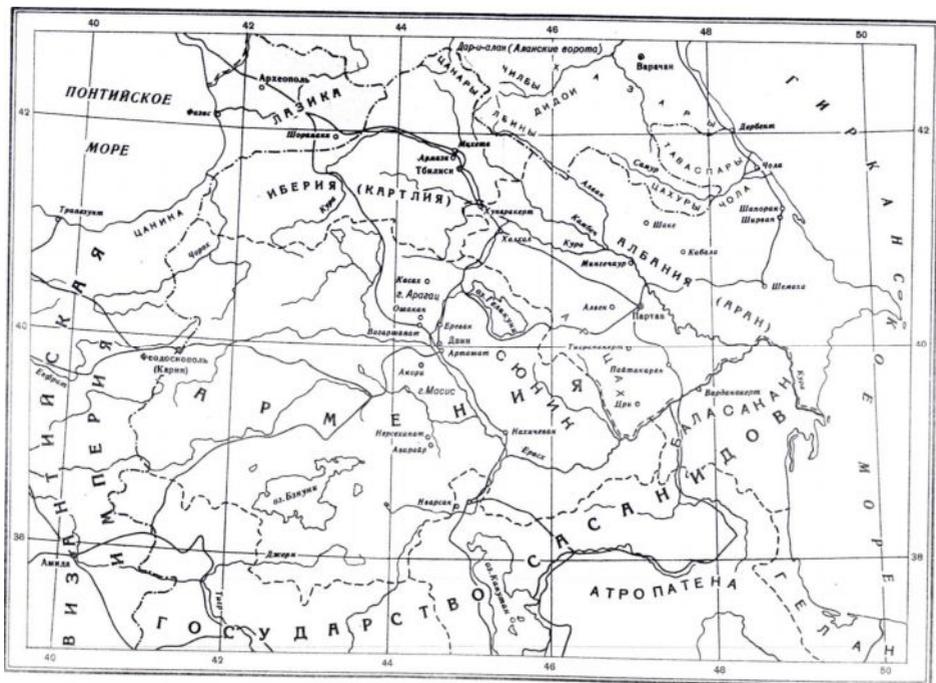

СОВРЕМЕННАЯ КАРТА ЗАКАВКАЗЬЯ

КАРТА ЗАКАВКАЗЬЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ СТРАН В V—VII вв.

- Абас, албанск. католикос 221, 223, 293
 Абд. ал-Малик, халиф 250
 Август, император 9, 85, 114—116, 165
 Авраам Мамнконян, армянск. католикос 313
 Аврелиан, император 136
 Агарь, библейск. 244
 Адриан, император 130, 131
 Айлий Ясон 340
 Александр Македонский 9, 52—55, 57, 60, 77. 122, 123, 126, 269, 270, 272
 Алп-Арслан 255
 Алп-Илитвер 31, 249, 250, 261
 Аматауни Вахан, армянск. военачальник 190, 191, 196
 Анания, албанск. епископ 308
 Анастасий, император 224
 Анахпта, божество 150—152, 320, 322
 Антиох Коммагенский 109
 Антпох, полководец римск. 189, 190
 Антиох I. сын Селевка I 56
 Антоний 9, 10, 45, 67, 111 — 114, 147, 149, 306
 Апариск 191
 Арамазд, божество 151
 Аран, легенд, предок 4, 46, 49, 66, 136, 144—146
 Ардвисура, божество 322
 Ариобарзан, армянск. царь 115
 Аристобул, иудейск. царь 108
 Армапнак, армянск. легенд, предок 144
 Арриан Флавий, римск. правитель 130
 Арсваг, Арсваген, албанск. царь 20, 217, 308
 Артавазд II, армянск. царь 111, ИЗ
 Артавазд V(?) армянск. царь 133
 Артавазд Мамнконян 196
 Артаван III, парфянск. царь 111, 116, 117
 Арташес I, армянск. царь 58
 Арташес II, армянск. царь 113
 Арташес (Зенон), армянск. царь, ставленник Рима 117
 Арташес, армянск. царь (кон. I в. н. э.) 344
 Арташир I Папакап 132
 Арток, иберск. царь 93, 97, 102, 108—110
 Арцруни Меружан, армянск. князь 200
 Аршак II, армянск. царь 198, 200
 Аршакиды албанские 145, 217, 254, 289
 Аршакиды армянские, см. Аршакуни 130, 132, 133, 145, 188—190, 197, 198, 201, 220, 285
 Аршакиды парфянские 116, 117, 145
 Аршакуни 196, 200

Аршес, албанин 296
Арт-Вшнасп Османтеан, марзпан 218
Атрнорсех, правитель Иберии 245
Атропат 55
Ахемениды 52—55, 70
Ахитовель, бпблейск. 200

Бабек 15

Бабик, князь сюннийский 287 Бавандак (Бундое), еретик 222 Багарат
Багратупи, армянск. полководец 189, 190 Бакур, албашш 296 Барзниш 347,
348, 350, 352 Бахрам Чубин 135, 236 Бнот, еретик 221—223 Буга 15
Бундое, см. Бавандак 222 Бурзан 348

- Валарш I, армянск. царь 130, 131 Валарш II, армянск. царь 132 Валарш I, парфянск. царь 120 Валарш II, парфянск. царь 130, 131 Валарш, сасанндск. царь 219. 225 Валаршак, армянск. царь 47, 145, 146 Валент, император 198, 199 Валериан, император 132–134, 136,
308 Вараз-Григор, албанск. князь 33, 235,
241, 244, 245, 293 Вараз-Перож, албанск. князь 235 Вараз-Трдат, албанск. князь 31, 250,
264, 288, 290 Варазман, албанск. князь 235 Вараво (?) 249
Варахран I, сасанндск. царь 136 Вардан (Михранид), албанск. князь
235, 236, 296 Вардан Мамиконян, армянск. князь
18, 204, 207–213, 232, 289 Варскен, Иберек. питиахш 218 Васак Сюнийский, армянск. князь
202, 205–207, 210, 211, 213, 288–
291, 308 Вахан, албанск. царевич 209, 210 Вахан Амадуни, см. Амадунг
Вахан Вахан Мамиконян, армянск. князь
218, 232 Вахан Сюни, сюнийск. князь 233 Вахтанг Горгасал 21, 218,
219 Вачагаи I, албанск. царь 20 Вачагаи III, албанск. царь 16,
20,
185, 217, 225, 226, 228, 229, 236,
291, 292, 294, 295, 313 Ваче II, албанск. царь 185, 214–217,
225, 294, 313 Вениамин, албанин 308 Веспasiан, император 128 Виро,
албанск. католикос 14–16, 20,
241, 242, 292 Вонон, парфянск. царевич 116, 117,
121 Вурк, царевич лпинов 208
- Гайшах, персидск. правитель 240 Галерий, император 186 Гама,
албанин 296 Гелиос, божество 151 Геллип, римск. консул 112
Гераклид, сын Аргея 9, 56, 128 Германии 117
Готарз, парфянск. царь 84, 170, 258 Григорий Просветитель Армении
187, 196, 220, 310
Григорис, армянск. епископ 184, 188,
189, 191, 194, 196 Грумбат, хионитский царь 198 Гют, албанск.
епископ 216, 217, 313
- Давид II, грузинск. царь 255 Давтак, албанск. поэт 13, 314 Дарий,
мидийск. царь 109, 110 Дарий I. персидск. царь 51, 144 Дарий III,
персидск. царь 52–55, 90 Джамасп, албанин (?) 278 Джебу, хакан 239,
241, 242, 244 Джываншер I 13–15, 38, 185, 186, 235, 236, 245–
250, 266, 289, 290, 304, 305, 313, 314, 329, 330 Диоклетиан, император
186, 222 Долгот 344
- Домициан, император 127–129, 343– 345
- Евнон 340
Евуд-Хосров, албанин 235 Елиазар, албанск. епископ 290 Елише,
албанск. апостол 339 Ениба, библейск. 249 Ераншахик, армянск.
род 235
- Зармихр Хазаравухт, армянск. полководец 218 Захария, албанск.
священник 252 Зевс 151
Зенон (Аргашес), армянск. царь 117 Зобер, албанск. царь 112. ИЗ, 145
Зосима, армянск. царица 108
- Пафет, библейск. 145, 217 Ибас, еретик 221–223 Иездегерд, албанск.
царевич 225 Иездегерд II, сасанндск. царь 18,
202–204, 209, 211–214, 268, 270,
271, 273. 274, 289, 315 Иездегерд III, сасанндск. царь 185,

244, 329 Иеремия, албанск. епископ 308 Илия, еретик 221 Иоанн, албанск. епископ 254 Иоанн II, армянск. католикос 221, 222 Иоанн Арчешский, переписчик XV в.

310, 311 Ноасаф, дьякон 310 Иовиан, император 198 Ионафан 308 Ираклий, император 33. 238-241, 244, 252, 285, 293, 339 . Израэл, албанск. епископ 250, 264

Собственные имена

Кавад I, сасанидск, царь 224, 232, 254, 266, 268, 271, 272, 277, 278, 286 Кавад II, сасанидск. царь 241 Камсаракан Спандарат, армянск. полководец 200 Канидпй Публий, римск. полководец 111-113 Каракалла, император 132 Кардост, албанск, епископ 22 Касперий, римск. центурион 119 Келер Метелл, римск. военачальник

94, 95 Кир 41

Константин I, император 193 Констант II, император 246, 290,

304, 313 Константин Вагрянородный 5 Констанций, император 189, 276 Корбулон, римск. полководец 120-122, 140 Косис, Нотис, албанск. царевич 99, 101, 103, 145 Красе 111, 112 Кронос, божество 95, 102 Ксеркс, персидск. царь 51

Лукий Флакк, римск. военачальник

94, 95 Лукулл 7, 10, 45, 88, 90. 91, 107, 147, 306

Маврикий, император 234, 237. 238

Маздак 220-222, 224

Максим, Л. Юлий, римск. центурион

127, 342, 343 Мамиконяи Авраам, армянск. епи-

скоп 313 Мамиконян Лртавазд 196 Мамиконян Вардан, армянск. полководец 18, 204, 207-213, 232, 289

Мамиконян Вахан, армянск. князь 218,

232 Мамиконян Ваче, армянск. полководец 196

Мамиконян Мушех, армянск. полководец 198-200 Манасе, албанск. епископ 253. 295 Мани 293

Маркиан, император 207, 273, 274, 293 Марут, албании

296 Маслама, араоск. военачальник 32,

254, 273, 285, 286 Матусала (Мафусаил),

албанск. поэт

и философ 314 Маштоц, Месроп 16, 18, 20, 49, 307-309

Мерван II, халиф 20, 32, 250, 280

Мермерпй, перс 23;0, 232
 Меружан Арцруни, см. Арцруни
 Меружан Месроп Маштоц, см. Маштоц Метелл Келер, римск.
 военачальник
 94, 95 Мирсебухт, марзпан, см. Себухт 207 Мптридат. армянск. царь
 Г, 117,
 119, 420 Мптридат Евпатор 7, 9, 32, 88, 91.
 92, 96, 108, 109 Мпхр, божество 151 Михр Гарик, албанин 296 Мпхр
 Михран, албанск. князь 180,
 234-236 Михравандак Бахрам, см. Бахрам
 Чубин Михран, иберск. царь 189, 190 Михран, персидск. полководец
 219 Михраниды, албанский род 234—236.
 250, 289 Михрнарсе, персидск. полководец 207,
 211, 288, 289 Мкртыч, армянск. священник XV в..
 заказчик рукописи 310 Моавпя, халиф 247—249 Мушех, армянск. нахарар
 236 Мушех Мамиконян, см. Мамиконян
 Мушех Мушкан Нисалавурт, персидск. пол-
 ководец 212 Мэн, божество 151, 152, 292
 Нарсе, сасанпдск. царь 187
 Нарсе, сын Джамаспа, предок Шир-
 ваншахов 278 Нерва, римск. консул 112 Нереида, мифологическ. 176
 Нерон, император 120—126,274 Нерсес, албанск. епископ (.) 339 Персее,
 албанск. католикос 12 Нерсес халкедонит, албанск. католикос 254 Несторий
 221, 293 Нисалавурт Мушкан, см. Мушкан Нисалавурт
 Октавиан Август 114
 Олтак, колхидск. царь 104, 109, 110
 Ормизд, сасанидск. царевич 213
 Ормизд I, сасанпдск. царь 136
 Ород, парфянск. царевич 117—119
 Ород, парфянск. царь 167
 Ород. см. Оройс

Указатели

Оройс, Ород, албанск. царь 92—96, 98—100, 102—110, 145, 161, 307
 Осман, халиф 245 Османтеан, см. Атер-Вшнасп
 Павел Самосатский, еретик 293 Пакор, мидийск. царь 120 Пап, армянск.
 царь 198—200, 265 Патрокл 9, 55—59. 106, 128, 140, 147 Перожавра,
 сунийская царица 21 Пероз, сасапидск. царь 213—219, 225,
 230, 266, 271 Петр I 346
 Поллион Целий, римск. префект 119 Помпеи 7, 8, 10, 24, 27, 32, 41, 45,
 47, 55, 57, 60, 67, 91 — 110, ИЗ, 128,
 147, 149, 253, 306, 345 Пюрок, албанин 296
 Радан, албанпн 296 Радомист, иберск. царевич 119 Рштуни Теодорос,

армянск. полководец 247

Санатрук (Санесан) 188—191, 196, 197

Санесан (Санатрук) 188, 189, 191, 192, 194—197

Сасаниды 33, 36, 75, 91, 132, 133, 185, 187, 191, 196—198, 202, 214, 219, 236, 245, 254, 267, 268, 270, 273, 285, 286, 291, 330

Себухт, марзпан 207, 208

Селевк I 9, 56

Селевкиды 60, 128, 345

Селена, божество 151, 152, 322, 326

Семавшнасп, марзпан 241

Септимий Север, император 131

Симеон, армянск. католикос 12

Син, божество 326

Сисак, Сисакан, легенд, албанск. предок 4, 145, 146, 285

Спандарат Камсаракан, см. Камса-ракан

Спракос, албанин 296

Стефан Сюнийский, сюнийск. епископ 314, 315

Сулейман, халиф 273, 285

Сурен, персидск. марзпан 232, 233

Сюнп Васак, см. Васак СЮНИЙСКИЙ

Сюни Вахан, см. Вахан Сюни

Сюни, княжеский род 285

Терентий, римск. полководец 199 Тиберий, император 116, 117 Тиберий III, император 250

Тигран II, армянск. царь 88—92,.

108—110, 251 Тигран Младший, армянск. царевич;

92, 94, 95, 108, 109 Тиграниды 115 Тимур 29, 255 Тиразд, албанин 296 Тиран, армянск. царь 197 Тирпдат, армянск. царь, см. Трдат Тит,

император 128 Тохтамыш 255 Траян, император 129, 130 Трдат I, армянск. царь 120, 126, 301 Трдат III, армянск. царь 20, 48, 186—

189, 193, 196, 197, 265

Урнаир, албанск. царь 17, 198—201,

214, 217, 272 Ухтанес, албанск. епископ 266

Фаддей, апостол 20

Фарасман, иберск. царь 117—120

Фарасман II, иберск. царь 130, 131

Фарнабаз, иберск. царь 112, ИЗ

Феодорит, еретик 293

Феодосий I, император 199

Феодосий II, император 207, 273,

315 Феофил, аланск. (?) военачальник

226, 228—230 Филипп Араб, император 132 Флавию Арриан, римск.

правитель 130 Фока, император 238 Фома, еретик 221 Фома Мецопский 310,

311 Фраат III, парфянск. царь 167 Фраат IV, парфянск. царь 164

Хазаравухт Зармихр, см. Зармихр
Хазаравухт Халд, божество 155 Хоскен, албанин 296 Хосров I Ануширван, сасанидск. царь
224, 230, 231, 233, 243, 268,
277, 278, 280—283, 286, 287, 333,
349, 350, 353 Хосров I, армянск. царь 132 Хосров II Котак, армянск. царь
187,
189—191, 193, 195—197 Хосров II Парвез, сасанидск. царь
223, 231, 234—239, 241, 279, 292,
315, 330 Хосровануйш, сюнийская царица 314. Христос Иисус 294 Хурс,
албанин 296

Собственные имена

Целий Поллион, римск. префект 119

Чингисхан 255

Шапур I, сасанидск. царь 75, 132-
136, 308

287, 291

Шаргир, Царь леков 200

Шат, хазарск. хакан 240-244

Ширваншахи 278

Ширин, сасанидск. 241 Широэ, албанск, князь 250 Шунхалиша, албанск.
Архиепископ 295

Шушик, албанск. княгиня 235 Эган, византийск. военачальник 193 Эней,
мифологическ. 115 Эрато, армянск. царица 115

Юлиан, император 198

Юлий Максим, римск. центурион
127, 343

Юстин I, император 224

Юстин II, император 233

Юстиниан I, император
228, 230, 231

Юстиниан II, император 250

Ясон, мифологическ. 46, 157, 340.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ

- Абанд, гавар 196
 Абас, река 98
 Абдалла, сел. 159
 Аблана, город 141
 Абхаз (Абхазия) 280
 Аварайрское поле 212, 213, 218, 287, 194, 196, 197, 215, 216, 226, 231, 288
 Аварское Койсу, река 173, 232
 авары, аварцы 31, 40, 237
 Авлабар, сел. 342
 Автарайская долина 37. 62. 158
 агаряне (арабы) 15
 Агджабеды, сел. 64, 165
 230
 Агстев, река 208
 Аднабена, область 88—90
 адпабены, племя 88—90
 Адиабла, город 141
 Азербайджан - 23, 26, 29, 30, 34, 36-39, 47, 72, 76, 85—87, 89, 142, 179, 182, 232, 235, 253, 269, 286, 297, 320, 335
 Азовское море 126
 Айниана, город 143
 айнианы племя 142, 143
 Аиния, см. Ханхани
 Акилисепя, область 93, 150
 Аксай, река 140
 Акстафа, город 93. 96, 97, 118, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 610, 611, 612, 613, 614, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 627, 628, 629, 630, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 641, 642, 643, 644, 645, 646, 647, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 655, 656, 657, 658, 659, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670, 671, 672, 673, 674, 675, 676, 677, 678, 679, 680, 681, 682, 683, 684, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 700, 701, 702, 703, 704, 705, 706, 707, 708, 709, 710, 711, 712, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 719, 720, 721, 722, 723, 724, 725, 726, 727, 728, 729, 730, 731, 732, 733, 734, 735, 736, 737, 738, 739, 740, 741, 742, 743, 744, 745, 746, 747, 748, 749, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 758, 759, 760, 761, 762, 763, 764, 765, 766, 767, 768, 769, 770, 771, 772, 773, 774, 775, 776, 777, 778, 779, 780, 781, 782, 783, 784, 785, 786, 787, 788, 789, 790, 791, 792, 793, 794, 795, 796, 797, 798, 799, 800, 801, 802, 803, 804, 805, 806, 807, 808, 809, 810, 811, 812, 813, 814, 815, 816, 817, 818, 819, 820, 821, 822, 823, 824, 825, 826, 827, 828, 829, 830, 831, 832, 833, 834, 835, 836, 837, 838, 839, 840, 841, 842, 843, 844, 845, 846, 847, 848, 849, 850, 851, 852, 853, 854, 855, 856, 857, 858, 859, 860, 861, 862, 863, 864, 865, 866, 867, 868, 869, 870, 871, 872, 873, 874, 875, 876, 877, 878, 879, 880, 881, 882, 883, 884, 885, 886, 887, 888, 889, 890, 891, 892, 893, 894, 895, 896, 897, 898, 899, 900, 901, 902, 903, 904, 905, 906, 907, 908, 909, 910, 911, 912, 913, 914, 915, 916, 917, 918, 919, 920, 921, 922, 923, 924, 925, 926, 927, 928, 929, 930, 931, 932, 933, 934, 935, 936, 937, 938, 939, 940, 941, 942, 943, 944, 945, 946, 947, 948, 949, 950, 951, 952, 953, 954, 955, 956, 957, 958, 959, 960, 961, 962, 963, 964, 965, 966, 967, 968, 969, 970, 971, 972, 973, 974, 975, 976, 977, 978, 979, 980, 981, 982, 983, 984, 985, 986, 987, 988, 989, 990, 991, 992, 993, 994, 995, 996, 997, 998, 999, 1000

Географические и этнические названия

- Анкара (Анкара), город 9, 116
Антиохня, город 228—230
аорсы, племя 84, 174
Апар, область 202
Апзут-Кават, стена 272
Апшерон, Апшеронский п-ов 34, 62, 106, 209, 268
Араблар, сел. 272
арабы, арабский 3, 5, 15, 19, 20, 24, 28, 29, 32, 88—90, 129, 180, 200, 244, 247, 249, 254, 272, 273, 277.
Бактрийцы, народность 52, 133, 134
280, 282, 285, 286, 294, 329
Арагац, гора 210
Аракс, река 4, 25, 41, 42—44, 51, 197, 208
88—90, 106, 115, 128, 135, 137, баласичи, баласаканы, племя 191.
144, 160, 166, 180, 192, 195, 240, 192, 196, 208
243, 244, 246, 247, 334, 345, 347
Балканы 4
Араниака, город 144, 145, 156
араниаки, племя 144
Аранрот, область 144
Ардебиль, город 266
Армавир, армянск. город 144, 156, 210
Армази ИЗ, 176
Армазисхеви 170, 172
Армения, армяне, армянский *passim*
Армозика (Мцхета) ИЗ
Арран 5, 21—23, 179, 180, 182, 286, 310
Ар-Рихаб 179
Артагерс, город 20/
Артаз, область 212
Артагаат, город 84, 92—94, 111, 113, 201, 207, 210, 211
Аруч, сел. 210
Архплос-Кало, сел. 74, 160
Арцах И, 20, 146, 400, 201, 210, 212, 226, 228, 235, 220, 242, 295, 310, 313
Аспис, местность 61, 93
Ассирия 244
Атрек, река 43
Атропатакана атропатаканский
- Ашнак, сел. 80, 210
Аштарак, город 117
Баб-аль-абваб (Дербент) 179, 180, 182, 277, 278, 286
Багаван, город 199
Байлакан, город 185, 245, 265, 266, 286
Бакинский р-н 26, 30, 176
Бакрия, город 141
Баланджар, река 245
Баласакан, область 75, 150, 196.
Баласичи, баласаканы, племя 191.
Балушей, сел. 338
Бана, сел. 302
Бармак, крепость и стена 209, 211—213, 268—271, 274, 275, 280
Бартым, сел. 318
Барука, город 141
Басеан, долина 344
басилы, племя 276
Басра, город 286
бастарны, племя 108
Батман-Су, река 90
Беленджер, город 286
Белиджи, станция 262, 264, 338
Берда, Барда, Партав, город 21, 28, 85, 178—181, 253, 266, 286
Бет-Даду, область 21
Беш-Бармак, скала 269
Беюк-Даш, гора 37, 127, 128, 342
Беюк-Дегне, сел. 340—342
Боз-Даг, горный хребет 170, 256, 260
Болгария 322
Болппси, сел. 298, 299, 318, 322
Болнис-Капанакчи, сел. 298
Бори, сел. 80, 169
Борчалинская низменность 93

195, 196, 200, 220, 224, 233, 236, Боспор, Босфор 7, 57, 96, 129
 238, 204, 245, 347 боспорцы 129
 Атропатена, атропатенский 22, 37, Босра, город 303, 304
 44, 51, 55, 88 -90, 115, 121, 125, Британия 121
 127, 128, 135, 143, 145, 195, 196, Буйнакск, город 261, 263
 207, 238, 248, 261, 347 Бунак(?), река 272
 атропатены 89, 90
 Африка 133 Вавилон, вавилонский 70, 84, 88
 Ахалкалаки, город 93, 124 Вавилонское море (Персидский за-
 Ахалцих, город 93 лив) 46, 90
 Ах-Зыбир, озеро 270 Валаршапат, город 190, 191, 196,
 Ахмед-Ага, река 159 227, 304
 Ахтамар, остров 319, 323 Варарат, область 236

Указатели

Варачан, город 32, 185, 250
 Варна, город 322
 Варташен, сел. 47, 312, 338
 Варташенский р-н 35
 Васпуракан, область 234
 ват, племя 211
 Византия, византийский, византийцы 29, 33, 40, 49, 182, 185, 187, 198, 200, 207,
 211, 219, 220, 222, 224, 225, 230, 231, 233, 234, 237, 238, 240, 241, 244, 246,
 248, 250, 273, 290, 317
 Вираншер, город в Малой Азии 303
 Виркан 126
 Военно-Грузинская дорога 118
 Волга, река 57, 248, 251
 Востан-и-Марзпан, область 31
 гав, племя 211
 Гавгамела, город 29, 52, 55, 90 Гагара, город 140 Гайтара, город 139, 140,
 263 Гайшаван (Гандзак?) 238 Галлия 133 Гамбеч, область 226 Гангара,
 город 39, 140 Гянджа Старая, город 34, 163, 251,
 266, 320, 321, 323, 332, 337 Ганджа-Су, река 167 Гандзак, город 44,
 238, 251 Ганлиджа, местность 97 Гаргарская равнина 265, 308 гаргары,
 гаргарский 31, 46, 48—
 50, 58, 66, 140, 176 Гардман, крепость 31, 33, 234, 235—
 237, 241, 246, 290, 293, 296, 306 Гардманадзор, гавар 200 Гарни 63,
 81, 119, 148, 171, 176,
 207, 210, 274, 279, 301, 350 гаты, племя 191 Гек-Чай, река 41 Гелда,
 город 139, 263, 275 гелы, племя 45—47, 497)103, 143, 275 геокчай,
 Геокчайский р-н 176, 177 Германия 121
 Герр, река 33, 138-140, 142 герры, племя 46" Гехард, монастырь 156
 Гильгинчай, река 268—271, 277, 280 Гидян, область 47
 Гиркания, гирканский 56, 125, 126 Гирканское (Каспийское) море 43,

44, 58, 103 гирканы, гирканцы 126, 127

глуары, племя 191

Гогарена, область 61, 93, 151

Горадиз, сел. 166

Гордион 74

Гори, город 25

готы 136

греки 25, 52, 53, 143

Греция, греческий 18, 107, ИЗ,

190, 199, 314 Грузия, грузинский 3, 21, 33, 34,

63, 80, 81, 169, 185, 232, 255,

270, 271, 340 гугары, племя 191, 192 Гуйнюк, река 260 Гуниб, сел. 324,

333, 337 гунны, хунны 13, 20—22, 24, 30,

33, 192, 193, 228—231, 237, 250,

277, 285 Гурган 180 Гурзан (Грузия) 21 гылвар, племя 211

Гюртен-Чай, река 337 Гяурарх, канал 71, 166, 266 Гяур-Кала 256,

258, 259

Даг-бары, горная стена 283

Дагестан, дагестанский 3, 25—27, 29—32, 38, 40, 47, 62, 139, 140, 147, 150, 157,

172—175, 220, 232, 250, 293, 297, 316, 317, 321, 345, 353

Дагестан горный 135, 172, 192, 211, 235, 250, 322, 324, 326, 327, 330, 333—335,

337

Дагнинское ущелье 256, 260

Даду (Дагестан) 21

даки, племя 129 344

Дамаск 247

даргинцы, народность 30

Дарданеллы 57

Дарьяльские ворота, проход, перевал 38, 117, 121, 122, 124—127, 184, 209, 215,

227, 232

дахи, племя 116

Даховская станица 227

Двин, город 63, 201, 227, 232—234, 247, 266, 302

Дегне-Дере, сел. 159

Делижан 93, 96, 97, 118, 120

Дербент, Дербентский 23, 25, 30,

31, 36, 84, 123, 135, 172, 173,

179—182, 185, 211, 226, 230, 234,

245, 250, 251, 253, 261, 263, 264,

266, 268, 271—273, 275—287,

337, 338, 346—352

- Камбисена ИЗ
 Камунта 172
 Кандак, сел. 31, 84
 Канзас, США 311
 Капалак (Кабала) 253, 254. 295
 «Капкох», Кавказские горы 135
 Каппадокия 54, 88, 93, 108, 130, 150—152, 344
 Карабах 201, 251, 308
 Карабах Нагорный 76, 228
 Карабах равнинный 310
 Карабахская степь 48
 Карабудахкент, сел. 147, 173—175
 Карагач, местность 260
 Каранайский хребет 27
 Кара-Сырт 284
 Кара-Чай, река ИЗ, 158, 253, 256—258, 260
 карийцы 52—54
 Карин, город 344
 Каркар-Чай, река 71
 Карская область 149
 Картли, Картлия 21, 172, 185, 225, 234, 250, 266, 293
 Карягино, город 166, 345
 Кас, Касий, Касиос, река 27, 30, 33, 39, 262, 263
 Касах, р-н 302
 Касниана, область 44, 45, 51, 70, 75, 89
 каспии, племя 23, 25, 40, 45, 50—52, 64, 72, 75, 76, 78, 89, 108, 132, 144, 192, 265
 Каслинская дорога 118
 Каспийские ворота, проход 121—126. 231, 232, 245, 254, 273—277, 342
 Каспийское море 8, 24—26, 30, 33, 38, 39, 41—47, 50, 51, 55—59, 61, 72, 77, 78, 84, 88, 92, 103, 105—107, 122, 123, 125, 137—140, 174, 180, 185, 194, 251, 262, 264, 267, 281, 342, 343, 345
 Каспийское побережье 24, 39, 42, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 610, 611, 612, 613, 614, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 627, 628, 629, 630, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 641, 642, 643, 644, 645, 646, 647, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 655, 656, 657, 658, 659, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670, 671, 672, 673, 674, 675, 676, 677, 678, 679, 680, 681, 682, 683, 684, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 700, 701, 702, 703, 704, 705, 706, 707, 708, 709, 710, 711, 712, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 719, 720, 721, 722, 723, 724, 725, 726, 727, 728, 729, 730, 731, 732, 733, 734, 735, 736, 737, 738, 739, 740, 741, 742, 743, 744, 745, 746, 747, 748, 749, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 758, 759, 760, 761, 762, 763, 764, 765, 766, 767, 768, 769, 770, 771, 772, 773, 774, 775, 776, 777, 778, 779, 780, 781, 782, 783, 784, 785, 786, 787, 788, 789, 790, 791, 792, 793, 794, 795, 796, 797, 798, 799, 800, 801, 802, 803, 804, 805, 806, 807, 808, 809, 810, 811, 812, 813, 814, 815, 816, 817, 818, 819, 820, 821, 822, 823, 824, 825, 826, 827, 828, 829, 830, 831, 832, 833, 834, 835, 836, 837, 838, 839, 840, 841, 842, 843, 844, 845, 846, 847, 848, 849, 850, 851, 852, 853, 854, 855, 856, 857, 858, 859, 860, 861, 862, 863, 864, 865, 866, 867, 868, 869, 870, 871, 872, 873, 874, 875, 876, 877, 878, 879, 880, 881, 882, 883, 884, 885, 886, 887, 888, 889, 890, 891, 892, 893, 894, 895, 896, 897, 898, 899, 900, 901, 902, 903, 904, 905, 906, 907, 908, 909, 910, 911, 912, 913, 914, 915, 916, 917, 918, 919, 920, 921, 922, 923, 924, 925, 926, 927, 928, 929, 930, 931, 932, 933, 934, 935, 936, 937, 938, 939, 940, 941, 942, 943, 944, 945, 946, 947, 948, 949, 950, 951, 952, 953, 954, 955, 956, 957, 958, 959, 960, 961, 962, 963, 964, 965, 966, 967, 968, 969, 970, 971, 972, 973, 974, 975, 976, 977, 978, 979, 980, 981, 982, 983, 984, 985, 986, 987, 988, 989, 990, 991, 992, 993, 994, 995, 996, 997, 998, 999, 1000

46, 47, 51, 54, 56, 58, 59, 70, 84, 62, 68, 142, 158, 177, 252, 253
 106, 126, 128, 137, 143, 173, 262, Куфа, город 286
 265, 269, 272, 274 кушаны, племя 133, 220
 Кафайя 326 Кыз-Кала, Кызкаласы, городище 261
 Кафыр-Кала, городище 317 Кызыл-Агач, залив 43
 Ках, город 297, 302 Кыхляр-Капу, ворота в Дербенте 279
 Кахстия 29, 93, 139, 151, 201, 253 Кяфирская стена, сев. стена Дербента 280
 Кедабек, р-н 323, 334
 кельты, кельтский 5
 Керавнские горы 27, 39, 45, 48, Лаба, река 181, 184
 49, 194 Лагичский участок 176

Географические и этнические названия 369

Ладожская станица 326 159, 162, 164—174, 176, 177, 181—
 Лазика 225 183, 228, 261, 267, 297, 299, 301,
 лаки, народность 30. 200 312, 316, 318, 320, 322, 324—326,
 Лала, город 31, 152, 264 335, 336, 339
 Ласуб (?) 178 Мингрелия 135
 Лачинский р-н 345 Мисия, город 142
 лбины, лпины, липны, лупени, ли- Митаги, сел. 284
 феннии, лыпны, племя 32, 48, Михраван, город 235
 132, 150, 184, 202, 205, 211, 212 Мозиата, город 142
 лети, племя 46, 47. 49. 103, 118. Мосига, город 141
 150, 200 Мошевая балка (Кубан. обл.) 155,
 лезгины 40, 47, 200, 302 184
 леки, племя 200, 302 Мрвдаг горы 79
 Лопнас, река 208 Муганская степь 25, 34, 62, 69, 70,
 Лпиния, Линик 48, 242. 243 75, 76, 82, 106, 139, 147, 160.
 Лубион, деревня. 48 174
 Лякпт, сел. 297, 302—306 Мугань, Мукания, Мовакан 21, 250
 Муллакент, сел. 272
 Майкопский р-н 227 Мусабейнн динк Ери, местность 68
 Македония, македонцы 52—54 Мусасир 155
 Маку, город 212 Муси-Ери, могильник 326
 Малах, сел. 302 Мушская долина 90
 Малая Азия 32, 62, 74, 80, 81, 88. Мцхета 63, 113, 131, 176. 227
 125. 126, 150—154. 156, 157. Мэотиды 56
 160, 477, 198, 226, 229, 238. Мэотидское озеро 126, 194
 247, 302, 303. 345 мюки племя 50
 Мамехия, город 141 Мюнхен 310
 Манас, река 261
 Мардакертский р-п 22S Накш-и-Рустем 75, 134—136
 марды- племя 52, 54 Нарын-Кала, крепость 280
 наркомании, племя 344 Нахичевайская АССР 34, 63, 327
 масаха-хунны, племя 193 Нахчаван, сел. 149
 маскуты, мазкуты, племя 145, 191— Нварсак, сел. 219
 194, 196, 197, 214, 215 Нерсехапат, город 218

массагеты, племя 105, 130, 193
 Махач-Кала 174
 Махелония 135
 Мелитепа, город 344
 Мелукент, река 272
 Месопотамия 23, 88, 91, 107, 132,
 198, 226, 238, 326
 Мсц-Когманц, область 228
 Моикузнк, область 228
 Мидия Атропатена 116, 120, 124,
 126, 130, 267
 Мидия, мидийцы 4, 29, 55, 58, 70.
 88, 108, 109, 130, 238
 мидяне 51—54, 84
 Милет, милетский 76
 Мильская степь 62, 69—71, 74, 76.
 82, 406, 107, 139, 147, 166, 174.
 265, 266, 308
 Мингечаур, мингечаурский 31, 34—
 36, 39, 55, 63—66, 68, 69, 72—86.
 91, 106, 107, 113, 1(8, 148, 155, 157,
 24 Н. В. Тревер
 Нига, город 141
 Нидж, сел. 28, 47, 62, 74, 141, 138-
 160, 256, 312, 342
 Никефория, город 90
 Нил 70
 Ниневия 52
 Ниникосцихе, Перевал 232
 Ниноцминда, храм 338
 Нисибин, город 187, 198, 201
 Нихавенд, город 286
 Нишапурский р-н 202
 Нпат, гора 199
 Нуха, Нухинский р-н 26. 30, 34.
 47, 74, 79, 141, 147, 158, 159,
 166, 257, 261, 312
 Огни, станция 286
 Ойтия, область в Фессалии 143
 Окс(Аму-Дарья), река 43, 57
 олонды, племя 46
 Орджоникидзе 319

Указатели

Орен-Кала, городшне 38, 265. 266. Поволжье Нижнее 220
 326
 Орода, сел. 337
 Орта-Капы, ворота я Дербенте 279
 Орьят, сел. 260
 Осетины 135
 Осетия 164
 Осетия Северная 81, 172
 осроены, племя 129
 Оссеново, город в Болгарии 322
 Осевка, город 141, 142
 Отена. Утия. область 46, 49, 106.
 143
 Отакан, город 190, 191, 195, 196
 Рей 126
 Пайтакаран, область 51, 52, 58, Рейнская область 81
 188-191, 196, 197, 239
 Пальмира 136, 201, 211, 233, 251, 265, 92, 107, 110, 112, 114, 116, 117.
 288, 347
 Памфилия 303
 Париж 12, 33
 Партав, см. Барда 14, 56, 179, 181. римляне 4, 9—11, 25, 27, 32,
 33.
 Понт, понтийский 7, 43, 61, 88, 92.
 97. 107, 108, 110, 120, 121, 133.
 151
 посьх, племя 211
 похи, племя 191
 Приаракская равнина 88
 Прибалтика 24
 Прикаспийская область 9, 23, 29,
 50, 51, 62
 Причерноморье 50, 129
 Пседахи, сел. 184
 пюкован, племя 211

185, 217, 230, 231, 234, 237—242.40, 45, 87, 94, 95, 98—105, 111.
 245, 251, 252, 266, 295 112, 114, 115, 119, 120, 132, 134.
 Парфия 59, 107, 111, 112, 114, 115. 199, 345
 119, 120, 125—128, 250, 267 Рпон 44, 96
 парфяне 33, 52, 111, 118, 120, 131. ар-Рпхаб 179
 132, 134, 135, 145 Ройтакес, река 41
 парфянский 112, 113, 116, 117. 251 ромейский 190. 199, 201, 228,
 230
 пасык, племя 211 росмосоки, племя 226—229
 Пафлагония, область 108 Россия 24, 25
 Пенджикенд 291 Ростак, область 297, 312
 Передняя Азия 22, 38, 55, 61, 76, Рубас. Рубатер. река 271, 272
 80, 84, 106, 151, 160, 185, 220. русы 14, 24
 222, 238, 244, 248, 317, 326
 Перозапат (Перожковат), город 217. Сабирабад 160
 230, 266 савиры, племя 230
 Персидский залив 90, 129 савроматы, племя 45. 129
 Персия, персидский 21, 24, 28. 50. Сагареджо, сел. 338
 60, 78, 83, 107, 128, 132—134. саки, племя 49. 52
 136, 181, 187, 188, 190, 197, 199. Сакасена (Шакашен) 49
 201, 202, 206—208, 211, 213. сакасны, племя 49, 52—54
 214, 219, 221, 225, 230, 234, 237. Самунида, город 141
 238, 240—242, 245, 250, 254. Самур, река 25, 30, 39, 41, 47, 139.
 . 286, 309, 353 140, 173, 192. 210, 211, 262—264,
 персы 22, 40, 50—54, 133, 136, 187, 275—277, 338
 193, 197, 200, 209, 212, 216, 231. Самух, сел. 72
 232, 243, 268, 271—273. 276. Санва, город 141
 288, 294, 353 Сандобанес, река 41
 Пирсагат, река 41, 140 Сарды, город 74
 племена албанские 8, 26, 32, 35, 44 Сарматия, сарматски] 38, 40, 117,
 племена прапаракские 89, 90 192, 194
 племена северокавказские 188. 191. Сарматские ворота 30, 38, 173
 226—228 сарматы 21, 46, 117, 118. 121. 122,
 племена скифо-сарматские 30 136, 147, 193, 344

Географические и этнические названия

сарматы придунайские 129 таваспары, племя 150, 191, 192.
 Сары-Джяляр, станция 160 212
 Сасунские горы 90 Тавр, горы 54
 Сагала, город 195 Тавриз, город 13
 Себастья (Сивас), город 310 тавроскифы, племя 133, 134
 Севан, остров 318 Тагода, город 141
 Севанское озеро 135, 146, 244 Тазакенд, сел. 265
 Севсаморы, город ИЗ Так-п-Бустан 330
 Селевкия, город 131 Гайане, город 124, 126
 Сольбир, городище 257, 259, 260 Тарки, Тарку, Таргу, город 147.

Семендер, город 32, 185, 268. 286 173—175, 263, 268, 273
 сербы 5
 серикн (китайцы?) 21
 Сивас, см. Себастья
 Сидэ, город 303
 Сигиахский р-н 159
 спльвы, племя 32, 46—48. 142.
 Синоп понтийский, город 188
 Свода, город 141, 341
 сирийцы 21, 251
 Сирия, сирийский 21. 22. 54, 81. Тигр, река 326
 88, 107, 108, 126, 134, 160. 177. Тиграпакерт, албанский город к юго-
 238, 244, 250, 299, 303, 346 западу от Гянджи 239
 Сисакан, область, см. Сюник Тиграпакерт, албанский город юж-
 сисаканы, сисаканцы 284 нее Партава 239
 сиясиджиты, племя 284 Тиграпакерт, армянский город 88,
 скифо-сарматские племена 30 90
скифы, скифский 21, 45, 47, 49, 108, Тизбон, см. Ктесифон
 109, 116, 117, 126, 192 Тилбис, город 142
 славянские племена 227 Тифлис, Тбилиси 140, 180, 231, 240.
 Соана, река 33, 38, 39, 138—140, 241, 266, 342
 142 Тморик, область 210
 согдийцы, народность 52 Топрах-Кала, Турпак-Кала, го
 содни, племя 48. 202 родите 262—264, 268. 338
 Софена 91 Трту (Гертер), река 239
 Средиземноморье 63, 88, 198 Турьян, река 27, 28, 41, 113. 158.
 Средняя Азия 24. 52. 124. 151, 193. 159. 173, 177. 253, 256
 213, 220, 244, 317, 322 Тхмут, река 212
 Ставропольский край 84 Тхоба-Ерды, святилище 319. 323.
 Судагылан, городище 38. 68. 69.324, 336
 80. 155, 168, 170, 182, 297. 299. тюрки 231, 237
 300, 301, 318, 335, 338, 339
 Сулак, река 30, 38, 39, 97. 140. 175. удины, уды (утийцы) племя 45 -
 192. 275 47, 62; 66, 158, 174. 176, 293, 310.
 Сумгаит, река 41, 139 .312, 315
 Сурамский перевал 124 Узбой, река 57
 Сухуми 91 уитии, племя 45
 Сюник, Сюния, Сисакан, область унны, племя 192, 193
 20, 21, 33, 135, 145, 146. 210. Урбуг (Кубачи), Урбуган 334
 233, 234, 245, 247, 284, 287, 314 Урздонское ущелье 227
 Сянгар, сел. 69 Уриатубани, "сел. 298
 Урмийское озеро 195
 Табасаран 281, 283 Урха (Эдесса) 20
 Табилака, город 142 ути, утийцы, племя, см. удины И.
 Таваспаран 211 46,47 49, 51. 58, 66, 106, 143

Указатели

144 187, 188. 200, 226-228, 234, 239, 242, 310, 347 утидорсы, племя 46, 174

185, 201, 264, 266, 310.

Фаркин-Су, река 90 фарнакия, город 152 Фарс, область 266
Фарсис (Риои), Река 20 44

SSSS JSSStS. 69

фнт-КалаСВ, ущелье 261 Фракия 237 Фригия 152

хазары хазГКГз14 6 | ;
ооп 99R 930 231, 234, 237, 239, О! 242! Ц 248-250 252 254
255, 264, 268, 2<Б—2/8, 281, at

Хазран, город 255

ханльшдуры, племя 214-216

халтпм, племя II» ..
251, 264

Хамадан, город 286

Ханес, река 41 ...

Хани, Ханиан, Ханханн (греч. Аи нпя), область_И ГОРОД УЗ 144

Ханлар, город 75, II, 160, 166, 323

Хасаут, сел. 181

Хачмас, город 211

хеппохп, племя lib, III ш 22
хечматакп. племя 191, 192, 211,

хпбиованы, племя 21/

Хпзан, город 311 ■

Хпзинский р-я Азерб. ССР ДО

Хпмрик, перевал 23/

Хпнисли, сел. 177, 320, 336 333,

хионпты, племя 138, я*

Хобота, город 1**2

Ходжавейт, сел. 71

Ходжалы, город 323

УОНЛi, племя 191—19и, 19 6, 1»*, "об 208-210. 212, 214 926'
228, 230. 237. 245, 246, 273! 286, 313

Хорватия 5

Хорезм, хорезмский 91, 148

Хорс-вэм (Хурсанская скала) ДО

Хорутзон, перевал 231, 232

Хо'пия, сел. 93, 96, : 117, 124

Хузашен, сел. 31, 235

Хузистай 181, 266

Хунаракерт, Хнаракорт, крепость 4,
145, 201, 251 Хурсан (Хизинский р-н),
область

Хырсан, хырсанский 211 ,
 цавдеп^ племя 202 цанарьТ, племя 184
 Цкаростава, сел. 299 При. область 245
 Чавдар, сел. 75, 160
 Чарабсрд, крепость 242
 Чара-Сальднставн, перевал 232
 Чархалу, сел. 68 10
 Черное море 24, 25, 38, 43, 44, 124, 267
 чплбы, племя 47, 5, 142, 184. 191, 211, 212
 Чирах-Кала, крепость 2/0
 Чор, Чол, Чог, город и область 136, 192, 197, 206,
 207, 210, 215, 230-232, 239, 240, 242, 245, 247, 251,
 263, 264, 266, 276, 285. 349 Чухур-Кабала, сел. 142,
 253, 256, Чухур-юрт, сел. 85
 58,
 Шабрап, см. Ширвап
 такавШй_Д*жа*виа} 49, М
 ""200, 201, обла 245
 •-^=30739Г49, сть 58
 245, 251, 142. 253, 255,
 Шамхор, река 70, 71
 Шамхорский р-н 7?
 Шапоран, 24 город 180,
 Шафили, сел. 68, 69
 Шахастан. 5, местность
 Шахдаг, горы 79
 Шамаха, Шемахпнскпн р-п 3,, 85 ! 159, 177.
 185, 251, 200, 320, 336 Ширван, Шерван
 JHарран 21, 28 30, 185, 245, 250, 201, 266,
 269-271, 278 337 Шпрванская область 20, 13а ..
 Ширвапская степь 69. /6, о-,

Географические и этнические названия

шичбы, племя 191, 192 ^Л,, тм^Ро214""215 219, 237, 277
 шкипетары (балканск. албанцы) 3^ шалзш1 11, 12, 156
 Штландия 4,5 Южнорусские стеш. 32
 Эдесса (Урха) 20, 132, 188, 221, ^^ ^ ^
 ^
 аfU -род 44, 78, 83 ^ГЛ 158-161, 167,
 Эмболайоя, город 141)68 174
 Эрзерум (Феодосиополь) 201. л*

УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТНЫЙ

- Абсида 298, 299, 302
 Аван (городок) 11, 207. 210, 251
 Агарак 204, 251
 Агат 79
 Азаты 186, 202, 204. 207, 295. 296. 308
 Алтарь 63, 169, 318
 Алфавит албанск. 16. 20, 31, 38. 49, 307—313, 339
 Алфавит армянск. 16, 337
 Алфавит грузинок. 16. 337
 Амаркар (сасанидский титул) 347. 352
 Аметист 79
 Арка, аркада 298, 304. 316
 Архивы (древн.) 16, 22, 54, 57, 233
 Архиепископ албанск. 253, 295
 Архитектурные памятники 297—306. 314
 Арча 168
 Асомтаврули (грузинск. эпиграфическое письмо) 319, 339
 Аспарапет 246, 290
 Астроном 19
 Атрушаны 205, 206, 225
 Ахеменидская империя 50—52, 55
 Ахеменидское искусство 63

 Баж (пошлина) 186
 Базилика 297—302
 Базы архит. 265, 299
 Баня 304, 340
 Баран 64, 76
 Бассейн 304
 Башня 256, 258, 259. 270
 Башня подвижная 283
 Бдехш (правитель области) 193
 Белка 77
 Береза 180
 Блюда бронзовые 243, 316, 333
 Блюдо серебряное 176
 Боги, божества 150, 151, 156
 Боевое построение 52—54, 211, 212,
 288 Болота 113, 260 Браслет 172, 258, 329 Бронза 54, 63, 64, 79, 333
 Броня 287
 Бурдюк 98. 113, 240, 281 Бурка 51 Бусы 69, 81. 164, 168, 170, 177, 183,
 258 Бык 76, 77, 292, 322 Быт, обычаи, ритуал 9, 11, 147.

154—157, 168, 169, 296

Вал 258, 262, 264, 269—271. 275.

277, 278, 286 Вассальная зависимость 201 Вельможи 186, 242 Венец, см. корона Верблюды 76, 78, 83, 84 Вилы железные 148, 149 Вино 25, 74, 178, 179 Виноград 71, 72, 74, 170, 179 Виноградарство 71, 72, 74, 179 Виноградники 50, 60, 179 Виноделие 74 Водные сообщения 24 Водолеи бронзовые 243, 319, 323 —

325 Водолей глиняный 164, 322, 323 —

326 Водолей фаянсовый 326 Военная организация 287 Военная тактика 93, 97, 99—101 Военнопленные 87, 103, 272 Вожди племенные 145, 146 Войлок 190, 191, 196, 287 Войско албанское И, 95, 145, 147, 287

Указатель предметный

Вооружение 9, 11, 52, 53, 147—149, 287 Ворота 257, 258, 259, 264, 259, 274, 276, 277, 279, 283, 284 «Ворота железные» 123, 126, 278, 283 Восстание албанов 88. 97. 112. 114, 115, 205, 206, 213—215. 217 — 219, 232, 233, 245 Восстание Бабека 15 Востаники 202 Всадник 316, 327 Вспашка 67, 68 Вышивка 82, 183, 329

Гавань 228

Гарнизоны римские, персидские 113.

114, 119, 124, 131. 201. 205. 207.

210, 217, 239 Гегемоны 86, 109—111, 145 Геральдическая группа 288 316,

317, 330 Герб 330

Гзат (подушная подать) 186 Гиря 85

Голубь 64, 322, 325 Гончарные печи 36, 80 Гончары, гончарный 65,

Гопатшах 54 79. 80. 199 Горнорудные орудия 79 Город

феодалный 251 Государственность 58—60

145, 149

Градусы географические 89. 144. 10, 138, 140 Гранат, гранатовое дерево 72. 317,

320. Гребни 172 Грифон 63, 172 Грузила 77 Гусь 324, 325

Дастакерт 251

Дворцы 199, 304

Денежное обращение 85

Дерево, деревянный 64, 148. 177,

184 Дерево священное 317—320, 322, 336 Деревянные постройки 297 Деревья плодовые 72 Десятина 246 Джейраны 76 Дидрахмы 243

Династия местная албанская 120, 130 Династия Михранидов 235

Дипломатия, дипломатические сношения 134, 247, 249, 250 «Дорога гонцов» 84, 177 Дракон 288 Дротик 217, 287, 288 Дружина 185 Дюны 39, 42

Единоборство 101, 119
Епископ албанск. 22. 253, 14, 20.
254, 263, 295

Еретики 221—223, 293
"Железо, железный 68. 79, 182. 91,
243, 279 Жемчуг 287, 329 Женщина албанск. 49. 103 Жертвоприношение
155, 156 Живописцы 306 Жрецы 61, 76, 86, 93. 110. 150—152,
155
«Жреческая область» 150, 154

Забутовка 352

Завеса алтарная 300

Зайцы 77

Заложники 97. 103. 105. 110. 108—
201 Звезда 64

Земледелие, земледельческий 44 59—61, 73, 74, 75, 86 Земледельческие
орудия 68. 69. Зеркало бронзовое 172 Зерно 68, 69, 178 Змеи 105—107
Знамена 217, 288, 291 Знать 20, 54, 86, 145, 153, 240, Золото, золотой 79,
165, 168, 18:
208, 243, 255, 292 Зороастризм, зороастрийский
203, 205, 206, 208, 211, 214
222, 223, 225, 226, 292, 322

Иерархия нахарарских родов 186.

219, 289 Иеродулы 37, 86, 151—154, 156, 157 Ил 42, 69

Имена албанские 112, ИЗ, 145 Импортные предметы 80, 81, 177,
345, 346 Инжир 178

Инкрустация 172, 317, 323, 324, 332 Ирригация, см. орошение Искусство
315—333 Искусство сасанидское 316

Указатели

Ислам 293. 294 Ишхан албанск. 250, 289

"Кааба-и-Зардушт» 134

Кабаны 76

Кадастровые списки 233, 243. 248

Календарь албанск. 315

Каменные сосуды 54

Каменотесы 199, 272

Камни полудрагоценные 172

Камни резные (печати) 79

Камыш 39

Канал 25, 59, 71, 266

Кандалы 155

Канделябр 148, 149

Каноническое постановление 185, 253, 295, 296

Капители 299, 301, 318, 336

Каравансарай 304
Караси 164, 320
Карты географические древние 10. 23, 31, 33, 48, 57, 121, 122, 137. 140, 262, 275
Катакомбы, катакомбные погребения 169—172, 176, 182—184
Католикос алб. 16, 20, 48, 194, 241 — 243, 252, 254, 263
Кафтан 327
Каштан 178, 179
Керамика алазанская 74, 160
Керамика джафарханская 75. 160, 161
Керамика зооморфная 35
Керамика, керамическое производство 63, 80, 171
Керамика Мингечаура 63, 64, 80, 162, 165
Керамика поливная 258
Керамика Ялойлу-Тапа 34, 62, 68, 69, 74, 79, 146, 158, 160. 161
Кизил 178, 179
Кинжал 9, 9.1, 148, 164, 168, 287, 333
Кирпич 137, 138, 257, 277
Кладка стен 199, 259, 272
Классовая борьба 186, 187. 249
Классовая дифференциация 61.
147, 172
Клей осетровый 78, 83
Кожа, кожаный 8. 21. 82, 91, 99,
148, 184
Коза, козел 64, 76, 319, 322—324
Козерог 326, 330
Колесница 292
Колонна, колоннада 299. 303, 304, 316
Кольчуга 287, 333
Конница албанская 90, 98—103, 118,
119, 147, 149, 199, 202
Консолидация племен 40, 58
Копье священное 155
Копьеносцы 91, 190, 191, 195, 196 Копья 9, 53, 91, 101, 147, 155, 199.
217, 287, 329. 333 Корабли 56
Коровы 76
Корона 199, 327, 329, 330 Коса железная 79
Кости птиц, животных 69, 76, 77 Костяк скорченный 62, 160, 167.
168, 170, 174 Костяки вытянутые 63, 167, 168.
174 Костяки слабоскорченные 56, 63 Косы (волосы) 239 Кочевая степь
61 Кочевники, кочевые племена 40, 41.
50, 60, 75, 90, 147, 216, 227 Кочевники северные 58, 267 Кочевые
албаны 49 Кошениль 82
Красители, красильное дело 82, 174 Крепость 4, 23, 208, 210, 238, 256—
259, 262, 266, 269 Крестный ход 291, 292 Кресты 292, 301, 318, 322, 345
Крестьяне 87, 153, 154, 185 Крестьяне закрепощенные 153, 185.
251 Крестьяне общинники 153 Крестьяне храмовые 154 Крошение албан 80,
241, 293 Крючок рыболовный 77 Кувшины бронзовые 243, 317, 330,

332 Культ божеств 154, 157 Культ лягушки 157 Культ предков 144 Культ сил природы 294 Культовые убийства 154—157. Культовый ритуал 326 Культура каякентско-карачаевская 174 Культура кувшинных погребений 38, 62, 63, 66, 162—166 Культура племен Дагестана 173 Культура сарматская 173, 174 Культура Ялойлу-Тапа 37, 62, 63.
158—161, 167, 168, 174, 176 Купол 303, 306 Купцы 252 Курганы, курганные 54, 82, 167. 256, 326

Указатель предметный

Курильница 243, 322—324, 327 Куропатки 322

Латы 287

Лов 54, 56, 63, 77, 327, 330

Легендарные предания 11, 16, 18,

146, 236, 344 Легион XII Фульмината 127. 344,

345 Легионы римские 7, 32, 88, 92, 119,

149 Лен 73, 181 Ленты 317, 318, 329 Леса 47, 76, 99, 101, 102, 118, 154,

208 Летосчисление 315 Лисица 327 Ложе золотое 104 Локализация

городов Птолемея

137—142 Лосось 78 Лошади 76 Лук 9, 287, 333 Луна (божество) 29, 151, 292, 293,

322, 326 Лучники 211

Маги, моги 203—206, 294 Маздакизм, маздакитское движение

220, 221, 224, 277, 292 Маздеизм 219 Мазь рыбная 78 Манихейство 220,

222—224, 292 Марена 82, 180 Марзпан 201, 202, 207, 217—219,

225, 232—237, 240, 241. 251.

252, 254, 2С6, 348 Марки (метки на керамике) 35 Маслина 72, 178

Мастерские царские 83 Математик 19 Матриархат 50 Медведь 76

Медь, медный 79, 182, 243 Межплеменные связи 79 Мели 42 Меры веса и пространства 60, 85,

86

Металлообрабатывающие ремесла

243 Металлургия 79 Меч 91, 148. 164. 168, 217, 287, 288,

329. 333 Мечеть в Дербенте 301 Миф об Аргонавтах 157

Миф о Ясоне 157

Мифы, мифический 18, 46, 49. 63.

320 Могильники 35, 62, 158, 168, 172—

174. 264, 337, 338, 341 Могпет 204—206 Мол 282 Молоток 79 Монетные клады 36, 84 Монетный двор 251 Монеты 20, 58, 60, 84, 85, 160, 164,

243 Монеты Александра 55 Монеты аршакидские 59, 60. 69.

84, 85, 155, 162, 164, 167, 168.

170, 258 Монеты византийские 251 Монеты золотые 85, 177 Монеты македонские 56, 60 Монеты римские 60, 69, 85, 155.

158, 162, 165, 168, 172, 265 Монеты сасанидские 85, 251, 299 Монеты селевкидские 55, 56, 60 Монофизиты 220, 221, 241, 293, 310 Мореплавание

10 Морские промыслы 59, 78 Морской путь 43, 44 Мост 228, 263 Мотыга, мотыжный 69 Музыка, музыканты 291, 316 Мышьяк 334

Надписи албанские 318, 335—339
Надписи арабские 346
Надписи армянские 339
Надписи греческие 131, 273, 339—342
Надписи двуязычные и трехязычные 9, 134, 312
Надписи латинские 37. 127. 131. 342—346
Надписи персидские 346
Надписи пехлевийские 36. 134, 280. 285, 346—353
Надписи строительные 273, 274
Надпись штампованная 337
Надсмотрщики 243, 252
Наемники 54, 90, 115, 118, 230, 231
Названия албанских месяцев 315
Названия «албань», «Албания») 4. 25, 26, 37, 48, 49, 52
Названия городов, поселений албанских 11, 27, 37
Названия рек албанских 27, 30, 39, 41, 48

Указатели

Наконечники дротиков, копий и
стрел 91, 148 Налог поземельный 186, 224 Налоги 184, 202, 203, 217,
232, 234,
250 Налоги натурой 250 Налоги с ремесла и торговли 243 Налокотники
железные 148 Народность албанская 44 Наука астрономическая,
врачебная,
землемерная, численная 217 Нахарары, нахарарский 187, 189,
190, 201, 202, 204, 205, 207. 208,
210, 211, 217, 218, 247, 277 Небо, божество 151 Несторианство 221—
223, 293 Неф, архит. 298, 299, 301, 302 Нефть 25, 79 Ножи 68, 91, 148, 168,
333 Ножны 148, 288

Оборонительные сооружения 208,
209 Оброк 153 Обряды захоронения (погребальные)
62, 148, 165 Обследование Каспия 43, 55, 56,
58, 345 Обувь 183 Общественный строй 8, 9. 32. 33,
61, 86, 87, 154

Община, общинники 87, 153, 154
Общинно-рабовладельческий строй
61, 87 Объединение племен албанских 60,
140, 144 Овца 76, 185 Огородничество 74

Одежда 51, 53, 182, 242, 290, 317 Ожерелье 290, 327, 329 Озера 69, 78
Океан 45, 56—58 Олень 165

Оливковые деревья 178, 180 Олово 334

Оракул, см. прорицалище Орехи 72, 178, 179 Орнамент растительный 317,
332, 333 Оросительные сооружения, орошение 11, 44, 59, 60, 69. 70. 71,
73,
86, 139 Осадные орудия 240 Осетр, осетровые рыбы 78 Осуурии
294 Охота 74, 76, 77

Охотники 316, 327
Очищения ритуальные 156, 157

Павликиане 293

Павлины 317, 318, 320, 322, 336

Палица 195

Панцири 9, 90, 91, 101, 147, 148.

287 Параллель Родосская 10 Партизанские приемы 91, 111, 212,
213, 216 Парча 181, 182 Паста египетская 162, 177 Пастбища 70, 73, 75,
140, 179 Пастухи, пастушеский 60, 75 Патив (почеть, почетная повязка)
204, 206, 246, 290, 291 Патриархально-родовой строй 33,
61 Певцы, песни 291 Первобытно-общинный строй 87.

184 Перевалы горные (проходы) 32, 33.

117, 122, 124, 131, 173, 216, 227,

231, 232 Переводчик 308 Перевозка товаров. торговые 24.

43, 44 Перепись населения 224 Переправа через реку 54, 66, 84.

106, 107, 118, 267 Переселения, переселенцы 143, 251 Персик 72

Перстни 54, 177, 258 Перстни-печати 63, 64, 164, 168,

172, 236, 296 Петухи 70 Печати 37, 54, 64, 79, 82, 164, 183.

292, 308, 320, 336, 353 Печи обжигательные гончарные 62,

63, 80, 164 Пехота албанская 98, 102, 103, 118.

119, 147, 149 Пилоны, архит. 298, 303, 304 Письмо арамейское 338 Письмо
армянское эпиграфическое

339 Письмо грузинское эпиграфическое

(асомтавули) 319, 339 Письмо, письменность албанские 18,

31, 292, 307, 310 Питиашх 170, 172 Племена горские 47, 49, 59.

227,

235 Племена кочевые 194, 195, 226

Указатель предметный 379

Племенные союзы, объединения 52,

54, 59, 87 Плодородие албанской почвы 25,

59, 67, 69—71 Плотина 256, 258 Площадки глинобитные 69 Плуг 59, 68, 74

Пляски 291, 316 Погребения грунтовые 158, 160,

183, 258 Погребения грунтовые Мпнгечаура

36, 54, 56, 62, 63, 68 Погребения катакомбные. см. катакомбы Погребения
кувшинные 147, 166, 171 Погребения кувшинные Мингечаура

35, 36, 60, 62—64, 68, 74—75,

148, 162, 164, 165, 176, 322 Погребения срубные 168, 169, 176

Погребения сырцовые 63, 167, 168.

176 Погребения Ялойлу-Тапа 34 Подарки, дары 104, 105, 109, 117,

130, 131, 211, 247, 248 Подати 146, 184—186, 190, 206, 219,

224, 232, 243, 245, 248, 249 Подсвечники глиняные 336 Полотно 73, 82,

180—182 Полукочевое хозяйство 60, 73, 75.

83 Попугай 248 Поселения 66, 80, 141, 108, 177.

251, 267 Послания, письма 104, 105, 133,

134, 189, 202, 203, 210, 216,

221, 235—238, 246, 273, 307—309,

313 Посольства албаиские, послы 20. 31,
96, 107, 116, 264, 273 Почва албанская 67—69, 75 Пошлины 186,
261 Поэт 13, 314
Пояс, поясной убор 169. 290, 329 Правители областей 186. 187, 242
Праздники 295 Пределы, границы Албании 26. 27.
29—31, 38—40, 44—46 Природные богатства, условия 11,
22, 24, 26, 41—44. 67 Прическа 331 Производительные силы 61
Производственные отношения 61 Происхождение албанов 37. 40 Проливы 45,
57 Промыслы рыбные 78

Прорицалище, оракул 143, 144, 152
156 Просо 69

Прясла глиняные 82, 181 Птицы 64, 76 Пунсоны 170
Путевые станции 256, 260 Пути торговые 22, 31, 44, 66, 187,
' 238, 241, 251, 261, 266 Пшеница 69, 185, 261

Рабовладельческие отношения 86.
144 Рабы, рабство 87, 153, 156, 157,
206, 225 Рабы священные. храмовые 153.
154, 156, 157 Рамики 186, 205, 251 Расселение племен албанских 32,
45, 46, 48, 49, 51, 52 Резиденция 14, 254, 266, 207, 210,
263 Резиденция царская 264. 308, 309 Рейд для судов 282, 283 Реки
И, 33, 34, 41—43, 70, 73, 77 Религиозные верования 11, 32, 292
Рельефы 38, 301, 318, 319, 326. 336 Ремесла 23, 38, 83, 86, 180, 261
Ремесленники 238, 251, 252 Ремесленное производство 78, 79 Ритон 164
Ритор 13, 314 Ров 95, 257—259 Родовой строй 184 Родоначальник 4, 144
Розетка 333 Роспись 299, 306 Рудные разработки 79 Рыба, рыбные 77, 78,
83 Рыба-вишاپ 40 Рыбий жир 78 Рыболовные промыслы 78, 86. 180.
243 Рынки сбыта 88, 125, 238

С а до во д ст во 71, 72

Сапоги 103, 327

Сасанидская серебряная утварь 205,

206, 211, 291, 317 Сатрапы, сатрапия 29, 50, 55. 144, 187

Сатурналии 94, 95, 102 Сборщики податей 243 Сбруя конская 329

Светильник бронзовый 346

Указатели

Свинец 278, 285, 334

Свинцован заливка 279, 281. 286

Свиньи 76, 288

Своды 280, 298, 299

Святилище 29, 151, 152

Священники 242

Секач 79

Секты 225, 226, 292

Сельская община 25, 87, 251

Сельское население 229

Сельское хозяйство 219

Сепухи 203, 204

Сердолик 177, 320, 336
Серебро 168, 208, 243, 255, 292, 306
Серебряные сосуды 227
Серны 319, 336
Серп 68, 79
Серьги 165, 169, 170. 172, 258. 290.
327, 328, 331, 332 Скарабеи 162 Скобы железные 279, 286 Скотоводство
60, 61, 75—77, 185 Скотоводство полукочевое 73, 75, 83 Скотоводы 86, 107
Слоновая кость 78 Слоны 77, 211, 248, 288, 327, 330 Смоква,
смоковница (2. 178 Собаки 60, 77, 316 Соболь 290. Собор (собрание)
185, 186, 236, 253,
295, 296 Солнце, божество 151 Соль, соления 78 Сосуды бронзовые 143.
144, 243 Сосуды для вина 74, 75 Сосуды золотые 242 Сосуды — «сапоги»
36, 157 Сосуды серебряные 205, 206, 211, 227 Социально-экономический строй
37, 59, 61 Спарпет 207 Старейшины родов 186 Старшины, старосты
деревенские
186, 242, 295 Статуэтка всадника 327 Статуя каменная 37, 177 Стекло,
стеклянный 80. 81, 165,
168—172, 177, 227, 258 Стекло финикийское 169 Стены крепостные 142,
234, 257.
258, 259, 267—287 Стены оборонительные 33, 36, 208,
209, 267—287 Столица Албании 34. 138, 251. 253,
260
Стрелы 147, 190, 195. 287 Строительные работы 234
Судопроизводство 290, 296 Судоходство 42. 43. 57 Сыр 185
Таможенная застава 261 Танутеры 203, 204 Тетраконх, архит. 303, 304
Тиара 290
Титулы византийские 246, 250, 289, 290 Титулы, тягулатура 48. 136, 243,
289 Ткани 69, 73, 76. 181, 183. 184 Ткани льняные 82 Ткани шерстяные 82
Ткацкие станки 82, 181, 183 Ткацкое производство 81, 82, 180
Топонимика, топонимический 26, 33,
40, 48, 137, 140 Торговля 10, 22, 23, 25, 38, 43, 44, 55, 60 61, 80, 83,
84, 106, 180,
241, 251 Торговля меновая 60, 83 Торговцы 243. 252 Торговые пути 84, 88,
93, 106.
124, 125, 185, 238, 241, 251,
255, 261, 266 Трава 70, 75 Триумф, триумфальное шествие
108—111 Тромпы, архит. 299 Трон 290 Тростники 180
Трубы водопроводные (глиняные) 280 Трубы, трубачи 217. 288, 289. 329 Тур
64
Туговое дерево 180, 181
Туфит 54
Уголь 169
Уровень Каспия 30, 281, 282
Утка 324—326
Фазаны 76

Фаланга 52, 54, 123
Фалары 327, 329
Феодалные отношения 11, 33, 38,
87, 184, 185—187, 201, 202, 235 Фиалы серебряные 168, 169 Фибулы
172 Фиговое дерево 178 Фигурки бронзовые, глиняные 77, 165

Указатель предметный

56 Форель 77 Форты 283, 284

Хазарапет 205, 207, 296

Хакан 239—244, 247, 251; 261, 277

Халкедонидство, халкедониты 20, 186.

220, 241, 254, 293, 310 Халиф 247—250, 285 Халцедон 79 Харк, харадж,
поземельный налог

23, 186, 206 Химический анализ 333, 334 Хлеб 185 Хлопок 82, 181

Хозяйство сельское 73 Хозяйство скотоводческое 77 Храм 144, 150, 155—
157, 304 Храм Луны (Селены) 29, 152, 302 Храм Огня 134, 204—206. 294

Храмовая община 154 Храмовые земли, области 37, 61, 93,

150—154, 156, 157, 302 Храмовые объединения 61, 83, 150,

154 Храмы круглые 303—306 Храмы языческие 301, 302 Христиане 206,
218, 219, 225, 230,

239, 252, 263 Христианство 13, 17, 20, 24. 28, 155,

186—188, 191, 211, 214, 215, 222.

223, 226, 228, 294, 296. 322 Хрусталь 79

145, 146. 201. 202.

Царская власть

215, 251 Царская земля 150, 201 Царская ставка, резиденция 207,

Царские поместья 251 Царский парк 317 Царь албанский 16, 20, 44, 59,
116, 129. 144, 146. 152, 201.

295, 306, 308

6 Центурион 343

Цепь заградительная 282 ^ Цепь священная 154

Церемонии придворные 290

Церемония избрания князя 290.

Церковные споры 20

Церковь албанская 28, 31 Церковь армянская 20 Церковь грузинская

20 Церковь христианская 205,

256, 301, 302 206.

Цирковые сцены 316 Цитрусовое дерево 178

Частокол 97, 98

Чаша серебряная 168— 318 170,

Чешуя рыба 69

Шама, рыба 78, 180

Шаровары 327—329

Шафран 179

Шевроны 332

Шелк, шелковый 155. 180—182.

261, 288, 306, 329 Шелковица 181 Шерсть 76, 83, 181, 185 Шило 79
Шинаканы 208 Шипы железные 288 Шкатулки деревянные 183 Школа 226,
308, 309, 313, 314 Шкуры звериные 99 Шлемы 91, 101, 147, 148. 287.
333 Штандарт 217, 288, 327 Штукатурка 299, 350

Щиты, щитоносцы 9, 91, 108, 147, 148, 211, 217, 287, 288, 329

Экспедиция Гераклида 55, 56, 128 Экспедиция Патрокла 56—58, 106.
128, 140, 147 Элегия 314 Эллинизм, эллинистический 8, 56,
144 Эллинистическо-римская культура
148, 172 Эпиграфические памятники 36, 153.
335—353 Эпические сказания 15, 18, 63, 248,
249, 315 Эпоха бронзы 72, 76, 77, 79. 167,
174, 320, 323 Этнические наименования 89. 226.
227 Этнос, этнический 4, 62, 66

Ювелирные изделия 168

Яблоконосцы 52, 53 Язык аварский 337 Язык албанский 31, 44, 49, 59, 137,
144, 146, 30.6—315

Указатели

Язык арабский 17

Язык арранский 21, 310

Язык гаргарский (наречие) 31. 308,

309 Язык греческий 17, 134 Язык древнеармянский 150, 309—

311, 314 Язык древнегрузинский 17, 310 Язык парфянский 134 Язык
персидский 24, 134

Язык турецкий 24

Язык удинский 312, 315

Языки пранске 144

Язычники, языческие культы 186

239, 252 Ямы зерновые 69 Ярмарка 261 Ячмень 69,
185 Яшма (9)

- Абу аль-Касим 278, 282
 Абу Хамид аль-Андалусп (Гарнати)
 182, 333 Агафангел 15, 17, 18, 47, 48, 188,
 193, 264, 265, 276 Агафий 220 Агриппа 57
 Акташи Мухаммед Аваби 23 Аминт 76 Аммиан Марцеллин 5, 10, 11, 41, 105,
 193, 198 Анания Ширакаци 19, 315 Андалуси, Абу Хамид (Гарнати)
 182, 333 Лекарская надпись (monumentum
 Ansupanum) 9, 110 Аноним (ары.), хроника VII в., 19 Аноним (груз.),
 «Летопись Картли»
 21 Аноним (груз.), «Обращение Картли»
 21 Аноним Равеннский, «Космография»
 21 Аппиан 10, 86, 90, 93, 99, 102—105.
 108—112 Аристокл 43, 52, 57 «Армянская география» VII в. 40,
 69, 143, 178, 192, 269, 272, 276.
 347 Арриан 7, 10, 52—54 Арцруни Фома 15, 184, 185 Асолик 20
- Балагурия 22, 23, 245, 254, 255, 266.
 277, 278, 281, 283. 333 Балхи 22
- Валерий Флакк 77
 Ванакан 16 Варрон 10, 44
 Вергилий, Энеида 115 Вописк Флавий 136
- Гарнати (Абу Хамид аль-Андалузи)
 182, 333 Гекатей Милетский 50, 58 Геродот 50, 51, 58 Гомер 67
 Гордиан Элий 10
- «Давид Сасунский» (арм. эпос) 15 «Дербент—Намэ» 23, 30, 277,
 287 Деллий 8, 9, 140 Дион Кассий, см. Кассий Дион Дионисии
 Галикарнасский 40 Дионисий Перизет 68, 72, 192
- Евсевий Кесарийский 11, 188 Евстафий 68, 72, 178 Евтропий 11, 102, 104,
 105, 129, 307 Елише 14, 15, 18, 20, 26, 201, 202,
 204—216, 220, 271, 273, 287—291.
 308, 313
- Захария Ритор 21, 75, 135, 228—
 230, 310 Захир аль-Дин аль-Мараши 278 Зонара 130
- Ибн аль-Факих 23, 180, 277, 278,
 280, 283, 284, 286 Ибн Мискавейх 14 Ибн Русте 23 Ибн Хаукал 22,
 23, 179—182, 25.3.
 282 Ибн Хордадбех 22, 23, 255, 277, 286 Иешу Стилит 219, 220 «Илиада»
 50, 315 Иоанн Драсханакертский 20 Иоанн Католикос 15

- Иоанн Мамиконян 15 220, 221. 221, 251, 276, 307—309.
 Иосиф Флавий 10. 117, 125—127. 312, 313, 315, 344
 274 Мукаддаси 23, 179, 278, 280
 Ипполит Портский 10 Мукаффа 22
 Ипсикрат 49 Мхитар Айриванкский 14. 20. 217
 Пстахи 22, 23, 178, 179, 181, 182. Мхитар Анийский 14
 255, 282, 310 Мхитар Гош 16
 Историки Александра 53, 54
 История Вахтанга Горгасала» 21 Надписи албанские 330—339
 Надписи пехлевийские в Дербенте
 Казвини Захария 261, 281 346—353
 Капитолин Юлий 11, 133, 134. Надпись греческая в Беюк-Дегне
 308 339-342
 Картлис Цховреба («Летопись Картли») Надпись латинская у горы Беюк-
 21, 254, 255 Даш 342—346
 Кассий Дион 10, 92—102, 107, 112. Надпись пехлевийская в Накш-и-
 123, 130. 131, 151, 274 Рустеме 70, 134, 135, 136
 Касторий, карта 31 «Одиссея» 67
 Киракос Гандзакский 14, 20. 19, Орбелян Стефан
 Клитарх 92 Оросий Павел 11, 104
 Книга Большому Чертежу» 255
 «Книга посланий» 309 Патрокл 8, 41—46, 56—60, 106, 140,
 Константин Багрянородный 5 147
 Корюн 16—18, 307 Петр Патрикий 187
 Ксифилин 130 Петрос Сюнийский 15
 Кудама 23. 281, 283 Плиний Старший 9—11, 26. 30, 32.
 39, 40. 42. 44—48, 50, 54—57.
 Лазарь Пароский 18. 201, 203—205. 108, 121 — 123, 125, 126 137 138
 207, 209, 218-220, 271 142 194, 253, 254, 307
 Левонд 19, 248, 249, 273. 274. 277. Плутарх 9.' 10, 42, 43, 47, 49, 88
 286 89. 90—99, 101 — 103, 105, 106.
 Леонтий Мровели 21 108—112. 148, 307
 Ливий, см. Тиг Ливий Помпоний Мела 10
 Лукан 2/4, 275 . Посидоний Родосский 8
 Приск Панийский 216
 Малала 220, 222 Прокопий Кесарийский 193. 220.
 Марин Тирский 10, 57, 58, 140 230, 276
 Марцеллин, см. Аммиан Марцеллин «Псевдокорюн» 17, 307, 308
 Масуди 23, 269, 270, 278, 281. 283. Птолемей 10, И, 19, 21, 24 20—28.
 284, 286, 333 30, 31, 33, 38, 39, 43, 46, 48, 57.
 Мемион 90 84, 137—142, 193, 262. 263, 267,
 Менадр Протектор 231, 232 275, 307
 Метродор Скепсийский 49
 Моисей Дасхуранский 16 Рукопись арм. XV в. (Матенадаран,
 Моисей Каланкатуйский 11 — 17. № 7117) 311, 312
 23, 31, 72, 79, 82, 142, 144—146. Рукопись арм. 1535 г. («Роман об

178, 180—182, 184—191, 194— Александре») 310, 311
197, 200, 201, 203, 206—210, 213.Рукопись арм. XVI в. (собр. X.
215—217, 221—231, 233—236. Курдиана) 311
238—254, 263, 264, 266, 270, 271.Рукопись Туманского» (Худуд аль-
273, 276, , 278, 285—297, 304. Алам) 28, 253
303, 309, 312—315, 329, 330

Моисей Корейский 4, 14, 15, 17—20. Светоний 10, 123, 128, 274, 344
26, 40, 46, 48, 125, 144—146, Себеос 19, 135, 218, 220', 232, 233.
187—191, 195—197, 199. 200. 236—241. 245, 247, 347 .

Древние авторы и литературные источники

- Солин Юлий 10, 54, 60, 61, 77 Спартиан Элий 11, 130, 131 Стефан
Византийский И Стефан Орбелян, см. Орбелян
Стефан Сюзийский 314, 315
Стилит, см. Иешу Стилит
Страбон 7—9. 26, 29, 30, 32, 39. 41 — 51, 53, 56—61, 67—75, 77, 83—86. 89. 91—
93, 96, 105, 106, 111, ИЗ, 114, 143, 144, 146, 147, 149—157, 178, 194, 253, 260,
302, 306
Страбонова Хрестоматия 70, 72
Сумбат, см. Хроника Сумбата
- Табари 22. 186. 219, 224, 278,
279 Тацит 7, 10, 115-119, 121 — 125,
274, 275 Тит Ливий 9, 91, 92. 94, 104 Трог Помпей 7
- Ухтанес 20, 132
- Фавст Бузанд 15, 17. 187, 188, 190— 192, 194—197, 199, 200, 214, 251, 265,
272, 313 Феофан Византийский 220
Феофан Митиленский 8, 9, 43, 47, 49. 60, 67, 106, 140, 253
Феофилакт Симокатта 193
Фест 129
Флавий Вописк 136
Флавий Иосиф, см. Иосиф Флакк, Валерий 77 Флегон Тралльский 90
Флор 10, 104, 105, 107 — 109, 112 Фома Арцруни, см. Арцруни Фроптин
Юлий 10, 100, "101
- Хилаль ас-Саби 278, 281, 282, 286 Хроника Сумбата 33, 241, 293 Худуд
аль-Алам («рукопись Туман-ского») 23, 28, 253
- Шапух Багратуни 15 Шерефеддин Иездский 255 Ширакам Анания
19
- Элиан 75, 76, 78, 83, 86 Элий Гордиан см. Гордиан Элий Сиартиан, см.
Сиартиан Эратосфен 43, 44, 56, 57, 58. 6S
- Юлий Африкан 188
Юлий Капитолии, см. Капитолии
Юстин 10
- Якуби 22, 333 Якут 179

- Абегян М. 14. 17-19, 238, 307, 309,
 314 Абрамян Ашот 19, 337. 339 Абуладзе И. В. 310, 337 Аганян Г. 12 Агаян
 Э. 315 Адониц Н. Г. 16, 110, 152. 157, 187,
 213. 314 Алекперов А. 159, 166 Алекперова И. А. 70 Алиев К. Г. 148
 Альтман М. М. 13, Аморанашвили А. И., см. Болтунова Анвиль (J
 d'Anville) 137 Андреас (F. K. Andreas) 143 Аракелян Б. II. 33, 81, 88. 148,
 171.
 209. 318 Арendonк (K. Agedonk) 22, 277 Артамонов М. И. 15, 239, 241,
 278,
 279, 284, 301 Арутюнян В. XI. 303 Асланов Г. М. 35, 30, 155, 170 172.
 181, 182, 184. 341 Ахмедов Г. М. 30, 08, 79, 159 Ачарян Р. 311
 Ашурбейлв С. Б. 38
- Бабамян, архиепископ, составитель
 списка рукописи 13 Бадер О. Н. 318 Бакиханов, Абас-Кули-ага
 (Кудси)
 4, 5, 20, 202, 203; 275 Бакланов Н. Б. 2/9 Барановский П. Д. 298, 299, 302
 304 Барбье (Barbier) 29 Бартоломей 347 Бартольд В. В. 7. 22—24. 29.
 30,
 33, 53, 120. 140. 235, 251, 253.
 255, 200, 275, 278—283, 280. 547 Бархударян М. 28, 337
- Бахман (W. Bachmann) 319
 Башкирии А. 02 202. 204
 Бежанов М. 47
 Беккер (С. И. Becker) 22 Бенвенистее (XI. Benveniste) 135
 Берг Л. С. 281
 Бергер (Berger) 8
 Берегши 11. И. 280, 882, 283, 301, 310
 Бобрийский А. А. 311, 324
 Болтунова А. II. 32. 114, 153, 341
 Борэ. 12, 14
 Вроксльман (С. Brockelmann) 23
 Броссэ XI. 12, 20. 132, 197, 214, 217.
 254 Бунятов Т. А. 08. 71. 75. 77. 70 Бэйис (X. Waynes) 17 Бэр (K.
 Ваг) 13
- Вайдов Р. М. 30, 69, 80, 108, 290.
 310. 335. 350. 339, 341 Вейнхольд (И. Weinhold) 40
- Гуворгян XI. А. 17 Гизингер (K. Gisinger) 5/ Гиршман (R. Ghirshman)
 02
 Гмелпн С. Г. 283
 Голубкина Т. II. 35. 64, 75, 80, 81,
 102, 105. 322. 323, 325, 326, 330 Горчакова П. Г. 2/2 Граков Б. Н.
 116 Григорян С. Г. 342 Гуммель И. II. 70—72, 166—168,
 320, 323
- Дадян Х. 13, 40 Даусетт (С. J. F. Dowsett) 40 Делуга (P. Delougas) 320

Джафраде П. М. 31, 337, 343 Дирингер (D. Diringer) 312 Дорн Б. 27, 28, 39.
137, 141. 182, 253, 281, 334

Исследователи и путешественники

- Друэн (K. Drouin) 347
Дьяконов И. М. 144
Дьяконов И. М. 324
Дэбвойс (N. C. Debevoise) 130
Дюмезиль (J. Dumezil) 293
Ельницкий Л. А. 342
Еремян С. Т. 17. 31—34. 48, 73.
84, 87. УЗ. 96, 106. 125, 126, 137,
138. 141. 143, 144, 150. 173. 184,
192, 200, 202, 207. 209, 213. 219.
233. 235. 239, 241. 250, 251, 261,
264—267, 2i 9, 284. 2S5. 293,
Жузе П. К. 245
Засыпкин Б. П. 27S
Ивашенко М. М. 157
Иессен А. А. 38, 71. 71. 79. 157, 159,
205—207
Измайлова Т. А. 31S
Ингороква П. 338
Иоаннесов П. 18
Иоаннисян Д. 1. 33. 88, 209
Ноне Г. 11. 36, 63. 74, 80, 91. 148.
157. 104. 171
Исаков М. 262
Исмизаде О. М. 37. 62, 158, 159, 90, 93, 90. 116. 118. 124 126.
173. 201
Казем-Бег мирза 2 0 277, 287
Казнен С. М. 3, 5. 50. 63, 04, 08. 69,
71. 72. 75. 80, 82. 84, 85, 91, 148.
155. 159, Ю2. Ю4, 1H5, 168. 169, 123. 124, 120. 132. 201, 214. 210.
181. 182. 228. 257. 258, 301. 318. 231, 232. 270. 285
335, 353. 330
Кальниг-Михайловская Л. Д. 304
Кантемир Л. 340
Карамяц 11 310
Караулов И. А. 23, 129. 178 -180.
255. 209. 231, 283
Кречмер (K. Kretschmer) 47
Кристенсен (A. Christensen) 1.12,
130, 222, 277
Крузе Ф. 24—26
Крупное К. И. 174, 184
Крымский А. Е. 28—30, 137. 141.
142, 151, 155, 254—2513. 261
Кулаковский Ю. 275
Курдиан (H. Kurdian) 311
Кюнель (E. Kuhnel) 3124
Лабур (.1. Labourt) 222
Лавров Л. И. 47
Лагард (P. Lagarde) 193
Лалаяу Е. А. 158, 256
Ланглуф (V. Langlois) 17, 18. 193.
214. 218
Латышев В. В. 105. 112., 133, 140.
142. 148. 152. 156, 192, 340, 341
Левиатов И. П. 34. 54. 70. 73, 70.
78. 82, 83. 107, 120-128. 275.
320. 323. 332
Лерхе И. И. 208—272
Ломтатидзе Г. А. 170
Лунин Г. 11. 227
Малхасян Ст. 19, 233
Манандян Я. А. 13, 17, 44. 84. 88.
159, 90, 93, 90. 116. 118. 124 126.
151—153. 309
Манзель (A. M. Mansel) 303
Маннерт (Mannert) 29, 38, 39, 137
Мариг (A. Maricq) 75. 135. 130
Маркварт (I. Marquart) 19, 39. 106.
123. 124, 120. 132. 201, 214. 210.
231, 232. 270. 285
Марр Н. Я. 5. 17. 31. 330, 337
Мацулевич Л. А. 177, 318
Меликсет-Бек Л. М. 21. 38, 193.,
312, 337
Мель Г. К. 272
Мерлин (D. Merlin) 345

Кафадарян К. Г. 302
 Кемпфер (E. Kämpfer) 208
 Кинжалов Р. В. 340
 Кислинг (Kiessling) 57, 275
 Клапрот Г. П. 30
 Клементьев К. А. 34
 Ковалевский С. д. 274, 281». 28:1
 Комаров А. В. 279. 280. 337. 338
 Корганов Ф. 312
 Котович В. Г. 33. 203
 Кох (K. Koch) 260
 Крамере (I. 11. Kramers) 23
 Крачковский П. Ю. 22
 Мещанинов И. И. 71
 Минкевич-Мустафаева П. В. 36,
 38, 82
 Минорский В. Ф. 21, 255, 350
 Митина 11. 1). 155, 184
 Михаэлс (H. Michaelis) 322
 Мищенко Ф. Г. 7
 Моммсен (Th. Mommsen) 27, 93, 107.
 111, 112. 114, 110. 117, 121, 123-
 125, 134
 Морган (J de Morgan) 32(i
 Мустьфаев И. Д. 69
 Мюллер (K. Muller) 140, 193

Исследователи и путешественники

Шпренглинг (M. Sprengling) 134
 Шур (W. Schur) 125
 Щеблыкин 11. П. 258—260,
 268, 271, 272, 296
 Эйхвальд К. 29, 38, 39, 137, 279
 Экхарт (K. Eckhardt) 90
 Эмин Н. О. 4, 12—14, 18
 Эндерсон (T. G. Anderson) 125
 Эрдман (K. Erdmann) 134, 135
 Эфендиев Р. 34, 256, 260, 261, 263
 Юсти (F. Justi) 348, 349
 Юшков С. В. 29—31, 38, 140, 175
 Якоби (E. Jacoby) 8
 Якобсон А. Л. 259
 Яковлев Н. В. 337
 Якубовский А. Ю. 14
 Ямпольский З. И. 16, 37, 110, 137,
 152. 153. 177, 341, 343, 345
 Яновский А. 26—28, 30, 34, 39, 49,
 139—141, 253—256, 258.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЗКОМСТАРИС — Комитет по охране памятников старины и искусства Азербайджана.
- ВДИ — Вестник древней истории.
- ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
- ДАК — Дело Археологической комиссии.
- ДАН — Доклады Академии наук.
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
- ЗВО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества.
- ЗИВ — Записки Института востоковедения АН СССР.
- ИАК — Известия Археологической комиссии.
- ИАН — Известия Академии наук.
- ИВ АН СССР — Институт востоковедения АН СССР.
- ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
- ИИМК — Институт истории материальной культуры.
- ИРАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры.
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
- МАК — Материалы по археологии Кавказа.
- МАР — Материалы по археологии России.
- Миа — Материалы и исследования из археологии СССР.
- МИ Азерб. — Материалы по истории Азербайджана.
- МКА — Материальная культура Азербайджана.
- ОАК — Отчеты Археологической комиссии.
- СА — Советская археология.
- СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.
- ТОВЭ — Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа.
- ТрАС — Труды Археологического съезда.
- ТрГИМ — Труды Государственного исторического музея.
- ХВ — Христианский Восток.
- SOS — Bulletin of the School of Oriental Studies.
- FHG — Encyclopedic de l'Islam.
- PWK — Fragmenta historieorum graecorum.
- ZDMG — Pauly-Wissowa—Kroll Realen. cyclopaedie der klassischen Altertumswissenschaft.
- ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.	
Введение	3	
Источники и литература		
Греческие и латинские источники	7	
Армянские источники	11	
Грузинские и сирийские источники	21	
Арабские географы	22	
Обзор литературы о Кавказской Албании	24	
Албания в IV—II вв. до н. э.		
Природа и население	41	
Основные исторические факты	50	
Памятники материальной культуры	61	
Албания в период от I в. до н. э. до III в. н. э.		
Природные богатства в занятия населения	87	
Вопрос о городах древней Албании	137	
Царь. Войско	144	
Вопросы культа и храмового хозяйства	150	
Памятники материальной культуры	157	
Албания в IV—VII вв.		
Природные богатства и занятия населения	178	
Политическая история		
Вопрос о городах раннесредневековой Албании	250	
Оборонительные стены. Дербентские укрепления	267	
Военно-феодальный быт	287	
Христианство и другие культы		
292		
архитектура (христианские храмы)		306
Памятники искусства	315	
Эпиграфические памятники		
Албанские надписи	335	
Греческие, и латинские надписи	309	
Пехлевийские надписи	340	
Заключение		
Таблицы		
Список таблиц	358	
Указатели		
Собственные имена	359	
Географические и этнические названия	364	
Указатель предметный	374	
Древние авторы и литературные источники	383	
Исследователи и путешественники	386	
Список сокращения	390	